

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1859.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

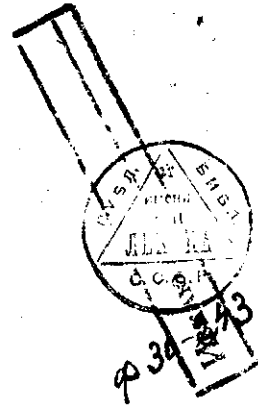
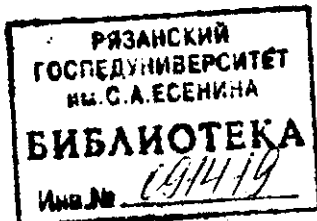
ЖУРНАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

70687

ЧАСТЬ СІУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1859.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1859 ГОДА.

33. (3 августа) *О назначеніи военныхъ врачей въ университетскія и академическія клиники съ научною цѣлію.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу окончательныхъ соображеній относительно ежегоднаго назначенія военныхъ врачей на годичный срокъ въ университетскія и академическія клиники, съ научною цѣлію, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Число способнѣйшихъ врачей, которыхъ Высочайшимъ положеніемъ 29 января 1859 года предоставлено ежегодно пзбирать военно-медицинскому департаменту изъ войскъ и госпиталей, для научнаго усовершенствованія и преимущественно практическаго спеціальнаго образованія, должно быть не свыше 20 человекъ; посылать ихъ съ этою цѣлію въ ближайшіе къ мѣсту ихъ служенія университеты: Московскій, Казанскій, Харьковскій, Кіевскій и Дерптскій и въ С. Петербургскую медико-хирургическую академію.

2) Выборъ сихъ врачей долженъ основываться исключительно на непосредственныхъ представленіяхъ медицинскому департаменту ближайшаго ихъ медицинскаго начальства, съ личною отвѣтственностію послѣдняго.

3) Избранные врачи ежегодно прибываютъ въ университеты въ началѣ августа, а въ медико-хирургическую академію — въ концѣ того мѣсяца, т.-е. въ открытію тамъ учебныхъ

курсовъ, и прикомандировываются къ клиникамъ, находясь въ главномъ вѣдѣніи совѣтовъ университетовъ и конференціи академіи и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ клиническихъ профессоровъ.

4) Врачи эти ежегодно представляютъ военно-медицинскому департаменту отчетъ о своихъ занятіяхъ, съ изложеніемъ учено-критическихъ сужденій и выводовъ. Въ-теченіе годичнаго срока пребыванія въ клиникахъ, тѣ изъ нихъ врачей, которые не имѣютъ высшей ученой степени, обязаны выдержать экзаменъ на степень доктора медицины.

5) По окончаніи-же этого срока, совѣты университетовъ и конференція академіи, на основаніи отзывовъ клиническихъ профессоровъ, сообщаютъ военно-медицинскому департаменту свѣдѣнія о способностяхъ, ученомъ направленіи, прилежаніи и успѣхѣ занятій каждаго изъ нихъ врачей, для представленія отчета о томъ военному министру и для разрѣшенія относительно отправленія ихъ или къ штатнымъ своимъ мѣстамъ, или-же къ новымъ должностямъ, судя по успѣхамъ ихъ и способностямъ. Вышеномянутый годичный срокъ можетъ на нѣкоторое время быть продолженъ только съ разрѣшенія военнаго министра, и то по самымъ уважительнымъ причинамъ.

6) Медицинскій департаментъ долженъ вести отдѣльные списки этимъ врачамъ, слѣдить за дальнѣйшею ученою дѣятельностію ихъ и имѣть ихъ въ виду, для замѣщенія на открывающіяся высшія вакансіи.

7) Дабы облегчить врачамъ, командированнымъ въ клиники, не стѣсняемое недостатками на учебныя пособія, безпрепятственное выполненіе той ученой цѣли, для которой они предназначаются, имъ предоставляется получать: а) при отправленіи ихъ въ университеты и академію, и обратно къ штатнымъ мѣстамъ или-же къ новымъ должностямъ, прогоны отъ комиссаріата, на общемъ положеніи; б) во все время дѣйствительнаго нахожденія ихъ при клиникахъ, въ-теченіе годичныхъ университетскихъ и академическихъ курсовъ, порціонныя денѣ-

га по 1 руб. въ день, съ производствомъ сихъ денегъ, по окончаніи каждаго мѣсяца, изъ государственнаго казначейства, по требованію военно-медицинскаго департамента, по существующему нынѣ порядку, и, сверхъ-сего, въ то штатное содержаніе, какимъ они пользовались на мѣстѣ — при штатныхъ своихъ должностяхъ. Врачи, за время нахожденія ихъ при клиникахъ сверхъ годичнаго академическаго и университетскаго курсовъ, не имѣютъ права на полученіе помянутыхъ порціонныхъ денегъ.

8) Врачи, за пребываніе ихъ на казенный счетъ въ клиникахъ, обязаны прослужить два года въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.

9) Тѣ медики, которые состоятъ на службѣ въ частяхъ войскъ и госпиталяхъ, расположенныхъ въ мѣстахъ нахожденія университетовъ и медико-хирургической академіи, не получаютъ порціонныхъ денегъ; а медики, служащіе въ окрестностяхъ сихъ учебныхъ заведеній, пользуются только прогонами.

10) Этими правилами замѣняется 3-е примѣчаніе 1-го дополненія къ ст. 404, части IV книги III *Свод. воен. пост.*, по 8-му продолженію.

34. (2 сентября) *Объ устройствѣ при клиникѣ Харьковскаго университета отдѣленія гальвано-магнитныхъ леченій, подѣ названіемъ «Маньковскаго».*

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть: устроить и содержать при клиникѣ Харьковскаго университета, на-счетъ пожертвованнаго вдовою титулярнаго совѣтника *Манько* капитала, особое отдѣленіе гальвано-магнитныхъ леченій подѣ названіемъ: *Маньковскаго*, а г-жѣ *Манько* за пожертвованіе объявить отъ Имени Его Величества Высочайшую благодарность.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

на имя товарища министра народного просвѣщенія, тайнаго совѣтника *Муханова*.

Господинъ тайный совѣтникъ *Мухановъ!* Долговременная и полезная служба ваша и особые труды, понесенные вами въ текущемъ году по управленію министерствомъ народного просвѣщенія, въ отечтствіе министра, при другихъ важныхъ занятіяхъ, доверіемъ Моимъ на васъ возложенныхъ, пріобрѣли вамъ право на особенное Мое вниманіе. Пылявая вамъ за такую дѣятельность вашу Мое благоволеніе, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

8 сентября 1859 г.

С. Петербургъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОЗВОЛИТЬ ОТДАТЬ

ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛѢДУЮЩЕ:

ПРИКАЗЫ:

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

№ 34.

2 сентября 1859 года.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Ординарный профессоръ гражданскихъ законовъ Царства Польскаго при Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, статскій совѣтникъ *Кржижановскій* — членомъ совета народного просвѣщенія и визитаторомъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа.

УВОЛНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный попечитель Бѣлоцерковской гимназій, графъ *Браницкій* — на шесть мѣсяцевъ.

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Пензинскаго — коллежскій ассессоръ *Сабуровъ* и Кромскаго — коллежскій секретарь *Ржевскій*, первый на 28 дней, а послѣдній на четыре мѣсяца.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Ректору Императорскаго С. Петербургскаго университета, тайному совѣтнику *Шетневу* — по первое сентября сего года.

Почетному смотрителю училищъ Волковыскаго уѣзда, титулярному совѣтнику графу *Чапскому* — на два мѣсяца.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

№ 35.

8 сентября 1859 года.

ПРОИЗВОДЯТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники — статскіе совѣтники: бывшій инспекторъ упраздненнаго главнаго педагогическаго института *Тихомандрицкій* и бывшій ординарный профессоръ того-же института *Воскресенскій*.

Въ титулярные совѣтники: помощникъ редактора С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ вѣдомостей и корректоръ ученыхъ изданій Императорской академіи наукъ, коллежскій регистраторъ *Дѣве*.

**ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОВОЛЕНІЕ:**

Почетному попечителю Виленскихъ дворянскаго института и гимназій, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, титулярному совѣтнику графу *Пляттеру* — за принятое имъ на себя обязательство воспитывать на свой счетъ въ Виленской гимназій 21 ученика изъ дворянъ Виленской губерніи, въ-теченіе всего времени пребыванія его въ должности почетнаго попечителя.

№ 36.

8 сентября 1859 года.

ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Въ статскіе совѣтники — коллежскій совѣтникъ, помощникъ попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, князь *Вяземскій*, съ оставленіемъ въ званія камеръ-юнкера.

ВЪ МОСКВѢ,

№ 37.

12 сентября 1859 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Почетными попечителями гимназій: Вольнской — состоящій нынѣ въ этой должности, дворянинъ *Крашевскій* и Ровенской — князь *Любомирскій*, по выборамъ, на трехлѣтіе.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Вдовѣ титулярнаго совѣтника *Манько* — за пожертвованіе капитала 28,000 руб. сер. на учрежденіе при клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета завсденія гальвано-магнитныхъ леченій.

Подписалъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

НАГРАЖДЕНЪ:

Империальскій крестомъ.

Законоучитель Кадниковскаго уѣзднаго училища, священникъ *Стефанъ Кубеницкій.*

Объявлена Высочайшая благодарность.

Профессору Лейпцигскаго университета *Тинендорфу* — за приобретенныя имъ, по порученію Русскаго правительства, въ восточныхъ странахъ рукописи (2 сентября).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1859 ГОДА.

П Р И К А З Ы

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

№ 21.

8 сентября 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — надворный совѣтникъ баронъ *Розенъ*.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Предводитель дворянства Бѣлгородскаго уѣзда, коллежскій ассессоръ князь *Салтыковъ* — почетнымъ смотрителемъ Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ *Строковъ* — почетнымъ смотрителемъ Севастопольскаго уѣзднаго училища.

Канцелярскій чиновникъ С. Петербургской таможи, коллежскій секретарь *Звѣрковъ* — почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Андреевскаго училища, съ оставленіемъ на службѣ при настоящей должности.

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета, князь *Ширинскій-Шиллатовъ* — почетнымъ смотрителемъ Обоянскаго уѣзднаго училища.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Коллежскіе совѣтники, исправляющіе должность директоровъ: училищъ Самарской губерніи — *Ангерманъ* и второй Казанской гимназіи и училищъ тамошней губерніи — *Имшенникъ* — въ настоящихъ должностяхъ.

Исправляющій должность адъюнкта Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ педагоги *Тихонравовъ* — исправляющимъ-же должность адъюнкта сего университета по кафедрѣ Русской словесности и исторіи Русской литературы, съ увольненіемъ отъ занимаемой нынѣ кафедры.

Адъюнктъ хирургическаго отдѣленія госпитальной клиники Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Поповъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того-же университета по кафедрѣ хирургической госпитальной клиники.

ПЕРЕМѢЩАЕТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ Тамбовскаго дворянскаго депутатскаго собранія, коллежскій регистраторъ *Рубецъ* — почетнымъ смотрителемъ Тамбовскаго уѣзднаго училища.

УВОЛНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поль* — съ званіемъ заслуженнаго профессора и съ мундиромъ, должности присвоеннымъ, и почетный смотритель Усманскаго уѣзднаго училища, штабсъ-капитанъ *Безобразовъ* — оба по прошеніямъ.

Почетный смотритель Кронштадтскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Павловъ* — по болѣзни.

Указами правительствующаго сената произведены при отставкѣ:

1) *Отъ 4 августа 1859 г. за № 95*, коллежскіе ассессоры, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Тимскаго — *Арцы-*

бушевъ и Ново-Московского — *Милко* — въ надворные совѣтники.

2) *Отъ 18 августа за № 106*, бывшіе почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Сергачскаго — надворный совѣтникъ *Класенъ* — въ коллежскіе совѣтники и Тамбовскаго — титулярный совѣтникъ *Коваленковъ* — въ коллежскіе ассессоры.

По сему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. Уст. о служб. по опред. отъ прав. (изд. 1857 г.).

№ 22.

7 сентября 1859 года.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ по Русской словесности — директоръ второй С. Петербургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Вороновъ*, на три года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Членами того-же комитета на три года — состоящіе нынѣ въ этихъ должностяхъ: по новой филологіи — директоръ Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ* по древней филологіи — экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Штейнманъ* и по математическимъ наукамъ — экстраординарный профессоръ того-же университета, статскій совѣтникъ *Чебышевъ*.

УВОЛЬНЯЮТСЯ:

Отъ должности членовъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ: ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Симашко*.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Варнекъ* — по болѣзни, на четыре мѣсяца.

ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ УМЕРШІЕ:

Директоръ училищъ земли войска Донскаго, полковникъ *Поповъ* 5-й и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Островскій*.

№ 23.

21 сентября 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ, коллежскій ассессоръ *Видеманъ*.

ОПРЕДЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Бабанинъ* — почетнымъ смотрителемъ Суджинскаго уѣзднаго училища.

УКАЗАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

1) Отъ 25 августа 1859 г., за № 107, произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ:

Въ статскіе совѣтники:

Отдѣльный цензоръ въ Дерптѣ, коллежскій совѣтникъ Александръ *Дела-Кроа*, съ 12 декабря 1858 года.

Въ губернскіе секретари:

Канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Александръ *Кедровъ*, съ 9 января 1859 года.

2) Отъ 25 августа 1859 г., за № 111, произведенъ въ титулярные совѣтники, при отставкѣ, бывшій почетный смотритель Зміевского уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Михаилъ Павловъ.

3) Отъ 25 августа 1859 г., за № 112, утвержденъ въ чинъ коллежскаго секретаря чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи Александръ Горбуновъ — по степени кандидата Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 7 февраля 1859 года.

4) Отъ 25 августа 1859 г., за № 113, переименованы:

Въ коллежскіе секретари:

Почетный смотритель Тимскаго уѣзднаго училища, отставной капитанъ арміи Александръ Рыжковъ — соотвѣтственно прежнему его военному чину штабсъ-капитана.

Въ губернскіе секретари:

Почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Рыльскаго — отставной штабсъ-ротмистръ арміи Михаилъ Суходоловъ, Львовскаго — отставной поручикъ арміи Михаилъ Машкинъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной подпоручикъ арміи Викторъ Калачевъ, Суходоловъ — соотвѣтственно его прежнему военному чину поручика, Машкинъ — соотвѣтственно означенному его военному чину и Калачевъ — по степени дѣйствительнаго студента Императорскаго Московскаго университета.

5) Отъ 31 августа 1859 г., за № 116, произведенъ, при отставкѣ, въ титулярные совѣтники — бывшій почетный смотритель Бѣлгородскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Тривимъ Бленигинъ.

6) Отъ 31 августа 1859 г., за № 117, утверждены со старшинствомъ:

Въ чинъ надворнаго совѣтника:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Филиппъ *Овсянниковъ* — по настоящей должности, съ 11 сентября 1858 г.

Въ чинъ коллежскаго ассессора:

Адъюнкты: того-же университета Робертъ *Лингелъ* и бывший главный педагогическаго института Константинъ *Скворцовъ* — оба по означеннымъ должностямъ, первый — съ 24 октября 1858 г., а послѣдній — съ 28 апрѣля 1859 года.

Въ чинъ титулярнаго совѣтника:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Орестъ *Миллеръ* — по степени магистра Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 30 апрѣля 1859 года.

Въ чинъ коллежскаго секретаря:

Причисленный къ тому-же министерству Георгій *Богусевичъ* — по степени кандидата Императорскаго С. Петербургскаго университета, съ 5 мая 1859 года.

7) Отъ 31 августа 1859 г., за № 118, переименованъ въ коллежскіе секретари — опредѣленный почетнымъ смотрителемъ Орловскаго (Вятской губерніи) уѣзнаго училища, отставной поручикъ корпуса лѣсничихъ Петръ *Климовъ*, соотвѣтственно означенному его военному чину.

Посему предписывается сдѣлать распоряженіе согласно 584 и слѣд. ст. III тома *Св. Зак. уст. о службѣ по опред. отъ прав.* (изд. 1857 г.).

УВОЛНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Ориатскій* — согласно прошенію, по болѣзни.

УВОЛНЯЮТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій совѣтникъ *Андріевскій-Александровичъ* — въ Московскую, Рязанскую и Тульскую губерніи, на три мѣсяца, и надворный совѣтникъ *Лохвицкій* — въ Одессу, на два мѣсяца.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКОВЪ:

Умершій помощникъ цензора Одесскаго ценсурнаго комитета, коллежскій ассессоръ *Карейша*.

№ 24. 30 сентября 1859 года.

ОПРЕДЪЛЯЮТСЯ:

Въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію: членъ и ученый секретарь главнаго медицинскаго совѣта Царства Польскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Яниковскій* — ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, съ порученіемъ должности ученаго секретаря, и докторъ медицины и хирургіи Берлинскаго университета *Гойеръ* — адъюнктомъ по кафедрѣ физиологіи.

Изъ отставныхъ: гвардіи поручикъ *Бурцевъ* и подпоручикъ графъ *Толстой* — почетными смотрителями уѣздныхъ училищъ, первый — Муромскаго а второй — Сергачскаго.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ по исторіи и географіи — экстраординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Стасюлевичъ*, на три года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Дѣйствительные статскіе совѣтники, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго —

Брашманъ и Казанскаго — *Елачичъ*, въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

Исправляющій должность директора училищъ Орловской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Малиновскій* — въ настоящей должности.

Доцентъ по кафедрѣ анатоміи въ Императорской и Царской Варшавской медико-хирургической академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Корженевскій* — адъюнктомъ по той-же кафедрѣ.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа, коллежскій регистраторъ *Протопоповъ* — почетнымъ смотрителемъ Казанскаго уѣзднаго училища.

Подписаль: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

И Д Е Я.

(Окончаніе).

Міросозерцаніе Спинозы условлено его стремленіемъ построить философію по методѣ математической. Когда математикъ построяетъ кругъ изъ вращенія линіи около неподвижнаго пункта, то здѣсь причина круга имманентна самому кругу: поэтому здѣсь невозможно различіе между сущностію и явленіемъ; здѣсь опредѣленія всегда падаютъ въ то, чего они суть опредѣленія. У Спинозы міръ подобнымъ образомъ не есть нѣчто внѣ божественной субстанціи; въ истинѣ существуетъ только эта субстанція и ея вѣчныя опредѣленія, которыя впрочемъ, какъ такія, а не инныя, снимаются въ ея безусловномъ единствѣ. Въ созерцаніи Спинозы міръ есть какъ-бы спокойная геометрическая величина, безъ движенія, безъ развитія, безъ жизни; все въ этомъ мірѣ тихо, мертвенно; жизнь всего міра, какую мы знаемъ, принесена здѣсь въ жертву Богу. Всемогущая сила субстанціи все охватываетъ, все смыкаетъ, не давая существамъ природыдохнуть собственной жизнью и испытать радости и скорби самобытнаго развитія. Если матеріализмъ мыслитъ дѣйствительность, какъ безусловный потокъ, не сдерживаемый и не управляемый идеей: то для Спинозы эта дѣйствительность есть безусловный покой, который уже поэтому не нуждается въ сдерживающей и управляющей идее. Кто станетъ говорить объ идеѣ круга? Кругъ въ своемъ покойномъ существованіи заключаетъ все, что принадлежитъ къ его понятію; онъ не можетъ ни развиваться, ни усовершенствоваться, онъ не нуждается въ

идея, которая определяла-бы его развитие. Такимъ образомъ въ истинѣ Спиноза отрицаетъ самое понятие идеи. Въмѣсто вѣчнаго бытія атомовъ, о которомъ говоритъ матеріализмъ, онъ изъясняетъ явленія изъ *физической* силы безконечной субстанции. Но для изъясненія дѣйствительности все равно, будетъ-ли эта физическая сила принадлежать одной нераздѣльной субстанции, или-же она будетъ раздѣлена между множествомъ вѣчныхъ субстанцій: то и другое предположеніе ведетъ къ строго-механическому міросозерцанію. Этотъ отрицательный исходъ философіи идеализма есть не единственное явленіе въ исторіи философіи; намъ придется еще разъ встрѣтить мыслителя, который, выступая изъ идеи, приходитъ въ невольномъ діалектическомъ движеніи къ ея отрицанію. Будемъ однако слѣдить за опредѣленіями идеи внутри Картезіанской школы.

Мильбраншъ уклоняется отъ рѣшительныхъ выводовъ Спинозы, прибѣгая къ христіанскому ученію о *благодати*, которымъ изъясняется для него совмѣстность міра и конечнаго духа съ безпредѣльностью и неограниченностью божественнаго существа. Затѣмъ онъ уже не боится мыслить все тѣла существующими въ божественной безпредѣльности, всехъ духовъ содержащими въ божественномъ духѣ. Богъ есть мѣсто міра: Его духъ — мѣсто духовъ; Его безпредѣльность — мѣсто тѣлъ; Его вѣчность — мѣсто времени: въ Богѣ живемъ, движемся и есмы. Посему въ то время, какъ намъ кажется, что мы видимъ чувственными глазами вещи внѣ насъ существующія, солнце и звѣзды на небѣ, растенія и животныхъ на землѣ, въ дѣйствительности мы видимъ все это, все вещи въ Богѣ, какъ ихъ подлинномъ мѣстѣ. Наше отношеніе къ Богу есть первоначальное и непосредственное. Чтобы мы ни познавали и къ чему-бы мы ни стремились, мы познаемъ всегда только Бога, мы стремимся всегда только къ Богу: наша свобода есть блаженная необходимость любить и любить только Бога. Въ этомъ міросозерцаніи идея признается, какъ созерцаемый, противоположный взору ума, предметъ, какъ самая вещь въ ея не поддѣль-

номъ видѣ, существующая въ ея истинномъ мѣстѣ, въ Богѣ. Какъ у Спинозы исчезаетъ представленіе идеи, изъясняющей бытіе, такъ у Мальбранша — представленіе бытія, изъясняемаго идеей. Идея не назначена къ тому, чтобы проливать свѣтъ на другія сущности; она сама есть сущность, есть прямой и ближайшій предметъ нашего познанія: вещамъ, какъ вещамъ, свойственно идеальное существованіе въ Богѣ, и никакое болѣе. Умъ, какъ способность созерцательная, внушаетъ явленіе; онъ относится прямо и непосредственно къ сущности, къ идеѣ. Сообразно съ этимъ Мальбраншъ отрицаетъ всякую натуральную дѣятельность въ вещахъ и натуральную или конечную *причинность*. Богъ есть непосредственный дѣятель и непосредственная причина всѣхъ явленій, движеній и перемѣнъ въ конечномъ мірѣ: понятіе *природы* нужно отнести къ вымысламъ язычества, которые не имѣютъ мѣста въ христіанской философіи. Такъ Спиноза, отрицая идею, и Мальбраншъ, полагая идею, приходятъ къ одному и тому-же заключенію касательно отношенія конечнаго міра къ безконечной божественной субстанціи. Французы имѣютъ, конечно, основаніе, если они называютъ Мальбранша христіанскимъ Спинозою.

Дѣйствительнымъ противникомъ Спинозы былъ Лейбницъ, котораго ученіе о безконечномъ множествѣ субстанцій прямо направлено противъ ученія Спинозы объ одной безконечной субстанціи. Опровергая Локкову теорію эмпирическаго происхожденія идей, Лейбницъ самъ подчиняется ея вліянію и вѣдоизмѣняетъ понятіе о врожденности идей сообразно съ началами внутренняго самоаблюденія и внѣшняго опыта. Идеи врождены духу человѣческому не какъ готовыя формы и опредѣленія, изъ которыхъ дѣйствительно могъ-бы образоваться *мысленный автоматъ*, но какъ предрасположенія и неразвитыя основы мышленія, которое, по всей справедливости, не входитъ въ человѣческую душу отъ внѣшнихъ предметовъ. Такъ-какъ имманентное развитіе идей опредѣляется двумя законами — противорѣчія и достаточнаго основанія, изъ коихъ первый обнимаетъ область

возможнаго, а послѣдній—дѣйствительнаго: то по сему область возможнаго также есть предметъ мысленія (а не воображенія, какъ утверждалъ Спиноза), какъ и область дѣйствительнаго; или категорія возможнаго имѣетъ объективное значеніе, какое вообще свойственно мышленію. И такъ, по необходимости мышленія, мы не можемъ разсматривать дѣйствительность, какъ сплошную, крѣпко-смыкнутую массу бытія, которой некуда двигаться, некуда развиваться: есть область возможности, есть мѣсто движенію, жизни и *развитію*. По указаннымъ законамъ мышленіе развивается въ живомъ взаимодѣйствіи съ опытомъ; разлагая сложное на простое и сводя простое къ разумному единству, мышленіе достигаетъ до сознанія идей вѣчныхъ, т.-е., такихъ, которыя, имѣя основу въ умѣ Божіемъ, сами служатъ основою всѣхъ вещей въ мірѣ. Идеи, которыя мы сознаемъ не во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ, составляютъ содержаніе ума божественнаго. Наши идеи потому совпадаютъ съ дѣйствительностію, что онѣ однородны съ вѣчными идеями, по которымъ божественный умъ создалъ міръ и все въ мірѣ. Человѣческій умъ отличается отъ божественнаго не качествомъ, а степенью и достоинствомъ, какъ капля отъ океана, какъ свѣтъ возмущенный отъ свѣта чистаго и полнаго. Такимъ образомъ признается первенство мышленія надъ бытіемъ, идеи надъ явленіемъ, и для науки происходитъ требованіе повѣрять явленіе идей, или разлагать чувственно-данный предметъ до тѣхъ-поръ, пока онъ не совпадетъ съ неизмѣняемыми законами мышленія.

Сообразно съ этимъ требованіемъ, мы не можемъ признать протяженіе сущностию матеріальнаго міра: потому-что протяженіе, безразличное ко всѣмъ видамъ явленій, не содержитъ достаточной основы для разнообразныхъ формъ и существъ этого міра, и притомъ, какъ сложное и дѣлимое, оно по-необходимости отсылаетъ мысль къ простому и недѣлимому. Не протяженные субстанціи, но простыя и недѣлимыя суть ^{основами} тѣлеснаго міра. Эти субстанціи не могутъ обладать

спокойнымъ, пассивнымъ существованіемъ; въ нихъ должна лежать раскрытая дѣйствительность и неразвитая возможность, какъ начало движенія, жизни и развитія, которое предполагаетъ правящую имъ и предопредѣляющую его идею. Схоластики мыслили дѣйствительность, какъ нѣчто, прибавляемое къ возможности, безъ внутренняго перехода отъ послѣдней къ первой. Такимъ-же образомъ и субстанція въ философіи Спинозы есть нѣчто, существующее непосредственно, безъ внутренняго напряженія и влеченія къ существованію. Въ такомъ качествѣ они не могли обнаруживать себя, какъ субстанція, для этого требуются два условія: во-первыхъ, она должна имѣть противъ себя бытіе, которое она могла-бы отрицать и противъ котораго могла-бы поддерживать и обнаруживать свою самостоятельность, а это предполагаетъ множество субстанцій; во-вторыхъ, она не должна быть ни простая возможность, ни готовая дѣйствительность, но *дѣятельная сила* (*vis activa*), которой свойственно внутреннее стремленіе къ самоположенію, къ переходу изъ возможности въ дѣйствительность. Субстанція есть величина не *экстенсивная*, но *интенсивная*; все ея существо напряженно, состоитъ въ стремленіяхъ и порывахъ. Эти свойства предполагаютъ въ субстанціяхъ два дѣятельныя направленія: положеніе и отрицаніе, дѣйствительность и возможность, бытіе развитое и неразвитое; или — субстанціи свойственна сила расширяющая и сжимающая, движущая и сдерживающая, безконечность и граница, дѣятельность и страданіе. Субстанція есть сила *дѣйствовать* и *страдать*; а такъ-какъ страданіе есть въ истинѣ дѣятельность, только идущая въ обратномъ направленіи, то самая матеріальность вещей, которою обозначается для нашихъ чувствъ страдательное состояніе субстанцій, есть производный феноменъ, условленный дѣятельностію и состояніемъ въ себѣ нематеріальной субстанціи. Безконечное и конечное, положеніе и отрицаніе, дѣйствительность и возможность, безпредѣльность и предѣлъ, не суть такія опредѣленія, которыя были-бы несовмѣстны между со-

бою, какъ это утверждалъ Спиноза; напротивъ, эти опредѣленія составляютъ необходимые моменты всякой субстанціи.

Два вида дѣятельности субстанціи суть въ истинѣ то-же, что въ душѣ представленія и стремленія. Каждая субстанція есть простой духовный индивидуумъ, обладающій представленіями и стремленіями. Къ этой мысли о духовности субстанціи можно притти удобнѣе, рассматривая Картезіанское положеніе: *cogito ergo sum*. Въ этомъ положеніи мышленіе и бытіе, понятіе и воззрѣніе совпадаютъ въ одинъ нераздѣльный актъ. По бытіе, совпадающее здѣсь съ мыслию, есть духовный индивидуумъ, имѣющій способность представленія и воли. Отсюда, вообще, только духовный индивидуумъ, надѣленный представленіями и стремленіями, есть дѣйствительность неподдѣльная, довлѣющая неизмѣняемымъ требованіямъ мышленія. Всѣ другіе виды дѣйствительности, покольку они не тождественны съ мышленіемъ, не суть первоначальныя; они обладаютъ бытіемъ феноменальнымъ. Что значитъ существовать? Что значитъ обладать жизнью?— Объ этомъ мы знаемъ только по нашему внутреннему опыту: мы испытываемъ, мы ощущаемъ существованіе и жизнь; мы познаемъ, мы проживаемъ внутри насъ то, что называется бытіемъ, дѣйствительностію, существованіемъ. И такъ, здѣсь внутри насъ мы находимъ и познаемъ подлинное бытіе: это бытіе есть духъ. Для духа всякое существо должно быть духовно; другой субстанціальности, кромѣ духовной, мы не можемъ сдѣлать предметомъ нашего знанія и мышленія; духъ, какъ духъ, не можетъ, такъ-сказать, войти въ положеніе недуховной, напримѣръ, протяженной субстанціи, онъ не можетъ испытать и познать, что въ ней собственно дѣйствительнаго и жизненнаго. И такъ, будемъ-ли мы познавать существа конечнаго міра, или существо безконечное, вездѣ, по необходимости мышленія, мы должны признать первоначальную сущность, какъ духовный индивидуумъ, обладающій представленіями и стремленіями.

Въ такомъ видѣ представляется дѣйствительность, если по-

нимать ее во свѣтъ идеи, и если отрѣшиться отъ нея то, что сознается нами въ смѣшанныхъ и темныхъ представленіяхъ. Вселенная не есть единая сущность: она есть согласное общество духовъ или душъ; каждое существо живетъ въ ней своими собственными силами; каждый атомъ наслаждается въ ней ощущеніемъ самостоятельной, энергической, внутренней жизни. Какъ субстанція проста или есть *монада*, то внѣшній міръ не можетъ проникать въ нее и стѣснять ея развитіе. Но какъ при этомъ она есть сущность представляющая, то весь міръ содержится въ ней идеальнымъ образомъ. Каждая монада есть живое зеркало вселенной; какъ она отображается во всемъ, такъ все отображается въ ней: въ состояніяхъ этого малѣйшаго атома можно-бы прочесть все прошедшее и будущее міра. Такъ-какъ монада есть наконецъ индивидуумъ, имѣющій особенности, которыхъ нельзя найти въ цѣломъ окружающемъ его мірѣ, то въ каждой монадѣ отражается весь міръ подъ особннымъ угломъ зрѣнія; въ другой монадѣ тотъ-же міръ дѣлается другимъ міромъ: одинъ міръ есть вмѣстѣ безконечное множество міровъ. Это присутствие монады во всемъ мірѣ и всего міра въ монадѣ, это безконечное разнообразіе при совершеннѣйшемъ единствѣ даетъ идею безусловной гармоніи міра и его безусловной цѣли. Не механическіе толчки, не притяженія и отторженія управляютъ судьбами міра, а связи и отношенія всецѣло идеальныя, которыя предполагаютъ совершеннѣйшую цѣлесообразность, существующую въ мірѣ.

Природа представляетъ восходящую лѣстницу живыхъ и одушевленныхъ существъ; каждая новая ступень въ этой лѣстницѣ есть высшее развитіе положительной силы монады и большее ограниченіе силы отрицательной, или каждая новая ступень есть выраженіе большей энергіи, болѣе развитаго состоянія и большей духовности монады. Отъ мнимо-мертваго царства неорганическаго, гдѣ духовная монада какъ-бы погружена въ глубокій сонъ, который не прерывается грезами, до бодрственаго состоянія монады въ человѣческомъ духѣ мы

видимъ постепенное преобъзденіе страдательности, ограниченности и матеріальности въ монадѣ, постепенный переходъ неразвитаго, связаннаго бытія въ развитое и свободное, возможнаго въ актъ, конечнаго въ безконечное. Человѣческій духъ отличается отъ низшихъ существъ тѣмъ, что онъ сознаетъ необходимыя и вѣчныя истины; слѣдовательно на этой ступени монада приходитъ къ своему истинному содержанию; здѣсь она обладаетъ въ развитомъ видѣ тѣмъ, что составляетъ ея существо, какъ и существо всего міра; здѣсь само феноменальное бытіе есть непосредственно бытіе идеальное. Но такимъ образомъ цѣлая система монадъ и постепенное развитіе ихъ до акта и идеальнаго образа существованія предполагаетъ монаду, какъ актъ безусловный, актъ чистый, съ котораго снята всякая ограниченность, всякая страдательность. Такая монада есть Богъ, который, поэтому, мыслится нами, какъ чистый духъ. Въ существѣ Его мы напрасно искали-бы представителя матеріальности и протяженности тѣлеснаго міра. Переходъ отъ конечнаго къ безконечному есть логическое движеніе мысли отъ несовершеннаго къ совершенному,—такъ-что мысль движется при этомъ внутри одного и того-же содержанія, —духовной, дѣятельной монады. Субстанція первоначальная содержитъ эминентно совершенства, заключающіяся въ субстанціяхъ производныхъ. Богъ есть достаточная основа міра, основа его гармоніи и цѣлесообразности. Божественное творчество не противорѣчитъ самобытности монадъ; оно не предполагаетъ перелома или превращенія духовной идеи въ матеріальное бытіе; оно не требуетъ, чтобы идея измѣнилась или стала *инобытіемъ*, чтобы она *отчуждилась* отъ своей собственной духовной сущности, потому-что всякое бытіе въ истинѣ духовно и идеально. Идея, какъ сущность вещи, не подлежитъ произволу или неограниченной волѣ Божіей; метафизическая сущность вещи вѣчна, какъ вѣченъ содержащій ее божественный умъ. Божественная воля ограничивается въ актѣ творчества вѣчными идеями: а идея, чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ

болѣе стремится къ дѣйствительному самоположенію въ бытіи, тѣмъ энергичнѣе полагаетъ она свою *метафизическую* сущность въ дѣйствительность *физическую*. Посему Богъ хочетъ творить и творитъ міръ *наилучшій* изъ возможныхъ. Свобода божественной воли и ея необходимое опредѣленіе чрезъ идею совпадаетъ въ актѣ творчества.

Мы не станемъ входить въ нѣкоторыя неопредѣленности и колебанія, которыя встрѣчаются въ ученіи Лейбница объ отношеніи Бога къ міру. Для насъ замѣчательно рѣшительное значеніе, какое даетъ Лейбницъ идеѣ и идеальному элементу въ составѣ и исторіи міра. Идея есть *метафизическая* сущность вещи; вещь въ своей истинной натурѣ идеальна; она дѣйствуетъ по идеальному началу представленія; она относится къ цѣлому міру идеально. Чтобы изъяснить исторію міра, нѣтъ нужды полагать внѣ идеи *иной* элементъ, какъ $\mu\eta\tau\alpha$ въ Платона, или $\delta\upsilon\upsilon\alpha\sigma\iota\varsigma$ Аристотеля, нѣтъ нужды отрицать самую эту исторію и ея возможность, какъ это сдѣлалъ Спиноза, наконецъ нѣтъ нужды допускать внутри самой идеи непонятное превращеніе ея духовнаго бытія въ *инобытіе*. Разности возможнаго и дѣйствительнаго, которыми условливается движеніе, развитіе и жизнь міра лежатъ внутри идеи. Идея, какъ мыслящая, метафизическая сущность вещи, полагаетъ себя въ бытіи по мѣрѣ своей цѣлесообразности, или она есть дѣйствительное бытіе по мѣрѣ того, какъ она входитъ въ конечную цѣль міра. Все цѣлесообразное дѣйствительно, и все дѣйствительное цѣлесообразно. Міръ подчиненъ не одному логическому началу *мыслимости*, но и метафизическому началу *цѣлесообразности*. Законы природы имѣютъ въ законахъ нравственныхъ свой конецъ и завершеніе. Въ развитіи міра изъ его вѣчныхъ основъ не общее *обособляетъ* себя посредствомъ ограниченій и отрицаній, но первоначальная, индивидуальная жизнь выступаетъ все съ болѣею и болѣею духовной энергіей: самое начало ограниченія и отрицанія, свойственное конечной монадѣ, не лежитъ внѣ идеи, какъ что-то ирраціональное; напротивъ,

оно определено вѣчными истинами, оно требуется цѣлесообразнымъ положеніемъ монады въ системѣ міра. Посему монада во всѣхъ отношеніяхъ есть нѣчто совершенно-положительное. Каждая монада имѣетъ противъ себя монаду-же; итакъ въ самыхъ противоположеніяхъ совершается въ истинѣ положеніе одной и той-же духовной сущности; ограниченіе и отрицаніе, присущее монадѣ, такимъ образомъ снимается и становится положительной стороной въ цѣлостной системѣ міра. Такъ неотрѣшимо, такъ глубоко каждое существо носитъ въ себѣ зачатки безконечной жизни! Монада носитъ въ своемъ лонѣ весь міръ, всю безконечную дѣйствительность; не смотря на свою индивидуальность, она есть сущность *общая*, определяемая общею цѣлю міра. Индивидуальная дѣятельность монады есть вмѣстѣ выраженіе міровой цѣлесообразности. Примиреніе общаго съ частнымъ не требуетъ уничтоженія личности и особенности отдѣльныхъ существъ. Все въ мірѣ наслаждается чувствомъ удѣльной и самостоятельной жизни, и это чувство не есть однакожь *эгоистическое*, противное общему благу міра; именно въ немъ, въ этомъ живомъ чувствѣ самобытности, лежитъ основа для содѣйствія общему благу, лежитъ влеченіе къ осуществленію общей цѣли. Служеніе и повиновеніе раба было-бы разрушительно для общаго дѣла.

Картезіанская философія утверждалась на предположеніи, что, если внѣшній опытъ раскрываетъ въ насъ представленія, не выражающія дѣйствительной природы вещей, то за то во внутреннемъ опытѣ, внутри самосознанія мышленіе и бытіе встрѣчаются другъ съ другомъ. Изъ этого твердаго пункта мысль могла, посредствомъ прирожденныхъ идей, выступить въ міръ объективный и вступить въ міръ божественный. Но тверды-ли этотъ самый пунктъ? и достаточно-ли посредничество прирожденныхъ идей, чтобы выступить мышленію изъ тѣснаго всенеческаго круга въ міръ объективный? Отвѣчать на эти вопросы есть задача *критики чистаго разума*. Кантъ рѣшилъ эту задачу такъ, что определеніе и понятіе идеи встрѣтило затрудненія, о

коихъ доселѣ не знало человѣческое мышленіе. Древніе признавали первоначальную объективность мышленія. Такъ Платонъ въ своемъ предположеніи о *вспоминаемлѣ* идеяхъ выражаетъ ту-же мысль, какую опредѣленно высказываетъ Аристотель въ ученіи объ умѣ, *входящемъ совнѣ*. И это ученіе имѣло столь рѣшительный смыслъ, что у Платона умъ существуетъ по силѣ идеи, у Аристотеля мышленіе существуетъ по силѣ мыслимаго. Картезіанцы признавали мышленіе дѣятельностію человѣческаго духа: однако эта, первоначально субъективная, дѣятельность, встрѣчаясь внутри самосознанія съ подлиннымъ бытіемъ и опредѣляясь прирожденными идеями, могла выступать въ міръ объективный, могла уловлять въ свои формы чистую, неподдѣльную дѣйствительность. Переходъ отъ первоначальнаго психическаго достоинства мышленія къ его метафическому значенію былъ довольно легокъ: требовалось только имѣть понятія ясныя и раздѣльныя, чтобы сознать въ нихъ и чрезъ нихъ вещь, какъ она есть въ истинѣ. Кантъ приходитъ къ убѣжденію, что мышленіе не имѣетъ никакихъ средствъ выступать изъ своей психической ограниченности въ міръ объективный: на концѣ своей работы оно имѣетъ тотъ-же недостатокъ субъективности, съ какимъ оно начинаеть работу. Напрасно Картезіанцы думали, что во внутреннемъ самовозрѣніи мысль встрѣчается лицомъ къ лицу съ бытіемъ. Ни во вѣншемъ, ни во внутреннемъ опытѣ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого пункта, гдѣ-бы мысль застала предметъ въ его подлинной, объективной натурѣ. Въ моментъ встрѣчи съ предметомъ мысль налагаетъ на него свои собственыя формы, предметъ, какъ только встрѣчается съ мыслию, перестаетъ быть предметомъ и дѣлается *представленіемъ*. Когда мы говоримъ, что наше познаніе соответствуетъ предмету, то здѣсь предметъ не есть ничто лежащее внѣ познанія, съ чѣмъ могли-бы мы сравнивать это познаніе: ибо то, что лежитъ внѣ познанія, — какъ это понятно само собою, — неизвѣстно намъ и слѣдовательно не можетъ быть такимъ предметомъ, съ ко-

торымъ мы могли-бы сравнивать наше познаніе. И такъ самый предметъ, которому должно соответствовать наше познаніе, есть не что иное, какъ наше-же познаніе: такъ-что этимъ выраженіемъ обозначается только необходимость, лежащая въ мысленіи, — признать нѣчто, какъ предметъ. Такимъ образомъ вещь, предметъ есть *феноменъ* познанія, виѣ котораго эта вещь, этотъ предметъ есть нѣчто для насъ совершенно-неизвѣстное. Въмѣсто истиннаго, дѣйствительно-существующаго міра, мы вездѣ встрѣчаемъ міръ, какъ *представленіе*. Таковъ истинный смыслъ выраженія, что мы можемъ познавать *только явленія*. Прежніе философы имѣли самое смѣшанное понятіе о явленіи. Они противопоставляли явленіе сущности, которая рождастъ это явленіе, и забывали, что для возможности явленія необходимо предположить другое существо, въ которомъ находится истинное мѣсто этого явленія. Имъ казалось, что изъ глубины невѣдомой сущности возникаетъ явленіе, напримѣръ, блескъ, который существуетъ, прежде чѣмъ существуетъ глазъ, въ которомъ этотъ блескъ собственно могъ-бы произойти. Въ истинѣ все являющееся, все кажущееся существуетъ только въ томъ субъектѣ, которому оно является, или кажется. Міръ, какъ явленіе, имѣетъ свое подлинное мѣсто въ замѣчающемъ субъектѣ и нигдѣ болѣе. Виѣ этого субъекта онъ былъ-бы *вещь въ себѣ*, обладалъ-бы бытіемъ не поддѣльнымъ, а дѣйствительнымъ. Изъ предыдущаго однакожь видно, что эта *вещь въ себѣ* навсегда останется для насъ неизвѣстною.

То, что называется матерією познанія или его предметомъ, суть наши субъективныя ощущенія, напримѣръ свѣта, звука, тепла, холода и т. п., слѣдовательно наши внутреннія состоянія и видоизмѣненія. То, что называютъ формою познанія, суть опредѣленные и законмѣрные способы дѣйствованія субъекта по поводу его собственныхъ состояній и видоизмѣненій. По мѣрѣ того, какъ показанныя психическія состоянія и видоизмѣненія субъекта сводятся къ опредѣленному существу въ его-же формахъ, или по его-же внутреннимъ законамъ, про-

исходитъ вмѣстѣ и нераздѣльно познаніе предмета и предметъ; такъ-что не бытіемъ предмета, впередъ даннаго, условливается происхожденіе познанія, но происхожденіемъ познанія изъ показанныхъ субъективныхъ элементовъ условливается для нашего сознанія бытіе предмета. Формы или способы дѣятельности субъекта по поводу ощущеній прежніе философы называли объективными идеями, въ которыхъ, будто, открывались намъ непосредственно и внутренно та или другая часть міра и въ которыхъ мышленіе будто познавало вещи въ себѣ. По это предположеніе столь-же неосновательно, какъ еслибы кто сказалъ, что законы пищеваренія имѣютъ объективное существованіе въ желудкѣ, переваривающаго пищу, или что самымъ предметамъ свойственны углы зрѣнія, подъ которыми глазъ видитъ эти предметы. Категоріи мышленія суть субъективныя формы или дѣятельности, въ которыхъ сравниваются и соединяются многообразныя субъективныя ощущенія. Такъ, напримѣръ, *причинность*, *субстанціональность* всегда предполагаютъ нѣкоторыя данныя, которыя мы могли-бы сравнивать и поставять во взаимное отношеніе. Самы въ себѣ, какъ категоріи, онѣ не содержатъ никакого знанія.

Отсюда слѣдуетъ, что если внутри опыта возможно субъективное знаніе, т.-е. знаніе явленій: то въ опытѣ, или тамъ, гдѣ нѣтъ данныхъ для мышленія, знаніе вовсе невозможно. Человѣкъ можетъ двгаться съ своимъ знаніемъ въ міръ явленій, который отдѣленъ рѣзкою чертою субъективности отъ міра подлинныхъ вещей, а для познанія этого міра подлинныхъ вещей, міра сверхчувственнаго, онъ не имѣетъ никакихъ условій.

Если Картезианцы предполагали, что мышленіе можетъ выступить до объективныхъ опредѣленій, свойственныхъ предмету; то Кантъ утверждаетъ, на-оборотъ, что предметъ не можетъ выступить изъ субъективныхъ опредѣленій, свойственныхъ мышленію. Поколикъ мы познаемъ міръ, онъ есть явленіе, основа котораго лежитъ въ немъ. Поколикъ міръ обла-

даетъ истиннымъ бытіемъ, есть вещь въ себѣ, онъ остается и навсегда остается недоступнымъ для нашего познанія. Мышленіе и бытіе такъ расходятся, что тамъ, гдѣ есть знаніе, нѣтъ бытія, а гдѣ есть бытіе — нѣтъ знанія.

Послѣ этого Фихте хочетъ быть только послѣдовательнымъ, если онъ утверждаетъ, что міръ полагается и существуетъ чрезъ я, въ я и для я. Кантово предположеніе *вещи въ себѣ* не имѣетъ никакихъ основаній. Справедливо, что мы имѣемъ представленіе о бытіи или о томъ, что нѣчто существуетъ. Но такъ-какъ наша мысль не встрѣчается съ бытіемъ ни въ одномъ пунктѣ, то это представленіе есть продуктъ мышленія, а не бытія: по необходимой, закономѣрной дѣятельности мышленія мы полагаемъ ничто, какъ предметъ, какъ бытіе, слѣдовательно это представленіе предмета, бытія, міра, какъ чего-то объективнаго, есть представленіе субъективное. Признавать *вещь въ себѣ*, какъ объективную основу нашихъ ощущеній, значитъ вносить въ теорію знанія неразрѣшимое противорѣчіе: во-первыхъ, этимъ мы предположили-бы въ нашемъ духи нѣкоторое значеніе *о вещи въ себѣ*, которая, какъ доказано, безусловно неизвѣстна; во-вторыхъ, какъ *вещь въ себѣ* есть нѣчто внѣ мышленія, то этимъ мы допустили-бы представленіе о вещи, о которой собственно нельзя имѣть никакого представленія.

Когда наша рука движется и въ своемъ движеніи встрѣчаетъ препятствіе, то мы изъ этого заключаемъ о присутствіи внѣшняго предмета. Однакожь это препятствіе, испытываемое рукою, есть состояніе самой руки, оно существуетъ и заключается въ рукѣ; это препятствіе есть въ свою очередь движеніе руки, только совершающееся въ иномъ направленіи. Такъ точно, если мышленіе встрѣчаетъ въ своемъ движеніи препятствіе, чувствуетъ себя задержаннымъ и связаннымъ, то отсюда нельзя заключать о присутствіи чего-то посторонняго для мышленія, о существованіи независимаго отъ мысли, объективнаго бытія: потому-что это препятствіе есть опять со-

стояніе самаго мышленія, существуетъ и замѣчается въ мышленіи; оно есть движеніе мышленія, только совершающееся въ обратномъ направленіи. Такъ не основательно, такъ непонятно обычное предположеніе предмета, противоположащаго мышленію. Міръ полагается и существуетъ въ я, чрезъ я и для я.

Мы не входимъ въ ближайшее разсмотрѣніе философіи Фихте и окончиваемъ замѣчаніемъ, что изъ его началъ возникаетъ для философіи задача неизмѣримой тяжести, — задача, которая не представлялась сознанію прежнихъ философовъ даже и въ полусвѣтѣ. Философія не должна относиться къ готовому данному содержанію: мышленіе не имѣетъ предъ собою никакого предмета, о которомъ-бы оно мыслило; изъ себя, изъ собственной дѣятельности оно должно развить, положить и построить содержаніе знанія, весь міръ съ его безконечнымъ разнообразіемъ и въ его отношеніяхъ къ человѣку и Богу. Гегель — и онъ одинъ — понялъ и принялъ, какъ исходную точку философіи, это ученіе о мышленіи, которое не знаетъ никакого предмета, кромѣ собственной дѣятельности.

И такъ мы имѣемъ основаніе перейти непосредственно отъ Фихте къ Гегелю. Если Шеллингъ избираетъ для изысканія дѣйствительности поочередно два исходные пункта — то мышленіе, полагающее себя въ бытіи, то бытіе, развивающееся до мышленія; если для него основа бытія и знанія лежитъ въ нераздѣльномъ единствѣ или тождествѣ идеальнаго и реальнаго; если наконецъ этотъ мыслитель говоритъ объ умственномъ *созерцаніи*, которое помогаетъ мышленію признать объективное бытіе: то въ этомъ направленіи Шеллингъ припрямляетъ двѣ метафизическія точки зрѣнія, изъ коихъ одна — первоначальное признаніе бытія — принадлежитъ прежнему до-Кантовскому развитію философіи. Этимъ опредѣляются вообще какъ достоинства, такъ и недостатки Шеллинговой философіи: *достоинства* — потому-что мы должны впереди надѣяться, какъ и дѣйствительно находимъ, что она есть самый обширный философскій синтезъ, какой только возможенъ для мысли-

теля, обладающаго двумя борющимися въ исторіи человѣчества воззрѣніями — идеальнымъ и реальнымъ; *недостатки* — потому-что эти два воззрѣнія, какъ показалъ вѣковой опытъ, не поддаются такому аналитическому единству, которое опредѣляло-бы стройный ходъ системы съ логическою необходимостію. Этой необходимости развитія мы не находимъ въ философіи Шеллинга; его идеи рождаются то какъ продуктъ творческаго генія, которому тѣсно на узкой логической дорогѣ, то какъ слѣдствіе религіозно-воодушевленнаго сознанія, которое знаетъ больше, чѣмъ обычная человѣческая наука. Мы не говоримъ, чтобы Шеллингъ не внесъ нѣкоторыхъ особенностей въ опредѣленіе идеи; мы только утверждаемъ, что эти особенности не проходятъ рѣзкою и неизмѣнимою чертою въ его міросозерцаніи, что онѣ часто уступаютъ мѣсто такимъ опредѣленіямъ, которыя входятъ въ систему чисто-*синтетически*, безъ ясной связи съ предшествующими положеніями.

Для Гегеля философія тѣмъ отличается отъ другихъ наукъ, что она не имѣетъ готоваго, напередъ даннаго содержанія: она выводитъ или построяетъ а priori изъ чистаго мышленія какъ бытіе предмета, такъ и его опредѣленія. Только духъ феноменальный, не развѣтанный до своей истинной натуры, знаетъ объ этой мнимой противоположности между мышленіемъ и бытіемъ, полагаетъ противъ себя міръ, какъ данное внѣ и прежде мысли. Въ безусловной мысли противоположность между представленіемъ и предметомъ, знаніемъ и познаваемымъ бытіемъ снимается въ тождествѣ или единствѣ, и притомъ такъ, что вещь, предметъ, бытіе выводится изъ мысли, какъ ея моментъ, какъ ея опредѣленіе. Философія есть наука о мышленіи, покуда оно есть все бытіе въ идеѣ (въ истинѣ). Если эти положенія указываютъ на зависимость воззрѣній Гегеля отъ теорій Фихте, который развѣтшил предметъ знанія въ процессъ знанія: то, съ другой стороны, въ нихъ тождество мысли и бытія опредѣлено нѣсколько иначе въ-сравненіи съ понятіями объ этомъ предметѣ прежняго идеализма. У Картезіанцевъ это

тожество было изъяснено такъ, что движеніе чистой *a-приорной* мысли идетъ въ тактъ съ движеніемъ бытія, или что процессъ логическій покрываетъ собою процессъ реальный. Такъ, напримѣръ, Спиноза говоритъ, что слѣдствія, которыя вытекаютъ логически изъ понятія треугольника, существуютъ, какъ свойства въ дѣйствительномъ треугольникѣ. Поэтому всегда оставалось различіе между идеей (*idea*) и ея предметомъ (*ideatum*), между мышленіемъ и бытіемъ. У Гегеля это различіе невозможно. Идея, чистая мысль, есть абсолютное: бытіе и всѣ его опредѣленія суть моменты, содержащіеся въ идеѣ и выступающіе изъ идеи съ логическою необходимостію. Отсюда получаемъ первое характеристическое опредѣленіе, что абсолютное есть *логическая идея*, т.-е. такая *общность*, которая содержитъ въ своемъ единствѣ, какъ логическіе моменты, всѣ различія, особенности и опредѣленія мышленія и бытія. Абсолютное есть *тождественная съ собою мысль*, которая, заключая въ себѣ всѣ опредѣленія мышленія, съ этимъ самымъ непосредственно содержитъ въ себѣ всѣ опредѣленія бытія: потому-что бытіе есть мышленіе. вмѣсто обыкновеннаго различія между *сущностью* и *явленіемъ*, мы должны говорить о различіи между *мысленіемъ* и *явленіемъ*: потому-что мышленіе наполняетъ ту область истиннаго бытія, которая прежде была наполняема сущностями, субстанціями, монадами и т. д. Эти послѣднія замѣчанія показываютъ, что общая логическая идея не есть общность отвлеченная, безсодержательная; она есть общность *конкретная*, которая содержитъ въ себѣ примиренными всѣ различія и противоположности мышленія и бытія. На первый разъ можно-бы подумать, что такова была и Платоническая идея: потому-что и эта идея не была отвлеченная, и она обладала всею полнотою содержанія и она носила въ себѣ подчиненныя различія и опредѣленія всего существующаго. Однако опредѣленіе Гегелево имѣетъ ту особенность, что различія и противоположности бытія и мышленія *содержатся* въ общей идеѣ *снятыми* и *примиренными*; а это предполагаетъ

внутри идеи движение и развитие, въ которомъ эти разности, *стигаясь, примиряясь*, входятъ въ идею, какъ ея конкретное содержаніе. И такъ мы не должны мыслить общую логическую идею, какъ спокойную сущность, которая сразу и непосредственно обладаетъ развитымъ содержаніемъ. Идея есть *логическій*, или, правильнѣе, *діалектическій процессъ*; только, въ этомъ процессѣ абсолютное имѣетъ свою подлинную жизнь, свое истинное бытіе и свою существенную, неизмѣняемую форму: всѣ другіе виды его откровенія суть измѣнчивые, несамостоятельные моменты въ этомъ процессѣ. Въ то время, какъ другія опредѣленія абсолютнаго полагаются, отрицаются и примиряются, чтобы отсюда опять начать новую жизнь и встрѣтить новую смерть, одинъ этотъ *діалектическій процессъ* идеи остается неизмѣннымъ и постояннымъ среди переменъ рожденія и смерти, и поэтому онъ есть собственно-абсолютное, или абсолютное въ его подлинномъ, первоначальномъ и самомъ существенномъ видѣ.

Эти опредѣленія идеи такъ новы и такъ важны для нашей цѣли, что мы постараемся еще разъ обозрѣть ихъ.

Для Гегеля, какъ и для многихъ философовъ прошедшаго времени, абсолютное есть *общая сущность явленій*, т.-е. всего того, что мы знаемъ во вѣншемъ и внутреннемъ опытѣ. Эта общая сущность явленій есть не бытіе, не субстанція, не монада, не духъ, а *мышленіе съ собою тождественное*. Однако самое тождество мышленія не есть покой, не есть форма бытія неподвижна, всегда себѣ равная: тождественное съ собою мышленіе, которое составляетъ общую сущность явленій, есть *діалектическій процессъ*. Какъ однакожь возможно мышленію быть тождественнымъ съ собою и вмѣстѣ находиться въ безпокойномъ діалектическомъ процессѣ? Спиноза сказалъ: *omnis determinatio est negatio* и, сообразно съ этимъ началомъ, заключилъ, что тождественная съ собою безконечная субстанція не можетъ выступать въ явленіе, что ей несвойственно движеніе, развитіе и откровеніе въ конечномъ и посредствомъ конечна-

го: потому-что все эти опредѣленія были-бы отрицаніями первоначальнаго тождества безконечной субстанціи. Но если опредѣленіе и неразлучное съ нимъ отрицаніе полагается и отрицается, то субстанція въ этихъ двухъ актахъ не теряетъ своего тождества: потому-что, если положеніе конечнаго опредѣленія нарушаетъ ея тождество, то снятіе того-же опредѣленія возстановляетъ его. Только очевидно, что эта субстанція не есть уже покоящая ея сущность, а дѣятельное мышленіе, которое, то полагая, то снимая частныя, конечныя опредѣленія, вѣчно возстановляетъ и удерживаетъ свое тождество среди безпокойствъ діалектическаго процесса. Отсюда-же дѣлаются понятными законы этого діалектическаго процесса, который составляетъ подлинную жизнь абсолютной идеи. Изъ чистаго мышленія выступаютъ съ необходимостію логическою опредѣленіе или категорія, которая въ своей отдѣльности есть необходимо мысль о конечномъ или мысль конечная, приводящая къ нашему сознанію сущность того или другаго частнаго явленія; какъ мышленіе есть общія сущность явленій, такъ частныя опредѣленія мышленія суть частныя сущности явленій, или, что то-же, всякое опредѣленіе, выступающее изъ частнаго явленія, есть, какъ сказано, категорія конечная. Но такая категорія, уже потому, что она есть конечная, имѣетъ противъ себя другую конечную категорію, имѣетъ свою противоположность, которая и сознается нами въ этомъ качествѣ. Собственно діалектическій процессъ состоитъ въ томъ, что эти противоположности не стоятъ равнодушно одна къ другой; онѣ переходятъ одна въ другую, такъ-что только третья категорія, какъ ихъ единство, въ которомъ двѣ первыя существуютъ не по своей непосредственной натурѣ, но снятыми и примиренными, обладаетъ истиною и высшимъ достоинствомъ въ судьбахъ абсолютной идеи. Этотъ законъ положенія, отрицанія и отрицанія отрицанія есть неизмѣнимый законъ діалектическаго процесса, которымъ живетъ абсолютное. Спиритизмъ училъ, что изъ безконечнаго слѣдуетъ или происходитъ только безконечное въ беско-

печныхъ видахъ. По Гегелю, напротивъ, безконечное полагаетъ только конечное, и уже поэтому оно въ тотъ-же нераздѣльный моментъ снимаетъ или отрицаетъ свое собственное положеніе. Этимъ слишкомъ достаточно изъясняется измѣчивость и текучесть вещей и явленій этого конечнаго міра; но также отсюда видимъ, что абсолютное есть не что иное, какъ форма или законъ, который завѣдываетъ и управляетъ этою текучестью и измѣчивостью. Мы не можемъ представлять это абсолютное подъ мистическимъ образомъ *бездны*, изъ которой возникаютъ и въ которую возвращаются явленія міра; не можемъ также признавать его подъ логическимъ образомъ *носителя* явленій, который обладалъ-бы нѣкоторою независимостию или нѣкоторымъ особеннымъ содержаніемъ, не входящимъ въ потокъ явленій. Жизнь абсолютнаго болѣе проста, болѣе прозрачна, чѣмъ это казалось прежнимъ философамъ. Абсолютное обращено всецѣло къ міру явленій: оно обладаетъ существованіемъ формальнымъ, какъ логическое понятіе, какъ логическая законѣрность, какъ ритмическое движеніе происходящихъ, сдѣляющихся и исчезающихъ явленій. Тѣмъ не менѣе въ истинѣ существуетъ только идея, какъ діалектическій процессъ положенія и снятія всѣхъ конечныхъ опредѣленій мышленія и бытія. То, что субстанціально въ вещахъ, есть не спокойный образъ вещей, но эта вѣчная ихъ перемѣна, эта нужда происхожденія, измѣненія и исчезновенія. Вещь въ своей непосредственности не есть нѣчто существенное; она обладаетъ истиннымъ бытіемъ потомулику, поколику ея непосредственность снимается, поколику она входитъ въ безпокойный процессъ идеи, какъ ея моментъ, какъ одно изъ ея несамостоятельныхъ и текучихъ опредѣленій. Если по Лейбницу индивидуальность есть существенная форма вещей, то для Гегеля общее есть то, что суть *собственно вещи*, индивидуальное есть нѣчто не разумное въ вещахъ, немислимое, существующее только для феноменальнаго духа. Здѣсь уже видимъ, какою тяжестью должна пасть эта идея на феноменальную дѣйствительность. Сама въ себѣ, въ

своей внутренней жизни, идея такъ бѣдна, что безъ постоянныхъ приношеній и жертвъ со-стороны феноменальнаго міра она не обладала-бы внутреннимъ богатствомъ. Субстанція Спинозы вовсе не выступаетъ въ область конечнаго. Идея въ философіи Гегеля всегда полагаетъ конечное, но не съ тѣмъ, чтобы она желала ему жизни и добра, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его самостоятельнымъ моментомъ своего внутренняго діалектическаго процесса. Этотъ внутренній (имманентный) діалектический процессъ сосредоточиваетъ на себѣ все интересы, все стремленія идеи, и никакая другая жизнь не входитъ въ ея расчеты. Если по Платону Благо даетъ бытіе міру сообразное съ идеей, вслѣдствіе богатства и переполненія своего внутренняго содержанія: то по Гегелю это событіе дается міру не для міра, а для идеи; оно возникаетъ не изъ полноты, которая лежитъ въ безконечномъ, а изъ нужды, которая влечетъ безконечное полагать конечныя опредѣленія, чтобы чрезъ снятіе ихъ восполнять свою собственную, внутреннюю жизнь.

Чтобы изяснить эту немощь безконечной идеи, которая не можетъ надѣлать существа конечнаго міра самостоятельную жизнь, не можетъ дать имъ пожить для себя, имѣть и преслѣдовать свои частныя интересы и цѣли, мы должны еще разъ всмотрѣться въ эти замѣчательныя положенія, что абсолютное, какъ общая сущность вещей, есть *логическая* идея и что оно есть *діалектический процессъ*.

Выраженіемъ *логическая идея* отрывается представленіе объ идеѣ, которая будетъ-ли врождена человѣческому духу или созерцаема имъ въ умѣ божественномъ, носила-бы въ себѣ гораздо обильнѣйшее содержаніе, чѣмъ сколько можно познать и добыть логическимъ анализомъ явленій. Хотя абсолютная идея не образуется изъ отвлеченій опыта, однако, какъ логическая, она всецѣло и кругомъ открыта для человѣческаго сознанія, въ ней нѣтъ пунктовъ непостижимыхъ, недоступныхъ нашему сознанію; и какъ наше сознаніе обращено къ міру явленій, то въ абсолютной идеѣ, которая всецѣло доступна этому созна-

цію, иѣтъ ничего не являющагося. Сущность не содержитъ такихъ сторонъ, которыя всегда оставались-бы на днѣ ея и не выступали-бы въ явленіе. Конечно, и у Платона идея есть общая сущность явленій, но при этомъ она есть иѣчто и для себя, въ ней содержатся много такихъ сокровищъ, которыхъ она не показываетъ, не выставляетъ въ явленіяхъ, поэтому она относится къ явленію, какъ типъ, какъ идеаль. Этого послѣдняго качества не имѣетъ идея въ философіи Гегеля. Она есть общая сущность явленій и ничто болѣе. Какъ идея логическая, она содержитъ въ логическомъ единствѣ и логической общности все то и только то, что въ мірѣ явленій разбросано по пространству и времени въ видѣ отдѣльныхъ вещей и ихъ опредѣленій. Такъ-какъ однакожъ мышленіе есть общая сущность явленій, то это логическое единство, эта логическая общность идеи и есть то, что существенно вещамъ, или опредѣленія и качества вещей обладаютъ истиннымъ бытіемъ не въ своей непосредственности, а какъ логическіе моменты одной общей идеи. И если логически-невозможно, чтобы моментъ идеи существовалъ самостоятельно и независимо отъ самой идеи, былъ иѣчто для себя, а не для идеи: то абсолютная идея не можетъ надѣлять вещи самостоятельно или индивидуальной жизнью съ ея частными стремленіями и цѣлями. Вещи обладаютъ истиннымъ бытіемъ потомулику, поколику онѣ входятъ въ идею, какъ ея текучіе моменты.

Если Гегель говоритъ, что общая идея есть *конкретная*, то въ истинѣ это значитъ, что она въ діалектическомъ процессѣ положенія и снятія конечныхъ опредѣленій непрестанно пополняетъ себя: въ противномъ случаѣ она, какъ идея Платоническая, обладала-бы непосредственно и сразу бытіемъ развитымъ, и діалектический процессъ не былъ-бы необходимъ для нея, какъ ея существеннѣйшій образъ жизни. Быть конкретно непосредственно и первоначально абсолютная идея не можетъ уже и потому, что она есть *логическая*; она не можетъ носить въ себѣ своихъ опредѣленій натурально и непосред-

ственно; какъ мысль, она обладаетъ содержаніемъ только выработаннымъ и добытымъ въ діалектическомъ процесѣ. Еслибы намъ позволено было мыслить первый, начальный или исходный пунктъ діалектическаго процесса идеи, то въ этомъ пунктѣ мы не застали-бы никакого конкретнаго опредѣленія внутри идеи, мы нашли-бы, можетъ быть, нѣкоторыя опредѣленія самыя отвлеченныя, абстрактныя и ничего не содержащія въ себѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ выводомъ мы находимъ, что первое опредѣленіе, какимъ надѣляетъ себя идея, вступивъ въ діалектическій процесъ, есть чистое бытіе, т.-е. такое, которое есть вмѣстѣ небытіе или ничто. Чистое бытіе или ничто—вотъ первое богатство, какое можетъ изнести изъ себя идея въ первый моментъ своего внутреннего саморазвитія. Сообразно съ этимъ качествомъ идеи Гегель основательно учитъ, что начало науки, которая сознаетъ внутреннюю жизнь идеи, должно быть самое бѣдное и безсодержательное. На основаніи этихъ изясненій не имѣемъ-ли мы права сказать, что абсолютная идея есть въ своемъ первоначальномъ образѣ идея общая, логическая и при томъ абстрактная? Последнее выраженіе будетъ при этомъ означать не то, что идея отвлечена отъ опыта, а напротивъ, что тѣ мысленныя опредѣленія идеи, въ которыхъ меньше всего содержится элементовъ, взятыхъ съ опыта, или которыя наидальше отстоятъ отъ богатаго содержанія явленій—эти опредѣленія остаются существеннымъ и первоначальнымъ богатствомъ идей, которое не увеличивается отъ опредѣленій, взятыхъ съ опыта. Гегель говоритъ, что истинное начало науки дается на концѣ, истинный принципъ въ результатѣ, а этимъ даетъ поводъ думать, что позднѣйшія, отдаленнѣйшія опредѣленія идеи болѣе сообразны съ ея существомъ, болѣе выражаютъ ея подлинную жизнь, чѣмъ опредѣленія начальные. Эти выраженія не должны однако затруднять насъ. Во-первыхъ, они имѣютъ свое полное примѣненіе къ *феноменологіи духа*: начало науки, по всей справедливости, открывается только на концѣ феноменальнаго развитія духа, ис-

тинный принципъ знанія дается въ результатѣ этого развитія или тамъ, гдѣ духъ разъ навсегда преобъѣждаетъ свою феноменальность и приходитъ къ сознанию абсолютной идеи, которая отнынѣ есть нераздѣльно начало знанія и бытія. Говорить о другомъ началѣ, которое опять открылось-бы только на концѣ діалектическаго процесса идеи, мы уже не можемъ. Началомъ, срединою и концомъ науки долженъ быть діалектическій процессъ идеи и ничто болѣе: потому-что наука не имѣетъ другаго содержанія, кромѣ знанія объ этомъ процессѣ и его различныхъ ступеняхъ. Справедливо, что послѣдующія ступени въ развитіи идеи имѣютъ обильнѣйшее содержаніе, чѣмъ ея начальныя опредѣленія. Но все-же, какъ-бы ни богаты были всѣ дальнѣйшія опредѣленія идеи, они суть моменты ея процесса, а не самый этотъ процессъ, и потому не имѣютъ значенія начала. Будутъ-ли эти опредѣленія бѣднѣе или богаче, тѣснѣе или шире, абстрактнѣе или конкретнѣе, они не имѣютъ никакого вліянія на діалектическій процессъ идеи, который раждаетъ ихъ и снимаетъ съ одинаковымъ могуществомъ. Такъ море, раждаетъ-ли оно легкую зыбь или громадныя волны, остается одною и тою-же силою, предъ которой равно несамоустойчивы и легкая зыбь и громадныя волны. Намъ кажется, что эти Аристотелевскія понятія въ началѣ, которое выступаетъ на концѣ діалектическаго развитія идеи, не имѣютъ надлежащаго мѣста въ системѣ Гегеля и составляютъ только нѣкоторую уступку со-стороны философіи общечеловѣческому сознанию: потому-что, если для этого знанія нелегко начать знаніе чистымъ бытіемъ или небытіемъ, которое есть моментъ, попавшій самый текучій и неуловимый, то уже оно вовсе не хотѣло-бы двигаться внутри науки безъ надежды найти въ будущемъ спокойный и твердый пунктъ или сумму такихъ опредѣленій, съ которыми оно не было-бы вынуждено разстаться вслѣдствіе дальнѣйшаго движенія мысли. Изъ предыдущаго однакожь видно, что эта привычка общечеловѣческаго знанія не можетъ найти удовлетворенія въ системѣ Гегеля, для кото-

рой діалектичeskій процессъ идеи есть единственная сущест-
венность во всѣхъ феноменахъ.

Абсолютное есть идея логическая, общая и *абстрактная*. Гегель признаетъ истину послѣдняго опредѣленія, когда учитъ, что метода философіи есть метода самой вещи, и такимъ образомъ бѣдныя и абстрактныя опредѣленія, которыми начинается логика свои изъясненія, суть начальные и первичныя силы, которыми абсолютное начинаетъ свой міросозидающій и міро-
енимающій процессъ. Во всѣхъ явленіяхъ природы и духа, какъ-бы ни были они полновѣсны, мы должны находить только абстрактныя категоріи логики; философія природы и философія духа не могутъ дать намъ въ истинѣ ни одной новой категоріи, которой не содержала-бы логика, какъ наука о сущности вещей, и которая въ какомъ-нибудь отношеніи пополняла-бы жизнь абсолютнаго: природа и духъ суть изъясняемыя явленія, а не изъясняющія начала. Логика есть наука объ абсолютномъ въ себѣ самомъ, въ его чистой, не феноменальной натурѣ; можно сказать, что ея содержаніе есть представленіе Бога, какъ Онъ есть въ своей вѣчности прежде созданія природы и конечнаго духа. Но логика есть при этомъ наука объ идеѣ въ *отвлеченномъ* элементѣ мышленія. Итакъ, когда мы изучаемъ идею въ *отвлеченномъ* элементѣ мышленія или идею *отвлеченную*, то мы познаемъ абсолютное въ себѣ самомъ, мы познаемъ Бога по Его вѣчному существованію, какъ Онъ есть прежде созданія природы и конечнаго духа. Что говорятъ всѣ эти выраженія, если не то, что абсолютная идея въ своемъ подлинномъ, первичномъ и непронзводномъ образѣ есть идея отвлеченная? Конкретность принадлежитъ не идеѣ въ себѣ самой, а тѣмъ феноменальнымъ ея стадіямъ, которыя обладаютъ существованіемъ зависящимъ и производнымъ. И когда мы опредѣляемъ абсолютную идею по ея различнымъ отдаленнымъ стадіямъ, то этимъ мы уже изъясняемъ не существо самой идеи, которое для насъ при этомъ должно быть извѣстно,—этимъ мы изъясняемъ изъ идеи существо тѣхъ явленій, которыя соответствуютъ рассматри-

ваемымъ стадіямъ. Слѣдовательно здѣсь метафизическая точка зрѣнія смѣшется человѣкообразною. Переходъ отъ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія къ другой, примиреніе истины абсолютной съ истинною общою человѣческаго смысла составляетъ собственную тайну Гегелевой діалектики и дѣлаетъ его положенія, въ себѣ абстрактныя, столь полновѣсными, глубокими, много объемлющими и много изъясняющими.

Истинную жизнь имѣетъ абсолютная идея въ діалектическомъ процессѣ положенія и отрицанія своихъ собственныхъ опредѣленій. Чтобы изъяснить возможность этого процесса, Гегель приписываетъ абсолютному мышленію *самодвиженіе*, *саморазвитіе*. Безъ всякаго возбужденія совнѣ, безъ всякаго расчета на свои будущія положенія и состоянія, идея движетъ себя, идея находится въ развитіи. Впрочемъ, истинная причина этого самодвиженія и саморазвитія идеи заключается, какъ это сказано было выше, въ томъ, что идея можетъ полагать только конечныя опредѣленія, которыя не соответствуютъ ей безконечности и которыя, поэтому, должны быть снимаемы въ діалектическомъ процессѣ: потому-что и всякая вещь на свѣтѣ приходитъ въ движеніе, если только ея положеніе несообразно съ ея натурою, или заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; для возможности такого движенія вещь, какъ очевидно, не пуждается ни въ свободной волѣ, ни въ считающемся разумѣ.

Логика сообщаетъ намъ познаніе объ абсолютномъ въ себѣ самомъ, развивая въ положеніяхъ и отрицаніяхъ рядъ категорій, въ которыхъ мы мыслимъ конечныя явленія. Безконечное, какъ такое, не имѣетъ прямого выраженія ни въ бытіи, ни въ познаніи. Мы должны сказать, что самый этотъ діалектическій процессъ положенія и снятія конечнаго есть собственно безконечное. Такимъ образомъ Виновникъ міра не имѣетъ покоя въ сердцѣ своемъ, потому-что его созданія не сообразны съ его творческою натурою; по той-же причинѣ онъ не даетъ покоя и своимъ созданіямъ, для которыхъ день творенія и день послѣд-

ниго суда совпадаютъ въ одинъ моментъ, для которыхъ радость бытія есть вмѣстѣ и нераздѣльно предсмертная мука. Субстанція Спинозы прямо и открыто отказывается всему конечному въ дарахъ жизни. Идея Гегеля даетъ конечному такую жизнь, которая въ тотъ-же нераздѣльный моментъ есть смерть. Мы не рѣшаемъ, кто изъ нихъ дѣйствуетъ лучше—субстанція или идея.

Творчество абсолютной идеи опредѣляется не расчетомъ на прекрасныя, полныя жизни и мысли, созданія, а необходимостію. На низшей ступени развитія идея находится въ противорѣчій съ своею чистою сущностію; она испытываетъ здѣсь, такъ сказать, давленіе или неудобство. Это стѣсненное и неудобное положеніе идеи влечетъ ее на высшую ступень развитія. Съ каждымъ наступательнымъ движеніемъ идея творитъ образы прекраснѣйшіе и совершеннѣйшіе не изъ любви къ намъ, а изъ нерасположенности къ своему настоящему недостаточному положенію. Она творитъ добро, потому-что убѣгаетъ отъ зла. Отрицательное чувство неполноты, недостатка и стѣсненности есть непосредственный источникъ творчества идеи, и конечно міръ, который рождается изъ этого отрицательнаго чувства или состоянія идеи, не можетъ имѣть положительныхъ основъ жизни: оно есть весь и всецѣло нѣчто отрицательное. Такъ иной атомистъ можетъ рассуждать, что атомы не стремятся прямо и нарочито создать этотъ органическій продуктъ; только ихъ стѣсненное положеніе въ настоящемъ, неполное соответствіе ихъ настоящаго образа существованія съ ихъ собственными законами есть прямая причина ихъ движенія и сочетанія въ высшіе продукты. Въ идеѣ Гегеля, какъ въ этомъ атомизмѣ, *прогрессъ* входитъ въ *процессъ*; міръ остается въ истинѣ подъ управленіемъ дѣятеля, который не имѣетъ *радушнаго* или идеальнаго отношенія къ своей работѣ. Что однакожь выигрываетъ человѣческое сознаніе, мѣняя механическій процессъ атомовъ на логическій процессъ идей? Тамъ и здѣсь самосознаніе и личный духъ суть произведенія позднѣйшаго и

отдаленнѣйшаго развитія основнаго начала, которое не есть въ себѣ ни самосознаніе, ни личный духъ. Тамъ и здѣсь созная мысль есть феноменъ такого принципа, который въ себѣ не есть созная мысль. Тамъ и здѣсь потокъ событій предопредѣляется *натуральною* необходимостію, а не передовою мыслию. У Гегеля, какъ у Спинозы, слѣпой механизмъ не преоблѣденъ идеей; напротивъ идея, что-бы тамъ она ни была въ себѣ, открывається въ мірѣ, какъ дѣятель механической, она не озаряетъ своихъ будущихъ путей свѣтомъ предварающаго разума, она не избпраетъ этихъ путей по любви и свободному влеченію къ созданіямъ добрымъ, совершеннымъ и разумнымъ. Если матеріализмъ развился исторически изъ философіи Гегеля: то, вѣроятно, въ этомъ случаѣ историческое явленіе было вмѣстѣ и логическое.

Тщетно мы пытались-бы, слѣдуя за Гегелемъ, вступить наконецъ въ міръ *духовный*; мы можемъ войти только въ міръ *мысли*. Но кто хотѣлъ-бы въ этомъ мірѣ мысли найти отдохновеніе отъ тревогъ міра чувственнаго, тотъ скоро пришелъ-бы къ разочарованію: потому-что и этотъ міръ есть не спокойный процессъ, и его жизнь полна измѣненій и тревогъ. Философія ищетъ неизмѣнимаго начала, чтобы снять противорѣчіе, которое заключается въ понятіи измѣнимости, свойственной чувственному міру. Къ этой-же цѣли стремится и Гегель; и онъ начинаетъ съ указанія противорѣчій въ понятіи *бываемости* для измѣненія; и онъ ищетъ начала, въ которомъ-бы спланились эти противорѣчія. Однако самое это начало подлежитъ у него вѣчному измѣненію. Итакъ, говоритъ одинъ критикъ, вмѣсто того, чтобы уврачевать недугъ міра чувственнаго, посредствомъ здоровья міра сверхчувственнаго, который лежитъ въ его основѣ, Гегель нарочито сообщаетъ послѣднему болѣзненный характеръ перваго. Если при этомъ вспомнимъ, что діалектической процессъ идеи не имѣетъ ни *субстрата*, ни *субъекта* (*), тогда-какъ въ механическомъ міросозерцаніи *суб-*

(*) Въ діалектическомъ развитіи категорій Гегель не даетъ никакого

стратъ и *субъектъ* служатъ необходимымъ предположеніемъ натуральнаго процесса, то едва-ли мы поймемъ необходимость выступать изъ міра чувственнаго въ міръ абсолютной идея, едва-ли первый не представится намъ въ образъ болѣе благопріятномъ, чѣмъ послѣдній.

Абсолютная идея находится въ такомъ внутреннемъ отношеніи съ наблюдаемою нами дѣйствительностію, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно. Школа Гегеля пользовалась этими выраженіями, давая имъ то значеніе, какое они имѣли-бы въ общемъ человѣческомъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи она значительно содѣйствовала къ разъясненію понятій о прогрессѣ, развитіи и историческомъ движеніи человѣчества. Но уже въ этомъ общемъ значеніи первое положеніе, что все дѣйствительное разумно, привело-бы насъ къ отождествленію необходимости исторической и разумной, — что противорѣчитъ истинному понятію о *прогрессѣ* и *развитіи*. Изъ этого-же положенія между прочимъ слѣдуетъ, что нашъ разумъ долженъ только понимать эту разумную дѣйствительность, а не входить въ нее въ качествѣ дѣятельной, образующей и преобразующей силы. Между-тѣмъ, мы имѣемъ достаточное основаніе сблизить поименно важныя выраженія Гегеля съ ученіемъ Спинозы, что міръ идеальный простирается не дальше и содержитъ въ себѣ не больше, какъ сколько есть дѣйствительнаго въ мірѣ реальномъ. Намъ кажется, что оба философа говорятъ одно и то-же. Все дѣйствительное разумно. Такъ-какъ абсолютная идея есть *логическая*, то это выраженіе говоритъ: все дѣйствительное опредѣляется въ своемъ движеніи и развитіи *логическою необходимостію*; дѣйствительное есть необходимый логическій потокъ, который не управляется напередъ-сознаною цѣлію и предначертаннымъ планомъ: ибо для этого требовалось-бы, чтобы разумное выступало за предѣлы значенія ни *субъекту* сужденія, ни *субстрату* опредѣленія. Мысль, вещь содержитсяъ только въ предметѣ, который не предполагаетъ готоваго и сравнительно-спокойнаго субъекта. Эту особенность нужно имѣть въ виду, чтобы войти въ духъ и смыслъ Гегелевой діалектики.

дѣйствительнаго, было больше и обширнѣе, чѣмъ дѣйствительное; а это противорѣчитъ положенію, что все разумное дѣйствительно. Что касается въ частности этого втораго положенія, то оно, если принять его въ общечеловѣческомъ смыслѣ, отрицаетъ самую идею развитія: ибо эта идея предполагаетъ, что разумное еще не воплотилось въ дѣйствительности, или что явленіе еще стремится стать тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по своей идеѣ. Между-тѣмъ въ предѣлахъ системы, для которой развитіе есть форма самой идеи, это отрицаніе невозможно; и такъ-какъ абсолютное есть идея логическая, то разсматриваемое положеніе означаетъ, что въ этой идеѣ не можетъ быть больше содержания, чѣмъ въ дѣйствительности, что она—какъ логическая — не можетъ относиться къ тому, что не есть, а что еще должно быть: идея не можетъ предопредѣлить и предначертать движеніе явленій, которыя пока не дѣйствительны; для этого требовалось-бы, чтобы не все разумное было дѣйствительнымъ. Повторяемъ, хотя школа успѣла сдѣлать эти выраженія полновѣсными и многозначительными, принимая разумъ и разумное въ обыкновенномъ, общеупотребительномъ смыслѣ, однако эти выраженія въ истинѣ указываютъ на бѣдность, а не на богатства дѣйствительности и идеи: первое выраженіе говоритъ, что въ дѣйствительности царствуетъ логическая необходимость, второе—что эта необходимость не есть идеаль, который предварялъ-бы и предопредѣлялъ-бы зависящую отъ него дѣйствительность. Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить, что по Гегелю прогрессъ есть въ истинѣ процессъ и сущность не имѣетъ такой глубины, которая не исчерпывалась-бы явленіемъ.

Въ полномъ соотвѣствіи съ этими изъясненіями Гегель говоритъ, что философія есть наука о мірѣ, поколику онъ законченъ, поколику процессъ его образованія завершенъ. Мыслящая натура абсолютнаго духа состоитъ въ томъ, чтобы приводить *въ свое сознаніе* (*) то, что онъ есть въ *бытіи*. Въ фило-

(*) То есть въ то сознаніе, которое абсолютный духъ имѣетъ о себѣ въ члвчскомъ.

софiи ничто не можетъ бытьъ сознано, что еще не получило спокойнаго наличнаго существованiя; мысло есть простое и не дѣятельное зеркало остановившейся и переставшей развиваться дѣйствительности. Если Платонъ желалъ, чтобы идея опредѣляла судьбы мiра, имѣла дѣятельное влiянiе на его развитiе и управляла этимъ развитiемъ по опредѣленному плану: то по Гегелю идея не имѣетъ силы выполнять это назначенiе. Явленiя, не получившия бытiя, не могутъ быть моментами идеи: поему идея ничего не знаетъ о томъ, что *должно* быть и слѣдовательно не есть. Напрасно мы ожидали-бы отъ философи наставленiя, какъ вести себя среди измѣнчивыхъ явленiй мiра: философия ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ понимаетъ уже происшедшую дѣйствительность, которая всегда предполагается разумною. Абсолютный духъ читаетъ только то, что онъ написалъ, а что впередъ можетъ или должно быть написано, объ этомъ онъ не знаетъ, пока не напишетъ. Такимъ образомъ философия, эта наука наукъ, это сознанiе абсолютнаго духа о себѣ самомъ, есть не дѣятельная сила историческаго мiра, а спокойное зеркало, въ которомъ отражается этотъ мiръ и его перемѣны. Исторiя человѣчества раздѣляется рѣзкою чертою на двѣ области, изъ коихъ въ одной кипитъ живая работа, а въ другой совершается недѣятельное пониманiе этой работы, въ одной—жизнь безъ свѣта, въ другой—свѣтъ безъ жизни. Пониманiе дѣла всегда возникаетъ послѣ дѣла, которое такимъ образомъ не опредѣляется сознательной идеей. Таково правдо всемирнаго духа, говоритъ Эрдманъ, чтобы сперва сдѣлать, а потомъ обдумать. Эти положенiя противорѣчатъ самымъ простымъ опытамъ. Что великiя дѣла и великiя идеи падаютъ нераздѣльно въ одну историческую эпоху, что философия и ея идеи суть живые двигатели историческаго мiра, въ этомъ историкъ не можетъ усомниться ни на минуту. Однако эти положенiя опредѣляются съ необходимостiю общимъ понятiемъ объ абсолютномъ, какъ идея логическая: потому-что логическая идея въ сознательномъ мышленiи есть необходимо идея *рефлективная*, происходящая

изъ вникая въ готовое, данное содержаніе. Философія можетъ только понимать ту логическую необходимость, которая неотрѣшимо присуща дѣйствительности, потому-что все дѣйствительное разумно; но она не можетъ воздѣйствовать на ходъ этой дѣйствительности, потому-что идея не имѣетъ лишняго содержанія въ-сравненіи съ дѣйствительностію, или потому что все разумное дѣйствительно.

Абсолютная идея есть діалектическій процессъ положенія и отрицанія конечныхъ опредѣленій; поэтому историческое событіе существуетъ въ истинѣ, т.-е., въ дѣйствительности, только тогда, когда оно снимается и становится моментомъ высшаго историческаго развитія. Такъ, напримѣръ, философія Платона имѣетъ высшее и совершеннѣйшее существованіе не въ своей непосредственности, не тогда, когда она обладаетъ плотію и кровію, дѣйствуетъ какъ новое, явившееся въ мірѣ начало; нѣтъ, непосредственность феноменальной жизни есть нѣчто не сообразное съ идеей; только когда эта непосредственность снимается, когда эта широкая система сокращается до отвлеченнаго момента въ высшей стадіи философскаго развитія, она достигаетъ своего истиннаго существованія. Все существуетъ въ истинѣ, какъ моментъ чего-то другаго, послѣдующаго. Отсюда распространились ложныя понятія о прогрессѣ, котораго все существо состоитъ въ томъ, чтобы не стоять на одномъ мѣстѣ, какъ-бы ни было оно удобно. Между-тѣмъ, если историкъ не легко управиться съ разсматриваемымъ нами воззрѣніемъ, если онъ всю энергію, жизнность событія полагаетъ въ непосредственной и конкретной натурѣ его, если онъ видитъ во всякомъ событіи, какъ въ монадѣ, нѣчто ему одному свойственное, нѣчто не переходящее въ другое, видитъ глубину и безконечность, которыя уже не снимаются въ послѣдующемъ историческомъ движеніи: то вмѣстѣ съ этимъ оказывается, что діалектическая идея есть не что иное, какъ идея *критическая*: она относится къ явленію всегда критически, она имѣетъ постоянную потребность снимать и отри-

цать живую натуру явления, какъ нѣчто нелогическое. Исторія философіи въ небольшой промежутокъ времени показала, какъ могущественно дѣйствуетъ эта идея въ области критики и отрицанія. Это сближаетъ насъ съ результатомъ, къ которому пришла и школа Гегеля, что философія, опредѣляемая діалектической идеей, есть не что иное, какъ *метода*, какъ опредѣленный способъ изслѣдованія и пониманія явленій. Философія, которая въ началѣ не имѣетъ *готоваю* содержанія, есть только философская метода, которая нуждается въ *готовомъ* содержаніи.

Мы должны изъясниться предъ читателемъ, что намъ пришлось выставить въ философіи Гегеля одну и притомъ темную сторону. Этимъ мы не хотѣли отрицать достоинство великаго мыслителя нашего времени. Сообразно съ нашего цѣлю, мы должны были отрѣшать основное начало его философіи отъ тѣхъ глубокихъ идей, которыя составляютъ ея содержаніе: мы преслѣдовали простую и отвлеченную схему, не указывая, какъ и чѣмъ она наполнена. Зная односторонность основнаго начала философіи Гегеля, мы тѣмъ болѣе удивляемся гениальной наблюдательности и глубокому пониманію философа, который бросилъ въ науку столько свѣтлыхъ и истинныхъ идей. Всякая философія обязана своимъ лучшимъ содержаніемъ тѣмъ даннымъ, которыя она находитъ въ глубинѣ общечеловѣческаго сознанія. То-же самое должно сказать и о философіи Гегеля. Лучше другихъ Гегель умѣлъ наблюдать и истолковывать *феноменальную* дѣйствительность, какъ такую, глубже другихъ онъ проникалъ въ сознаніе человечества—этотъ неизчерпаемый негочинкъ началъ, идей и воззрѣній. Особенность его ученаго приѣма, которую мыло цѣнили, состоитъ въ томъ, что абсолютная идея, прежде чѣмъ изъяснить она извѣстный кругъ явленій, сама принимаетъ натуру этихъ явленій, сама является съ плотію и кровію тѣхъ существъ, копорымъ она должна дать бытіе и все богатство жизни. Такимъ образомъ спекулятивная мысль не заслонила отъ философа феноменаль-

ной действительности: онъ наблюдалъ, сравнивалъ, истолковывалъ явленія по общей ученой методѣ, а основная идея была для него только формальнымъ началомъ изъясненія. Если Кантъ доказывалъ, что идея имѣеть значеніе для знанія только *регулятивное*, т.-е., направляющее, а знанія действительнаго не даетъ: то мы думаемъ, что это значеніе удержала идея и въ философіи Гегеля, а частныя явленія были изъясняемы имъ изъ началъ частныхъ, замѣтованныхъ изъ опыта и наблюденія. Долго философія пыталась рѣшить свою задачу *a priori*. Опытное познаніе изъясняла она, какъ процессъ *феноменологическій*, который начинался въ области общаго смысла и оканчивался у предверія истиннаго знанія. Какъ эмпиризмъ поставялъ мышленіе въ первоначальное отношеніе къ явленіямъ, не давая ему силы выступить въ міръ сущностей и возвыситься до идеи, такъ идеализмъ поставялъ мышленіе въ первоначальное отношеніе къ идеѣ, къ абсолютному и падѣлся рѣшить задачу знанія, двигаясь внутри этой идеи и не сходя въ область опыта. Тамъ мысль находилась въ безконечномъ отдаленіи отъ истины, здѣсь — въ безконечной близости къ ней. Стремленіе идеализма было-бы осуществимо, еслибы мы стояли въ центрѣ вселенной, гдѣ могли-бы мы наблюдать, какъ, въ какомъ порядкѣ, по какому частному движенію идеи, по какой определенной волѣ абсолютнаго возникаютъ событія и выступаютъ въ міръ многообразныя и многозначительныя явленія. Тогда философія имѣла-бы право изъяснить явленія непосредственно изъ абсолютной идеи; тогда она могла-бы (какъ это часто она пыталась дѣлать) разсказывать намъ со всеми подробностями внутреннюю исторію абсолютнаго и его откровеній въ мірѣ, которой мы знаемъ изъ опыта, могла-бы представить намъ отчетливую и полную таблицу его моментовъ и опредѣленій, какъ это дѣлаетъ Гегель въ своей логикѣ. Вѣроятно однакожь, что мы находимся не въ центрѣ вселенной; вѣроятно, что свѣтъ, идущій съ высшаго міра, дѣйствуетъ на насъ, какъ говоритъ Баконъ, лучемъ преломленнымъ: посему

мы должны уловлять его, замѣчать и опредѣлять его движенія и оттѣнки въ той средѣ явленій, которая преломила его. Идея должна быть познаваема, какъ опять желалъ Баконъ, чрезъ *истолкованіе* явленія или, по Гегелю, умъ *самосознанный* долженъ содержать въ себѣ только то, что есть въ умѣ *сущаго*. При современномъ выясненіи ученыхъ методъ кажется совершенно произвольнымъ стремленіе философіи идеализма выступить за предѣлы всякаго бытія, чтобы потомъ спросить, какъ *началось бытіе вообще*. Еще произвольнѣе и безплоднѣе оказывается это успіе, когда философія спрашиваетъ въ частности объ абсолютномъ, какъ оно *начинаетъ быть* (Wird). Всѣ эти вопросы приличны не философіи, а теософіи, которая въ мистическихъ порывахъ къ безусловному и безразностному единству приходитъ къ такому-же отрицанію всего живаго и духовнаго, какъ и матеріализмъ. Какъ въ нашемъ духѣ нѣтъ потребности, такъ въ человѣческой наукѣ нѣтъ средствъ выступить за предѣлы всѣхъ формъ, очертаній, вѣдъ и опредѣленій существующаго и являющагося намъ міра, сосредоточиться на безформенномъ единствѣ, и отсюда, съ этой высоты, до которой мы въ истинѣ и не поднимались, слѣдить чистымъ или апріорнымъ мышленіемъ за возникновеніемъ бытія, формъ, частей и опредѣленій міра. Нашему знанію предлежитъ міръ, какъ данный предметъ, котораго мы вымыслить или сочинить не можемъ. Если наша воля не повторяетъ творческихъ актовъ абсолютнаго, то и мышленіе не повторяетъ сознанія этихъ актовъ. *Бытіе вообще* останется для насъ чудомъ; мы никогда не можемъ рѣшить, изъ чего, изъ какихъ элементовъ, которые не суть бытіе, сложилось-бы это бытіе. Посему теософія, какъ и матеріализмъ, говорятъ намъ о мірѣ вовсе не томъ, какой впечатлѣваетъ на насъ изъ многообразныхъ явленій внутренняго и внѣшняго опыта. Этимъ изъясняется, почему идеализмъ, который надѣется дать намъ познаніе о существѣ міра изъ началъ и идей чистаго апріорнаго мышленія, не соотвѣтствуетъ потребностямъ и нуждамъ живаго и дѣятель-

наго сознанія человѣчества: онъ не можетъ въ истинѣ достигнуть ни до какого дѣйствительнаго явленія, ни до какой живой сущности, потому-что онъ напередъ отрѣшился въ мнимо-апріорныхъ формахъ отъ всего живаго и существеннаго.

Философія нашего времени приходитъ къ убѣжденію, что схоластическое различіе знанія опытнаго и предопытнаго — *a posteriori* и *a priori* несущественно, что эти противоположности суть члены одного недѣлимаго единства. Самыя отвлеченныя понятія нашего мышленія заключаютъ въ себѣ представленія, взятыя изъ опыта, и обратно — непосредственное воззрѣніе имѣетъ единство, форму и необходимость, которыя составляютъ идеальный моментъ въ пониманіи. Это убѣжденіе современной философіи не есть благоразумный выборъ златой середины между крайностями; оно сообразно со всеми дознанными фактами внѣшняго и внутренняго опыта. Мы не приходимъ въ міръ съ готовымъ знаніемъ о мірѣ или какой-либо части его. Въ этомъ смыслѣ говорить о первоначальныхъ или врожденныхъ идеяхъ было-бы несообразно съ ежедневнымъ и достовѣрнымъ опытомъ. Въ этомъ смыслѣ опытъ, наблюденіе и индукція должны быть признаны источникъ всякаго знанія. Но какъ всякая вещь на свѣтѣ, такъ и наша душа имѣетъ опредѣленные законы и нормы, по которымъ обнаруживается ея дѣятельность и которые, по всей справедливости, не входятъ въ душу совнѣ, суть ея апріорныя принципы. Эти апріорныя принципы принадлежатъ первоначально душѣ *существующей*, душѣ, какъ дѣйствительной вещи, следовательно они ни въ какомъ смыслѣ не суть идеи или познанія. Чтобы сознать и познать эти апріорныя законы и нормы души познающей и волящей, мы опять нуждаемся въ опытѣ, наблюденіи и индукціи. Словомъ, врожденность формъ, законовъ и правилъ душевной дѣятельности принадлежитъ бытію души, а не ея позднѣйшему сознанію. Идеализмъ въ законной борьбѣ противъ эмпиризма, который надѣялся сложить самое существо души изъ чужбныхъ толчковъ и впечатлѣній, сглаживалъ различіе между

сознаніемъ, въ которомъ душа познаетъ дѣйствительность, данную ей во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ, и *субстанціальною душою*, которой безспорно, какъ и всякой вещи въ мірѣ, принадлежатъ ей одной свойственные законы и образы дѣятельности.

Подобнымъ-же образомъ различіе между явленіемъ и вещію въ себѣ современная философія признаетъ *не метафизическимъ*, какъ это полагалъ Кантъ, а *тотологическимъ*, то есть, понятіями *явленіе* и *сущность* обозначаются различныя степени и совершенства нашего знанія и пониманія; познаніе явленія становится по-мѣрѣ своего совершенства познаніемъ сущности. Какъ въ жизни нравственной, такъ и въ знаніи человѣкъ начинаетъ съ движеній и состояній субъективныхъ. Если однакожь эти субъективныя движенія и состоянія цемыслемы безъ объективнаго, хотя-бы и самаго не значительнаго, содержанія: то дальнѣйшее развитіе духовной жизни постепенно снимаетъ съ нихъ первоначальную ихъ ограниченность. Эти движенія и состоянія дѣлаются мало-по-малу носителями существеннѣйшаго содержанія: въ знаніи мы наконецъ знаемъ не *себя*, а истину; въ желаніи мы наконецъ желаемъ не *себя*, а добра; наши поступки и познанія получаютъ наконецъ общечеловѣческое значеніе, имѣютъ наконецъ достоинство для всякаго духа, для духа вообще. Этимъ мы не говоримъ, чтобы наша человѣческая мысль могла стать когда-либо полнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ свѣтлымъ образомъ сущности вещей, или чтобы она достигла въ какомъ-либо направленіи безусловнаго тождества съ бытіемъ: на этой ступени она перестала-бы быть мыслию человѣческою и сдѣлалась-бы мыслию божественною. Для нашего человѣческаго сознанія всегда останется нѣчто непостижимое, всегда будетъ существовать для насъ міръ *по-ту-сторонній*. Но изъ предыдущаго слѣдуетъ, что если идея понимается нами, какъ разумная и единичная сущность вещи, то съ другой стороны она должна имѣть и значеніе *феноменальное*. Не вдали гдѣ-то, за предѣлами всякаго внѣшняго и внутренняго

опыта лежатъ эта идея, въ пользу которой не было-бы свидѣтельства въ предлагаемомъ намъ мѣрѣ. Идеальныя связи и идеальныя отношенія между вещами и событіями должны быть явленіемъ и фактомъ. Идея, положенная и опредѣленная не на основаніи *своего явленія*, а только а priori, есть произвольная гипотеза. Такимъ образомъ идею мы должны находить въ дѣйствительности, какъ нѣчто данное, положительное, открываемое и познаваемое. Прежде опыта мы не можемъ имѣть знанія объ идеѣ; мы не можемъ, напримѣръ, сказать съ Гегелемъ, что эта идея должна быть логическая. Можетъ быть, въ явленіяхъ міра будутъ впечатлѣвать на насъ моменты нравственные и эстетическіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что идеализмъ человѣческаго духа есть нѣчто болѣе жизненное и болѣе существенное, чѣмъ простая логическая мысль, которая составляетъ только моментъ въ немъ; а отсюда дѣлается вѣроятнымъ, что и духъ, проникающій и опредѣляющій явленія міра, обнаруживаетъ себя многообразнѣе и богаче, чѣмъ логическая идея, которая замыкается въ скудномъ и монотонномъ процессѣ положенія и снятія своихъ опредѣленій. По этому уже мы не надѣемся, чтобы на основаніи опытовъ можно было велѣть за Кантомъ разсматривать природу, какъ сумму чувственныхъ предметовъ и ничего болѣе, или видѣть вмѣстѣ съ Гегелемъ въ этой жизненной и одушевленной природѣ *неразрѣшимое противорѣчіе съ идеей*. Всѣ эти апіоріиныя опредѣленія изгоняютъ жизнь и духъ изъ ихъ подлиннаго мѣста и поневолѣ заставляютъ мысль искать жизни и духа въ тѣхъ отвлеченіяхъ, которыхъ прямое достоинство въ томъ и состоитъ, чтобы онѣ оставались мертвыми.

Эти простыя убѣжденія, которыя коренятся въ современной философіи, не устраняютъ однакожь затрудненій, которыя предлагаются этой наукѣ, а только открываютъ ихъ. Но мѣрѣ того, какъ философія сводитъ идеальныя моменты, познанныя въ явленіяхъ міра, къ единству начала, она оставляетъ ту прочную область *частныхъ* изслѣдованій, гдѣ лишь на каждомъ шагѣ

поддерживается возрѣніемъ, знаніе-привычкою, она поднимается на высоту цѣлостнаго міросозерцанія, куда возрѣніи и опыты доходятъ только въ *цѣломъ и общемъ*, только въ неопредѣленныхъ и общихъ очертаніяхъ. Тщетно подавали-бы философіи добрый совѣтъ не подниматься на эту метафизическую высоту безусловной, Божественной идеи. Какъ ни охотно она выслушиваетъ подобныя совѣты, какъ ни тщательно пишетъ она опоры въ области опытовъ посредственныхъ или непосредственныхъ, ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ, во всякомъ случаѣ она не можетъ заключиться въ границахъ частичнаго изслѣдованія и изъясненія опредѣленнаго круга явленій: потому-что только на высотѣ общаго и цѣлостнаго міросозерцанія философія становится въ уровень съ обыкновеннымъ человеческимъ сознаніемъ, которое такъ неотразимо направлено къ вѣчному и Божественному. Если на этой высотѣ недоступна для философіи достовѣрность знанія математическаго, которою впрочемъ не обладаетъ и самая положительная наука, какъ-только она говоритъ о живой дѣйствительности: то взамѣнъ этого знанія поддерживается здѣсь увѣренностію, которая рождается непосредственно изъ нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ стремленій и потребностей человеческого духа, или знаніе встрѣчается здѣсь съ *врою*, которая въ исторіи науки есть дѣятель болѣе сильный, болѣе энергическій и болѣе существенный, нежели сколько воображаетъ себѣ исключительная эмпірія. Изъ послѣднихъ замѣчаній однакожь можно заключить, что философія, какъ *цѣлостное міросозерцаніе*, есть дѣло не чловѣка, а чловѣчества, которое никогда не живетъ отвлеченнымъ или чисто-логическимъ сознаніемъ, но раскрываетъ свою духовную жизнь во всей полнотѣ и цѣлостности ея моментовъ.

П. ЮРИЕВИЧЪ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ
НАДЪ ПРАКТИЧЕСКОЮ МЕТОДОЮ ПРЕПОДАВАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА
И КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА НЕЕ.

По поводу статьи г. Разина, напечатанной въ 14 № Морскаго сборника
за 1856 годъ.

Во всѣхъ обнаруженіяхъ жизни практической, и даже отчасти умственной, мы находимъ рѣзко-выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней.

Односторонній специалистъ есть или грубый эмпирикъ или уличный шарлатанъ.

Вы думали-было, что вы уже убѣждены. Вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ Неба, требующій усиленной разработки. Тотъ можетъ имѣть убѣжденія, кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, кто приученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровеннымъ съ наставниками, такъ и сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностію отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Убѣдитесь, что никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтѣ не въ-состояніи уничтожить вдохновеніе въ человѣкѣ... Безъ вдохновенія нѣтъ воли; безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы ничтожество и произволъ.

Нуждаясь въ сочувствіи, вы невольно думаете: можно-ли надѣяться, чтобы мнѣ сочувствовали, чтобы другіе взяли на себя трудъ узнать меня?

Но потомство — безсмертіе земли! Не должно-ли дорожить его сочувствіемъ?

Не говорите, что не всякій можетъ дѣйствовать для потомства. Всякій въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ....

Вопросы жизни. *Пирогова*. Морск. сборн. за июль 1856 г. стр. 564, 580, 587—589.

Туша ораторія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики; и хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому упогребленію.

Ломоносовъ въ предисловіи своей грамматики.

Да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во аки челоуѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія. Вся искушающе, добрая держите.

Ап. Павелъ въ посл. къ Солун. гл. V, ст. 19. Къ Ефес. IV, ст. 14.

Въ 1856 году «Морской сборникъ» началъ рядъ статей, посвященныхъ рѣшенію весьма важныхъ вопросовъ жизни, вопросовъ о воспитаніи. Мысль счастливая и благодѣтельная. Кто, въ-особенности изъ родителей, воспитателей и наставниковъ, не знаетъ, какъ трудно и, при безконечномъ разнообразіи воспитываемыхъ личностей, для самыхъ опытныхъ педагоговъ нерѣдко какъ загадочно бываетъ великое дѣло воспитанія? Съ другой стороны, кто не понимаетъ необыкновенной важности хорошаго воспитанія, для истиннаго счастья и благоденствія не только каждаго челоуѣка, каждаго семейства, каждаго общества, государства, но и всего челоуѣчества?... Такъ, мысль о необыкновенной важности воспитанія сознана наконецъ (благодареніе Богу) гораздо полнѣе, глубже и живѣе прежняго нашими соотечественниками. Послѣ «Морскаго сборника», начали появляться въ бѣльшемъ количествѣ весьма полезныя и поучительныя статьи и въ другихъ журналахъ. Наконецъ, въ 1857 году, получили начало: «Журналъ для воспитанія» и «Русскій педагогическій вѣстникъ», — періодическія изданія, исключительно посвященныя рѣшенію самыхъ многоразличныхъ и разнообразныхъ вопросовъ и недоумѣній касательно воспитанія. Какое счастье для родителей, для воспитателей и

педагоговъ! Сколько высказано уже, въ статьяхъ о воспитаніи, глубокихъ, весьма полезныхъ и въ высокой степени поучительныхъ мыслей, умныхъ и благодѣтельныхъ замѣчаній и совѣтовъ, почерпнутыхъ сколько изъ свѣтлаго и здраваго ума, столько-же изъ многолѣтняго опыта и глубокаго размышленія, — совѣтовъ, относящихся сколько къ воспитанію собственно, столько же и къ образованію молодаго поколѣнія. Въ-особенности важны въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, «Журналъ для воспитанія» и «Русскій педагогическій вѣстникъ», — повременныя изданія, имѣющія прямою своею цѣлю сообщеніе свѣдѣній о воспитаніи. Въ этихъ истинно-драгоцѣнныхъ для педагоговъ изданіяхъ мы слышимъ заслуживающіе полное вниманіе голоса какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, не только нашихъ отечественныхъ, но и иностранныхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ. Мало-по-малу, важный предметъ будетъ разсмотрѣнъ съ самыхъ многоразличныхъ сторонъ. Мало-по-малу, въ этихъ изданіяхъ, каждый изъ педагоговъ найдетъ для себя то, что ему, въ извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, будетъ полезно, необходимо.

Но дѣло рукъ человѣческихъ можетъ-ли имѣть полное совершенство? Мнѣнія людей могутъ-ли быть всегда вѣрны, безошибочны? Для человѣка истина, по выраженію древнихъ, въ кладезѣ, въ пучинѣ морской, на днѣ моря (*ἡ ἀλήθεια ἐν βύθῳ*). *Помышление смертныхъ*, по замѣчанію Премудраго, *боязлива, и погрѣшительна умысленія наша* (1). Говоря искренно, можно-ли не сознаться, что, вмѣстѣ съ мыслями свѣтлыми и здравыми, сужденіями отчетливыми и основательными, выводами точными, глубокими и поучительными, въ нѣкоторыхъ статьяхъ о воспитаніи и замѣчаніяхъ на оныя, встрѣчаемъ также мнѣнія ложныя, сужденія пристрастныя и неосновательныя, взгляды на предметъ односторонніе и невѣрные, выводы неточные и софистическіе, которые, быть можетъ, имѣютъ и несовѣтъ благо-

(1) Премудр. Солом. гл. 9, ст. 14.

творное вліиіе на нѣкоторыхъ изъ читающей публики? Можно-ли не сознаться, что въ иныхъ статьяхъ о воспитаніи и замѣчаніяхъ на оныя случается встрѣчаться съ мыслями, которыя, по врожденному чувству истины и справедливости, далеко не возбуждаютъ и, какъ намъ кажется, не должны возбуждать общаго сочувствія? Кто, здравомыслящій и безпристрастный, согласится, наир., съ мнѣніемъ тѣхъ педагоговъ нашихъ и критиковъ, которые безусловно порицаютъ въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія все старое, потому только, что оно старо, и хвалятъ все новое, потому только, что оно ново? Какъ будто и воспитаніе и наука должны также слѣдовать какой-то прихотливой и скоропреходящей модѣ, подобно платью, а не создаться на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ истиннаго, добраго и прекраснаго! Какъ будто предубѣжденіе въ пользу всего новаго не есть такой-же нелѣпый и вредный предразсудокъ, какъ и предубѣжденіе въ пользу всего стараго! Какъ будто въ дѣлѣ воспитанія мы должны искать непременно чего-то новаго и доселѣ неизвѣстнаго, а не истиннаго, вѣрнаго, несомнѣнно-полезнаго и благодѣтельнаго!... (2) Вы ищите одного новаго; но смотрите внимательно, что вы принимаете за новое.... Известное изреченіе древняго святаго мудреца: *ничтоже ново подъ солнцемъ: уже младеетъ и речетъ: се сіе ново есть: уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ* (Еккл. I, 10), не можетъ-ли, съ болышею чѣмъ когда либо справедливостію, быть примененнымъ ко многому и въ настоящее время? Въ-самомъ-дѣлѣ, живя въ осьмомъ тысячелѣтіи отъ сотворенія міра, много-ли можемъ встрѣтить, положимъ хотя и въ дѣлѣ воспитанія, дѣйствительно-новаго? Не часто-ли старое, давно-вышедшее изъ употребленія, оставленное, отверженное какъ несовершенное, забытое, входитъ опять въ употребленіе и почитается новымъ?

(2) Въ Журн. для воспит. за 858 г. т. III, въ статьѣ: «Особенность дѣтей при сдунаніи разсказовъ», высказана по этому предмету простая, но прекрасная, здравая и справедливая мысль: «чувствъ учителя болѣе заботятся о благотворномъ, нежели о новомъ».

Не часто-ли нѣкоторые пристрастные почитатели всякой новизны съ восторгомъ встрѣчаютъ, какъ пріятную имъ новость, то, что на самомъ дѣлѣ старо, очень старо, и многимъ давно извѣстно, а ново только для нѣкоторыхъ, ново только для нихъ, ново потому, что они этой старины не знали?... Слѣдовательно многое, принимаемое за новое, можетъ быть сколько весьма несовершеннымъ, столько-же и весьма относительнымъ, а повсе не безусловнымъ, новымъ для нѣкоторыхъ, а не для всѣхъ.... Съ другой стороны, если только какое-нибудь предубѣжденіе можетъ быть разумно, то не болѣе-ли уже окажется этой разумности на сторонѣ предубѣжденія въ пользу многого стараго? Старое есть нѣчто уже испытанное, долговременнымъ опытомъ оправданное, болѣе или менѣе прочное и совершенное. Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ области наукъ, произведеній искусствъ и словесности, слабое, дурное, видимо-несовершенное, обыкновенно не старѣется: оно умираетъ тотчасъ, или вскорѣ послѣ своего рожденія. Умная, здравая, глубокая мысль переживаетъ тысячелѣтія съ нестарѣющею свѣжестью и силою: а пустая, поверхностная, болѣею частію исчезаетъ мгновенно, какъ мыльный пузырьъ отъ слабаго дуновенія вѣтра, какъ легкій туманъ при первомъ появленіи солнечныхъ лучей. Мы весьма далеки отъ мысли защищать этимъ рѣшительно все старое; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что неблагоприятно искать пристрастно одной новизны, малодушно увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія и питать безусловное предубѣжденіе въ пользу всего, мнимо-или дѣйствительно-новаго. Мы хотимъ только сказать, что, не говоря уже о вѣчныхъ истинахъ Откровенной религіи нашей, должно быть и вообще осторожнымъ въ сужденіи о настоящемъ значеніи и достоинствѣ кое-чего стараго, что не безъ большой осмотрительности, строгаго предварительнаго изслѣдованія и глубокаго соображенія должно замѣнять нное старое мнимо-или дѣйствительно-новымъ. Кто усомнится предпочесть новое старому, если только первое, по надлежащемъ изслѣдованіи, окажется несомнѣн-

но и очевидно лучшимъ и полезнѣйшимъ послѣдняго?... Живо и искренно сочувствуемъ мы, съ своей стороны, возвѣщаемымъ у насъ нынѣ, всѣмъ и всюду, гуманности и прогрессу; думаемъ только, что ни подлинной гуманности, ни дѣйствительнаго прогресса, никто не станетъ полагать, между прочимъ, и въ-замѣнѣ истиннаго ложнымъ, полезнаго вреднымъ.

Нужно-ли говорить, что, не смотря на видимые, неизбежные для смертныхъ, недостатки и погрѣшности, замѣчаемые въ нѣкоторыхъ статьяхъ о воспитаніи и критикахъ на оныя, не порицанія, а благородности заслуживаютъ періодическія изданія, дающія мѣсто самымъ противоположнымъ и противорѣчающимъ между собою мнѣніямъ? Война бываетъ причиною прочнаго и славнаго міра; явное заблужденіе перѣдко бываетъ поводомъ къ открытію или утверженію важной истины. Мудрено предполагать, чтобы кто-нибудь взялся за перо и сталъ сильно что-нибудь защищать или опровергать безъ глубокаго внутренняго убѣжденія, или, вообще, безъ особеннаго какого-нибудь побужденія... Счастливы тотъ, чьи побужденія въ этомъ случаѣ всегда разумны, благородны, безкорыстны, возвышенны, чьи убѣжденія болѣе или менѣе непогрѣшительны, вѣрны! Но можно-ли сказать рѣшительно, что останутся безъ всякаго значенія, безъ всякихъ благихъ послѣдствій и мысли невѣрныя, высказанныя по недосмотру, по ограниченности дарованій и познаній, отъ поспѣшности литературной работы, или по какому-нибудь даже несовсѣмъ разумнымъ и чистымъ побужденіямъ? Вѣдь это все-же весьма любопытныя для мыслящаго наблюдателя проявленія ума, сердца и воли, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, родныхъ намъ по природѣ, индивидуумовъ, все-же это обнаруженія бѣльшаго или меньшаго значенія той или другой стороны изслѣдываемаго предмета.... Мнѣнія дѣйствительно-невѣрныя, или только кажущіяся таковыми, быть можетъ, вызовутъ противъ себя возраженія и опроверженія, а при этомъ случаѣ могутъ быть указаны и раскрыты такія стороны, которыя безъ того могли-бы остаться незамѣченными.

Очень можетъ быть, что опровергающіе мнимо или дѣйствительно-ложныя мнѣнія другихъ, выскажутъ при этомъ случаѣ свои, новые недосмотры, новыя погрѣшности, которыя, въ свою очередь, будутъ исправлены другими. Конечно, рядъ такихъ недосмотровъ и погрѣшностей можетъ протянуться слишкомъ далеко.... Грустно, безъ-сомнѣнія, встрѣчать такія неудачныя попытки въ открытіи истины, такія, повидимому, безотрадныя явленія; но опытный мыслитель знаетъ, что въ самомъ странномъ и чуждомъ, повидимому, мнѣніи человѣка мыслящаго непременно найдется извѣстная доля истиннаго и слѣдовательно полезнаго, поучительнаго. Исторія науки наукъ— философіи, представляетъ, въ этомъ отношеніи, знатокъ доказательства нашихъ словъ, болѣе другихъ ясныя, очевидныя. Кто скажетъ, что въ положеніяхъ догматизма и скептицизма, мнѣніяхъ эмпиризма, мистицизма и раціонализма совсѣмъ не было и нѣтъ ничего истиннаго?..

Что достаточное знакомство съ роднымъ языкомъ есть одно изъ первѣйшихъ условій всякаго другаго знанія; что основательное изученіе этого языка должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ потребностей всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка; что употребленіе его имѣетъ самое обширное приложеніе во всѣхъ родахъ жизни и государственной службы, что поэтому онъ долженъ быть всегда однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ школьнаго обученія; что слѣдовательно возможно-лучшій и совершеннѣйшій способъ преподаванія его долженъ быть постоянно предметомъ особенной заботливости лишь, по обязанности своей ближе стоящихъ къ этому дѣлу, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣти, какъ во всякомъ случаѣ, такъ и въ изученіи роднаго языка, идутъ тѣмъ путемъ, которымъ ведутъ ихъ: наше дѣло позаботиться о томъ, чтобы вести ихъ путемъ сколько можно болѣе вѣрнымъ. Къ сожалѣнію, мы не много нашли въ журналахъ статей, посвященныхъ прямо этому предмету. Въ статьяхъ о воспитаніи, самыми замѣчательными нашими педагогами и специалистами

по Русскому языку, болѣею частію говорится о преподаваніи Русскаго языка кратко и какъ-бы мимоходомъ (3). Полнѣе другихъ статья объ этомъ предметѣ г. Разина, напечатанная въ

(3) Здѣсь должны быть упомянуты: 1) двѣ статьи, помѣщенные въ Морск. сборн. за 1856 годъ: а) Дополнительные статьи къ разсужденію Бема «о воспитаніи». Орд. академика Н. И. Давыдова (Морск. сборн. за 1856 г. № 5, мартъ), и б) Замѣтки о преподаваніи Русскаго языка и словесности Н. И. Греча. (Того-же журнала и за тотъ-же годъ № 7). Изъ первой статьи мы вспомнимъ здѣсь слѣдующее замѣчаніе: «Слово родное, разсматриваемое какъ орудіе всякой науки и какъ особая наука, и прекрасное слово Греціи и Рима, упражня умъ, дѣйствуя на сердце и развивая изящный вкусъ, соединяютъ въ себѣ всѣ условія основнаго элемента въ образованіи общемъ или въ гармоническомъ раскрытіи и укрѣпленіи всѣхъ силъ духовнаго организма, составляющаго совершенствованіе умственное, нравственное, эстетическое». Во-второй мы считаемъ замѣчательнѣйшими слѣдующія мысли: «Когда ребенокъ научился хорошо читать, ему слѣдуетъ заняться *изученіемъ правилъ языка*, съ приложеніемъ ихъ къ практикѣ, приобрѣтеніемъ искусства порядочно говорить и писать по-Русски.... Во всякомъ обученіи есть три степени: первая степень, ученіе первоначальное.... Вторая степень — ученіе стройное, присвоеніе себѣ основаній и правилъ науки въ общемъ цѣломъ, съ примѣрами и доказательствами, основанными на умозрѣніи и разумномъ употребленіи. Третья степень — преподаваніе философское.... Ученіе чтенію и писанію есть наглядное, просто-практическое. Съ осьмага или девятаго года, смотря по развитію силъ и способностей ребенка, начинается ученіе стройное. При *языкоученіи* заключается въ этомъ отдѣлѣ *преподаваніе грамматики* и правилъ слога или словесности. Третья степень выходитъ изъ нашей рамки. Въ Высочайше утвержденномъ 24 декабря 1846 года «Наставленіи для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» (стр. 30) сказано, продолжаетъ тотъ-же авторъ, въ этомъ отношеніи великая истина: «Двигать науку дѣло академій и гениальныхъ писателей; среднія учебныя заведенія должны только пользоваться плодами трудовъ ихъ, которые приняли уже силу закона или правила».

«Русская грамматика, говоритъ затѣмъ г. Гречъ, должна быть написана въ строгомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Всякое правило должно имѣть практическую цѣль. Определенія должны быть просты, кратки, удобопонятны для ребенка.... Главнѣйшимъ предметомъ при преподаваніи грамматики долженъ быть синтаксисъ. Важнѣе всего въ грамматикѣ ученіе о правильномъ, ясномъ и понятномъ изложеніи мыслей, объ отличительныхъ свойствахъ Русской рѣчи, объ употребленіи и размѣщеніи словъ». Стр. 193, 198, 199.

Сюда-же принадлежитъ статья г. Грота: «Объ элементарномъ преподаваніи Русскаго языка», помѣщенная въ Извѣстіяхъ академіи наукъ, по отд. Русск. яз. и слов. т. II. вып. I за 1858 годъ.

Вослѣдствіи появилось немало дальнихъ замѣчаній по этому предмету въ Извлеченіяхъ изъ протоколовъ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ.

14 № Морского сборника за 1856 годъ. Но въ статьѣ этой г. Разинъ исключительно рекомендуетъ одну *чисто-практическую* методу преподаванія Русскаго языка, объявляя страшную открытую войну и преслѣдованіе грамматикѣ.... Можно-ли безусловно согласиться съ г. Разинымъ? Нѣтъ-ли крайности въ его мнѣніи? По-крайней-мѣрѣ, намъ такъ кажется. По нашему мнѣнію, помянутая статья г. Разина весьма естественно и справедливо вызвала противъ себя умныя и весьма дѣльныя возраженія и замѣчанія, напечатанныя въ 8 № Русскаго педагогическаго вѣстника за 1859 годъ (4). Убѣжденные совершенно въ противоположъ тому, что доказываетъ въ помянутой статьѣ своей г. Разинъ, съ своей стороны мы также далеко не сочувствуемъ его мнѣнію касательно значенія для дѣтей изученія грамматики отечественнаго языка, а потому, имѣя въ виду единственно истину, справедливость и благо молодаго обучающагося поколѣнія, считаемъ не излишнимъ высказать здѣсь также нѣкоторыя собственныя, почерпнутыя преимущественно изъ опыта и наблюденія, примѣчанія на его статью, при всемъ уваженіи нашемъ къ личности автора.

Главные положенія помянутой статьи г. Разина, на которыя мы обратимъ здѣсь вниманіе нашихъ читателей, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изученіе Русской грамматики для дѣтей не только совершенно безплатно, но даже вредно; 2) полезны одни практическія занятія языкомъ, а въ-особенности простое чтеніе; 3) мѣсто преподаванія грамматики въ концѣ курса.

Сколько извѣстно, обыкновенно какая-нибудь крайность, почти по-необходимости, вызываетъ другую, ей противоположную. Въ настоящемъ случаѣ мы совсѣмъ этого не видимъ. Сомнѣваемся, чтобы кто-нибудь когда-нибудь думалъ учить Русскому или какому-бы то ни было языку единственно изъ грамматики, безъ всякой практики; видимъ только, что въ статьѣ г. Разина ясно высказывается мысль, что можно сообщить ос-

(4) Нѣсколько словъ въ защиту грамматики. С—ды. Стр. 482—494.

новательное знаніе отечественнаго языка безъ всякой грамматики, посредствомъ одной практикп. Не знаемъ, сомнѣвался-ли кто-нибудь и когда-нибудь въ извѣстной всякому пользѣ практическихъ занятій языкомъ, видимъ только, что г. Разинъ всепародно объявляетъ и доказываетъ бесполезность изученія грамматики. Хотя самъ г. Разинъ предлагаемую имъ чисто-практическую методу считаетъ у насъ *новою* (5); однако, на самомъ дѣлѣ, кажется, уже не менѣ десятилѣтія, у насъ можно считать ее, такъ сказать, *модною*, болѣе или менѣ господствующею (6). У г. Разина только яспѣ высказалась она, наконецъ, во всей своей односторонности, крайности и странности. Не пора-ли взглянуть, скажемъ и мы въ свою очередь словами г. Разина, на такъ-называемую практическую методу, безъ предубѣжденія?

Грамматика для дѣтей бесполезна! Но для кого-же и для чего постоянно писались и пишутся, печатались и печатаются у насъ, подъ разными названіями, Русскія грамматики? ужели только для взрослыхъ и стариковъ? Для чего у насъ самая академія наукъ постоянно имѣла и имѣеть, какъ извѣстно, одною изъ важнѣйшихъ задачъ своихъ «начертаніе сколько можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія языка» (7)? Отчего, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ г. Разинъ, «въ цѣломъ образованномъ свѣтѣ, всѣ образованные люди начинаютъ изученіе отечественнаго языка съ грамматики» (8)?... Или все это, въ самомъ дѣлѣ, есть не болѣе, какъ только заблужденіе, ошибка, которой впродолженіе не вѣковъ, а цѣлыхъ тысячелѣтій замѣтить не могли?... Серьезный от-

(5) «Можетъ быть *пора* говорить г. Разинъ, взглянуть на преподаваніе отечественнаго языка съ другой точки зрѣнія». Морск. сборн. за 1856 годъ, № 14, часть неоффиц. стр. 10.

(6) См. Программу Киевск. учебн. окр. 1847 г. стр. 43 — 49. Замѣчанія о преподаваніи Русской грамматики. — Начертаніе «Русскаго синтаксиса Пет. Перевальскаго, 1847 г. Предисл. стр. IV.

(7) Опытъ общесравн. грам. Русск. яз. изд. 3, стр. XXX.

(8) Морск. сборн. за 1856 г. № 14, часть неоффиц. стр. 28.

вѣтъ г. Разина на эти вопросы состоитъ въ томъ, что «наука далеко еще не сбросила съ себя цѣпей схоластики»!...

Какого именно возраста дѣтей разумѣетъ г. Разинъ, когда говоритъ, что занятіе ихъ грамматикою бесполезно, а полезны только одни практическія занятія языкомъ? *Какимъ именно учебнымъ заведеніемъ* рекомендуетъ онъ свою чисто-практическую методу (духовно-учебнымъ, военно-учебнымъ, мнн. нар. проев., и при томъ низшимъ-ли только, или и среднимъ)? *Какой это конецъ курса*, гдѣ можно уже преподавать Русскую грамматику, и притомъ сравнительную и общую? Г. Разинъ, быть можетъ, избѣгая цѣпей схоластики, не говоритъ объ этомъ ясно и опредѣленно. По нѣкоторымъ только выраженіямъ можно догадаться, что у него разумѣются дѣти не моложе 10 лѣтъ, ибо дѣло идетъ объ изученіи Русскаго языка въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ (9); что имѣются въ виду вообще не только низшія, но и среднія учебныя заведенія: ибо, по предположенію его, ученики отъ практическихъ занятій языкомъ должны, безъ грамматики, перейти прямо къ изученію теоріи словесности и теоріи литературы (10); что подъ концомъ курса разумѣется послѣдній высшій классъ среднихъ учебныхъ заведеній: ибо сказано, что въ концѣ *учебнаго* курса, и притомъ, никакъ не возможно предполагать, при его образѣ мыслей, чтобы онъ позволилъ изучать общесравнительную грамматику въ концѣ учебнаго курса низшихъ училищъ, т.-е. въ третьемъ или четвертомъ классѣ... Какъ воспользоваться совѣтами г. Разина и какъ судить о вѣрности и основательности его мыслей, при такой неопредѣленности ихъ выраженія? По-крайней-мѣрѣ мы съ своей стороны считаемъ не излишнимъ объяснить,

(9) Тамъ-же стр. 22. «Въ такомъ-то *классѣ* пройдена этимологія, въ такомъ-то синтаксисѣ».

(10) Тамъ-же стр. 32. «Въ нѣсколько лѣтъ по 2000 строкъ, накопится въ головѣ воспитанника множество готовыхъ уже и прекрасныхъ выраженій и оборотовъ, и большой запасъ образцовъ, которые очень пригодятся для *лексичѣской теоріи словесности и исторіи литературы*».

какъ понимаемъ и къ какимъ дѣтямъ относимъ совѣтъ г. Разина, чтобъ не оставить въ этомъ отношеніи, въ свою очередь, въ такомъ-же недоумѣніи и нашихъ читателей. Прибавимъ и то, что въ настоящемъ разсужденіи нашемъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно воспитанниковъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній мпн. нар. просв.

Почему изученіе грамматики отечественнаго языка для дѣтей не только бесполезно, но даже вредно?

Внимательный читатель указанной нами статьи г. Разина не можетъ не видѣть, что у него слишкомъ рѣзко выдается и какъ-бы на первомъ планѣ стоитъ то основаніе безусловной похвалы практическимъ занятіямъ Русскимъ языкомъ и въ особенности занятію *чтеніемъ*, что оно *пріятно* для дѣтей, и то основаніе безусловнаго также порицанія занятій грамматикою, что эти занятія *скучны* (11). Основательна-ли и справедлива-ли эта причина безусловной похвалы чтенію и порицанія занятіямъ грамматикою?... Не споримъ, что стараніе сдѣлать преподаваніе своего предмета болѣе или менѣе пріятнымъ и занимательнымъ для дѣтей весьма похвально въ наставникѣ; но слѣдуетъ-ли наставнику придавать этому обстоятельству такъ много

(11) Вотъ подлинныя слова г. Разина: «Въ тысячу кратъ полезнѣе занятій грамматикою было-бы *простое чтеніе въ классѣ*, которое обыкновенно считается не дѣломъ со стороны учителя. Но воспитанники очень любятъ чтеніе, для нихъ величайшая награда, если учитель общается, напр., за хорошее сочиненіе вообще, въ дѣломъ классѣ, весь слѣдующій урокъ посвятить на чтеніе хотя нѣкоторыхъ сценъ изъ «Тараса Бульбы». Самые дурные и угрюмые изъ воспитанниковъ *очень рады потому, что имъ кажется, что они ничего не будутъ дѣлать въ классѣ*: это просто праздникъ. Большая часть *наслажденіе*: для нихъ это такая рѣдкость, что на лицахъ замѣтна даже преувеличенная радость. Указныя десять минутъ предъ классомъ проходятъ не въ обычномъ томительномъ ожиданіи дурныхъ баловъ, или вообще *труда*, а въ пріятномъ ожиданіи. Морск. сборн. за 1856 г. № 14, часть неоф. стр. 29.

Подобныя мысли, какъ главное доказательство особенной пользы *чисто-практической* методы преподаванія Русскаго языка и бесполезности преподаванія дѣтямъ грамматики, повторены впоследствии времени г. Редчиномъ. Журн. для воспит. за 1859 годъ, № 5.

важности и ставить это главною своею задачею? Ужели наставникъ, подобно фокусникамъ и потѣшникамъ, долженъ заботиться только о томъ, чтобы тѣшить и забавлять дѣтей, доставлять имъ удовольствіе, развлеченіе, наслажденіе? Мы думаемъ, что занятіе дѣтей только тѣмъ, что тѣшить и забавляетъ ихъ, что доставляетъ имъ наслажденіе, столько-же полезно для ихъ душевныхъ способностей и силъ, а въ-особенности для ихъ нравственности, характера, сколько лакомства, сласти полезны для здоровья ихъ организма тѣлеснаго. Одни такіа занятія избѣживаютъ и расслабляютъ ихъ духъ. Какія отъ такихъ исключительно занятій могутъ образоваться у дѣтей склонности, желанія, привычки? Они постоянно захотятъ искать только того, что легко и пріятно,—однихъ забавъ и развлеченій; всегда станутъ скучать всякимъ дѣльнымъ занятіемъ, если только оно потребуетъ серьезнаго труда и не будетъ представлять имъ наличныхъ наслажденій. Прибавьте къ этому: что обыкновенно нравится юношеству? какія обыкновенно книги, какія статьи, и безъ того, любить читать оно?

Но вы не будете занимать дѣтей чтеніемъ пустыхъ, мало-полезныхъ книгъ и статей, вы займете ихъ чтеніемъ дѣльнымъ; вы нарочно издаете для нихъ дѣтскіе журналы, нарочно приготовили весьма полезное и поучительное для дѣтей руководство («Миръ Божій»), книги, въ которыхъ они найдутъ для себя весьма важныя и назидательныя истины? Все это очень хорошо; только будутъ-ли эти книги и подобныя имъ столько занимательны для дѣтей, сколько вы того надѣетесь, желаете и предполагаете? Не найдутъ-ли въ нихъ они также много такого, что, если не для всѣхъ, то по-крайней-мѣрѣ для некоторыхъ, и можетъ быть даже для большей части учениковъ покажется также весьма сухимъ, неудобопонятнымъ и очень, очень скучнымъ, скучнѣе всякой грамматики?... Такъ не оставятъ-ли уже по этой причинѣ и эти книги и всякое дѣльное чтеніе съ дѣтьми, а занять ихъ только чтеніемъ *того, что имъ нравится?* или, даже, не лучше-ли будетъ совсѣмъ не занимать

ихъ никакимъ дѣломъ, что, по замѣчанію самого г. Разина, еще болѣе можетъ инымъ понравиться?... (12).

Не думаемъ, чтобы на это можно было согласиться.... Слѣдовательно, не будетъ-ли гораздо лучше и справедливѣе, во всякомъ случаѣ, заблаговременно приучать дѣтей, мало-по-малу, къ занятіямъ болѣе дѣльнымъ и серьезнымъ, приучать къ труду и терпѣнію, приучать во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни предпочитать пріятному честное, полезное и необходимое? Да и не будетъ-ли это даже болѣе сообразно съ естественными склонностями и настоящими потребностями природы человѣческой, которой, какъ извѣстно, наскучивасть постоянное однообразіе, для которой самыя сласти дѣлаются наконецъ приторными и возбуждаютъ отвращеніе? Не будетъ-ли полезнѣе занять не только чувство, память и воображеніе, но и мыслящую силу юныхъ отроковъ? А затѣмъ, не будетъ-ли имѣть права на вниманіе дѣтей, наравнѣ съ другими дѣльными книгами и точными науками, какова священная исторія, географія, ариметика, геометрія, катихизисъ и пр., и грамматика, хотя-бы, положимъ, она и не слишкомъ была занимательна, если только она окажется для нихъ, вопреки мнѣнію г. Разина, не только полезною, но и необходимою?

Между-тѣмъ, можно-ли ручаться г. Разину въ томъ, что непремѣнно всякій наставникъ наводитъ скуку на учениковъ своимъ преподаваніемъ грамматки? Въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, чрезвычайно много зависитъ отъ личности наставника, его способностей, наклоности, усердія, знанія своего дѣла, искусства и опытности въ преподаваніи, которыя далеко не у всѣхъ наставниковъ одинаковы. Извѣстно, что и самыя занимательныя предметы, какъ напримѣръ, исторію, географію, можно преподавать также очень сухо и скучно. Не менѣе вѣрно и то, что самыя сухіе, скучныя и неудобопонятныя для дѣ-

(12) «Самые дурные и угрюмые изъ воспитанниковъ очень рады (чтенію) потому, что имъ кажется, что они ничего не будутъ дѣлать въ классѣ: это просто праздничекъ. См. предыдущее примѣчаніе.

тей предметы, могутъ быть преподаваемы болѣе или менѣе ясно, увлекательно и занимательно (13). Самое чтеніе, рекомендуемое г. Разинымъ, какъ пріятнѣйшее препровожденіе времени съ учениками въ классѣ, кромѣ занимательности содержанія и изложенія читаемой статьи, требуетъ, по замѣчанію самого г. Разина, извѣстныхъ условій со-стороны наставника, чтобъ оно не было также не только мало-полезно, но и скучно.

«Сухость, безжизненность грамматики, говоритъ г. Разинъ, наводитъ совершенную тоску на *всякую мыслящую голову*». Признаемся чистосердечно, что намъ эта мысль въ устахъ образованнаго человѣка, а еще болѣе въ устахъ преподавателя Русскаго языка, кажется очень странною. На какую сухость и безжизненность грамматики жалуется г. Разинъ? На сухость и безжизненность содержація грамматики? Но всякая истина сама-по-себѣ есть уже прямая, дѣйствительная жизнь нашего духа и заключаетъ въ себѣ, по замѣчанію одного изъ величайшихъ мыслителей древности, неизъяснимую прелесть для всякаго ума, дѣйствительно-мыслящаго. Если это справедливо вообще, то не болѣе-ли справедливо по отношенію къ истинамъ той науки, которая излагаетъ вѣчно-дѣйствующіе законы и формы проявленія разумной жизни нашего духа въ мысли и слова?... А что касается выраженія, то, конечно, въ грамматикѣ нельзя найти, да и не слѣдуетъ искать, витійства оратора, равно-какъ и живописи или восторженнаго паренія поэта (хотя и это все можетъ встрѣчаться тамъ, въ примѣрахъ); при всемъ томъ, какъ во всякомъ хорошемъ учебникѣ, такъ и въ хорошей грамматикѣ, вы всегда найдете то, что сообщаетъ надлежащій свѣтъ, и слѣд. животворитъ мыслящую голову, именно найдете надлежащую основательность, связность и послѣдова-

(13) Не знаю, почему можно назвать скучнымъ преподаваніе малоцѣннымъ дѣтямъ грамматики такое. напр., какого образца представляетъ г. Буслаевъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «О преподаваніи отечественнаго языка», въ части 1, въ статьѣ: «Начальная грамматика», стр. 215—262.

тельность изложенія, а также простоту, ясность и точность выраженія, лучшее внѣшнее украшеніе всякаго учебника. Отъ чего-же тутъ быть тоскѣ для головы дѣйствительно-мыслящей, когда только одной запутанности, неясности, неопредѣленности и неосновательности изложенія, мраку лжи и обмана, тьмѣ заблужденія, естественно производить такое тягостное состояніе духа? Прибавимъ къ этому, что всякій хорошій преподаватель, мы полагаемъ, долженъ быть, хотя это кажется и смѣшнымъ г. Разину, восторженнымъ любителемъ истины своей науки, какова-бы эта наука ни была; въ противномъ случаѣ, очень жаль, если онъ, для избавленія себя и своихъ слушателей отъ совершенной тоски, не промѣняетъ должности наставника юности на какую-бы то ни было другую. Мы никакъ не можемъ вѣрить, поэтому, чтобы истины грамматики были въ самомъ дѣлѣ для всякаго безжизненны и дѣйствительно наводили тоску на всякую мыслящую голову. Мы думаемъ, напротивъ, что голова дѣйствительно-мыслящая найдетъ для себя въ грамматикѣ истины живыя и плодотворныя, важныя и занимательныя, достойныя полнаго вниманія и изученія; увѣрены, что дѣйствительно-мыслящая голова хорошаго учителя съумѣетъ понять эту важность, этотъ интересъ своей науки, съумѣетъ оцѣнить его и показать ученикамъ. Въ такомъ случаѣ, не возможно, чтобы то, что живо интересуетъ учителя, не завлекло и учениковъ его. Въ преподаваніи дѣтямъ грамматики, какъ и всякаго другаго, болѣе отвлеченнаго и систематически-излагаемаго предмета, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важно, со-стороны преподавателя, знаніе: что, когда, какъ, въ какомъ объемѣ и порядкѣ сказать. Если изъ понятій и правилъ грамматики будетъ сказано ученикамъ того или другаго класса только то, что необходимо при ихъ практическихъ занятіяхъ и воишь доступно дѣтскому ихъ разумѣнію; если будетъ сказано все умѣстно и своевременно и притомъ кратко и ясно, съ объясненіемъ и оживленіемъ понятій и правилъ грамматики приличными и воишь ясными примѣрами, съ непосредственнымъ и точнымъ примѣ-

неніемъ правилъ къ практикѣ; то эти понятія и правила грамматики никогда не будутъ скучны ученикамъ, никогда не наведутъ на нихъ никакой тоски, они будутъ усвоены ими легко и съ пріятностію. Дети, и очень справедливо, скучаютъ тѣмъ, что для нихъ неясно: слѣд. надобно только позаботиться о всевозможной ясности и простотѣ изустнаго объясненія и приспособленія къ возрасту и степени разумѣнія письменнаго изложенія науки. Дети также естественно скучаютъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, бесполезно; напротивъ, сознаніе пользы, сознаніе усовершенія себя какъ вообще, такъ и въ умственномъ отношеніи, имѣеть и для дѣтей свою неизъяснимую прелесть и для дѣтей весьма пріятно сознаніе, что они, посредствомъ изученія извѣстной науки, пріобрѣтаютъ новыя для нихъ свѣдѣнія, новыя истины, и притомъ такія, которыя имѣютъ постоянное, непосредственное, весьма обширное и необыкновенно-важное примѣненіе къ самымъ необходимымъ ихъ практическимъ занятіямъ (что вполнѣ относится къ грамматикѣ роднаго языка). Такое сознаніе пользы пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній даетъ, въ-особенности молодымъ людямъ, силы преодолѣть все трудности, побѣдить все препятствія... А затруднятся-ли наставникъ показать на опытѣ живую связь между грамматическими понятіями и правилами, и практическимъ употребленіемъ изустнаго и письменнаго языка, затруднятся-ли показать ученикамъ на опытѣ пользу изучаемыхъ ими правилъ грамматики, если только самъ онъ все это надлежащимъ образомъ понимаетъ и глубоко убѣжденъ въ пользѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній?... Слѣдовательно, если грамматика въ самомъ дѣлѣ наводитъ тоску и скуку на иныхъ учениковъ, то причины этому надобно искать совсѣмъ не въ самой грамматикѣ, не въ содержаніи ея, не въ истинахъ ею предлагаемыхъ, а кромѣ извѣстнаго умственнаго состоянія и настроенія учениковъ,—зависящаго очень часто именно отъ учителей и воспитателей,—въ руководителяхъ и руководствахъ по этому предмету, въ способѣ ея изложенія и преподаванія. Гдѣ пользы грамматики не видитъ самъ учитель,

тамъ, естественно, не могутъ видѣть ее и ученики. Гдѣ грамматикою скучаетъ самъ учитель, тамъ, безъ-сомнѣнія, будутъ скучать его и ученики. Гдѣ грамматику письменно излагаютъ, или изустно преподаютъ неясно, непослѣдовательно, безсвязно, слишкомъ пространны и подробно, а притомъ чрезмѣрно отвлеченно, безъ надлежащаго объясненія примѣрами и примѣненія правилъ ея къ практикѣ, тамъ, безъ-сомнѣнія, ученики не будутъ ни понимать ее, ни интересоваться ею (14).

Взглянемъ теперь на методу г. Разина съ другой стороны. Спросимъ: подвигаются-ли на самомъ дѣлѣ методою, рекомендуемою г. Разинымъ, т.-е. методою чисто-практическою, и преимущественно простымъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, успѣхи въ Русскомъ языкѣ такъ быстро и вѣрно, какъ онъ это утверждаетъ? Въ одной изъ критикъ, написанныхъ на изданное г. Разинымъ практическое руководство по Русскому языку, подъ названіемъ: «Міръ Божій», весьма справедливо и основательно замѣчено, что подобныя занятія, т.-е. чтеніе и изученіе избранныхъ отрывковъ наизусть, сами-по-себѣ, безъ теоріи языка, скорѣе и гораздо бо-

(14) Весьма важно еще, по нашему мнѣнію, въ преподаваніи какъ другихъ предметовъ, такъ и Русской грамматики, мудрое правило Квинтиліана не обременять дѣтей большими уроками, въ-особенности, если эти уроки почему-либо трудны и неудобопонятны для нихъ. Это гораздо болѣе, нежели сухость предмета, кромѣ другаго вреда, можетъ пораждать настоящую тоску въ ученикахъ, въ-особенности болѣе прилежныхъ и аккуратныхъ, но, по способностямъ, слабѣйшихъ. Вообще, какъ при объясненіи, такъ и назначеніи уроковъ, я полагаю, слѣдуетъ имѣть въ виду не лучшихъ, и даже не средственныхъ, а самыхъ слабыхъ учениковъ, и стараться и имъ дать полную возможность вполне понять излагаемый предметъ и усилить въ преподаваемой наукѣ. «Учитель, приступая къ развитію новичковъ, говоритъ знаменитый Римскій педагогъ, не долженъ тотчасъ-же обременять слабыя силы лишнимъ трудомъ, но соображаться съ ихъ понятіемъ. Какъ узкогорлые сосуды не вдругъ наполняются, но принимаютъ жидкость тогда, когда она летитъ тонкою струею или падаетъ по каплѣ: такъ точно дѣтскій умъ воспринимаетъ только то, что доступно его силамъ, о чемъ и слѣдуетъ заботиться: что выше понятій начинающихъ, то не пойдетъ въ ихъ еще неразвитую голову» (Журн. для воспит. на 1857 годъ, т. 1, стр. 250—251).

лѣ могутъ приносить пользы собственно другимъ наукамъ, естественной и Русской исторіи, географіи, физикѣ, астрономіи, физиологіи и пр., къ области которыхъ принадлежатъ, по содержанию своему, извѣстный рассказъ или статья, нежели Русскому языку собственно (15): ибо извѣстно, что при подобныхъ занятіяхъ дѣти, какъ и всѣ вообще, обыкновенно обращаютъ болѣе и почти исключительно вниманіе на содержаніе, т.-е. на мысли, чувствованія, картины воображенія, а не на форму, не на языкъ, не на строеніе періодовъ и предложений, не на словосочиненіе, словоуправленіе и правописаніе, за которыми внимательно слѣдитъ при чтеніи безъ особенной цѣли и побужденія всякому довольно скучно. Что-же остается у дѣтей отъ этихъ занятій собственно на долю Русскаго языка? Нѣсколько усвоенныхъ памятью словъ и выраженій,—не болѣе. Чѣмъ-же эта польза отъ чтенія и изученія избранныхъ отрывковъ различается отъ той, какую доставляетъ Русскому языку систематическое изученіе на немъ различныхъ предметовъ, а именно закона Божія, наукъ историческихъ, словесныхъ, математическихъ и пр.? По отношенію къ содержанию, различается тѣмъ, что изъ учебниковъ пріобрѣтаютъ ученики знаніе предметовъ, подлежащихъ изложенію ихъ, полное, стройное, связанное, послѣдовательное, а потому болѣе или менѣе отчетливое и основательное; между-тѣмъ-какъ изъ статей, составляемыхъ для легкаго чтенія, обыкновенно пріобрѣтается

(15) См. 6-й № Атеней за 1857 годъ. Вотъ подлинныя слова критика М. де-Нуле, которымъ мы вполнѣ сочувствуемъ: «Что вы, какъ учитель Русскаго языка, сдѣлаете съ книгой для чтенія, въ которой обо всемъ говорится? Очень мало. Вы будете готовиться, положимъ, къ лекціямъ. Прекрасно! Рассказы ваши выиграютъ въ занимательности, но для языка, къ изученію котораго книга для чтенія должна служить первымъ руководствомъ, *вы почти ничего не сдѣлаете*. Заботясь о развитіи, вы упускаете изъ виду главное. Вы предлагаете свои услуги разнымъ наукамъ, поддѣлываетесь подъ дѣтскій говоръ, между-тѣмъ-какъ вы обязаны послужить одной вашей—языку». Столь же справедливо и основательно, по нашему мнѣнію, замѣчено тамъ, что всѣ вообще практическія занятія языкомъ *должны идти обрुकъ съ изученіемъ грамматики*.

объ этихъ предметахъ знаніе отрывочное, энциклопедическое, поверхностное; а по отношенію собственно къ языку различіе тѣмъ, что въ хорошихъ учебникахъ этотъ языкъ обыкновенно отличается строгою точностію, ясностію и опредѣленностію, а въ статьяхъ, назначаемыхъ для чтенія легкаго, перѣдко и не имѣетъ этихъ, чрезвычайно-важныхъ, достоинствъ. Слѣдуетъ-ли, затѣмъ, учителю Русскаго языка посвящать на одно только чтеніе въ классѣ занимательныхъ для учениковъ статей такъ много времени, какъ совѣтуется въ упомянутой статьѣ г. Разина, въ-особенности, если взять во вниманіе то, что ученики будутъ еще довольно заниматься чтеніемъ въ высшихъ классахъ, съ большею несомнѣнно пользою, при изученіи словесности, а также и то, что они и безъ того, по собственной охотѣ, дома, весьма довольно употребляютъ времени на чтеніе *именно того, что имъ нравится?* Не будетъ-ли это чтеніе для учителя Русскаго языка излишнею тратою времени, которое съ большею пользою могло-бы быть употреблено какъ на объясненіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ и объемѣ, теоріи (16), такъ и на другія, практическія, упражненія въ Русскомъ языкѣ?.... Само-собою разумѣется, что, какъ-бы вы много ни занимали учениковъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, все-таки они будутъ умѣть говорить только о томъ, о чемъ они учили и читали, такъ-что, если вы, имѣя въ виду одно пріятное препровожденіе времени съ учениками въ классѣ, читали имъ только сказки, басни и анекдоты, то они и будутъ умѣть только это рассказывать, а для другихъ предметовъ не будетъ у нихъ ни понятій, ни представленій, ни словъ. Хотите-ли, между-тѣхъ, съ большею точностію и справедливостію оцѣнить знаніе Русскаго языка, пріобрѣтенное однимъ чтеніемъ

(16) Удостоверившись, замѣчаетъ г. Буслевъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о преподаваніи отечественнаго языка, что дѣти привыкли выкалывать прочтенное, учитель впродолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на грамматику— столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочтеннаго. Такимъ образомъ, *при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды.* См. ч. I. стр. 227, изд. 1844.

и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть? Дайте ученикамъ, которые занимались одною только этою практикою, перо въ руки, и заставьте ихъ изложить мысли свои на бумагѣ; или посмотрите, какъ излагаетъ ихъ множество людей, не получившихъ основательнаго школьнаго образованія, дѣйствительно никогда не изучавшихъ Русской грамматики, а только довольно читавшихъ и знающихъ наизусть немало отрывковъ въ стихахъ и прозѣ. Если только они въ самомъ дѣлѣ незнакомы съ грамматикою, то вы не найдете у нихъ, въ письменномъ изложеніи мыслей, ни правильнаго строенія предложеній и переводовъ, ни правильнаго согласованія и управленія словъ, ни правильной разстановки знаковъ препинанія, въ особенности-же не найдете правописанія собственно такъ-называсмаго, — хотя изустно они, кажется, и не дурно пересказываютъ содержаніе выученнаго или прочитаннаго. Перѣдко въ одномъ словѣ вы найдете у нихъ двѣ или даже три ошибки противъ правописанія. Мы утверждаемъ это, основываясь не на предположеніяхъ и догадкахъ, а на безчисленномъ множествѣ достовѣрно-извѣстныхъ намъ опытовъ.... Между-тѣмъ, всмотритесь лучше въ дѣло, и подумайте: можетъ ли, на самомъ дѣлѣ, и это, самое простое, повидимому, и легкое практическое занятіе языкомъ, именно чтеніе и изученіе избранныхъ отрывковъ наизусть, обойтись безъ извѣстной доли теоріи языка, безъ грамматики?.... И для простаго чтенія необходимо-же знать буквы, ихъ названіе, различіе, произношеніе, сочетаніе въ слогахъ и произношеніе сихъ послѣднихъ; надо-же имѣть понятіе о надлежащемъ выраженіи мыслей живымъ голосомъ, о правильной остановкѣ въ чтеніи, слѣд. о знакахъ препинанія: а все это развѣ не есть уже прямое содержаніе грамматики, какъ-бы оно ни было передаваемо ученикамъ вашимъ?.... Какъ-же вы грамматики пользу отрицаете? Очевидно, что той самой, которой уроками и вы и ученики ваши постоянно пользовались и пользуетесь, безъ которой и читать не можете. Какую вы чисто-практическую методу предлагаете? Кажется,

ту самую, которая, на самомъ дѣлѣ, безъ теоріи, въ такомъ или другомъ видѣ, совершенно невозможна.

Но можно-ли практику Русскаго языка, имѣя въ виду болѣе или менѣе отчетливое и основательное знаніе его, въ самомъ дѣлѣ ограничить однимъ чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть? Конечно, нѣтъ. Самъ г. Разинъ прибавляетъ къ этимъ практическимъ занятіямъ еще другія, и между прочимъ: а) логическій или синтаксическій разборъ прочитаннаго, б) упражненія въ правописаніи и в) сочиненія (17). Если безъ грамматики, въ извѣстныхъ предѣлахъ, судя строго и справедливо, какъ мы уже замѣтили, и читать невозможно: то можно-ли съ успѣхомъ и пользою заниматься безъ нее этою послѣднею, высшею и болѣе искусственною, практикою? Можетъ-ли ученикъ извѣстнаго класса, въ давномъ отрывкѣ изъ сочиненія, правильно указать части періода или предложенія, а также части рѣчи съ ихъ значеніемъ и измѣненіями, если онъ не получилъ отъ васъ предварительно общаго понятія ни о частяхъ рѣчи, ни о предложеніи и періодѣ съ ихъ принадлежностями? Можно ли, не ознакомивши учениковъ съ тѣми-же правилами синтаксиса, этимологіи и орфографіи, научить ихъ правильному письменному изложенію мыслей и правописанію? Рѣшительно нѣтъ. Здѣсь *практика*, какъ на это очень ясно указываетъ самое слово (πρᾶξις—дѣло, дѣйствіе, занятіе), есть только дѣйствительное приложеніе, *примѣненіе къ оному* предварительно-извѣстныхъ уже общихъ понятій и правилъ языка, а вмѣстѣ съ симъ — опытное, и, такъ сказать, наглядное уясненіе, оправданіе и повѣрка тѣхъ-же понятій и правилъ грамматики. Здѣсь, очевидно, практика состоитъ въ томъ, что, по выраженію нашего академика, «встрѣчающіяся выраженія подводятся подъ общія правила, и обратно, общія правила сводятся на частные случаи и примѣры» (18). Кому не понятно,

(17) Морск. сборн. за 1856 г. № 14. Статя г. Разина. Соч. его-же, Предисловіе къ книгѣ: «Миръ Божій». С. Пб. 1857.

(18) Давыдовъ въ предисловіи ко второму изданію «Опыта общесравн. грам. Русск. языка», стр. XVII, изд. 1854 г.

что ни въ синтаксическомъ и этимологическомъ разборѣ, ни въ сочиненіи и правописаніи, никто и никогда не дѣлаетъ ошибокъ противъ языка умышленно, съ какимъ-нибудь намѣреніемъ и сознаниемъ? Ошибки эти, очевидно, допускаются обыкновенно по незнанію грамматическихъ понятій, по незнанію правилъ, законовъ, которымъ должно слѣдовать въ извѣстномъ случаѣ въ практикѣ. Внимательному наблюдателю-педагогу постоянный опытъ показываетъ, что ученикъ въ этимологическомъ и синтаксическомъ разборѣ обыкновенно правильно указываетъ части предложія и періода съ ихъ значеніемъ и отношеніями, а также части рѣчи съ измѣненіями ихъ и принадлежностями, *когда предварительно имѣетъ правильное общее понятіе о томъ, что называется подлежащимъ, а что сказуемымъ, что повышеніемъ и что пониженіемъ, какія слова бываютъ опредѣлительными и какія дополнительными, какая часть рѣчи называется именемъ, какая мѣстоименіемъ, глаголомъ, нарѣчіемъ и т. д.*; что онъ правильно излагаетъ мысли свои на бумагѣ, когда, сверхъ другихъ, необходимыхъ для сего, условій, знаетъ правила синтаксиса, когда ему извѣстны законы правильного строенія періодовъ и предложій, когда знаетъ правила надлежащаго расположенія, согласованія и управленія словъ; что онъ правильно ставитъ знаки препинанія, когда хорошо знаетъ тѣже законы и формы строенія періодовъ и различнаго отношенія въ нихъ предложій, — не ошибается въ правописаніи, когда знаетъ хорошо этимологию и выведенныя изъ нея правила правописанія. Однимъ словомъ, по опыту извѣстно, что практика Русскаго языка идетъ хорошо, когда освѣщается и руководствуется достаточнымъ знаніемъ теоріи, грамматики; когда-же ученикъ плохо знаетъ теорію, то эта практика его, не смотря на частыя занятія ею, не смотря на постоянныя замѣчанія и поправки со-стороны учителя, обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе слѣпа, безотчетна, безсознательна, а потому сбивчива и неудачна.

Вникнувши глубже въ дѣло, въ настоящій характеръ соб-

ственно-человѣческой, свободно-разумной дѣятельности, мы убѣдимся, что такъ и быть должно, и иначе быть не можетъ; убѣдимся, что теорія, въ такомъ или другомъ видѣ, есть прямой руководитель во всякой нашей *практической* разумной и свободной дѣятельности, такъ-что, въ этомъ отношеніи, практика безъ теоріи будетъ слово совершенно безъ смысла, безъ значенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, естественно-ли человѣку, въ-особенности сколько-нибудь образованному и мыслящему, совершать какую-бы-то ни было свободно-предпринимаемую дѣятельность совершенно-безотчетно, бессознательно, слѣпо, наобумъ? Не предшествуетъ-ли обыкновенно всякой нашей разумной, собственно-человѣческой дѣятельности, всякому дѣлу и дѣйствию, произвольно-предпринимаемому и совершаемому, если не вполне ясное, раздѣльное и отчетливое, то, по крайней-мѣрѣ, какое-нибудь, по крайней-мѣрѣ, хотя темное и смѣшанное, понятіе или представленіе *о немъ, о формѣ, пріемахъ, способахъ и правилахъ его выполненія?* Можно-ли безъ того приниматься человѣку за какое-нибудь дѣло? Одной только природѣ неорганической, неразумной, бессознательной, естественно совершать свою дѣятельность, по предписаннымъ ей законамъ, невольно, безотчетно, слѣпо. Человѣкъ, напротивъ, очень рано, по своей высшей природѣ, стремится къ дѣятельности болѣе или менѣе отчетливой, сознательной, разумной. Въ умѣ его, по врожденной ему любознательности, очень рано пробуждаются о различныхъ представляющихся ему предметахъ вопросы: что это такое? какъ это дѣлается? какъ должно дѣлаться? почему такъ? для чего такъ? и пр. Рѣшеніе-жи этихъ вопросовъ, очевидно, ведетъ къ умозрѣнію, къ теоріи, которой одно изъ важнѣйшихъ назначеній, одна изъ важнѣйшихъ услугъ въ томъ и состоитъ, что она можетъ и должна быть потомъ руководительницею въ практикѣ. Всмотритесь въ самую первоначальную, въ полномъ смыслѣ слова — дѣтскую, еще инстинктивную дѣятельность человѣка, какъ существа свободно-разумнаго, и вы замѣтите, что *представленіе*, хотя и темное, неопредѣленное, *обыкновенно*

предшестуетъ всякому его стремленію къ дѣйствованію и самому *дѣйствованію*. Не напрасно самый органъ даже чувственаго высшаго *созерцанія* или усмотрѣнія, органъ зрѣнія и слуха, поставленъ природою впереди, выше другихъ членовъ организма нашего. Не напрасно умозрительное, теоретическое познаніе обыкновенно называется *априорическимъ*, руководительныхъ, высшимъ. Не напрасно одинъ изъ величайшихъ мыслителей древности, божественный, по выраженію Цицерона, Платонъ, давалъ такое высокое значеніе идеямъ и вообще умозрѣнію. Если вникнуть глубже, то не окажется-ли въ миѣніи гениальнаго мыслителя гораздо болѣе основательности и справедливости, нежели какъ это съ перваго разу эмпирикамъ кажется? Такъ, по неодолимому требованію самой природы нашей, по самой необходимости, мы стремимся къ знанію сверхъ-опытному, идеальному, *аподиктическому*. Опытъ показываетъ только случайное, преходящее, болѣе или менѣе ограниченное и несовершенное; а мы хотимъ знать идеально-совершенное, хотимъ знать возможное и необходимое. Опытъ показываетъ, какъ бываетъ, а мы желаемъ знать—*какъ должно быть*. Если-же нѣкоторыя общія понятія, нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія, должны предшествовать самымъ обыкновеннымъ, самымъ простымъ и естественнымъ нашимъ занятіямъ и дѣйствіямъ, то не болѣе-ли *искусственнымъ*? Если безъ теоріи, въ извѣстномъ смыслѣ, судя строго, нельзя приниматься ни за какое дѣло: то можно-ли вступать безъ нее въ область высшихъ, болѣе или менѣе искусственныхъ занятій мышленіемъ и словомъ? Удивительно-ли, послѣ сего, что никакой художникъ не производилъ никогда ничего прочаго, долговѣчнаго, достойнаго вниманія современниковъ и потомства, безъ извѣстныхъ понятій и правилъ теоріи своего искусства, въ какомъ-бы видѣ теорія эта для него не существовала?... Если-же теорія никогда не была излишнею и для великихъ, гениальныхъ художниковъ, то не болѣе-ли она пужна для обыкновенныхъ людей? Если она полезна и для опытныхъ уже въ извѣстномъ занятіи мужей, то не бо-

лѣе-ли необходима для юныхъ питомцевъ искусства? Понятно, затѣмъ, полнос глубокаго смысла п значенія замѣчаніе гениальнаго мужа и великаго писателя нашего, что ни въ какомъ родѣ сочиненій нельзя упражняться съ вождельнымъ успѣхомъ безъ знакомства съ теоріею языка, что «тупа теорія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики», и что «хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показывается путь самому употребленію» (19).

Признавая грамматику прямою, самою полезною и необходимою руководительницею для всѣхъ вообще учениковъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ, во всѣхъ практическихъ занятіяхъ Русскимъ языкомъ и словесностію, мы однакожь не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ педагоговъ нашихъ, которые полагаютъ, что ученикъ долженъ *самъ собою придти къ выводу общихъ понятій и правилъ грамматики, законовъ языка* (20): другими словами—это значитъ почти то-же, что требовать и ожидать отъ учениковъ составленія грамматики. Это другая крайность. Скоро-ли эти правила составятся и много-ли ихъ будетъ, если предоставить эту работу малолѣтнимъ ученикамъ, само собою разумѣется, что подъ руководствомъ учителя? Что грамматическія понятія и правила должны быть объясняемы ученикамъ, въ-особенности низшихъ классовъ, преимущественно примѣрами, это вполнѣ справедливо и необходимо; но чтобы отъ малолѣтнихъ учениковъ можно было требовать самостоятельнаго вывода грамматическихъ понятій и правилъ изъ данныхъ примѣровъ, на это согласиться невозможно. Эта послѣдняя работа рѣшительно не во силамъ дѣтямъ, въ-особенности низшаго возраста. Такая работа, даже въ об-

(19) Ломоносовъ въ предисловіи своей грамматики.

(20) См. программу Кіевск. учебн. окр., изд. 1856 и 1847 год., а также учебникъ Русскаго языка Александра Смирнова, вступл. стр. VIII.

ласти познанія видимой природы, при всей кажущейся простотѣ своей и легкости, требуетъ ума болѣе зрѣлаго и опытнаго, а кромѣ того, вниманія глубокаго; тѣмъ труднѣе она въ области познанія міра духовнаго, въ области познанія мышленія и слова. Это—работа филологовъ, лингвистовъ, академиковъ, а не малолѣтнихъ дѣтей. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, ученикъ самъ собою дойдетъ, напримѣръ, до *общаго отвлеченнаго понятія* о предложеніи вообще и частяхъ его, до понятія о томъ, что извѣстное слово, во всякомъ предложеніи, слѣдуетъ назвать подлежащимъ, другое сказуемымъ, одно именемъ существительнымъ, другое глаголомъ, нарѣчіемъ и т. д., однимъ словомъ, дойдетъ до *общихъ* грамматическихъ понятій и законовъ? Такъ думать—значитъ самого себя произвольно обманывать. Психологическія наблюденія рѣшительно этого не подтверждаютъ. Вы навязываете великодушно ученикамъ вашимъ то, что сами дѣлаете, считаете ихъ открытіемъ то, что сами имъ открываете. Вы усвоите дитяти то, что принадлежитъ зрѣлому мужу, и то не всякому. Припомните, какъ долго, по отношенію къ этимъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, весь родъ человѣческой быль, можно сказать, дитятею. Припомните, когда вниманіе самыхъ философовъ обращено было на изслѣдованіе природы нашего мышленія и слова. Посмотрите, сколько и теперь еще возникаетъ сомнѣній въ законности и основательности правилъ нашего языка, выведенныхъ изъ наблюденія надъ нимъ не учениками-дѣтьми, а глубокими знатоками этого дѣла (чит. ст. М. Михайлова: «Грамматическія сомнѣнія» «Русск. педаг. вѣстн. т. VI. 1859 г.). Есть сомнѣнія, что категорія языка, законы его развитія дѣйствительно присущи природѣ нашего духа; но легче дѣйствовать по этимъ законамъ инстинктуально, безсознательно, по навыку, нежели подмѣтить и открыть ихъ, нежели самостоятельно составить объ нихъ точное понятіе, и выразить это понятіе приличнымъ словомъ. Такъ законы и формы мышленія присущи по самой природѣ нашему познающему ду-

ху; по нимъ мыслить и простолюдинъ, никогда не слыхавшій о существованіи науки логики; но каждый-ли способенъ самъ собою открыть эти законы и формы, показать ихъ сущность, и дать всему этому приличное названіе и объясненіе? для этого нужны были умы Платоновъ и Аристотелей, которыхъ, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, видимъ такъ немного. Если малолѣтнимъ дѣтямъ не легко, какъ полагаютъ эмпирики, усвоить себѣ готовые, уже данныя, отвлеченныя грамматическія понятія, то не труднѣе-ли для нихъ будетъ самостоятельно составить и надлежащимъ образомъ выразить эти понятія? Да и для чего заставлять дѣтей безуспѣшно трудиться надъ самостоятельнымъ открытіемъ того, что давнымъ-давно уже открыто, готово? Какая настоятъ въ томъ нужда для учениковъ и какая предвидится отъ этого особенная польза для нихъ? Уже-ли все мы должны непременно сами испытывать и открывать? Уже-ли безплодно должны исчезать для насъ опыты и наблюденія старѣйшихъ, даровитѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ извѣстномъ дѣлѣ нашихъ современниковъ и предшественниковъ? Мало-ли весьма полезныхъ и необходимыхъ для насъ истинъ принимаемъ мы, еще въ раннемъ дѣтствѣ, чисто по авторитету, одною вѣрою, а послѣ убѣждаемся собственнымъ опытомъ и размышленіемъ въ ихъ совершенной вѣрности, непреложности и пользѣ? Да не въ этомъ-ли и состоитъ важнѣйшая услуга всякой науки вообще, что она, въ короткое время, дѣластъ нашимъ достояніемъ плоды многолѣтнихъ опытовъ, наблюденій, изысканій и размышленій не только другихъ, старѣйшихъ насъ умомъ и опытностію, современниковъ нашихъ, но и даровитыхъ мыслителей многихъ вѣковъ предшествовавшихъ? Вы заботитесь объ умственномъ самодѣтельномъ развитіи дѣтей? Это прекрасно, только берегитесь, чтобы это развитіе не было преждевременно и насильственно: оно можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Упражняйте, развивайте силу мышленія и соображенія отрока, это весьма полезно и важно; но не забывайте,

что ему легка и естественна умственная работа преимущественно въ сферѣ памяти и воображенія. Дѣйствуйте по указанію самой природы, и не ошибитесь. Мы думаемъ, поэтому, что ученикъ, извѣстнаго возраста, въ-особенности на первыхъ порахъ, самъ собою, на самомъ дѣлѣ и не можетъ, и не имѣетъ никакой надобности выводить изъ данныхъ примѣровъ понятія и правила грамматики, а можетъ только, и долженъ, занимаясь, при руководствѣ учителя и учебника, практикою языка, видѣть изъ примѣровъ, на опытѣ, какъ правила эти выведены, и убѣждаться, гдѣ это возможно, что они вѣрно и основательно выведены. *Задача дѣтской ученической практики*— не составлять самостоятельно или исправлять теорію языка (эта задача имъ не по силамъ), а *уяснить для себя готовую теорію и приобрести навыкъ прилмнять надлежащимъ образомъ понятія и правила этой теоріи къ дѣлу*, и, такимъ образомъ, усовершенствовать себя въ языкѣ. Посредствомъ-ли изустнаго преподаванія, при помощи-ли учебника, или того и другаго вмѣстѣ, только ученикъ, на самомъ дѣлѣ, долженъ получить отъ учителя грамматическія понятія и правила, какъ *данное*, готовое, а посредствомъ анализа, практики и примѣровъ, онъ долженъ только уяснить себѣ, сколько возможно лучше, эти правила (21). Представьте-ли вы

(21) Слѣдующій отрывокъ (изъ сочиненія г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка») можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ понимать употребленіе въ преподаваніи дѣтямъ грамматики отечественнаго языка, методы такъ-называемой пронамитической или сократической, показывая намъ на дѣлѣ, какихъ отвѣтовъ можетъ требовать учитель отъ учениковъ, и что долженъ предварительно самъ сказать имъ во время преподаванія. «Если я скажу только два слова: ручей течетъ.—понимаете-ли, чтѣ я сказалъ? о чемъ я говорю? о ручьѣ. Что говорю я о ручьѣ? что онъ течетъ. То, о чемъ говоритъ, называется подлежащимъ; а то, что говорится о подлежащемъ, называется сказуемымъ. Ручей течетъ: которое подлежащее? которое сказуемое? Теперь я вамъ скажу: загорѣлся домъ; о чемъ здѣсь говорится? гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? Проголодался левъ: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, домъ, левъ—подлежащія, те-

въ учебникѣ вашемъ, или въ изустномъ преподаваніи, прежде примѣры; а потомъ выведете изъ нихъ правила и понятія грамматическія, какъ въ практическихъ грамматикахъ гг. Греча, Смирнова и Перевѣскаго; или обратно, т.-е. представите прежде правила, а потомъ укажете примѣры, поясняющіе эти правила, какъ изложена краткая Русская грамматика Греча и сокращенная грамматика Востокова; въ томъ и другомъ случаѣ первоначально, очевидно, это будетъ работа не ученика, а составителя грамматики или преподавателя, въ томъ и другомъ случаѣ ученикъ изучаетъ готовую грамматику, а не составляетъ ее, какъ это необходимо слѣдуетъ изъ мнѣнія тѣхъ, которые усвояютъ ученикамъ-дѣтямъ *самостоятельный выводъ правилъ практическимъ путемъ*. Затѣмъ, назовете-ли вы грамматику практическою, аналитическою, или какъ-нибудь иначе, все-таки она есть теорія языка, грамматика, т.-е. систематическое собраніе понятій и правилъ, руководствующихъ къ основательному изученію языка, все-таки она должна быть для учениковъ чѣмъ-то *готовымъ, даннымъ*, что они должны изучать, и для того, чтобы практика языка шла хорошо, изученіе ея для дѣтей, свыше десятилѣтняго возраста, совершенно необходимо. Обыкновенный, *синтетическій способъ изложенія этой науки*, разумѣется,

чегъ, загорѣлся, проголодался—сказуемая; но замѣйте, что я говорю подлежащее вмѣстѣ съ сказуемымъ: ручей течетъ. Подлежащее и сказуемое, вмѣстѣ соединенныя, называются предложеніемъ: слѣд. домъ загорѣлся, левъ проголодался—предложенія. Такъ-какъ подлежащее есть то, о чемъ говорится, а сказуемое то, что говорится о подлежащемъ: то въ предложеніи мы говоримъ что-нибудь (сказуемое) о какомъ-нибудь предметѣ (подлежащее). Сколько частей узнали вы въ предложеніи? двѣ. Слѣд. подлежащее и сказуемое части предложенія; а потому вотъ какъ надобно ихъ опредѣлять: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи; сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ въ предложеніи. (См. стр. 228 части I). Тутъ очевидно, что понятіе сперва о подлежащемъ и сказуемомъ, а потомъ о предложеніи вообще, даетъ ученикамъ первоначально самъ учитель, а отъ учениковъ требуется только, чтобы они усвоили себѣ эти понятія и умѣли прилагать ихъ потомъ, въ данномъ случаѣ, къ дѣлу.

съ примѣрами, по нашему мнѣнію, естественнѣе, короче и *для изученія удобнѣе и проще*. Какъ для всякаго, такъ въ-особенности для дѣтей, гораздо легче усвоить себѣ общее понятіе, и подъ это общее понятіе или правило, подъ одинъ законъ, подводить потомъ тысячи частныхъ явленій, примѣровъ и случаевъ, посредствомъ общаго понимать частное, нежели слѣдить при изученіи за множествомъ частныхъ, чтобы вывести наконецъ оттуда одинъ общій законъ, правило, общее понятіе. Не безъ основанія, всякое *общее* отвлеченное представленіе существенныхъ признаковъ предмета называется *понятіемъ*: мы посредствомъ этихъ общихъ представленій весьма легко *понимаемъ*, уразумѣваемъ безчисленное множество содержащихся подъ нимъ частныхъ. Не безъ основанія самый методъ синтетическій, ведущій отъ общаго къ частному, обыкновенно называется поступательнымъ, знательнымъ, научнымъ (*methodus progressiva, scientifica*); онъ чрезвычайно-удобенъ для сообщенія, въ короткое время, многихъ, подлежащихъ изслѣдованію извѣстной науки, и притомъ отчетливыхъ и основательныхъ, свѣдѣній. Путь наведенія, анализа, напротивъ, очень продолжителенъ, а потому вообще, а тѣмъ болѣе для дѣтей, скученъ, тягостенъ, утомителенъ. Онъ совершенно-необходимъ и неизбѣженъ при первоначальномъ составленіи понятій о предметахъ, въ собраніи отдѣльныхъ правилъ, въ отысканіи законовъ, умѣстенъ и весьма-полезенъ въ *изученіи преподаваніи*, при объясненіи отвлеченныхъ понятій наглядными примѣрами и явленіями, при поправкѣ составленныхъ понятій и правилъ на опытѣ, въ *примѣненіи къ практикѣ*; но не въ систематическомъ собраніи понятій и правилъ для передачи учащимся, *не въ учебной книгѣ*. Оттого самыя эти аналитическія грамматики бывають обыкновенно такъ утомительны, огромны, многотомны (22). Прекрасно однимъ педагогомъ нашимъ за-

(22) Вотъ нѣкоторыя наши практическія грамматики, ихъ внѣшній объемъ и значеніе:

мѣчено, что излагать грамматику методомъ аналитическимъ или практическимъ значитъ повторять безъ надобности въ учебникѣ приемы составленія грамматики и изустнаго ея преподаванія, въ

Къ однимъ изъ самыхъ раннихъ и первыхъ опытовъ филологовъ нашихъ въ этомъ родѣ принадлежатъ у насъ, кажется, *Практическіе уроки Русской грамматики*, изданные Николаемъ Гречемъ, въ С. Петербургѣ, въ 1832 году. Уроки эти, какъ видно изъ предисловія самого издателя, должны были служить дополненіемъ и поясненіемъ къ изданнымъ г. Гречемъ въ 1828 и 1830 годахъ *Начальнымъ правиламъ Русской грамматики*, руководствуясь къ повторенію и практическому употребленію оныхъ. Въ урокахъ этихъ каждая глава, каждое отдѣленіе начинается *вопросами*, съ указаніемъ на тѣ параграфы *Начальныхъ правилъ*, въ коихъ заключаются отвѣты на эти вопросы. За вопросами слѣдуютъ *задачи*, для исполненія на дѣлѣ правилъ, изложенныхъ въ предыдущихъ вопросахъ и отвѣтахъ. Для облегченія трудовъ учителя при исправленіи ошибокъ учениковъ въ рѣшеніи задачъ, приложенъ былъ къ этимъ урокамъ, въ особой книжкѣ, *Ключъ*, т.е. рѣшеніе всѣхъ задачъ, въ этой книжкѣ содержащихся.

Практическіе уроки эти, безъ сомнѣнія, бывшіе въ свое время весьма полезными для преподавателей, не лишены и въ настоящее время своего извѣстнаго значенія и интереса, заключающаго въ себѣ 346 страницъ въ 8-ю долю большаго листа, а *Ключъ* къ этимъ урокамъ содержитъ въ себѣ 168 такихъ-же страницъ. Обѣ эти книги, безъ сомнѣнія, послужили важнымъ пособіемъ при составленіи позднѣйшихъ, такъ-называемыхъ *практическихъ грамматикъ и учебниковъ Русскаго языка*. Составитель «Практическихъ уроковъ» назначалъ эту книгу, очевидно, исключительно для учащихся.

Въ изданномъ въ 1851 году тѣмъ-же Гречемъ *«Руководствъ къ преподаванію по учебной Русской грамматикѣ Николая Греча»* прямо означено, что оно предназначается для *учащихъ*. Цѣль изданія этого Руководства ясно обозначена въ слѣдующихъ, заслуживающихъ вниманіе, словахъ предисловія къ оному: «Составленіемъ *Учебной Русской грамматики* и особаго *Руководства* къ преподаванію по ней предполагалось дать учащимъ и учащимся способы и средства къ исполненію, *при изученіи правилъ* Русскаго языка, требованій и указаній, заключающихся въ Высочайше утвержденномъ (24 декабря 1848 года) *Наставленіи* для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Для способствованія къ достиженію цѣли, предложенной въ инструкціи, почтено за нужное изложить правила Русской грамматики въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ. Въ первой, *предназначенной въ руководство преподающимъ*, грамматика изложена подробнымъ разборомъ и истолкованіемъ предлагаемыхъ ученику примѣровъ и выводимыхъ изъ нихъ общихъ основныхъ правилъ. Къ симъ правиламъ присовокуплено и практическое ихъ приложеніе въ главныхъ чертахъ. Въ другой-же, составленной для *употребленія ея учениками*, повторены извлеченные въ Ру-

учебной книгѣ совершенно-неумѣстные, значить **производить** грамматику на степень какого-то самоучителя (23).

ководствѣ выводы, съ присовокупленіемъ къ нимъ примѣровъ и исключеніемъ подробностей и исключеній».

Это *Руководство къ преподаванію Русской грамматики* и въ настоящее время, при существованіи позднѣе изданныхъ грамматикъ, весьма полезно для преподавателей, а высказанный авторомъ его, въ приведенныхъ нами словахъ предисловія, взглядъ на преподаваніе отечественнаго языка, а также на употребленіе упомянутаго руководства и обыкновенной грамматики, кажется намъ самымъ естественнымъ и правильнымъ, именно, что такъ-называемая практическая грамматика годится для преподавателя и методъ ея умѣстенъ при изустномъ объясненіи законовъ и формъ языка, а для изученія самыхъ этихъ законовъ и формъ ученикамъ необходимъ другой, обыкновенный, методомъ синтетическимъ изложенный учебникъ. Руководство это, изданное въ С. Петербургѣ въ типографіи Н. Греча, заключаетъ въ себѣ 304 стр., да приложенное къ ней «Рѣшеніе задачъ учебной Русской грамматики» 110 стр., итого 414 стр., въ 8-ю долю большаго листа.

Изданное г. Перевѣльскимъ въ 1855 году, въ С. Петербургѣ «Начертаніе этимологій» (часть вторая) названо прямо *Практическою Русскою грамматикою*. Это начертаніе одной только этимологій заключаетъ въ себѣ 260 стр. мелкой печати, въ 12-ю д. л.

Наконецъ въ практической грамматикѣ г. Смирнова, изданной въ 1853 и 1854 г. (годъ 1, 2 и 3-й), всего 498 стр. въ 8-ю долю большаго листа, мелкаго убористаго шрифта. Данное этой послѣдней грамматикѣ названіе *Учебника* заставляетъ думать, что она предназначена для употребленія не только учащихъ, но и учащихся, даже преимущественно для послѣднихъ. Достоинство и польза этой книги очевидны и несомнѣны: но это болѣе руководство для наставниковъ, нежели учебникъ для учениковъ. Онъ такъ огроменъ, такъ подробенъ и полонъ, что необходимо долженъ смутить, привести въ удивленіе самаго прилежнаго и даровитаго малолѣтнаго ученика высшихъ классовъ, если только ему придется изучать хотя десятую долю его, т.-е. одни выводы, положимъ даже въ-теченіе трехъ лѣтъ!

(23) Намъ кажется не совсемъ удачнымъ и правильнымъ самое названіе *грамматики*, излагаемой аналитическимъ методомъ, *практическою*. Практическій методъ обыкновенно противопоставляется теоретическому. Грамматика, какъ грамматика, поелику излагаетъ въ систематическомъ порядкѣ извѣстныя понятія и правила, есть *теорія языка*. Значить, называя грамматику практической, мы называемъ самую *теорію практическою* (?). Какъ-же назвать затѣмъ обыкновенную грамматику, излагаемую методомъ обыкновеннымъ, научнымъ, синтетическимъ? Выходитъ, что ее слѣдуетъ назвать *теоретическою*, и, такимъ образомъ, опять грамматика будетъ *теоретическою теоріею* (?). Что касается того, что практическая грамматика показываетъ, какъ прила-

Невозможно согласиться и съ тѣми изъ педагоговъ нашихъ, которые, хотя и не отрицаютъ пользы для малолѣтнихъ

гать къ дѣлу правила теоріи, то это принадлежитъ болѣе или менѣе всякой, обыкновенной грамматикѣ, которая также, указавъ примѣровъ, обыкновенно слѣдующихъ за правилами, показываетъ на дѣлѣ приложеніе правилъ къ практикѣ. Кажется, нѣкоторые изъ самихъ составителей такъ-называемыхъ *практическихъ грамматикъ* чувствовали, что этимъ грамматикамъ не совѣмъ прилично названіе практическихъ. По-крайней-мѣрѣ мы видимъ, что г. Гречъ назвалъ свою практическую грамматику, изданную въ 1832 году, *Практическими уроками*, а изданную въ 1851 г. — *Руководствомъ къ преподаванію*, а не практическую грамматикою, точно также и г. Смирновъ назвалъ свою практическую грамматику *Учебникомъ*, хотя на X стр. своего предисловія къ 3 году и говоритъ, что *наука отечественнаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ она составляетъ предметъ зачатій первоначальнаго курса (т.-е. въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ее тамъ излагаетъ), по всей справедливости, можетъ быть названа практическою грамматикою современнаго языка*».

Какъ изложеніе законовъ нашего языка методомъ аналитическимъ, такъ и *названіе грамматикъ*, изложенной этимъ методомъ, *практическою*, пошло у насъ въ особенное употребленіе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сдѣлалось моднымъ и господствующимъ самое изученіе языковъ такъ-называемое практическое, а правилыѣ сказать эмпирическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе или менѣе безотчетное, бессознательное, механическое. Механизмъ поспѣшнаго изученія языковъ виденъ у насъ въ-особенности на изученіи языковъ новѣйшихъ иностранныхъ. Въ 1-й классъ гимназій принимаютъ у насъ безъ экзамена по языкамъ Нѣмецкому и Французскому. Затѣмъ тотчасъ начинаютъ учить не только чтенію, но и *переводу* краткихъ фразъ учебниковъ, изъ коихъ нѣкоторыя, не приготовленные по этимъ предметамъ дома, не имѣютъ никакого понятія ни о буквахъ и произношеніи ихъ, ни о родахъ имени, ни о склоненіи члена, имени существительнаго и прилагательнаго, а тѣмъ болѣе о спряженіи глаголовъ. Можно-ли ожидать успѣховъ въ языкахъ при такомъ преподаваніи! Грамматика, говорятъ, нужна только при изученіи языковъ древнихъ. Этотъ взглядъ на изученіе языковъ, по нашему мнѣнію, есть самый фальшивый! И здравый смыслъ говорить и писать показываетъ, что изученіе и иностранныхъ языковъ, какъ и отечественнаго, не сопровождается изученіемъ теоріи, не можетъ быть ни успѣшнымъ, ни основательнымъ и отчетливымъ. Если необходимо изученіе грамматики и такихъ языковъ, которыхъ литературу мы имѣемъ надобность только понимать, чтобъ ею пользоваться и передавать правильно своимъ соотечественникамъ на родномъ языкѣ (разумѣю литературу Греческую и Римскую): то не нужнѣе-ли знать правила употребленія тѣхъ языковъ, на которыхъ мы имѣемъ надобность говорить и писать, если только мы желаемъ говорить и

дѣтей знанія правилъ грамматики, для успѣшнаго занятія практикою Русскаго языка, не отвергаютъ и того, что правила эти

писать чисто, ясно и правильно? Названіе нашей грамматики *практической* вошло въ особенное употребленіе, кажется, по самой необходимости, и притомъ очень естественно и просто. Всеобщее практическое и эмпирическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе матеріалистическое и сенсуалистическое направленіе не могло не отразиться у насъ какъ въ воспитаніи вообще, какъ въ преподаваніи нѣкоторыхъ другихъ наукъ, такъ и въ языкованіи: съ нѣкотораго времени у насъ стали хлопотать въ-особенности о томъ, чтобы преподаваніе языковъ главнымъ образомъ было легкое, пріятное, дѣтской лѣтви и чувственности не безпокоющее, однимъ словомъ практическое, безъ всякой теоріи, безъ грамматики; а при всемъ томъ, отъ учениковъ естественно все-таки требовалось знаніе языка удовлетворительное, отчетливое. Знатокамъ дѣла было понятно, что *только повидимому* научиться языку безъ грамматики, такъ-называемую чисто-практическую методю, *легче* и *удобнѣе*, а на самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе, вѣрнѣе-же и правильнѣе сказать — основательное изученіе языка, безъ грамматики, вовсе невозможно. Чтобы не противорѣчить модѣ и господствующему направленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить требованіямъ основательнаго изученія и самой очевидной необходимости, ничего болѣе не оставалось, какъ только изложить въ сущствѣ своемъ ту-же *грамматику*, только другимъ методомъ, перенести въ мертвою книгу пріемы живаго изустнаго преподаванія, и для успокоенія и удовольствія безотчетныхъ поклонниковъ чисто-практической методы, мнимой новизны, назвать ее именемъ господствующаго направленія и моды — *практической*. Такимъ образомъ, при пособіи-ли книги, или безъ книги, только преподавалась и преподается, изучалась и изучается, въ сущности, та-же грамматика, т.-е. наука, излагающая законы и правила языка: ибо иначе преподавать съ успѣхомъ никакого языка и невозможно; но безотчетные любители и почтители всякихъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ новостей, а въ томъ числѣ и практической методы, остались довольны, что по-крайней-мѣрѣ неизвѣстная для нихъ грамматика эта называется уже не обыкновеннымъ своимъ именемъ, а *практической*. Чтобы убѣдиться въ истинности нашего объясненія происхожденія по-крайней-мѣрѣ позднѣйшихъ практическихъ грамматикъ, достаточно прочитать со вниманіемъ предисловія грамматикъ гг. Перевѣскаго и Смирнова. Эти предисловія, въ угоду модѣ и духу времени, начинаются почти мыслями г. Разина, т.-е., что грамматика совсѣмъ не нужна, что безпокоить дѣтей изученіемъ ея совершенно бесполезно, что даже практическая грамматика излишня, а оканчиваются признаніемъ, что знать правила грамматики не только полезно, но и совершенно необходимо; что изученіе грамматики роднаго языка должно предшествовать изученію грамматикъ другихъ языковъ; что Русская грамматика есть поэтому для дѣтей такая книга, безъ которой и обойтись имъ никакъ невозмож-

сообщаются ученикамъ учителемъ, а не выводятся самими учениками, думаютъ однакожь, что ученику должны быть со-

но, а потому она и издается... Вотъ что говоритъ, наиримѣръ, г. Перевлѣскій въ предисловіи ко второму изданію (1847 г. Москва) своего начертанія Русскаго синтаксиса: «Этотъ синтаксисъ не *практической*, какъ бытъ прежній синтаксисъ сложнаго предложенія, ибо я теперь убѣжденъ, что *практическіе учебники* отечественнаго языка ни на что не годятся, и *ни къ чему не ведутъ* при современномъ понятіи о преподаваніи роднаго языка. Они принадлежатъ уже къ тѣмъ явленіямъ отсталымъ. Скажите, продолжаетъ г. Перевлѣскій (стр. IV), къ чему и на что намъ эти практическія грамматики, когда гимназій наши *стали изучать теорію* языка на чтеніи *классическихъ писателей*, когда классъ Русскаго языка сдѣлалъ своею прямою и единственною задачею изученіе *самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей, а не *безтолковое затвержваніе правилъ*... Смысль этихъ словъ очевиденъ: онъ состоитъ въ томъ, что при настоящемъ, практическомъ способѣ преподаванія отечественнаго языка, *излишня для дѣтей всякая грамматика*, даже практическая: ибо у насъ стало теперь единственною задачею изученіе *самаго языка*, а не законовъ и правилъ его употребленія. Очевидно и то, что авторъ этого предисловія одобряетъ такую методу обученія и считаетъ ее, повидимому, правильною и вполнѣ удовлетворительною. Но для кого-же, спрашивается, и для чего издаетъ онъ свой синтаксисъ при этомъ-же самомъ предисловіи (въ 1847 г.), а потомъ (1855), не смотря на помянутыя свои убѣжденія касательно значенія практической грамматики, издаетъ и *вторую часть* именно *практической* Русской грамматики, этикологію, — если изложенныхъ въ этихъ грамматикахъ правилъ нѣтъ изучать не будетъ, и если классъ Русскаго языка сдѣлалъ прямою и *единственною задачею* своею изученіе *самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей?... Мы даже не понимаемъ, почему г. Перевлѣскій говоритъ, что у насъ стали *изучать теорію* на чтеніи классическихъ писателей, если, по словамъ его, классъ Русскаго языка сдѣлалъ своею прямою и *единственною* задачею только изученіе *самаго языка* (а не теоріи), въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей? Не понимаемъ и того, для какой цѣли подобно изучать дѣтямъ теорію, если только дѣйствительно на одномъ чтеніи писателей можно изучить языкъ?... Но, можетъ быть, г. Перевлѣскій издаетъ свою грамматику только для учащихся? Нѣтъ, онъ издаетъ ее именно для учениковъ. Въ заключеніе того-же предисловія своего г. Перевлѣскій говоритъ, что выразумѣть и *изучить правила* роднаго языка *для учениковъ* совершенно *необходимо*; что *необходима* поэтому *учебникъ*, и притомъ еще живой и подвижной, именно учитель; что и при учитель *грамматика* все-таки есть *необходимая для дѣтей памятная книжка*. «Неужели, продолжаетъ г. Перевлѣскій, и послѣ такихъ пріемовъ преподаванія, ученики не въ состояніи будутъ *выразумѣть и изучить правила грамматиче-*

общаемы эти правила въ низшихъ классахъ, напр. въ 1-мъ и 2-мъ кл. гимназій, *только изустно, безъ книгъ*, а по книгѣ они

сказъ? Въ наше время, заключаетъ наконецъ г. Перевлѣскій, *учебникъ живой и полнѣйшій—самъ учитель*, и руководство въ рукахъ учениковъ ни болѣе ни менѣе, какъ только *памятная книжка*, съ которою *подъ-часъ надо справиться*, въ которую *порой надо заглянуть*, когда забудешь *объясненія учителя*. Можно-ли было ожидать такого заключенія въ этомъ предисловіи послѣ вышеприведеннаго вступленія?... Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этихъ послѣднихъ словъ автора, что для отчетливаго и основательнаго знанія языка *недостаточно*, выходить, *изученіе только самаго языка* въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей, когда, по словамъ автора, нуженъ еще, именно для учениковъ, и учебникъ, и притомъ живой и полнѣйшій, и кромѣ-того и памятная книжка? Кто не согласится съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ г. Перевлѣскаго? Кто не согласится, что, какъ всегда бывало при хорошемъ преподаваніи, такъ и теперь,—учебникъ живой и полнѣйшій долженъ быть самъ учитель, а руководство въ рукахъ учениковъ есть *необходимая памятная книжка*? Только чтобы, занимаясь практикой Русскаго языка, въ-особенности изложеніемъ мыслей своихъ на бумагѣ, не встрѣчать постоянно различныхъ недоумѣній и сомнѣній, и вслѣдствіе этого не ходить постоянно за учителямъ и не носиться съ этою памятною книжкою, то, очевидно, гораздо лучше усвоить себѣ памятью и разумѣніемъ содержаніе этой памятной книжки. И когда такъ легко и удобно это сдѣлать, какъ не въ дѣтскомъ возрастѣ?...

Мнѣніе г. Перевлѣскаго, очевидно, колеблется, такъ-что онъ невольно противорѣчитъ самому себѣ: то онъ соглашается, повидимому, съ тѣми, которые утверждаютъ, что грамматика вовсе не нужна, что ее изучать совсѣмъ не слѣдуетъ; то невольно высказываетъ мысль, что знаніе правилъ грамматики необходимо, а слѣд. необходима и самая, излагающая эти правила, грамматика, а потому и самъ онъ издаетъ ее подъ разными названіями.

Подобныя противорѣчущія мысли находимъ мы и въ предисловіи къ Практической грамматикѣ г. Смирнова. Такъ въ предисловіи къ году 1-му, на страницѣ II, онъ говоритъ: «Въ настоящее время я уже не смѣю сколько присвоивать себѣ методы (практической), по которой составленъ *учебникъ*. Многочисленные опыты другихъ преподавателей привели къ тому-же убѣжденію въ необходимости этой метода. Учебныя начальства всѣхъ вѣдомствъ свидѣлствуютъ, что преподаваніе по этой методѣ несравненно успѣшнѣе и плодотворнѣе, *нежели прежнее ученіе грамматики*». Послѣднія слова невольно заставляютъ думать, что грамматика г. Смирнова есть такая книга, по которой ученики совсѣмъ уже ничего учить не будутъ: но для чего-же она издается авторомъ, и притомъ именно подъ названіемъ *учебника*? (Заучиваніе опредѣленія и раздѣленія грамматики, продолжаетъ г. Смирновъ, произвольнаго раздѣленія буквъ, раздѣленія и подраздѣленія частей рѣчи и

должны ознакомиться съ правилами не раньше, какъ въ 3-мъ классѣ гимназій (24). Еслибы до 3-го класса практика Русскаго языка могла ограничиваться однимъ только чтеніемъ и изученіемъ избранныхъ отрывковъ наизусть, то въ такомъ случаѣ ученики немного-бы еще теряли отъ такого способа пре-

*всѣхъ грамматическихъ правилъ, приводящихъ будто-бы ученика къ правильному употребленію языка устно и письменно, никогда не приведетъ къ этой цѣли». И здѣсь, очевидно, повторяется и болѣе усиливается та-же мысль автора, именно: что изученіе грамматическихъ понятій и правилъ бесполезно, потому-что оно не приводитъ ученика къ правильному употребленію языка устно и письменно: но и здѣсь также невольно и съ нашей стороны повторяется прежній нашъ вопросъ: для чего авторъ напрасно трудится, пишетъ и издаетъ эту свою грамматику, полную, какъ водится, опредѣленій, раздѣленій и правилъ изустнаго и письменнаго употребленія языка, и притомъ издаетъ ее именно подъ названіемъ учебника?... Послушаемъ дальше автора: онъ скажетъ намъ нѣчто другое, онъ скажетъ, что изучать грамматику отечественнаго языка, при всѣхъ практическихъ занятіяхъ языкомъ, совершенно-необходимо и притомъ прежде и преимущественно предъ грамматиками всѣхъ другихъ иностранныхъ языковъ; что безъ грамматики отечественнаго языка обойтись нельзя, что она необходимое въ рукахъ учениковъ орудіе. Такъ на стр. X. г. Смирновъ говоритъ: «Общихъ опредѣленій учителя иностранныхъ языковъ не долженъ касаться; они *должны быть извѣстны ученику изъ отечественной грамматики?*... Но какъ-же они будутъ извѣстны, если ихъ не будутъ изучать. Потомъ даже, на той-же страницѣ: «Заучиваніе грамматическихъ формъ въ совокупности должно слѣдовать за разборомъ примѣровъ, а не предшествовать имъ». Это правда; но здѣсь уже ясно говорится о заучиваніи формъ грамматическихъ. На стр. IV: «Правословіе составляетъ прямую практическую цѣль *изученія* этимологій... И здѣсь опять говорится *объ изученіи* этимологій». *Наука о языкѣ*, замѣчаетъ наконецъ г. Смирновъ, во всѣхъ своихъ частяхъ *должна быть передана ученику* въ той мѣрѣ, сколько нужно *для практической цѣли — правильного употребленія языка устно и письменно*. Здѣсь уже говорится, что наука о языкѣ имѣетъ практическую цѣль—способствовать изучающимъ ее къ правильному употребленію языка устно и письменно, и что она должна быть передана ученикамъ въ такой мѣрѣ, какая необходима для достиженія этой цѣли. На страницѣ-же XIV г. Смирновъ опять повторяетъ: «всѣ общія *опредѣленія*, свойственныя одинаково всѣмъ языкамъ, ученикъ *усваиваетъ себѣ* по классу отечественнаго языка», а въ заключеніе говоритъ, что *учебная книга въ рукахъ ученика есть необходимое для него орудіе*» (стр. 11). Можно-ли было ожидать такого заключенія послѣ того, что сказано въ началѣ предисловія о бесполезности изученія грамматики?...*

(24) См. программу Киевск. учебн. окр. 1856 г.

подаванія; но когда къ этой практикѣ въ низшихъ-же двухъ классахъ гимназій присоединяется уже этимологическій и синтаксическій разборъ, а также упражненіе въ правописаніи, а при такихъ занятіяхъ необходимо предполагается уже знаніе главнѣйшихъ правилъ почти цѣлой грамматики: то потеря для учениковъ отъ такого способа обученія весьма немаловажна. Многие-ли изъ учениковъ, въ-особенности низшихъ классовъ, такъ внимательны, а притомъ такъ даровиты, что могутъ съ точностію замѣтить все сказанное въ классѣ учителемъ и притомъ различить въ его объясненіи главное отъ второстепеннаго, не смотря на то, что извѣстныя правила будутъ повторены ученикамъ много разъ въ классѣ, и что ученики вполнѣ поймутъ эти правила? *Verba volant, scripta manent.* Кроме-того, многие-ли ученики, по обыкновенію своему, считаютъ своею обязанностию знать то, что сказано учителемъ въ классѣ, но не задано имъ выучить по книгѣ? Знаемъ, что этотъ ученическій обычай очень дуренъ; но онъ есть, и еще не скоро истребится. А между-тѣмъ хорошій наставникъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что у него успѣваютъ только нѣкоторые ученики: онъ старается, чтобъ успѣвали рѣшительно все. Далѣе, долго-ли помнится дѣтьми только слышанное, даже надлежащимъ образомъ понятое и замѣченное, но не выученное? Гдѣ справиться, и по чемъ вспомнить забытое, а между-тѣмъ въ извѣстномъ случаѣ весьма необходимое? Если это случится дома, въ квартирѣ, ужели бѣжать къ учителю? Много-ли наконецъ пользы отъ знанія правилъ грамматики совершенно-безсвязнаго, отрывочнаго? А при плохомъ знаніи теоріи, какъ можетъ хорошо идти практика? Однимъ словомъ, мы не знаемъ основательной причины, почему-бы не слѣдовало ученикамъ давать учебной книги въ руки и указывать въ ней тѣхъ правилъ, которыя въ извѣстный день изустно предлагаются и объясняются учителемъ въ классѣ, и которыя имѣютъ постоянное примѣненіе къ практическимъ занятіямъ уче-

никовъ первыхъ двухъ классовъ гимназій: напротивъ, много видимъ причинъ, почему это невыгодно для нихъ. Поэтому мы вполне согласны въ этомъ случаѣ съ тѣми педагогами нашими, которые какъ вообще хорошій учебникъ, такъ и въ частности Русскую грамматику, считаютъ самымъ необходимымъ *орудіемъ*, необходимою *памятною книжкою* (25) въ рукахъ учениковъ, занимающихся Русскимъ языкомъ. Не даромъ существуетъ пословица: *haurit aquam cribro, qui discit sine libro*. И почему, въ самомъ дѣлѣ, бояться дать ученикамъ въ руки книгу, совершенно для нихъ необходимую, которой содержаніе постоянно вы передаете имъ изустно? Почему бояться указывать въ ней то, что вы передаете имъ изустно, и что знать имъ совершенно-необходимо? Почему не задавать оттуда ученикамъ 1-го и 2-го класса небольшихъ уроковъ, когда имъ, при перевѣсѣ памяти предъ другими способностями, изучать ихъ гораздо легче, нежели возрастному, и когда изученіе этой книги, кромѣ другой пользы, собственно-практической, приучаетъ дѣтей своимъ связнымъ и послѣдовательнымъ изложеніемъ и точнымъ выраженіемъ заключающихся въ ней понятій и правилъ къ такому-же отчетливому, связному и послѣдовательному изложенію и точному выраженію и собственнымъ мыслямъ? Наконецъ, не лучше-ли, во всѣхъ отношеніяхъ, раздѣлить изученіе Русской грамматики на три года, нежели изучать ее наскоро всю въ одномъ третьемъ классѣ гимназій? Тутъ бдительное вниманіе паставника должно быть обращено только на то, чтобъ ученики не учили ненужнаго, излишняго, а въ-особенности на то, *чтобъ они вполне понимали то, что учатъ*, чтобъ не долбили однихъ словъ, не учили одной мертвой буквы. «Опытомъ дознано, замѣчаетъ одинъ изъ опытнѣйшихъ и достойнѣйшихъ современныхъ педагоговъ нашихъ, что суще-

(25) Мяѣніе Смирнова и Перевлѣскаго. См. Учебникъ перваго и Граматику послѣдняго, а также Журн. для воспит за 1858 г. т. III.

ственнымъ условіемъ твердыхъ и прочныхъ усилѣховъ ученика по какой-нибудь части служить хорошей печатный учебникъ въ рукахъ его. Какъ-бы силенъ ни былъ преподаватель въ своемъ предметѣ, какъ-бы превосходна ни была его метода, онъ все-таки чувствуетъ надобность въ такомъ пособіи (26).

(Окончаніе впереди).

(26) См. 1-й выпускъ «Извѣст. Импер. акад. наукъ по отд. Русск. яз. и слов.» Записка *Я. К. Грота*: «Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается». То-же въ Журн. мѣс. нар. пр. за іюнь 1858 г. въ *стѣнѣ*.

Весьма справедливы, по нашему мнѣнію, слѣдующія мысли о важности и необходимости для дѣтей изученія грамматики, высказанныя учителемъ Русской словесности г. Тернавскимъ. «Нечего бояться, говоритъ онъ, что заучиваніе грамматическихъ формъ представитъ грамматику Русскую какимъ-то пугаломъ: безъ заучиванія нельзя узнать иностранныхъ языковъ; не затвердивши, ученикъ не запомнитъ всѣхъ историческихъ событій; заставьте ученика *безъ руководства или безъ записокъ учителя* отвѣчать по однимъ только разсказамъ преподавателя, вѣрно къ концу года окажется результатъ самый неудовлетворительный; даровитый ученикъ въ-состояніи передать слышанное отъ учителя на другой урокъ; но пусть пройдетъ годъ, тогда исторія въ устахъ ученика обратится въ сказку, лишенную всякаго смысла. Если намъ гг. нужно подготовиться, иди на урокъ: то тѣмъ болѣе ученику необходимо имѣть подъ рукою книгу, по которой-бы онъ повѣрялъ себя. *Руководство по Русской грамматикѣ тогда только можетъ быть пугаломъ, если ученики будутъ зазубривать, не понимая и не применяя ее къ дѣлу. Было-бы заучиваніе разумно и понималъ-бы ученикъ заучиваемое, тогда она не пугаетъ и не повредитъ его способностямъ*». См. Циркуляръ по управл. Кіевск. учебн. окр. за 1859 годъ № 5. — Если кому, то преимущественно учителямъ словесности, занимающимся въ высшихъ классахъ исправленіемъ ученическихъ сочиненій, вполне понятны дурныя послѣдствія бѣлаго, поверхностнаго, безкнижнаго изученія въ низшихъ классахъ Русской грамматики.

ОБЗОРЪ

БОЛЬШИХЪ БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ

въ началъ 1859 года.

(Окончаніе).

Послѣ Парижскихъ библиотекъ мнѣ предстояло увидѣть предметъ удивленія всего просвѣщеннаго міра — ротонду читальной залы Британскаго музеума въ Лондонѣ. Описанія, которыя мнѣ довелось читать, рассказы, которые мнѣ случилось слышать объ этомъ удивительномъ сооруженіи, не были пополнены необходимыми въ этихъ случаяхъ рисунками, и потому не дали мнѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что я встрѣтилъ въ дѣйствительности: читальная зала Британскаго музеума была для меня совершенная новость. Все, что я читалъ, все, что я слышалъ, было не что иное, какъ похвалы, но похвала не есть судъ, не есть критика. Ротонда Британскаго музеума задумана смѣло, исполнена добросовѣстно. На постройку и обдѣлку ея употреблено около 150.000 фунтовъ стерлинговъ (*) (до 1,000,000 руб. сер.). Если-же принять въ соображеніе, что постройка производилась при содѣйствіи Англійскихъ заводовъ и что при этомъ употреблена была въ дѣло вся техническая опытность Англичанъ, то нельзя не предпогагать, что отъ соединенія всѣхъ этихъ условій вышло произведеніе удивительное, но, какъ всякое произведеніе рукъ человѣческихъ, имѣющее нѣкоторые недостатки. Еслибы Англичанамъ пришлось удовлетворять подобной-же потребности и строить еще другую большую читальную залу, то я увѣренъ, что они сдѣлали-бы ее еще лучше, еще удобнѣе. Главнѣйшая особенность ротонды, чтобъ не

(*) Times 21 April 1857.

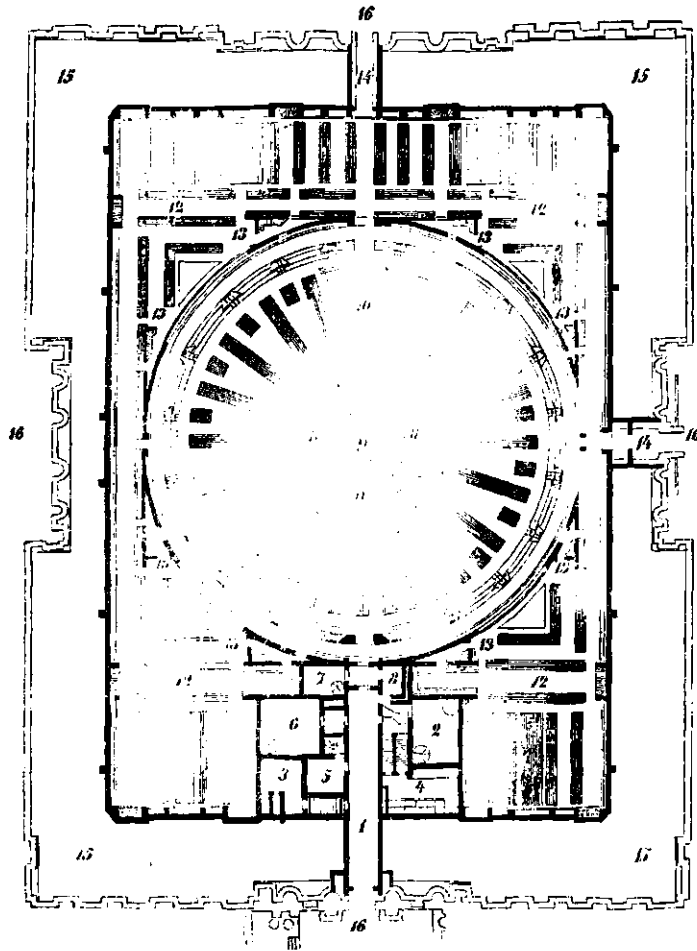
сказать главнѣйшее достоинство ея, есть величина. Эта особенность должна поражать всякаго входящаго въ первый разъ. Изъ сѣней музеума нужно пройти по довольно узкому и довольно длинному корридору, отворить низкую дверь и очутиться вдругъ въ круглой залѣ почти такой величины, какъ Римскій Пантеонъ. Ротонда Британскаго музеума уступаетъ шириной Пантеона только 2 футами и разница эта при 140 футахъ діаметра нисколько незамѣтна; но Пантеонъ построенъ не для ученыхъ занятій, которыя требуютъ безмятежной тишины и уютнаго уголка, а не круглой площади въ 20 сажени поперечника, гдѣ движется постоянно болѣе 300 человекъ. Въ ротондѣ Британскаго музеума нѣтъ шума, это правда: все посѣтители наблюдаютъ тишину, не говорятъ громко, не расхаживаютъ безъ нужды; но гдѣ присутствуютъ 300 человекъ не притаившихся, а занимающихся дѣломъ, тамъ непременно есть гулъ немолкающій и, слѣдовательно, отвлекающій вниманіе работающихъ. Это я замѣтилъ самъ и слышалъ сужденія нѣкоторыхъ постоянныхъ посѣтителей ротонды. Британскій музеумъ для всехъ своихъ посѣтителей отдалъ ротонду и ни для кого не дѣлаетъ изъятія. Ученый, занимающійся важнѣйшими разысканіями, не можетъ проникнуть дальше ротонды и найти себѣ пріютъ въ другихъ залахъ или кабинетахъ. Онъ долженъ занять мѣсто наравнѣ съ тремястами разнородныхъ читателей и пользоваться предоставленными ему удобствами наряду съ такими посѣтителями, которые хотя и не производятъ шума, запрещеннаго законами, но шарятъ въ книгахъ, перелистываютъ ихъ и однимъ словомъ дѣлаютъ то, что не даетъ покоя. Человекъ, занимающійся ученой работой, привыкаетъ обыкновенно къ свѣту, падающему изъ окна въ его мирномъ кабинетѣ, а придя въ ротонду Британскаго музеума, онъ встрѣчается съ освѣщеніемъ необыкновеннымъ: 20 оконъ, расположенныхъ въ основаніи купола, даютъ ему свѣтъ со всехъ сторонъ вдругъ и кромѣ-того въ зенитѣ купола сдѣлано большое круглое отверстіе арш. 15 въ поперечникѣ. Въ ротондѣ очень свѣтло, это правда; но ученые, часто люди старые, недовольны этимъ обиліемъ свѣта, не имѣющаго опредѣленнаго направленія. Кромѣ этихъ неудобствъ, просторная зала бываетъ обыкновенно неразлучна еще съ однимъ неудобствомъ, едва-ли не самымъ важнымъ, это — теченіе воздуха. Въ ротондѣ Британскаго музеума превосходно устроены отопленіе и вентиляція, но оба эти процесса не могутъ совершаться иначе, какъ

производя движеніе въ воздухѣ. Во всякой небольшой комнатѣ процессы эти совершаются точно такъ-же, какъ и въ обширномъ пространствѣ, но при небольшой массѣ воздуха они почти не чувствительны, а въ просторной залѣ ихъ нельзя не почувствовать, особливо человѣку, сидящему долго и почти неподвижно на одномъ мѣстѣ. Ротонду читальной залы Британскаго музеума показывать посѣтителямъ очень выгодно: она размѣрами своими поражаетъ всякаго, но заниматься въ ней не совсѣмъ удобно. Неудобства эти однакожь не такъ тягостны, чтобы Лондонская публика избѣгала ихъ: когда ротонда бываетъ открыта, въ ней никогда нельзя найти пустаго стула. Мѣстныя обстоятельства, которыхъ нельзя было устранить, предписали размѣры залы и ея освѣщеніе. Проектъ сдѣланъ сообразно съ этими обстоятельствами и строеніе вышло превосходное. Помѣщенный на оборотѣ страницы планъ всего строенія уяснитъ мой рассказъ:

1) Корридоръ изъ сѣней въ ротонду. 2) Комната для верхняго платья мужчинъ. 3) Такая-же комната для дамъ, съ нѣкоторыми другими удобствами. 4) Ватерклозетъ. 5) Комната для прислуги. 6) Пріемъ книгъ, доставляемыхъ въ музеумъ издателями по закону. 7) Комната для служащихъ при музеумѣ. 8) Для зонтиковъ. 9) Эстрада, на которой находится управляющій читальной залой и его помощники. 10) Проходъ для службы читальной залы. 11) Низкіе шкафы съ каталогомъ всей библіотеки. 12) Пространства, уставленные шкафами для книгъ въ четыре яруса. 13) Лѣстницы между ярусами шкафовъ. 14) Переходы, соединяющіе читальную залу со старымъ помѣщеніемъ библіотеки. 15) Дворъ. 16) Старое зданіе музеума. Линіи, сдѣланныя рядами, показываютъ расположеніе шкафовъ для книгъ.

Стѣны наружныя, смыкающія все новое строеніе и служащія для раздѣленія разныхъ комнатъ при входѣ, сложены изъ кирпича, а ротонда и всѣ пространства, приготовленныя для помѣщенія книгъ, построены преимущественно изъ желѣза, котораго употреблено на всю постройку до 125,000 пудовъ. Куполъ ротонды состоитъ изъ желѣзныхъ ребръ, между которыми всѣ пустоты (яруса) сдѣланы изъ кирпича. Внутренность купола не блестяще убранствомъ. Извѣстно, что фантазія Англичанъ не царитъ въ области изящнаго. Они, правда, не дѣлаютъ ничего уродливаго, но за то рѣдко создаютъ что-нибудь увлекательное по красотѣ. Гдѣ нужно украшеніе они не придумываютъ формъ, а прибѣгаютъ къ

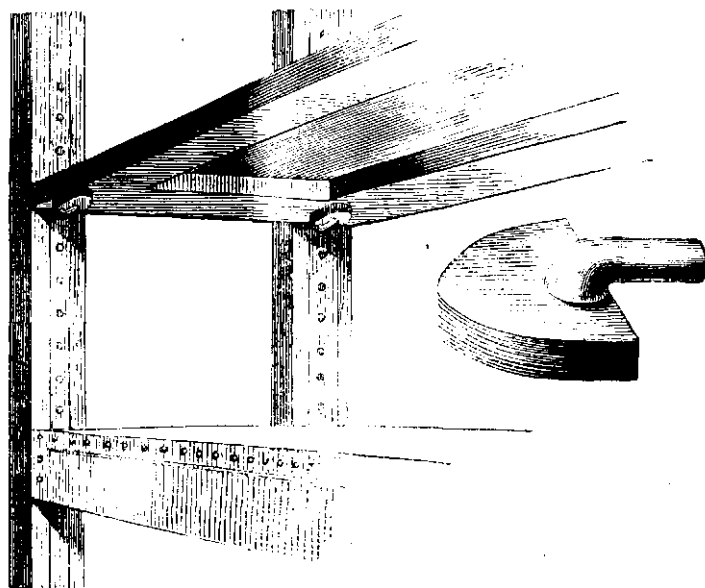
золоту, къ краскамъ и, употребляя то и другое, не руководствуются чувствомъ вкуса, которое незнакомо ихъ натурѣ: если пужно украсить богаче, они употребятъ побольше золота. Построивъ изумительныхъ размѣровъ ротонду для приѣма публики, имъ захотѣлось украсить ее побогаче и они раззолотили въ ней все, что можно

было раззолотить, не впадая въ смѣшное. Куполь состоитъ изъ 20 ребръ, которыя въ основаніи своемъ имѣютъ до 12, а въ верхушкѣ до 6 вершковъ ширины. Ребра эти не имѣютъ архитектурныхъ украшеній, но вызолочены отлично. Пространства между

ребръ, сдѣланныя изъ кирпича, раздѣлены просто на три рамки со впадинами. Здѣсь фантазія строителя также не разыгралась и онъ вызолотилъ рамки, а впадины выкрасилъ голубой краской (encausto). Карнизъ, въ который упираются ребра купола, имѣеть довольно крупныя формы, лишеныя всякихъ архитектурныхъ украшеній, но за то онъ весь вызолоченъ. Подъ каждымъ ребромъ въ карнизѣ сдѣланъ выступъ, поддерживаемый большимъ, довольно-тяжелымъ кронштейномъ (console), также вызолоченнымъ. Кронштейны эти предназначены для статуй великихъ писателей, которыми будетъ украшена ротонда. Мнѣ говорили въ Британскомъ музеумѣ, что въ числѣ этихъ статуй будутъ и статуи нашихъ Пушкина и Крылова. Гладкія части стѣны между кронштейнами украшены золочеными алагреками. Рамы въ окнахъ бронзовыя золоченныя; откосы оконъ раздѣлены рамочками золоченными. Надъ всѣми окнами въ откосахъ сдѣланы для выхода испорченнаго воздуха круглыя отверстія, закрытыя золочеными рѣшетками. Подъ окнами всѣ стѣны покрыты шкафами въ три яруса. Нижній ярусъ находится въ распоряженіи читателей, а для верхнихъ двухъ сдѣланы легкіе балконы съ золочеными поручьями и рѣшетками. Въ шкафахъ нѣтъ никакой архитектуры, но раздѣленія ихъ сдѣланы изъ бронзовыхъ вызолоченныхъ полосъ. Такъ украшена ротонда Британскаго музея. Но если Англичане не могутъ очаровывать своею изобрѣтательностью въ дѣлѣ вкуса, за то тамъ, гдѣ дѣйствуетъ практичный умъ, они превосходятъ всѣхъ. Я не могу описывать здѣсь всего сооруженія ротонды и окружающихъ ее хранилищъ для книгъ: это можетъ быть предметомъ отдѣльнаго и довольно большаго сочиненія; но я возьму для примѣра одну полку, которыхъ въ новомъ строеніи Британскаго музея я видѣлъ десятки тысячъ. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ книжныхъ шкафахъ полки кладутся обыкновенно концами своими на перекладинки, вставляемыя въ зубчатки, находящіяся въ бокахъ шкафа. На такихъ полкахъ переплетъ крайней книги непременно страдаетъ, особливо если книги поставлены тѣсно. Когда случается надобность поднять или опустить полку, то приходится иногда, или употребить инструментъ, чтобъ вынуть присохшую перекладину, или посылать за столяромъ. Англичане устранили всѣ эти неудобства слѣдующимъ способомъ. Въ бокахъ шкафовъ сдѣланы вертикальныя ряды круглыхъ отверстій въ $\frac{1}{4}$ дюйма ширины, въ разстояніи $\frac{3}{4}$ дюйма отъ одного центра отверстія

до другаго. У каждаго конца полки есть два ряда отверстій: одинъ у передняго края полки, а другой у задняго. Въ отверстія вкладываются отлитыя пзъ мѣди лопаточки съ круглыми шипами, тол-

щины равной ширинѣ отверстія. Здѣсь представлена лопаточка въ натуральную величину и особо часть шкафа съ отверстіями, въ которыя вкладываются лопаточки. Для каждой полки въ отверстія вкладываются четыре такія лопаточки. На нижней сторонѣ полки вырѣзаны углубленія такой-же величины и формы, какъ лопаточки. Полка, положенная на такихъ лопаточкахъ, лежитъ очень плотно, не опрокидывается, какъ это часто случается на перекладинахъ, и ее нельзя сдвинуть, потому-что лопаточки въ нее углублены. Когда нужно полку опустить или поднять, то это можно сдѣлать, не снимая книгъ, стоитъ только переставить поочередно всѣ четыре лопаточки. Если полку нужно поднять не болѣе какъ на $\frac{3}{8}$ дюйма, то лопаточки, находящіяся въ такомъ положеніи, какое представлено на рисункѣ, слѣдуетъ перевернуть такъ, чтобы круглый шипъ пришелся кънизу; если-же нужно, напротивъ-того, опустить на $\frac{3}{8}$ д, то лопаточки слѣдуетъ также перевернуть и притомъ переставить въ слѣдующія нижнія отверстія. Подъ словомъ полка мы обыкновенно разу-

мѣемъ гладкую доску, т.-е. часть матеріала годнаго для различнаго употребленія, а въ Британскомъ музеумѣ полка не есть простая доска, но предметъ сложный, на сдѣланіе котораго употреблены разнородные матеріалы. Она состоитъ изъ дубовой рамки, покрытой гальванизированнымъ листомъ желѣза и сверху обтянутой кожей. На переднемъ краю полки припѣта занавѣска изъ нарочно для того сдѣланной двойной клеенки. Занавѣска эта шириною не болѣе 2 вершковъ, украшенная золотой каемкой, закрываетъ промежутокъ между полкой и вершинами книгъ, стоящихъ на слѣдующей нижней полкѣ, и тѣмъ предохраняетъ книги отъ пыли. На рисункѣ верхняя полка представлена безъ занавѣсокъ, а нижняя съ занавѣской. Въ новомъ строеніи приготоовлено 44,000 такихъ полокъ, составляющихъ 37,71 верстъ протяженія, на которомъ можно поставить 1,500,000 томовъ. По вѣриѣишему исчисленію извѣстно, что въ стойкахъ шкафовъ просверлено 2,750,000 отверстій для вкладыванія мѣдныхъ лопаточекъ. Каждая стойка шкафовъ сдѣлана изъ двухъ брусковъ желѣза, между которыми проходитъ дубовый брусокъ съ отверстіями для мѣдныхъ лопаточекъ. Шкафы сдѣланы вышиною въ 8 футовъ и расположены въ четырехъ ярусахъ хранящихъ, окружающихъ ротонду. Весь нижній ярусъ приходится ниже пола ротонды или, по нашему, въ подвалѣ. Свѣтъ въ нижній ярусъ проникаетъ сверху сквозь переходы между шкафами, гдѣ полы состоятъ изъ желѣзныхъ полосъ, положенныхъ на ребро, на разстояніи 2—2½ дюймовъ одна отъ другой. Ходить по этимъ рѣшеткамъ не совсѣмъ удобно, но онѣ положены не для прогулокъ. Если библіотекарю встрѣчается надобность заниматься у самаго шкафа, то для него кладутъ на рѣшетку что-то въ родѣ цыновки, сплетенной изъ камыша. Не смотря почти на постоянно-туманную погоду Лондона, въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ такъ свѣтло, что можно читать. По разсказамъ мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы свѣтъ изъ окна въ потолокъ, пройдя сквозь три желѣзныя рѣшетки, былъ достаточенъ для того, чтобы можно было читать; но, осматривая все устройство въ натурѣ, я нашелъ, что это очень просто, потому-что рѣшетки, замѣняющія полы между шкафами, сдѣланы по-Англійски: полосы всѣхъ рѣшетокъ расположены такъ равномерно, что въ вертикальномъ смыслѣ онѣ приходятся одна надъ другою почти съ математическою точностію и слѣдовательно промежутки между полосами, представляющіе пути для свѣта, расположены съ такою-же точностію. Если-

бы верхнія рѣшетки сдвинуть на дюймъ въ разныя стороны, то внизу сдѣлалось-бы темно. Во всѣхъ частяхъ библіотеки, окружающей ротонду, потолокъ сдѣланъ изъ матовыхъ стеколъ, вставленныхъ въ двойныя рамы. На все строеніе употреблено до 60,000 квадратныхъ футовъ стекла. Англичане употребили на сооруженіе ротонды сумму, равняющуюся почти 1,000,000 руб. серебр.; но еслибы подобная постройка предпринята была у насъ, то мы, не имѣя такихъ какъ Англія заводовъ, не сдѣлали-бы ее и за два милліона. Чтобъ доказать это, стоитъ оцѣнить по нашимъ цѣнамъ одну полку. Разматривая эту вещь въ натурѣ и перелагая на наши деньги всѣ матеріалы, изъ которыхъ она сдѣлана, и время, которое должно на это употребить нашъ ремесленникъ, работающій кое-какими инструментами, я нашелъ, что у насъ каждая полка обшлась-бы не менѣе 4-хъ руб., а все количество ихъ, сдѣланное для новой части здачія Британскаго музея, болѣе 175,000 р. Что-же могло-бы стоить все строеніе, для котораго употреблено желѣза, въ тысячахъ различныхъ видовъ, до 125,000 пудовъ.

Въ Британскій музей допускаются для занятій люди только рекомендованные. Желающій заниматься проситъ, не иначе какъ письменно, дозволенія главнаго библіотекаря, означаетъ свое званіе или положеніе въ обществѣ и свой адресъ и прилагаетъ письменную рекомендацію (*). Строгость эта можетъ показаться стѣснительною для публики, особливо для тѣхъ, кто знакомъ съ либеральностію другихъ библіотекъ, а въ томъ числѣ и нашей Императорской Публичной Библіотеки, потому-что либеральность въ дѣлѣ науки или занятій хороша и всякій порядочный человекъ пользуется ею приличнымъ образомъ; но есть люди и непорядочные, которые, прикрываясь любознательностію, входятъ безъ всякихъ формальностей въ читальную залу, роются небрежно въ приготовленныхъ для порядочныхъ людей справочныхъ книгахъ, вырываютъ оттуда гравюры, требуютъ десятки томовъ журналовъ за прошлые года, читаютъ въ нихъ повѣсти, пни, подмѣтивъ интересную для нихъ статью, вырываютъ ее цѣлкомъ, не думая о томъ, что статья эта можетъ быть полезна ихъ правнукамъ, которые не

(*) Въ законѣ сказано: Any person desiring to be admitted into the Reading Room is to apply *in writing*, addressed «To the Principal Librarian of the British Museum», and not otherwise, specifying his description and place of abode and accompanying his letter *with a written recommendation*, satisfactory to an Officer of the Museum.

слышавъ ея нигдѣ, придуть въ публичную библіотеку, но и тутъ не найдуть ея потому, что прадѣды ихъ были такой варваръ, что для личнаго своего удобства, или изъ лѣни списать статью, унести ее изъ библіотеки и лишить своихъ потомковъ возможности почерпнуть нужное свѣдѣніе. Строгость Британскаго музеума не можетъ быть стѣснительна ни для одного порядочнаго человѣка, какого-бы званія онъ ни былъ. Трудно придумать такое положеніе человѣка, въ которомъ онъ, имѣя нужду въ книгахъ для доброй цѣли, не нашель-бы въ кругу своемъ личности достойной уваженія и способной сказать о немъ доброе слово.

Зная объ этой строгости, я, съ перваго шагу, адресовался къ главному библіотекарю г. Паници съ рекомендательными письмами отъ моего начальника барона М. А. Корфа и отъ нашего посланника въ Лондонѣ барона Ф. И. Бруннова, но по-случаю дѣятельности въ пользу Неаполитанскихъ выходцевъ, бывшей въ Лондонѣ въ мое время, г. Паници рѣдко бывалъ въ музеумѣ и я его не засталъ. Прийти къ самой ротондѣ Британскаго музеума и уйти не видавъ ее, было вѣнне силъ моихъ. Я спросилъ проводить меня къ директору отдѣленія печатныхъ книгъ, показалъ ему мою карточку и объяснилъ цѣль моего путешествія. Всѣ строгости и формальности были отложены и я нашель возможность отдать г. Паници рекомендательныя письма тогда уже, когда не только читальная зала, но и библіотека и весь музеумъ были мнѣ знакомы.

Прежде мнѣ казалось, что строгость Британскаго музеума къ посѣтителямъ читальной залы есть не что иное, какъ черта консервативнаго духа Англичанъ; но когда я ознакомился ближе съ предметомъ, такъ бережливо охраняемымъ, то нашель строгость эту разумною и необходимою. Музеумъ открытъ для пользы націи. Значеніе этой прекрасной и достойной учрежденія цѣли, нельзя принимать безусловно. Если въ головѣ медика родится мысль, могущая, по его мнѣнію, измѣнить современный ему взглядъ на какой-нибудь предметъ науки, или механикъ откроетъ новую двигающую силу, удивительную по его теоріи, и оба они захотятъ повѣрить свои соображенія со всѣмъ, что было до того времени сдѣлано другими по ихъ предметамъ, то неужели занятія этихъ людей можно сравнить съ внимательнѣйшимъ чтеніемъ старыхъ путешествій, которому предается какой-нибудь господинъ, единственно для того, чтобы провести свободные отъ обычныхъ сво-

ихъ занятій часы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не берутъ ни за книгу, данную для чтенія, ни за стуль, на которомъ онъ сидитъ, ни за тепло, въ которомъ онъ благоденствуетъ. Медику и механику не трудно попасть въ читальную залу Британскаго музеума: изъ легко въ своей средѣ найти голосъ, который раздастся въ ихъ пользу и раскроетъ завѣтныя двери, а простой любитель чтенія пройдетъ мимо этихъ дверей, и въ одной изъ частныхъ библиотекъ, за самую ничтожную плату, выберетъ книгу по своему вкусу, унесетъ ее домой и, засѣвъ въ свое покойное кресло, къ которому онъ привыкъ, забудетъ о строгостяхъ музеума.

Британскій музеумъ, сообразно своему назначенію, такъ устроилъ читальную залу, что для людей, занимающихся съ опредѣленною цѣлью, она служитъ превосходнѣйшимъ пособіемъ; но за то люди праздношатающіеся ни подь какимъ видомъ не выпускаются въ эту залу. Лица рекомендованныя получаютъ билеты на шесть мѣсяцевъ. Сообразно предположенной цѣли ихъ занятій, они могутъ, по прошествіи шестимѣсячнаго срока, или возобновлять свои билеты, если первоначальная рекомендація дастъ имъ на то право, или искать новой рекомендаціи. Не смотря на то, что въ читальную залу Британскаго музеума допускаются посѣтители не иначе какъ съ рекомендательными письмами, въ ней ежедневно бываетъ такъ много читающихъ, что отъ 12 до 3 часовъ нельзя найти свободнаго мѣста. Начальникъ отдѣленія печатныхъ книгъ Mr. Winter Jones говорилъ мнѣ, что недостатокъ мѣста для читателей начинается сильно озабочивать управленіе. Приходящій въ залу, избравъ мѣсто, отправляется въ центръ залы къ каталогу. Въ центрѣ залы, на круглой, возвышенной эстрадѣ, находится управляющій читальною залою (Superintendent), помощникъ его (Clerk) и нѣсколько служителей (Attendants). Эстрада окружена двумя рядами низкихъ шкафовъ, въ которыхъ, на двухъ полкахъ, поставленъ полный алфавитный каталогъ всей библиотеки музеума, списанный на карточкахъ, наклеенныхъ въ книгахъ, и составляющій до 500 томовъ in-folio, отлично-переплетенныхъ. Томы эти снимаются съ полокъ и ставятся обратно такъ часто, что никакая кожа на краяхъ ихъ переплетовъ не уцѣлѣла-бы въ-теченіе одного мѣсяца. Для этого нижніе края переплетовъ обдѣланы бѣлымъ листовымъ желѣзомъ. Надъ каталогомъ на столахъ приготовлены чернила, перья и протечная бумага, и тутъ-же на крючкахъ висятъ карточки для исанія заглавій требуемыхъ книгъ. Читатель ши-

шесть заглавіе, означаетъ изъ каталога мѣсто, гдѣ книга въ библиотекѣ стоитъ, подписываетъ свою фамилію, извѣстную управляющему по рекомендаціи, отмѣчаетъ номеръ мѣста, которое онъ занялъ войдя въ залу, и приготовленное въ такомъ видѣ требованіе отдаетъ управляющему, а самъ отправляется на свой стулъ, гдѣ и ожидаетъ покуда книгу принесутъ къ нему. На требовательныхъ карточкахъ можно писать заглавія тѣхъ только книгъ, которыя внесены въ каталогъ. Такъ-какъ каталогъ составленъ полный всей библиотекѣ и въ него постоянно вносятся всѣ вновь-поступающія книги, то писать на карточкѣ заглавіе, непоказанное въ каталогѣ, значитъ требовать то, чего нѣтъ въ библиотекѣ музеума. Въ такихъ случаяхъ, когда требователь не помнитъ имени автора и слѣдовательно не можетъ найти нужной ему книги въ алфавитномъ каталогѣ, или просто не знаетъ заглавія книги, онъ обращается за совѣтомъ къ управляющему и тогда принимаются другія мѣры къ удовлетворенію требованія; но мѣры эти принимаются дѣйствительно, а не только для соблюденія приличія, изъ вѣжливости. Въ управляющіе читальную залу выбираются люди способные и хорошо знающіе библиотеку музеума. На нихъ, по закону, лежитъ обязанность оказывать читателямъ помощь въ ихъ разнообразныхъ разысканіяхъ.

Читатель, отдавъ управляющему требованіе, не обязанъ оставаться на своемъ мѣстѣ и ждать покуда книгу найдутъ и принесутъ: въ это время ему есть чѣмъ заняться. Нижній ярусъ шкафовъ, по всему кругу залы, на протяженіи слѣшкомъ 170 аршинъ, вмѣщаетъ болѣе 20,000 томовъ ручныхъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Вся эта масса книгъ приготовлена для приходящихъ. Они могутъ брать съ полки все, что имъ угодно, уносить на свои столы и опять ставить на полки. Ожидая потребованныхъ сочиненій можно-ли скучать въ такомъ громадномъ обществѣ самыхъ нужныхъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка книгъ? Съ перваго взгляда кажется труднымъ ознакомиться съ библиотекою въ 20 слѣшкомъ тысячъ томовъ, но умное управленіе позаботилось объ этомъ. Ходящіе по залѣ встрѣчаютъ почти на каждомъ шагу развѣшенные планы залы, отпечатанные красками. Весь кругъ залы имѣетъ 122 шкафа, которые наполнены книгами въ систематическомъ порядкѣ и всѣ перенумерованы съ № 2,000 до 2,121. Вотъ какія тамъ отдѣленія и какое количество шкафовъ:

	Шкафы.
Богословіе	16
Правовѣдѣніе	4
Философія	12
Искусства	2
Біографіи	7
Словесность	5
Поэзія	2
Бібліографія	3
Классики	5
Путешествія и географія	5
Топографія	6
Исторія	19
Ученые журналы	16
Энциклопедіи	11
Лексиконы	6
Календари и разныя справочныя книги	3

Эти главныя отдѣленія отмѣчены на планѣ особыми красками и подраздѣлены на мелкія части такъ, что замѣтивъ подраздѣленіе и номеръ шкафа, въ которомъ оно стоитъ, можно тотчасъ найти что нужно. Особый служитель, снабженный инвентаремъ этой подручной бібліотеки, наблюдаетъ постоянно за порядкомъ ея и, если случается, что посетитель по ошибкѣ поставитъ книгу не на свое мѣсто, то служитель возстановляетъ порядокъ. Хотя въ читальную залу допускаются люди только рекомендованные, но случается также, что ручныя книги исчезаютъ. Служитель доноситъ объ этомъ кому слѣдуетъ и новый экземпляръ является на мѣстѣ исчезнушаго. Такіе случаи бывають здѣсь нерѣдко, но управленіе музеума, обладая обширными средствами, мало обращаетъ на нихъ вниманія и считаетъ ихъ мелочнымъ расходомъ.

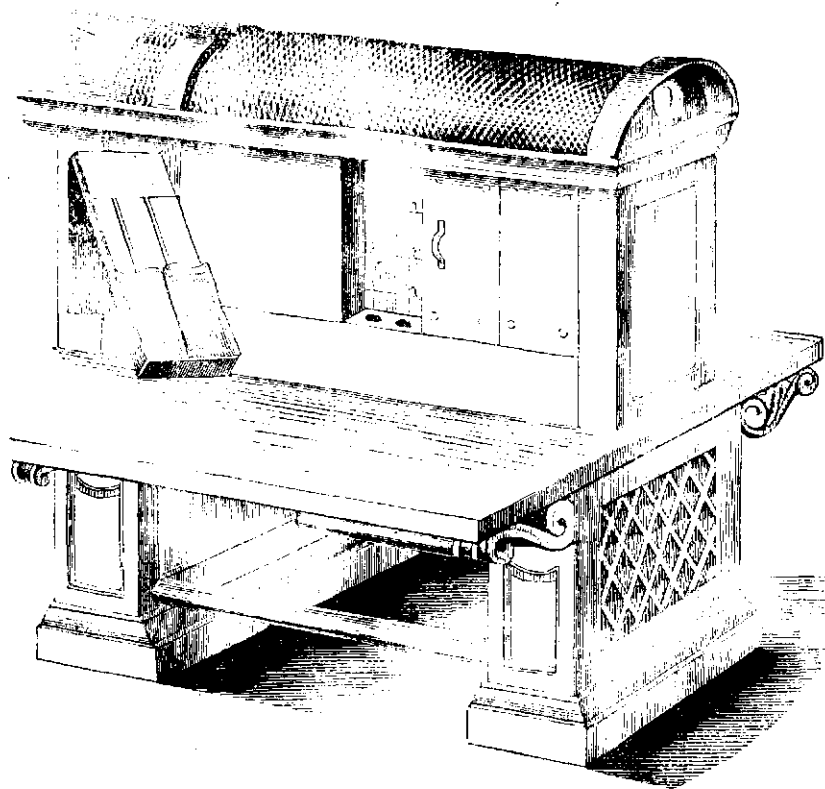
Въ читальной залѣ Британскаго музеума, какъ и во всѣхъ другихъ бібліотекахъ, вовсе запрещено говорить, чтобы не отвлекать вниманія читающихъ. Чтобы заглушить шаги ходящихъ по залѣ, полъ устланъ ковромъ изъ каучука, смѣшаннаго съ порошкомъ пробки Кемпталікон. Входная дверь, при постоянномъ множествѣ входящихъ и уходящихъ, отпирается и запирается непрерывно, но не производитъ ни малѣйшаго шума. Въ ней нѣтъ ни замка, ни щеколды, которые обыкновенно щелкають каждый разъ, когда дверь

запирается. Обѣ половинки дверей навѣшаны на петляхъ съ пружинами и отпираются въ обѣ стороны такъ, что, подойдя къ двери, ее нужно толкнуть и она отворится безъ всякаго шума и потомъ сама заперется. Кромѣ того приняты мѣры, чтобы проходящіе въ дверь не сталкивались при встрѣчѣ: на обѣихъ половинкахъ сдѣланы надписи, указывающія которую половинку нужно отворить входя и которую выходя. На Англійскомъ языкѣ эти надписи очень коротки: одна говоритъ IN, а другая OUT. Такія надписи существуютъ въ Лондонѣ на дверяхъ всѣхъ публичныхъ мѣсть, гдѣ бываетъ много проходящихъ: въ банкахъ, на брѣжѣ, въ почтамтѣ и проч.

Но вотъ читатель, занимаясь книгами, выставленными въ нижнемъ ярусѣ шкафовъ, замѣчаетъ, что служитель положилъ уже на занятой имъ столъ потребованныя книги и удалился. Подходить онъ къ столу, садится на очень удобный и, мимоходомъ сказать, превосходно-сдѣланный стулъ и принимается за работу. Если ему нужно сдѣлать выписку, онъ находитъ приготовленные чернила и перья, разумѣется стальные, и даже пюпитръ, на которомъ онъ можетъ разогнуть предъ собой книгу. Пюпитры эти не замѣтны, когда ихъ не употребляютъ: они складываются и скрываются въ перегородкѣ стола, возвышающейся предъ сидящимъ и скрывающей отъ него его соседа *vis-à-vis*. Каждое мѣсто имѣетъ 4 фута протяженія по столу и каждое съ двумя складными пюпитрами. Столы, какъ видно на планѣ, расположены въ залѣ лучеобразно: одни изъ нихъ имѣютъ по 8, а другіе по 7 мѣсть съ каждой стороны. Есть еще короткіе столы на два мѣста каждый. Они назначены для тѣхъ, кому нужно разсматривать атласы и вообще книги большихъ форматовъ. Два длинные стола предназначены исключительно для дамъ. Здѣсь представлена часть длиннаго стола съ двумя пюпитрами: однимъ, направо, сложеннымъ, а другимъ, налѣво, раскрытымъ.

Валикъ подъ столомъ, на который читающій кладетъ свои ноги, состоитъ изъ желѣзной трубы, нагрѣтой пропущеннымъ въ нее изъ печи горячимъ воздухомъ. Перегородка, стоящая на столѣ, покрыта въ видѣ свода проволочной сѣткой, подъ которою также проходятъ трубы, нагрѣтыя горячимъ воздухомъ и сообщающія теплоту залѣ. Сквозь рѣшетку, вставленную съ боку въ ножку стола, получается чистый воздухъ слегка нагрѣтый. Для выхода испорченнаго воздуха отверстія устроены въ откосахъ оконъ, прорѣзанныхъ въ парусахъ купола, о которыхъ я говорилъ

выше. Эти трубы для горячего воздуха, рѣшетки, сѣтки, столярная работа столовъ все это сдѣлано и отдѣлано просто, но съ удивительною отчетливостью.

Отопление, которое я видѣлъ въ Дрезденской галереѣ, устроено превосходно, но соопутуемое водой, оно не можетъ быть признаваемо простымъ, удобнымъ и безопаснымъ. Въ Британскомъ музеумѣ это устройство несравненно лучше: здѣсь дѣйствуетъ не вода, а воздухъ. Нагрѣтый въ печи онъ проходитъ по множеству желѣзныхъ трубъ, расположенныхъ равномерно на всемъ пространствѣ залы и посредствомъ выѣшнихъ ихъ плоскостей передаетъ воздуху залы одну только теплоту, не сообщая ему своихъ

качества, зависящихъ отъ исправности печи въ извѣстную минуту. У насъ въ Россіи въ большомъ употребленіи воздухонагрѣвательныя печи, но онѣ дѣлаются обыкновенно съ душниками, которые проводятъ въ комнаты нагрѣтый воздухъ прямо изъ печей. Душники эти опасны потому, что при малѣйшемъ поврежденіи печи они распространяютъ запахъ иногда только непріятный, а иногда и вредный. Душники есть зло, у насъ покуда неизбѣжное. Если печь исправна, то, не принося запаха, они приносятъ воздухъ нагрѣтый насильственно и слѣдовательно измѣнившій свое естественное соединеніе. Предоставляю медикамъ опредѣлить въ какой степени воздухъ этотъ вреденъ для дыханія, а я, какъ практикъ по части строительной, могу только сказать, что никакая мебель, сдѣланная изъ самаго сухаго дерева, не можетъ устоять противъ дѣйствія нашихъ воздухонагрѣвательныхъ печей: отъ нихъ все трескается, все коробится и сжимается. Кромѣ отопленія зимняго, въ ротондѣ устроено еще отопленіе лѣтнее, служащее для освѣженія воздуха во время жаровъ. Трубы съ горячимъ воздухомъ, о которыхъ я говорилъ, дѣйствуютъ зимой; въ лѣтнее-же время нагрѣваются особыя трубы, опоясывающія въ нѣсколько рядовъ большое отверстіе, находящееся въ зенитѣ купола. Трубы эти нагрѣваются паромъ, который проходитъ въ нихъ изъ особаго паровика, устроеннаго въ подвалѣ. Разрѣжаемый этими трубами воздухъ вылетаетъ сквозь верхнее отверстіе и замѣняется свѣжимъ воздухомъ, входящимъ сквозь рѣшетки, устроенныя подъ столами. Превосходное отопленіе, которое я видѣлъ въ Британскомъ музее, не можетъ быть употреблено въ нашемъ климатѣ безъ нѣкоторыхъ измѣненій важныхъ, но тѣмъ не менѣе возможныхъ.

Почему-же вы, спросятъ меня, не сдѣласте этихъ измѣненій, если они возможны, и не введете пли, по крайней мѣрѣ, не испытаете у насъ того, что вы видѣли въ Англіи? На такой вопросъ я съ грустью долженъ отвѣтить, что хотя у насъ найдутся люди съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ по части отопленія, но они по многимъ причинамъ не могутъ заняться примѣненіемъ къ нашему климату тѣхъ усовершенствованій, которыя существуютъ въ Англіи. Для этого примѣненія необходимы опыты: нельзя поручиться, что составленная по извѣстнымъ даннымъ теорія дастъ на практикѣ съ одного разу всѣ результаты, которыхъ мы отъ нея ожидаемъ. Для опытовъ нужны во-первыхъ деньги, во-вторыхъ мѣсто и наконецъ техническія

средства. Положимъ, что наши заводы, наши мастеровые стумбуютъ сдѣлать то, что имъ закажетъ и укажетъ мастеръ, но они должны дѣлать и, можетъ быть, нѣсколько разъ передѣлывать заказанное, чтобы, по требованіямъ опытовъ, довести все устройство до нѣвѣстной степени совершенства. На это нужны деньги, а ихъ у насъ никто не захочетъ тратить на дѣло, которое еще, Богъ знаетъ, удастся или нѣтъ. Железныя дороги вездѣ существуютъ и постоянно строятся новыя, а у насъ и теперь еще многіе качиваютъ головою на громадное предпріятіе, начатое въ Россіи. Еслибы и нашелся человѣкъ съ знаніемъ и деньгами, выдумалъ-бы и приспособилъ хорошее отопленіе, въ которомъ мы такъ нуждаемся въ нашемъ климатѣ, то и тогда все стали-бы приглядываться и разузнавать: хорошо-ли оно и главное, дешево-ли стоитъ его устройство. При томъ о дороговизнѣ и дешевизнѣ мы имѣемъ не совѣмъ вѣрное понятіе. У насъ во всеобщемъ употребленіи находятся Голландскія печи, и онѣ были-бы очень хороши, но невѣрное понятіе о дешевизнѣ довело ихъ до такого состоянія, что, кромѣ названія, въ нихъ ничего не осталось Голландскаго. Домовладѣлецъ, отдающій въ наймы квартиры, старается употребить на ремонтъ дома какъ можно меньше денегъ и, вслѣдствіе того, если встрѣчается надобность передѣлать печь, то онъ ищетъ печниковъ, которые берутъ за передѣлку дешевле и, заплативъ 5 руб., остаются въ совершенномъ невѣдѣніи какъ печь передѣлана. Между-тѣмъ печникъ, работая за 5 руб., помышляетъ и о своей семьѣ и объ оброкѣ и о разныхъ житейскихъ нуждахъ и, вслѣдствіе этихъ помышленій, такъ дурно передѣлаетъ печь, что изъ ничтожной платы у него остается хорошій барышъ. Домовладѣлецъ однакожь доволенъ, что дешево отдѣлался. Онъ не думаетъ о томъ, что чрезъ годъ, а много чрезъ два, онъ долженъ будетъ на эту-же печь истратить еще 5 руб. Само собою разумѣется, что еслибы печникъ, вмѣсто 5, получилъ 15 руб. и исполнилъ дѣло свое добросовѣстно, то чистой прибылью ему пришло-бы гораздо больше, а домовладѣлецъ 15 лѣтъ не имѣлъ-бы надобности передѣлывать печь: очевидно, что обоимъ имъ было-бы выгоднѣе и жилецъ былъ-бы здоровѣе въ теплой и сухой комнатѣ; но все эти выгоды усматриваются въ будущемъ, а мы этого не любимъ и находимъ гораздо выгоднѣе выплатить какъ можно меньше въ настоящемъ. При такомъ взглядѣ на экономію, взглядѣ общемъ во всехъ почти классахъ нашего общества, трудно найти чело-

вѣка, который рѣшился-бы предпринять дѣло, обѣщающее отдаленныя выгоды.

Наконецъ, для производства опытовъ нужно мѣсто. Еслибы частный человѣкъ, располагающій достаточнымъ для опытовъ средствами, предпринялъ дѣлать опыты у себя, то небольшіе аппараты, давшіе удовлетворительный результатъ въ его небольшомъ помѣщеніи, не дали-бы его въ такомъ пространствѣ, какъ читальная зала Британскаго музеума. У насъ есть, конечно, большія залы, но кто-же позволить дѣлать въ нихъ опыты отопленія? Хорошее отопленіе у насъ будетъ, но не теперь, когда едва-ли десятая часть нашихъ печниковъ умѣютъ читать по складамъ, а такихъ, которые могли-бы съ толкомъ прочесть то немногое, что у насъ написано о печахъ, такихъ нѣтъ почти ни одного.

Невѣрно-понимаемая экономія даетъ намъ не одиѣ дурныя печи; она производитъ еще и дурныхъ печниковъ. Я знаю по опыту, что у насъ въ С. Петербургѣ *нѣтъ* (буквально) ни одного мастера, который сѣмѣлъ-бы сдѣлать *хорошо* простую Голландскую печь. Дешевизна задѣльной платы довела печниковъ до такого проворства, что лонкій паренъ можетъ сложить средней величины печь въ *одинъ день*. Наши мастера, работая такъ быстро, дѣлаютъ печи такъ дурно, что изъ рукъ вонъ. Еслибы какой-нибудь врагъ неразумной экономіи пожелалъ имѣть печь, сдѣланную какъ должно, то ни за какія деньги онъ не получилъ-бы того, что ему нужно. Самый честный мастеръ, за двойную, даже за тройную плату не сдѣлаетъ печи хорошо, потому-что ни онъ самъ никогда хорошо ихъ не дѣлалъ и никогда ему не могло случиться видѣть какъ должно дѣлать печи. Наши мастера знаютъ и отлично знаютъ конструкцію печей, но, при хорошей конструкціи, должно быть и хорошее исполненіе, на которое нужно употребить много времени, а мы, платя дешево за печную работу, покупаемъ у печника слишкомъ мало его времени.

Внимательность и заботливость управленія Британскаго музеума о посѣтителяхъ простирается до того, что дамы, приходящія заниматься въ читальной залѣ, имѣютъ особый пріютъ, гдѣ, отдѣленные отъ общества мужчинъ, онѣ могутъ отдохнуть, поправить свой туалетъ. Въ корридорѣ, ведущемъ изъ парадныхъ сѣней въ читальную залу, есть одна дверь съ надписью: Ladies room (на планѣ № 3). Войдя въ эту дверь, посѣтельница находитъ покойную, удобно-меблированную комнату и прислужницу,

ожидающую ее и готовую ей услужить. Даже въ читальной залѣ для дамъ назначены самыя удобныя мѣста. Столы, съ надписями for ladies, находятся на сторонѣ противоположной входу и стоятъ у самаго прохода, соединяющаго центральную эстраду читальной залы съ внутреннимъ помѣщеніемъ бібліотеки. Проходъ этотъ огражденъ сплошнымъ рядомъ большихъ позированныхъ стеколъ, вѣшанныхъ въ бронзовую золоченную раму. Стекла этой перегородки такъ чисты, что ихъ не замѣтно, но между-тѣмъ за ними не слышнень свободный говоръ прислуги читальной залы.

Говоря объ особыхъ удобствахъ, нельзя не упомянуть о комнатѣ съ ватерклозетами для публики (на планѣ № 4). Если вспомнить, что въ Британскомъ музеумѣ бываетъ ежедневно болѣе 500 постороннихъ людей и 250 служащихъ, то можно представить себѣ, какое большое употребленіе дѣлается изъ этой комнаты; за всеѣмъ тѣмъ опрятность въ ней необыкновенная и, при хорошей вентиляции, воздухъ всегда чистъ. Мнѣ случилось видѣть, какъ, по уходѣ публики, служитель убиралъ эту комнату, или, вѣрнѣе сказать, какъ онъ ее *выполаскивалъ*. Привинтивъ къ крану длинный и гибкій рукавъ, съ мѣдною трубкой на концѣ, онъ пускалъ быструю струю воды повсюду, гдѣ замѣчалъ слѣды посѣщеній. Полъ комнаты устланъ свинцомъ, прочіе-же предметы сдѣланы или изъ металла, или изъ фаянса такъ, что они очевидно приготовлены для того, чтобъ ихъ можно было обливать водой. Комната имѣетъ двѣ двери: одну для входа, а другую для выхода; чтобы предупредить столкновеніе идущихъ, въ двери, назначенной для входа, вставленъ такой приборъ, сквозь который можно войти, но никакъ нельзя выйти. Если разсѣянный человекъ, желая выйти, направится къ входной двери, то приборъ его остановитъ и, возбуждивъ такимъ образомъ его вниманіе, заставитъ пойти къ другой двери съ надписью: OUT.

Выше сказано мною, что книги, отданныя въ распоряженіе посѣтителей, стоятъ въ шкафахъ, имѣющихъ номера 2,000—2,121. Когда меня ввели изъ читальной залы во внутреннее помѣщеніе бібліотеки, я замѣтилъ, что на первомъ шкафу привѣшенъ № 2,136. Я спросилъ, гдѣ-же № 2,135 и узналъ, что онъ покуда не существуетъ, а будетъ существовать тогда, когда наберется такое количество новыхъ книгъ, которое наполнитъ все промежуточные шкафы, начиная съ послѣдняго шкафа читальной залы, имѣющаго № 2,121 до № 1,236 и притомъ книгъ такого содержанія, какому посвященъ № 2,121, т. е. календарей, альмана-

ховъ, адресныхъ книгъ и проч. Нужно замѣтить, что въ промежуткѣ номеровъ нѣтъ пустыхъ шкафовъ, и, если дѣйствительно потребуется занять календарями шкафы подъ № 2,122, то для этого нужно будетъ переставить книги всѣхъ шкафовъ, начиная съ № 2,136, и такимъ образомъ очистить № 2,122. Въ новомъ помѣщеніи бібліотеки запасныхъ шкафовъ очень много: оно устроено на 1½ милліона книгъ. Библіотека поставлена въ систематическомъ порядкѣ, съ большими промежутками пустыхъ шкафовъ и еще съ болыими промежутками въ ряду номеровъ. При такой расстановкѣ въ передвиженіи старыхъ книгъ можетъ встрѣтиться надобность очень не скоро, но все-же она можетъ встрѣтиться. Безпорядка отъ передвиженія книгъ не будетъ никакого: всѣ шкафы построены совершенно одинаковой ширины, полки можно передвигать вверхъ и внизъ по произволу; слѣдовательно все, что стоитъ въ одномъ шкафу, можетъ быть переставлено въ другой, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Все это придумано прекрасно; но переставлять книги, чтобъ очистить мѣсто для другихъ, вовсе непрактично, и въ этомъ я не узнаю Англичанъ; между-тѣмъ эта система вѣчной перестановки громко названа *expensive-system*.

Порядокъ полокъ во всѣхъ бібліотекахъ считается снизу вверхъ. Пропхожденіе этого обычая можно искать въ систематической расстановкѣ, гдѣ книги, раздѣленныя по предметамъ, подраздѣляются всегда на форматы, изъ коихъ фоліанты занимаютъ первое мѣсто и, какъ болѣе тяжелые, ставятся всегда внизу. Британскій музей, вопреки всеобщему обычаю, полки считаетъ сверху.

Въ Британскомъ музеѣ есть особое отдѣленіе для составленія каталоговъ. Задавія пишутся довольно пространно на карточкахъ, по четыре экземпляра вдругъ. Это дѣлается по методѣ Веджвуда. Между четырехъ листовъ бумаги, на которой пишутъ, прокладываются пластинки, наштавныя веществомъ, окрашивающимъ черною краскою. Для писанія употребляется заостренная палочка. Когда пишутъ ею на первой страницѣ, то на всѣхъ слѣдующихъ, проложенныхъ пластинками листахъ, отпечатывается отчетливо все написанное. Для этого бумага употребляется очень тонкая. Написанныя для каталоговъ карточки наклеиваются на бѣлыя страницы книгъ. Четыре экземпляра карточекъ, получаемыхъ съ каждаго заглавія, назначаются: 1-й для инвентаря, 2-й для алфавитнаго каталога, употребляемаго публикой въ читальной залѣ, 3-й для такового же каталога, находящагося въ бібліотекѣ, и 4-й для будущаго си-

стематическаго каталога, который до-сихъ-поръ еще не составляется потому, какъ говорятъ, что лица, стоящія въ главѣ управленія Британскаго музеума, не согласны во мнѣніяхъ на-счетъ системы, которую слѣдуетъ принять.

Карточки для каталоговъ пишутся слишкомъ широко: наклеенныя въ книгахъ онѣ занимаютъ очень много мѣста и дѣлаютъ объемъ каждаго тома каталога огромнымъ. Редакція карточекъ не соответствуетъ ихъ назначеніямъ; такъ покрайней мѣрѣ мнѣ кажется: для инвентаря онѣ слишкомъ пространны, а для систематическаго каталога слишкомъ кратки. Вообще форма каталоговъ библіотеки Британскаго музеума не довольно обдуманна со стороны практической. Карточки пишутся въ четырехъ экземплярахъ въ одно время, и это, съ перваго взгляда, кажется удивительною экономіей; но, переложивъ на деньги время, употребляемое для писанія, разрѣзыванія и наклеиванія и нечисливъ расходъ на бумагу, Веджвудовы средства и на переплетъ экземпляра алфавитнаго каталога, находящагося въ библіотекѣ, едва-ли не выгодыѣ было-бы написать одинъ экземпляръ заглавія пространно и на плотной бумагѣ для каталога систематическаго, одинъ экземпляръ сокращенно, на плотной-же бумагѣ, для каталога алфавитнаго библіотеки, а другой такой-же, на тонкой бумагѣ, для такого-же каталога читальной залы, гдѣ, для удобства публики, онѣ можетъ быть наклеить, и наконецъ написать два-три слова въ готовой переплетенной книгѣ инвентаря. При такихъ формахъ каталоговъ расходъ на время и бумагу былъ-бы тѣ-же, а формы удобныѣ. Инвентарь сдѣлался-бы въ 10 разъ меньшаго объема; алфавитный каталогъ библіотеки, оставаясь на карточкахъ ненаклеенныхъ, былъ-бы также несравненно меньше и сверхъ-того могъ-бы увеличиваться до самыхъ большихъ размѣровъ, не требуя переписки и передѣлки переплетовъ. Во многихъ большихъ библіотекахъ опытомъ дознано, что алфавитные каталоги въ книгахъ дѣлаются современемъ негодными къ употребленію и это въ такихъ библіотекахъ, гдѣ новыхъ книгъ поступаетъ далеко не такъ много, какъ въ Британскомъ музеумѣ, петрачивающемъ на этотъ предметъ ежегодно 10,000 фунт. стерлинговъ (болѣе 60,000 р. сер.)

Наклеиваніе карточекъ, приготовленныхъ по способу Веджвуда, производится также и для читальной залы, при выдачѣ книгъ въ чтеніе. Въ отдѣленіяхъ, при отпускѣ книги, пишутся сокращенно три карточки и наклеиваются въ книги: одна въ отдѣленіи, другая

въ читальной залѣ, а третья на кусокъ картона, который остается на томъ мѣстѣ, гдѣ книга стояла. Эти куски картона приготовлены очень аккуратно, концы ихъ обдѣланы краснымъ сафьяномъ и украшены золотыми каемками. Вся эта процедура показываетъ, какъ много мелкихъ работъ производятъ переплетчики въ Британскомъ музеумѣ. Въ переплетныхъ мастерскихъ, находящихся въ самомъ зданіи музеума, работаютъ 98 человекъ. Работы ихъ не производятся á discretion, какъ въ большой Парижской библіотекѣ, а поштучно, и для этого установленъ подробный тарифъ. Въ прошломъ 1858 году музеумъ издержалъ на одни переплеты 8000 фунт. стерл. При всемъ обиліи средствъ музеума такой расходъ считается тамъ чрезмѣрнымъ, и дѣйствительно трудно представить себѣ, какія переплетныя работы могли быть произведены на 50,000 руб. сер., однакожь онѣ произведены въ самомъ дѣлѣ. Такая громадность расхода дѣлается понятною, если обратить вниманіе на то, что въ Британскомъ музеумѣ нѣтъ ни одной не переплетенной книги, что всѣ географическія карты, планы и т. п. наклеены на каленкоръ и обдѣланы съ большою тщательностью, что для монтированія астамповъ приготовлены сотни книгъ въ большой листъ, сдѣланныхъ изъ превосходной бумаги и переплетенныхъ въ сафьянъ. Всѣ эти работы, исполненныя въ огромныхъ размѣрахъ и съ роскошью, должны были поглотить тысячи фунтовъ стерлинговъ. Вообще все устройство и содержаніе музеума обнаруживаетъ необыкновенное обиліе средствъ, для этого употребляемыхъ. При всѣхъ отдѣленіяхъ музеума считается 259 человекъ, занимающихъ разныя должности. При библіотекѣ музеума находятся 3 библіотекаря, 25 помощниковъ, 13 писцовъ и до 50 служителей. Для содержанія въ порядкѣ читальной залы и для удовлетворенія требованій читателей употребляется 14 человекъ. Въ устройствѣ разныхъ частей наблюдателя поражаетъ вездѣ такая совѣстливая обдѣлка, такая законченность, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ отдѣленіи географическихъ картъ сдѣланы шкафы съ выдвижными полками, на которыхъ расположены карты въ географическо-систематическомъ порядкѣ. Я уже сказалъ, что всѣ карты наклеены на каленкоръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно-большихъ размѣровъ, навернуты на валки и укрѣплены на длинныхъ полкахъ, выдвигающихся изъ шкафовъ. Надъ устройствомъ этимъ очевидно останавливался практической умъ техника и сдѣлалъ именно то, что нужно и удобно. Всѣ части внутреннія и наружныя этихъ

шкафовъ сдѣланы изъ дубоваго дерева и съ тою тщательностью, которая характеризуетъ всякую Англійскую работу. Изящества и вкуса здѣсь, какъ и вездѣ. витрины, въ которыхъ выставлены въ большихъ залахъ библіотеки эстампы и разнаго рода библиографическія и рукописныя рѣдкости, далеко не такъ художественно сдѣланы, какъ въ Дрезденѣ, но зато здѣсь вездѣ полированные стекла и вообще объемъ выставокъ очень великъ. Онѣ расположены въ тѣхъ залахъ стараго зданія музея, гдѣ стоитъ библіотека, собранная королемъ Георгомъ III и подаренная музею Георгомъ IV. вслѣдствіе чего залы эти называются королевскою библіотекою. Выставки раздѣлены на четыре главныя отдѣленія: 1) автографы и рукописи, 2) рисунки и гравюры, 3) печатныя книги и 4) переплеты. Во всѣхъ витринахъ выставлено до 1,000 такихъ предметовъ, изъ коихъ каждый знатока можетъ привести въ восторгъ. Не вдаваясь въ подробности, я назову только слѣдующіе роды выставленныхъ вещей: рукописей и автографовъ 239, рисунковъ знаменитыхъ художниковъ 145, гравюръ 279, нелей 25, изъ коихъ 7 на серебрѣ и 6 сѣрныхъ оттисковъ (Teichdruck), ксилографовъ 24, инкунабуль и другихъ рѣдкихъ печатныхъ книгъ 172, переплетовъ 37. Эстампы, положенные на бѣлую бумагу и прижатые стекломъ, размѣщены въ рамкахъ, стоящихъ вертикально на стативахъ, а рукописи лежатъ въ витринахъ, устроенныхъ на столахъ. Въ тѣ дни, когда публика не входитъ въ залы, всѣ выставки закрываются, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія свѣта: рамки съ эстампами просто завѣшиваются, а въ ящикахъ витринъ сдѣланы внутри, подъ стеклами, сторы, которыя открываются и закрываются помощію валиковъ, приводимыхъ въ движеніе ключемъ въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются для большихъ часовъ. Въ хранилищѣ рукописей художники занимаются копированіемъ красками миниатюръ со старинныхъ манускриптовъ. Работы этой обыкновенно не любятъ вообще всѣ хранители рукописей, потому-что художники иногда недовольно осторожно обращаются со своими оригиналами. Но въ Британскомъ музеумѣ желающіе копировать манускрипты работаютъ очень свободно, а между-тѣмъ сохранность манускриптовъ обезпечена: раскрытая книга вложена въ стеклянный ящикъ и копирующій не можетъ не только повредить, но даже прикоснуться къ лежащему предъ нимъ оригиналу.

Кромѣ покупаемыхъ книгъ, на которыя Британскій музеумъ

можетъ издерживать 10,000 фунт. ежегодно, библіотека его обогащается еще веѣми книгами, печатаемыми во владѣніяхъ Англіи и доставляемыми въ музеумъ по закону безмездно. Издатели обязаны, до выпуска книги въ свѣтъ, представить по одному экземпляру: въ Британской музеумъ, въ Оксфордскій, Кембриджскій и Эднбургскій университеты и въ Дублинскую школу адвокатовъ. За непредставленіе одного изъ этихъ экземпляровъ издатель подвергается большому денежному штрафу; по этой строгости закону не подвергается никто, потому-что у Англичанъ есть своего рода національное чувство: издатели считаютъ за честь себѣ представлять экземпляры въ государственныя учрежденія, гдѣ книги ихъ вѣрнѣе сохраняются для отдаленнѣйшаго потомства, нежели въ рукахъ какого-бы то ни было частнаго человѣка и болѣе нежели гдѣ-нибудь принесутъ пользы странѣ. Я посѣтилъ отдѣленія, гдѣ принимаются доставляемые издателями книги. 1¹/₂ марта было уже принято 5582 книги, считая съ новаго года. Процессъ пріема книгъ очень простъ. Предъ регистраторомъ лежитъ книга, состоящая изъ бланковъ квитанцій, по нѣскольку на каждомъ листѣ. На первой раскрытой страницѣ бланки не подписанныя, а на второй у каждаго экземпляра есть подпись директора библіотеки печатныхъ книгъ Winter Jones. Листы проложены черною пластинкою. Регистраторъ, принявъ принесенную книгу, списываетъ заглавіе ея на неподписанной квитанціи, означаетъ номеръ и число, и, перевернувъ страницу, находитъ такой-же экземпляръ квитанціи подписанной, которую онъ вырѣзаетъ и отдаетъ принесшему книгу, а на книгу накладываетъ штемпель, показывающій число мѣсяца, когда она принесена въ музеумъ.

Для книгъ покупаемыхъ есть особое отдѣленіе, которымъ завѣдуетъ Mr. Watts, человекъ замѣчательный по богатству библіографическихъ свѣдѣній и по знанію множества языковъ. Онъ читаетъ библіографическія извѣстія и рецензіи на веѣхъ Европейскихъ языкахъ, заказываетъ чрезъ управленіе музеума все, что находитъ достойнымъ пріобрѣтенія и, при полученіи книгъ, вноситъ ихъ въ каталогъ пріобрѣтеній, что Немцы называютъ Accessionskatalog. Съ этимъ сопряжена довольно большая переписка: книгопродавцы не высылаютъ иногда всего, что имъ заказано, или присылаютъ не то, что заказано. Веѣ хлопоты по этимъ дѣламъ лежатъ на Уатсѣ. Дѣятельность его очень велика. Каталогъ пріобрѣтеній, который онъ ведетъ, очень похожъ на то, что я ви-

дѣль въ Мюнхенѣ и Парижѣ, но имѣеть одно несовершенство: онъ не отвѣчаетъ на вопросъ: что именно заказано и еще не доставлено? Каталогъ приобретений ведется на карточкахъ, въ которыхъ подъ общимъ алфавитомъ смѣшано все, что получено и что заказано. Свѣдѣнія о неисполненныхъ заказахъ нужно, въ случаѣ нужды, искать въ перепискѣ съ книгопродавцами. Это очень удобно, если нужно знать, напримѣръ, чего не исполнилъ нашъ Смирдинъ, съ которымъ однимъ Британскій музейъ ведетъ дѣла по части Русскихъ книгъ; но еслибы нужно было узнать, заказана-ли какая-нибудь Нѣмецкая книга, одному изъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ корреспондентовъ Британскаго музея, то справку можетъ сдѣлать одинъ только Уатсъ, обладающій удивительнѣйшею памятью.

Кромѣ чудесной библіотеки, которую Winter Jones и Watts показывали мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, съ особенною любезностью и обязательностью, свойственною однимъ только Англійскимъ джентельменамъ, я видѣлъ и другія отдѣленія Британскаго музея. Богатства коллекцій каждаго отдѣленія могутъ удивить всякаго ученаго специалиста. Въ устройствѣ всего этого на каждомъ шагу встрѣчаются подробности, краснорѣчиво выражающія практическій умъ Англичанъ. По недостатку времени, я не могъ внимательно осмотрѣть всѣ части музея и долженъ былъ удовольствоваться обзоромъ поверхностнымъ и даже слишкомъ поверхностнымъ въ-отношеніи къ значенію предмета. Британскій музейъ, какъ и Луврская галерея въ Парижѣ, доступенъ всѣмъ классамъ публики и для человѣка, незнакомаго съ этими обычаями, посѣтители музея представляютъ немало интереса. Залы съ древностями, медалями, монетами, камнями и пр., конечно мало интересуютъ простой народъ, но за то какъ людны залы естественной исторіи и этнографіи. Группы слушателей тѣснятся около людей бывалыхъ и словоохотливыхъ. Слушая эти импровизированныя лекціи, народъ, посѣщающій музейъ, безъ сомнѣнія, уноситъ оттуда большіе запасы свѣдѣній. Богъ знаетъ на что пригодятся эти свѣдѣнія, но подкрѣпленные нагляднымъ изученіемъ выставленныхъ въ музейѣ предметовъ, они просвѣщаютъ умы, производятъ въ нихъ движеніе, даютъ предметы для разговоровъ и изъ всего этого нечувствительно вырабатывается то, что мы разумѣемъ подъ словомъ *цивилизация*. Эта возвышенная форма народнаго образованія не вливается въ него обильнымъ потокомъ, —

потоки, и въ особенности обильныя, разрушаютъ иногда самыя прочныя организмы, — но всасываются какими-то незамѣтно-малыми путями, разливаются по всему организму общества и превращаются въ питательныя для всего тѣла соки.

Въ Лондонѣ есть одна небольшая quasi-публичная библіотека. Она принадлежитъ обществу любителей чтенія и носитъ простое названіе Лондонской библіотеки (London library). Многочисленные члены этого общества вносятъ ежегодно очень небольшую сумму на покупку книгъ и содержаніе библіотеки и за то пользуются правомъ брать изъ библіотеки домой всякаго рода книги. Библіотека существуетъ уже очень давно и, обогащаясь понемногу, представляетъ теперь массу въ 200,000 томовъ. Рѣдкихъ книгъ въ ней нѣтъ и они тамъ вовсе ненужны, но за то тамъ есть все, что нужно для пользы и удовольствія въ практической жизни человѣка. Сколько у насъ, и вездѣ есть охотниковъ почитать чужую книжечку. Охотниковъ этихъ нельзя укорять тѣмъ, что они сами не покупаютъ книгъ: у инаго есть большая охота прочесть какъ можно больше хорошаго, но иногда нѣтъ средствъ купить все это, даже нѣтъ мѣста гдѣ поставить купленное. Охотники эти съ удовольствіемъ заплатили-бы какую-нибудь бездѣлицу, чтобъ получить право прочесть хорошую книгу. Еслибъ подобные охотники собрались да сложили тѣ бездѣлицы, которыхъ они не пожалѣли-бы за чтеніе хорошихъ книгъ, то и у насъ можно было-бы основать общую библіотеку; но множество разнообразныхъ общественныхъ условій затрудняютъ у насъ образованіе подобныхъ обществъ, а въ Англіи эти условія таковы, что если одинъ человѣкъ высказалъ хорошую мысль, то общество, не раздѣленное по званіямъ и чинамъ на множество степеней, оцѣняетъ эту мысль и вотъ въслѣдствіе того London library разливаетъ въ населеніи Лондона свѣтъ знанія.

Не смотря на поспѣшность, съ которою я дѣлалъ мое путешествіе и на то, что въ Лондонѣ я могъ остаться только семь дней, мнѣ удалось побывать въ Оксфордѣ и видѣть тамошнюю университетскую библіотеку, известную подъ названіемъ Bodleiana. Въ Оксфордѣ нѣсколько библіотекъ. По статутамъ своимъ ни одна изъ нихъ не называется публичною, но между-тѣмъ всѣ онѣ публичныя. Большинство населенія Оксфорда состоитъ изъ ученыхъ и учащихся, и слѣдовательно имѣетъ такую публичку, для которой не можетъ быть закрыта ни одна библіотека въ мірѣ, кромѣ тѣхъ,

разумѣется, которыя составляютъ частную собственность. Для цѣли моего путешествія Оксфордъ не представлялъ ничего интереснаго: все, что тамъ построено и устроено, принадлежитъ временамъ давно-прошедшимъ, все это изучено и примѣнено въ бібліотекахъ новыхъ, которыя я осматривалъ, но, находясь въ двухъ часахъ отъ знаменитой бібліотеки Бодлея и не видѣть ее было-бы непроситительно. Основаніе и обогащеніе этой бібліотеки есть результатъ любви къ роднѣ и любви къ наукѣ. Она составлена изъ нѣсколькихъ бібліотекъ, собранныхъ учеными людьми, занимавшимися различными специальными предметами; по этому каждая часть ея, кромѣ бібліографическихъ достоинствъ, представляетъ собраніе важнѣйшихъ источниковъ для ученыхъ изслѣдованій. Первое собраніе книгъ, послужившее основаніемъ бібліотеки Оксфордскаго университета, открыто для общей пользы Бодлеемъ въ 1602 году. Оно извѣстно ученому міру по каталогу, изданному нѣсколько разъ. Прочія собранія были или завѣщаны собирателями или куплены на деньги, завѣщанныя другими лицами, понимавшими пользу, которую наука можетъ принести ихъ отечеству. Всѣ сокровища Оксфордской университетской бібліотеки и всѣ ея средства для новыхъ пріобретеній, доходяція до 6000 фунтовъ (около 38,000 р.), состоятъ изъ такихъ пожертвованій, за которыя никто не надѣялся получить ни креста, ни титула, ни тающихъ суетное тщеславіе, ни даже громкой, но въ сущности пустой и шипящей похвалы современниковъ. Есть особенныя чувства, особенныя побужденія, свойственныя только людямъ, понимающимъ значеніе цивилизаціи и порождающія такія явленія, какъ бібліотека Оксфордскаго университета. Люди эти не сунуть свой мозгъ надъ изобрѣтеніемъ разрушительныхъ снарядовъ, дающихъ перевѣсъ въ бою съ менѣе искуснымъ врагомъ, но приготавливаются всю жизнь свою къ тому, чтобы завѣщать своимъ соотечественникамъ источники силы нравственной, предъ которою умолкаетъ всякое оружіе, стихаютъ всякіе буйные порывы.

Въ этой бібліотекѣ есть также читальная зала, но устройство ея и весь порядокъ не могутъ служить образцомъ, ни для какой другой бібліотеки, кромѣ университетской, гдѣ большинство читающихъ состоитъ изъ профессоровъ, берегущихъ книги лучше всякаго приназначеннаго хранителя. Зала довольно большая, по обѣимъ сторонамъ раздѣленная поперечными шкафами, между которыми устроено 12 кабинетовъ. Въ каждомъ изъ нихъ за однимъ

столомъ могутъ свободно помѣтаться четыре человѣка. Прочія залы, въ которыхъ размѣщены всѣ собранія книгъ, не имѣютъ общаго стройнаго порядка. Видно, что не все зданіе было построено нарочно для библіотеки и что она, увеличиваясь, распространялась въ прилегающія къ первоначальному ея помѣщенію комнаты. Но это отсутствіе общаго эффекта исчезаетъ совершенно при обзорѣннѣ порядка библіотеки, стройнаго, но совершенно-особеннаго. Посѣтитель, обзрѣваяющій Оксфордскій университетъ и библіотеку, не встрѣтитъ отдѣленій богословія, исторіи и проч. Здѣсь ему говорятъ: вотъ собраніе восточныхъ рукописей Сельдена (Selden), вотъ библіотека Еврейскихъ книгъ Ошенгеймера, Санскритскія рукописи Уильсона, вотъ еще Еврейская библіотека Мичельса, вотъ собраніе рукописей лорда Ферфакса (Fairfax), вмѣстѣ съ рукописями Роджера Додсворта (Dodsworth), относящимися исключительно до исторіи Англій, и такъ далѣе.

Монументальное зданіе, въ которомъ помѣщена библіотека, и именно часть, занимаемая собраніемъ Бодлея, по происхожденію своему имѣетъ много общаго съ библіотекою: оно построено на счетъ частнаго человѣка. Гомфрей, герцогъ Гластерекій заложилъ его около 1445 года для духовнаго училища (Divinity School).

Возвращаясь изъ Англій и проѣзжая чрезъ Брюссель, я успѣлъ взглянуть на тамошнюю публичную библіотеку. Она довольно велика (до 300,000 томовъ), и столько-же дѣятельна, какъ сама Бельгія. Прежде она была раздѣлена на три отдѣльныя части, съ особымъ на каждой изъ нихъ каталогомъ, а именно: старую городскую библіотеку, б) собраніе книгъ ванъ-Гультема и в) новыя приобрѣтенія. Каталоги были написаны въ книгахъ, которыя по неудобству оставлены и теперь составляются новые общіе каталоги на карточкахъ. При этомъ всѣ три библіотеки назначено слить въ одно цѣлое. Каталоги дѣлаются въ трехъ видахъ: алфавитный и систематическій на карточкахъ, а инвентарный въ тетрадахъ. Бельгія очень близка къ Англій, о накомъ Веджвудовъ способъ писанія нѣсколькихъ экземпляровъ карточекъ въ одно время не признанъ здѣсь удобнымъ и каждая карточка пишется отдѣльно.

Въ собраніи старопечатныхъ книгъ я замѣтилъ особенность, которой въ другихъ библіотекахъ не видать. Изданія разставлены по городамъ, въ которыхъ они вышли въ свѣтъ, и по каждому городу приведены въ хронологическій порядокъ. Библиографически-

ми рѣдкостями Брюссельская бібліотека не богата, но въ ней есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ вещей, подаренныхъ большею частію бібліофилами патріотами. Я видѣлъ, напримѣръ, логи Рафаеля, изданныя Меймелестеромъ съ гравюрами и съ акварельными рисунками, дѣланными съ самыхъ картинъ Рафаеля, со множествомъ неизданныхъ рисунковъ, и мн. др.

Читальная зала не очень велика и посѣтителей въ ней бываетъ мало, потому-что книги изъ бібліотеки отпускаются на домъ на извѣстныхъ условіяхъ. Бібліотекаръ, къ величайшему моему удивленію, началъ вдругъ говорить мнѣ, что обычай этотъ очень вредитъ бібліотекѣ. Я ожидалъ по этому началу, что онъ скажетъ что-нибудь о пропажѣ отпускаемыхъ книгъ, но услышалъ совершенно другое: публика портитъ переплеты, связывая веревками получаемыя книги. Я очень удивился этимъ жалобамъ. Причину ихъ такъ легко устранить: стоило-бы только къ условіямъ отпуска книгъ прибавить еще одно, чтобы получатели книгъ непременно уносили и приносили ихъ въ мѣшкахъ изъ кожи или клеенки, для предохраненія отъ веревокъ и кетати уже и отъ дождя, тогда все зло однимъ разомъ было-бы устранено. Но не смотря на то, что публика портитъ веревками переплеты, бібліотека не отступаетъ отъ обычая отпускать книги, такъ много приноситъ онъ пользы наукѣ.

Въ Брюссельской бібліотекѣ есть небольшой кабинетъ эстамповъ, которыхъ считается до 30,000. Собраніе это находится въ отличномъ порядкѣ и, не смотря на скудость средствъ бібліотеки, всѣ эстампы монтированы на хорошей картузной бумагѣ, а для рѣдкихъ вещей употреблена Бристольская. Эстампы монтированы такъ, что они соединяются съ толстою бумагой особыми тонкими бумажными ленточками: если встрѣчается надобность снять эстампъ и прикрѣпить къ другому листу, то произвести эту операцію можно безъ всякаго вреда эстампу. Все собраніе разложено по именамъ гравировъ и раздѣлено на школы. Портретамъ составленъ алфавитный каталогъ по именамъ лицъ, изображенныхъ на портретахъ. Чистка и монтированіе эстамповъ производится въ самой бібліотекѣ, въ особой мастерской, гдѣ постоянно работаютъ четыре переплетчика. Люди эти всегда заняты дѣломъ. Всѣ мелкія переплетныя и футлярныя работы, а также обыкновенные переплеты книгъ производятся здѣсь-же на глазахъ бібліотекарей. Переплетчики работаютъ подневно, но у Бельгійцевъ есть своя осо-

бенность въ нравахъ, вслѣдствіе которой этотъ порядокъ употребленія мастеровыхъ признается выгоднымъ и для библіотеки и для мастеровыхъ; между-тѣмъ въ Парижѣ управленіе Императорской библіотеки, при своей системѣ, не знаетъ положительно во что обходится павѣстная единица переплетной работы. Тамъ на вопросъ мой объ этомъ предметѣ отвѣчали подниманіемъ плечъ или начинали фразу: ah bah, vous savez, при чемъ ничего путнаго не было сказано: въ Брюсселѣ-же я получилъ положительный отвѣтъ, доказавшій мнѣ, что всѣ картоныя работы и простые переплеты въ самой библіотекѣ дѣлать гораздо выгоднѣе, и что постороннимъ мастерамъ слѣдуетъ заказывать только особенныя, лучшія работы.

Реестры поступающимъ книгамъ ведутся въ тетрадахъ. Эта часть въ Брюссельской библіотекѣ устроена не такъ хорошо, какъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ. Въ 1838 году библіотека начала-было издавать ежегодно алфавитные каталоги своихъ пріобрѣтеній, но въ 1856 году, по недостатку средствъ, должна была прекратить это изданіе. Ежегодные каталоги пріобрѣтеній очень полезны для жителей того города, гдѣ библіотека находится, и почти необходимы для тѣхъ, кто постоянно пользуется библіотекою, но такихъ потребителей не можетъ быть много. Еслибы они всѣ покупали каталоги, то этотъ ничтожный доходъ никогда не могъ-бы покрыть издержекъ, сдѣланныхъ на изданіе, и потому библіотека должна-бы постоянно жертвовать нѣкоторую сумму для пользы и удобства своихъ посѣтителей. Брюссельская библіотека 18 лѣтъ дѣлала эту жертву, но наконецъ должна была отъ нее отказаться по совершенному отсутствію денежныхъ средствъ.

Послѣдняя библіотека, которую я видѣлъ въ моемъ путешествіи, была Берлинская. Она помѣщается въ зданіи, нарочно для нея построенномъ, но зданіе это очень уже старо и недостаточно для помѣщенія наличныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году предполагалось построить новые шкафы въ нѣсколько ярусовъ поперегъ одной большой залы бель-этажа. Въ наше время библіотеки растутъ быстро и требуютъ строеній обширныхъ. Вслѣдствіе этого Британскій музей приготовилъ въ своей библіотекѣ помѣщеніе на 1,500,000 томовъ, но, придетъ время, что и этого не будетъ достаточно. Прусское правительство сознаетъ потребность построить новое зданіе для библіотеки. Мѣстность для него уже избрана и при первой возможности приступлено будетъ къ по-

стройкѣ. Такъ говорятъ библіотекари, но дѣло, какъ видно, находится еще только въ зародышѣ: мѣстность выбрана, но проекта еще нѣтъ.

Зданіе Берлинской библіотеки отличается тою непрактичностью, которая характеризуетъ все въ этомъ родѣ сооруженія прошлаго столѣтія: эффекту пожертвовано всемі.— и обиліемъ помѣщенія книгъ и удобствами. Прямая линія въ прошломъ столѣтіи считалась чѣмъ-то неприличнымъ: все изгибалось и приводилось въ формы противныя здравому смыслу. Велѣдствіе этого и зданіе Берлинской библіотеки, безъ всякой надобности, сдѣлано дугою. Залы въ обоихъ этажахъ расположены амфиладою, но это не замѣтно для глазъ, потому-что рядъ ихъ представляетъ дугу. Верхній этажъ, гдѣ помѣщена библіотека, не нагревается зимою, а внизу, залы читальныя и въ которыхъ занимаютъ библіотекари, нагрѣты caloriferami почти до избытка. Противъ зданія библіотеки стоитъ театръ (Opera-Haus), освѣщаемый газомъ. Сосѣдство это внушаетъ опасеніе управленію библіотеки и оно приняло предосторожности: въ чердакѣ устроены большой резервуаръ съ водою, а въ залахъ проведены мѣдныя трубы, снабженныя длинными, глубокими рукавами, посредствомъ которыхъ, въ случаѣ несчастія, можно лить воду вездѣ, гдѣ встрѣтится надобность.

Тѣснота нынѣшняго помѣщенія очень замѣтна: во многихъ мѣстахъ книги поставлены въ два ряда, между тѣмъ шкафы не кажутся полными, потому-что въ разстановкѣ книгъ приняты порядокъ систематическій и слѣдовательно форматы книгъ смѣшаны. Въ ряду старыхъ книгъ in-8° и другихъ меньшихъ форматомъ одно какое-нибудь новое сочиненіе, изданное въ одномъ томѣ, но въ большую осьмушку, заставило поднять слѣдующую полку и подъ нею во всю ея длину оказалась пустота. Книги въ библіотекѣ перенумерованы особыми серіями номеровъ по каждому подраздѣленію систематическаго порядка, но не сплошь, а съ большими интервалами для будущихъ приращеній. Въ каталогѣ означено у каждаго заглавія: въ какомъ подраздѣленіи и подъ какимъ номеромъ находится книга. При нумераціи съ интервалами отысканіе книгъ требуетъ нѣкотораго навыка. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ библіотечарей, г. Притцель, искалъ книги для выдачи читателямъ по письменнымъ ихъ требованіямъ. Ему не нужно было никакихъ номеровъ, онъ знаетъ отлично всю библіотеку и за каждой книгой идетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ она стоитъ.

Но г. Притцель жаловался на свое здоровье и я несколько подумал о томъ, что будутъ дѣлать читатели тогда, когда г. Притцель перестанетъ искать для нихъ книги? Систематическій порядокъ на полкахъ есть результатъ теоріи, рожденной наукой и умомъ, но самая лучшая теорія представляетъ иногда тьму неудобствъ на практикѣ. Систематическій порядокъ былъ еще хорошъ лѣтъ сто тому назадъ, но вѣдь въ-теченіе ста лѣтъ какое-же и развитіе получило книгопечатаніе и какую массу книгъ дало оно библіотекамъ, и продолжаетъ давать. Будетъ-же давать—еще больше.

Доставая книги, г. Притцель нашелъ, что одной не было на мѣстѣ. Не затрудняясь несколько, онъ написалъ на требовательномъ листкѣ: *выдано* (*verliehen*) и отправился дальше. Я спросилъ его: кому-же и когда она выдана?

— Объ этомъ можно справиться въ читальной залѣ.

Ну, а если она по ошибкѣ поставлена не на свое мѣсто?

— Этого не можетъ случиться.

Я не сталъ спорить, но по опыту знаю, что это очень можетъ случиться, знаю также и то, что подобную ошибку въ систематической разстановкѣ исправить очень трудно.

По регламенту Берлинской королевской публичной библіотеки въ читальную залу ея могутъ входить люди только рекомендованные, какъ и въ Британскомъ музеумѣ. Для этого заготовлены и билеты, но на практикѣ они признаны пустою формальностью, годною только для того, чтобъ узнать, сколько лицъ пользуется ежегодно библіотекой, вслѣдствіе чего билетовъ никому не даютъ, а въ читальную залу являются всѣ кому угодно. Требования пишутся на отдѣльныхъ листкахъ за подписью того, кто требуетъ, и книги выдаются на его имя. Кромѣ читальной залы, книги отпускаются изъ библіотеки и на-домъ, но для этого нужно имѣть дѣйствительно хорошую рекомендацію. Листки, по которымъ книги требуются на домъ, отдаются также въ читальную залу, откуда получаютъ требователями и самыя книги. Библіотека открыта для публики только по утрамъ и требованія удовлетворяются только два раза: въ 11 часовъ утра и въ часъ по-полудни. Если кто пожелаетъ оставить свое требованіе вечеромъ, чтобы на другое утро, придя въ библіотеку, найти уже приготовленныя книги, тотъ можетъ опустить свою записку въ ящикъ, выставленный у входа. Ящикъ этотъ удобенъ въ особенности для тѣхъ, кто получаетъ

книги на домъ: записку можно прислать съ слугой или по городской почтѣ и потомъ явиться, чтобъ получить требуемое. Книги, выдаваемые для занятій въ библиотекѣ, записываются въ особый реестръ въ читальной залѣ. Въ тотъ день, когда я посѣтилъ читальную залу, было выдано 85 сочиненій. Возвращаемыя изъ читальной залы въ библиотечку книги вычеркиваются въ реестръ. Въ канцеляріи, гдѣ производится отпускъ книгъ на-домъ, ведется алфавитный реестръ всему, что отпускается, но при возвращеніи въ библиотечку въ реестръ этомъ возвращаемое не вычеркивается. Такимъ образомъ, о книгѣ, не оказавшейся на мѣстѣ, очень мудро сдѣлать справку, какъ мнѣ предлагалъ-было г. Притцель.

Читальная зала раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ читаются печатныя книги, во второмъ рукописи, а въ третьемъ журналы, которыхъ библиотечка получаетъ до 400. Для входа въ это послѣднее отдѣленіе билеты выдаются самимъ директоромъ библиотечки г. Перцемъ; на полученіе ихъ имѣютъ право только извѣстные ученые.

Каталогъ Берлинской библиотечки составленъ такъ сложно, что, при всемъ навыкѣ моемъ въ этомъ дѣлѣ, я не вдругъ уразумѣлъ его порядокъ. Во-первыхъ, меня поразила объемъ каталога: 762 тома in-folio, изъ коихъ 669 вмѣщаютъ все заглавія книгъ въ порядкѣ алфавитномъ, а въ остальныхъ 93 тѣ-же заглавія расположены по предметамъ. Въ алфавитной части для каждаго имени автора употреблено поллиста. Фамиліи Вагнеровъ, Миллеровъ, Шмидтовъ и т. под. раздѣлены по именамъ и для каждаго имени отведенъ особый полулистъ. Если авторъ писалъ много и о разныхъ предметахъ, то сочиненія его записаны въ систематическомъ порядкѣ. Передъ статьями такихъ авторовъ сдѣланъ алфавитный указатель предметовъ, о которыхъ писалъ авторъ. Такой указатель очень хорошъ въ систематическомъ каталогѣ, но въ алфавитномъ едва-ли можно сдѣлать изъ него какое-нибудь употребленіе, потому-что алфавитный каталогъ употребляется обыкновенно для отысканія известной книги, а не предмета. Допустивъ эту смѣсь систематическаго порядка съ алфавитнымъ, библиотечкарь, составлявшій каталогъ, произвелъ своего рода безпорядокъ. Напримѣръ въ статьѣ Шиллера, которую я раскрылъ, въ самомъ началѣ стоятъ не *его* сочиненія, а *другихъ* авторовъ, писавшихъ о *немъ*. Зачѣмъ все это сдѣлано, когда есть каталогъ систематическій? Сочиненія анонимныя записаны не такъ, какъ принято воз-

дѣ, т.-е. не по первому существительному имени въ текстѣ заглавія, а по главному слову. Напримѣръ: сочиненіе «Castelnau, — Essai sur l'histoire et statistique de la Nouvelle Russie» записано въ своемъ мѣстѣ подѣ Castelnau, но, какъ анонимное, оно показано и въ другомъ, но не подѣ Essai, а подѣ Histoire, потому-что Essai признано слишкомъ общимъ словомъ, какъ будто слово Histoire менѣе общее. Первые листы каждаго тома каталога посвящены ссылкамъ (referata), которыя не могли занять мѣста въ общемъ порядкѣ алфавита: потому-что, какъ сказано выше, тамъ назначено по двѣ страницы для каждаго автора, слѣдовательно для ссылокъ мѣста нѣтъ. Часть каждаго тома каталога, предназначенная для ссылокъ, отдѣлена перегородкой пѣз толстой синей бумаги. Между ссылками я замѣтилъ одну слѣдующую: *Rusia vide Russia*. Кому можетъ пригодиться подобная ссылка я не знаю, развѣ Испанцу, но и то такому, который не знаетъ ни одного языка, кромѣ Испанскаго. Страницы каталога раздѣлены на три графы. Въ первой показано, откуда книга поступила въ библіотеку (?), во второй — сокращенное заглавіе книги, и наконецъ въ третьей — означеніе мѣста, гдѣ книга стоитъ въ библіотекѣ. Означеніе мѣста не такъ коротко и просто, какъ у насъ: здѣсь, кромѣ номера, обозначены подробно названія отдѣленій и подраздѣленій систематическаго порядка.

Каталогъ приобрѣтеній (Accessionskatalog) есть не что иное,, какъ хронологическій реестръ всѣхъ вступающихъ въ библіотеку книгъ. Серія номеровъ въ этомъ реестрѣ началась съ 1811-го года и, продолжаясь безпрерывно, дошла уже и теперь до цифры 170,000. На вступающія книги накладывается штемпель: *Bibliothecae Berolinensis*. Еслибы вмѣсто этихъ словъ на штемпелѣ былъ годъ, мѣсяцъ и число вступленія книги, какъ въ Британскомъ музеумѣ, то не нужно было-бы ни безконечной серіи номеровъ въ реестрѣ, ни первой графы во всѣхъ 762 томахъ каталоговъ. При составленіи формы реестра вступленій составитель очевидно не обращалъ вниманія на цѣль и занялся только формою, но занялся такъ усердно, что она вышла удивительно-сложная. Обѣ страницы разогнутой книги реестра раздѣлены не десятью графами, въ которыхъ означается много бесполезныхъ свѣдѣній. Въ первой графѣ мѣсяцъ и число вступленія; во второй — номеръ по порядку, начиная съ 1811 года; въ третьей — имя автора сочиненія; въ четвертой — заглавіе; въ пятой — имя книгопродавца, у котораго книга куплена

въ шестой—сколько за книгу заплачено иностранною монетою; въ седьмой—та-же цѣна на Прусскую монету; въ осьмой—имя переплетчика, которому отдана книга для переплета; въ девятой—номеръ, подъ которымъ книга записана въ счетѣ переплетчика. Десятой графъ не придумано никакого употребленія. Въ ней-бы можно было означать, въ какое отдѣленіе библиотски' книга вошла, но это не признано нужнымъ и графа оставлена для особыхъ замѣчаній, которыя однакожь не дѣлаются, потому-что они тутъ не нужны. При реестрѣ вступленій ведутся и счета отдаваемыхъ переплетчикамъ книгъ съ особыми въ каждомъ счетѣ серіями номеровъ, также бесполезными.

Какъ уже выше было сказано, цѣль моего путешествія состояла въ изученіи: читальныхъ залъ, порядка составленія каталоговъ, вступленія храненія и выдачи книгъ. Оцѣнивая все, что мнѣ удалось видѣть въ лучшихъ библиотекахъ Европы и безпристрастно сравнивая видѣнное съ устройствомъ, существующимъ у насъ, я могу съ чувствомъ весьма отраднымъ сказать, что если въ нѣкоторыхъ подробностяхъ библиотечнаго механизма мы не сравнили еще съ другими такого-же рода учрежденіями Европы, за то есть предметы, о преимуществѣ которыхъ у насъ мы можемъ еще поспорить. Посѣтители наши пользуются такою либеральностью, какая не допускается въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Лице, являющееся въ Библиотеку нашу, какого-бы званія оно ни было, не встрѣчаетъ никакихъ формальностей, обыкновенно во все излишнихъ и только отнимающихъ время. Право входа въ читальную залу, процессъ требованія и полученія книгъ, упрощены у насъ до возможности. Есть, конечно, и у насъ нѣкоторыя формальности, но онѣ зависятъ не отъ начальства Библиотеки, и, во всякомъ случаѣ, не идутъ дальше канцеляріи, т.-е. того члена Библиотеки, которымъ она связана съ общимъ организмомъ государственнаго устройства. Посѣтитель Библиотеки не имѣетъ никакихъ сношеній съ канцеляріей и идетъ прямо къ книгамъ, въ область науки. Кто является для серьезной ученой работы, тотъ входитъ въ непосредственное сношеніе съ библиотекарями и получаетъ свободный доступъ даже далѣе читальной залы, въ самыя отдѣленія Библиотеки, гдѣ, не стѣсняемый никакими формальностями, онъ находитъ полную готовность удовлетворить всякому его требованію. Въ отдѣленіяхъ нѣтъ формальностей даже между библиотекарями, и если во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно за-

мѣтять нѣкоторыя проявленія іерархическихъ началъ, какое-то преобладаніе однихъ надъ другими, то на это преобладаніе въ Библиотекѣ нашей даютъ право не чины или лѣта службы, а личныя, неотъемлемыя достоинства людей — способности и познанія. Однимъ словомъ, Императорская Публичная Библиотека, со стороны дѣятельности своей въ отношеніи къ публнкѣ, есть учрежденіе, вполне стоящее въ уровень съ нашею современностью, и съ этой стороны она едва-ли можетъ позаимствовать что-нибудь изъ обычаевъ тѣхъ библиотекъ, которыя я видѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ читальныхъ залахъ я нашелъ весьма важную особенность, которой мы еще не имѣемъ, это — богатыя собранія справочныхъ книгъ. Посѣтители Императорской Публичной Библиотеки имѣютъ для своего употребленія въ нашей читальной залѣ два справочные стола, на которыхъ прикрѣплено простымъ, но очень удобнымъ механизмомъ и предложено для всеобщаго употребленія 112 томовъ календарей, лексиконовъ на разныхъ языкахъ, библиографическихъ указателей и вообще справочныхъ книгъ. Собраніе это однакожь далеко не такъ богато, какъ оно должно-бы быть, но въ будущей читальной залѣ предполагается организовать такое отдѣленіе справочныхъ книгъ, которое богатствомъ своимъ не уступитъ существующимъ въ лучшихъ библиотекахъ Европы. Читальная зала Британскаго музеума отличается полнымъ алфавитнымъ каталогомъ всей библиотекы, который находится въ распоряженіи читателей. Этого нѣтъ нигдѣ, въ томъ числѣ и у насъ; но наши посѣтители, имѣющіе спеціальныя серьезныя цѣли занятій, едва-ли могутъ жаловаться на отсутствіе каталога въ читальной залѣ: допускаемые безпрепятственно въ отдѣленія, они пользуются нашими каталогами едва-ли не съ большимъ удобствомъ, нежели посѣтители Британскаго музеума, гдѣ есть одинъ только алфавитный каталогъ, а мы по многимъ и именно наиболѣе важнымъ отдѣленіямъ можемъ предлагать и каталоги систематическіе. Въ ротондѣ Британскаго музеума есть полный алфавитный каталогъ теперь, но всегда-ли онъ будетъ тамъ полный, это еще вопросъ, который разрѣшитъ намъ время. Извѣстно, что пополненіе алфавитныхъ каталоговъ, написанныхъ въ книгахъ, дѣлается современемъ невозможнымъ. Британскій музеумъ истрачивая ежегодно до 60,000 р. на пріобрѣтеніе книгъ, едва-ли долго будетъ вписывать ихъ въ тѣ 500 фолиантовъ, которые стоятъ въ его ротондѣ. Намъ можно было-бы

поставить въ читальную залу наши каталоги написанные на карточкахъ (лпствахъ), но это очень трудно по слѣдующимъ причинамъ: каталоги постоянно нужны въ отдѣленіяхъ самимъ бібліотекарямъ для удовлетворенія требованій публики, приходящей въ читальную залу; они нужны также многимъ ученымъ, занимающимся въ отдѣленіяхъ и наконецъ они нужны для бібліотечныхъ собственно работъ. Можно было-бы, конечно, свисать другой экземпляръ каталога для читальной залы и постоянно пополнить его, но для этого у насъ пока нѣтъ еще довольно матеріальныхъ средствъ. Если-бы, наконецъ, эти средства даже и были, то для существованія каталога въ читальной залѣ есть еще одно важное препятствіе. Либеральность правилъ нашей читальной залы даетъ доступъ въ нее всякому причино-одѣтому человѣку. Если каталогъ, написанный на карточкахъ, будетъ отданъ для употребленія всѣмъ приходящимъ, то какую участь будетъ онъ терпѣть, когда между читателями нашими случаются охотники вырывать изъ книгъ гравюры, служащія поясненіемъ къ тексту, вырѣзывать лпсты и даже цѣлыя главы или статьи самаго текста. Библиотека дѣлала-бы, можетъ быть, для своихъ посѣтителей очень многое, чего до-сихъ-поръ еще не сдѣлала, но она не можетъ этого дѣлать, но частымъ печальнымъ доказательствомъ тому, что, кромѣ истинныхъ служителей науки, въ читальную залу являются люди, непонимающіе значенія слова *варваръ*, которые, дѣлая все, что можно сдѣлать тайкомъ во-вредъ книгамъ и изданіямъ, этимъ самымъ близкимъ орудіямъ науки, добровольно навлекаютъ на себя странное для образованнаго ума имя *варвара*. Людей этихъ никакъ нельзя сравнивать съ тѣми, которые уносятъ цѣлыя книги, вынимаютъ изъ рукописей ампіи Мазариновскихъ временъ. Последняго рода похищенія, если ихъ нельзя оправдать страстью къ книгамъ и къ бібліографическимъ рѣдкостямъ, оставляютъ по крайней мѣрѣ какую-то тѣнь утѣшенія, что похищенная цѣликомъ вещь будетъ хранима человекомъ знающимъ ей цѣну и можетъ быть не погибнетъ безвозвратно для науки. Но книга съ вырваннымъ чертежомъ, съ вырѣзанною статьею есть вѣчная рана, которую ничто не залечитъ: она отзовется болью въ самомъ отдаленномъ потомкѣ, которому доведется раскрыть пзуродованную книгу. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе люди составляютъ самый малый процентъ въ массѣ посѣтителей читальной залы; но пока процентъ этотъ не будетъ у насъ окончатель-

но израсходованъ благотворнымъ дѣйствиемъ общей образованности, Библіотека наша должна быть разборчива въ удовлетвореніи публики, должна остерегаться ея. Сознаніе грустное, но тѣмъ не менѣе присущее нашему времени. Еслибы каталогъ, написанный на карточкахъ, былъ выставленъ въ нашей читальной залѣ, то нашлись-бы вѣроятно такіе избранные, которые стали-бы вынимать изъ него карточки, чтобъ дѣлать изъ нихъ закладки въ книгахъ, или писать на оборотѣ ихъ какія-нибудь замѣтки, и неразмягченный умъ ихъ никогда не почувствовалъ-бы, что они обрываютъ единственную нить, по которой лучший нежели они чело-вѣкъ можетъ дойти до разрѣшенія очень, можетъ быть, важнаго для науки вопроса.

Между формою каталоговъ нашихъ и большей части иностран-ныхъ, главная разница состоитъ въ томъ, что у насъ заглавія книгъ написаны преимущественно на карточкахъ, которыя мы приводимъ въ порядокъ: одни въ алфавитный, а другія въ систематическій; въ большинствѣ-же библіотекъ, видѣнныхъ мною въ чужихъ краяхъ, заглавія книгъ вписываются на страницахъ переплетенныхъ книгъ. Наши каталоги на карточкахъ, съ увеличеніемъ количества книгъ, будутъ, не измѣняя своей формы, расти до тѣхъ предѣловъ, какія укажутъ будущія судьбы нашей Библіотеки, а въ переплетенныя книги иностранныхъ каталоговъ можетъ войти только то количество новыхъ заглавій, какое вмѣстятъ свободныя части страницъ, послѣ чего каталоги эти должны быть переписаны или въ новыя тетради или на карточки, чему я видѣлъ примѣры въ Вѣнѣ, Прагѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Брюсселѣ. Преимуществомъ карточекъ не столько важно въ алфавитномъ каталогѣ, сколько въ систематическомъ. Порядокъ алфавитный останется вѣчнымъ, какъ сама азбука, но система наукъ измѣняется съ ихъ развитіемъ. Во Франціи до-сихъ-поръ еще есть въ библіотекахъ такое раздѣленіе, въ которомъ, кромѣ исторіи, математики и проч., встрѣчаются особенныя части, носящія названіе: *науки и искусства* (sciences et arts), какъ будто исторіи, математика и проч. не науки. Въ Мюнхенской библіотекѣ есть большой отдѣлъ, которому дано названіе *антропология*. Ученый библіотекарь въ короткое время можетъ начертить систему, сообразную съ современнымъ взглядомъ на науку, но переставить сотни тысячъ книгъ по новой системѣ и дать уразумѣть, что заключается въ sciences et arts, или въ антропология, нельзя въ

короткое время. Наши карточки, разложенныя по системѣ, признаваемой ясною и правильною въ наше время, могутъ быть потомъ очень удобно расположены по иной системѣ, какую укажетъ будущее время. Для этого нужно будетъ только измѣнить порядокъ въ каталогѣ уже готовомъ, не передѣлывая и не переписывая его.

Кромѣ общихъ замѣчаній, которыя я здѣсь изложилъ, мною сдѣланы и нѣкоторыя спеціальныя, касающіяся мелкихъ подробностей устройства Императорской Публичной Библиотеки вообще и читальной ея залы въ-особенности, но замѣчанія эти составляютъ предметъ официального моего донесенія начальству.

В. СОБОЛЬЩИКОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВЫЯ КНИГИ,
ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ.

Начала политической экономіи. Соч. *Ивана Горлова*.
Томъ I, in 8°. 493 стр. С. Пб. 1859 г.

Оригинальное сочиненіе по предмету политической экономіи, на Русскомъ языкѣ, составляетъ замѣчательное явленіе въ Русской жизни настоящаго времени. Давно-ли наше общество, чуждое всѣхъ великихъ стремленій современной эпохи, равнодушное ко всѣмъ славнымъ и благотворнымъ проявленіямъ челоуѣческаго духа, оставалось безразличнымъ ко всему, что занимаетъ и тревожитъ пылкій умъ челоуѣка развитаго? Нынѣ не то. Теперь вѣтъ ни одного, самаго даже незначительнаго, по-видимому, и мелкаго обстоятельства, на которое не обратило-бы вниманіе, на которое не откликнулось-бы общественное мнѣніе, этотъ великій современннй судья.

Всѣ стороны жизни сдѣлались предметомъ самаго тщательнаго изслѣдованія, самаго строгаго анализа. Разработка всѣхъ, самыхъ даже, по-видимому, маловажныхъ вопросовъ общественной жизни, стала важнѣйшею заботою общества. Нравственный, юридическій, общественный и домашній бытъ, послужили обильнымъ матеріаломъ для содержанія многихъ прекрасныхъ разсужденій, въ которыхъ раскрывались слабыя стороны общественной организаціи и придумывались средства отвратить ихъ проявленіе на будущее время.

Въ этомъ общемъ благородномъ порывѣ обновить нашу задремавшую жизнь, въ этомъ стремленіи улучшить нравственныя, юридическія, общественныя и домашнія отношенія, — хозяйственныя условія страны, конечно, не могли быть забыты, не могли не

обратить на себя полнаго вниманія литературы. И она дѣйствительно оказала имъ уже много существенной пользы: можетъ быть, ни одна сторона общественной жизни не разъяснялась въ настоящее время въ такой степени для Русскаго общества, какъ сторона хозяйственная.

Экономическая дѣятельность, бывшая прежде, по какому-то странному предразсудку, долго господствовавшему, въ совершенномъ пренебреженіи, стала мало-по-малу выходить изъ мрака, который окружалъ ее. Можно положительно сказать, что до послѣдняго времени экономическія явленія, совершающіяся въ мірѣ, были вовсе незнакомы Русскому обществу, которое имѣло о нихъ самыя превратныя понятія. Хотя и въ настоящую эпоху они далеко не успѣли вполне просвѣтлѣть, но, по-крайней-мѣрѣ, интересы хозяйственныя мало-по-малу начинаютъ занимать даже тѣхъ, кто прежде никогда и не думалъ о нихъ.

Такимъ счастливымъ измѣненіемъ обстоятельствъ общество наше обязано литературѣ, которая приняла на себя великую обязанность познакомить его съ той идеей, выработанной наукою, что хозяйственныя явленія, подобно всѣмъ другимъ, подчиняются въ своемъ развитіи тѣмъ-же неизмѣннымъ, непреложнымъ и вѣчнымъ законамъ, которые начертаны мудрою рукою Провидѣнія; и измѣнить которые не въ-силухъ никакая человѣческая власть. Но литература, столь благотворно дѣйствовавшая на экономическое образованіе общества, не достигала еще вполне своей цѣли—основательнаго и полнаго ознакомленія съ хозяйствомъ страны и условіями его развитія. Средства ея были для этого недостаточными. Онѣ ограничивались краткими и неполными замѣтками о томъ или другомъ экономическомъ явленіи; по поводу его дѣйствительнаго проявленія. Въ этихъ статьяхъ не преобладала общая мысль, общее направленіе, не было науки, въ истинномъ и полномъ ея значеніи, не было знанія, которое одно можетъ дать истинное понятіе о великихъ всемірныхъ законахъ, движущихъ человѣческими обществами и направляющихъ ихъ къ единой цѣли—совершенству. Слѣдовательно обществу оставалось желать появленія въ Россіи, подобно другимъ странамъ, экономической науки въ полномъ ея составѣ и обширности, науки Русской, приуроченной къ нашимъ понятіямъ, къ нашимъ потребностямъ, объясняющей явленія, родственныя нашему быту, близкія нашему существованію. Такое изложеніе науки появилось въ послѣднее время въ сочиненіи про-

профессора Горлова: «Начала политической экономіи», первая часть котораго вышла въ свѣтъ.

Сочиненіе г. Горлова есть собственно второе оригинальное, на Русскомъ языкѣ, появившееся въ продолженіе всего настоящаго столѣтія: первое изъ нихъ было сочиненіе Бутовскаго: «Опытъ о народномъ богатствѣ». Сочиненіе же Шторха написано на Французскомъ языкѣ и слѣдовательно не для всѣхъ доступно, а «Новый опытъ о богатствѣ народовъ», Каменскаго, есть не иное что, какъ искаженный переводъ знаменитаго Англійскаго курса политической экономіи извѣстнаго экономиста Д. С. Милля.

Независимо отъ самаго появленія новаго курса политической экономіи, который, при рѣдкости оригинальныхъ трактатовъ, по предмету государственнаго хозяйства, составляетъ важное пріобрѣтеніе для нашей экономической литературы, рассматриваемое сочиненіе Русскаго профессора отличается такимъ существеннымъ характеромъ, который не позволяетъ сомнѣваться въ достоинствѣ труда его. Главнѣйшій отличительный признакъ его — необыкновенная, рѣдко-встрѣчаемая въ хозяйственныхъ сочиненіяхъ практичность. Позволяемъ себѣ нѣсколько подробнѣе распространиться о достоинствахъ этого рода.

Человѣческой умъ, точно также, какъ и взоръ его, въ обширномъ горизонтѣ, представляющемъ его наблюденію, начинается съ того, что обнимаетъ всю совокупность явленій и только впоследствии, когда предъ нимъ открываются всѣ частности, всѣ отдѣльныя явленія созерцаемой имъ картины, онъ начинаетъ разсматривать во всей подробности каждый предметъ особо. Человѣкъ начинаетъ всегда съ теоріи міра, который ему еще неизвѣстенъ; сдѣлавшись болѣе опытнымъ и образованнымъ, онъ начинаетъ изслѣдовать внутреннія тайны созданія, открываемыя ему микроскопомъ. Въ этомъ отношеніи нравственныя науки испытываютъ ту же судьбу, какъ и науки естественныя. Астрономія, физика, химія, минералогія, геологія, ботаника и другія вытекли послѣдовательно изъ изученія природы вообще и развились въ отдѣльности только вслѣдствіе болѣе сосредоточеннаго вниманія на томъ или другомъ явленіи природы. Нравственныя науки также отдѣлились одна отъ другой по мѣрѣ обращенія исключительныхъ заботъ на тотъ или другой родъ знаній.

Политическая экономія въ числѣ этихъ наукъ получила жизнь недавно, ибо вниманіе людей позже обратилось на мирныя занятія

земледѣльца, или ремесленника, нежели на занятія война или легиона.

И правда, что и прежде разсуждали о торговлѣ, земледѣліи и промыслахъ, писали сочиненія, заключающія въ себѣ истинно-здравыя экономическія понятія; но экономическая наука въ собственномъ смыслѣ появилась только съ того времени, когда возникла теорія производства, развитая фізіократами, дополненная и развитая Ад. Смитомъ. Съ этого достопамятнаго времени экономическая наука приобрѣла права гражданства между науками и существованіе ея не можетъ быть болѣе оспориваемо; что же касается до самой методы ея изслѣдованія, то она, напротивъ, можетъ подвергаться сомнѣніямъ. Можно спорить о достоинствѣ различныхъ способовъ изслѣдованія экономическихъ явленій, можно принимать много различныхъ методовъ, можно идти разными путями къ одной и той-же цѣли. Физика призываетъ на помощь свою и опытъ и математическія вычисленія, — отчего же политическая экономія также точно не прибѣгать къ пособію абстрактной и опытной методы, опираясь съ одной стороны на философію, съ другой — пользуясь историческими опытами? Обѣ эти методы всегда имѣли мѣсто въ экономическихъ изслѣдованіяхъ; однако философское начало всегда пользовалось преимуществомъ до послѣдняго времени и имѣло большее число приверженцевъ. Фактъ этотъ несколько не удивителенъ. Наука можетъ существовать только подъ условіемъ обладанія вѣдѣтельнымъ, опредѣленнымъ началомъ; ей необходимо правило, знамя, за которое бьются ея адепты; ей необходимо такъ-называемое *profession de foi*, которое показываетъ въ чемъ она состоитъ, или по-крайней-мѣрѣ чѣмъ хочетъ быть она.

Такое стремленіе выразили въ XVIII столѣтіи фізіократы. Были великія заблужденія въ ихъ ученіи, но все-таки ученіе ихъ было основано на положительномъ основаніи — свободѣ. Ученіе это, развитое Шотландскимъ экономистомъ, дѣлается все истиннѣе и обширнѣе и наука уже въ настоящее время обладаетъ вѣдѣтельнымъ числомъ истинъ доказанныхъ. Но, между-тѣмъ, такая система имѣетъ свои недостатки. Удерживая науку въ области чистаго размышленія, можно потерять изъ виду землю и всѣ случайныя явленія дѣйствительности, столь прихотливыя и столь мало по-видимому раціональныя. Этою методою придаетъ наукѣ единство, но часто въ ущербъ жизни, разнообразію и правдѣ. По

всѣмъ этимъ причинамъ развѣ не будетъ болѣе дѣйствительно для успѣха науки внести въ область изслѣдованія извѣстные, совершающіеся факты? Общественное устройство постоянно измѣнялось и продолжаетъ измѣняться ежедневно вмѣстѣ съ общими успѣхами идей и богатства. Необходимо наукѣ почерпнуть въ философскихъ разсужденіяхъ начало развитія обществъ, которое есть свобода, трудъ и уваженіе къ собственности, какъ первое ея слѣдствіе. Но въ то-же самое время наукѣ необходимо не забывать и міръ, который она многому научила, но отъ котораго и сама не мало приобрѣла свѣдѣній. Заключаясь сама въ себѣ, она теряетъ достоинство дѣйствительности, она дѣлается ложною ией, какъ средневѣковой схоластикѣ, можно будетъ сдѣлать заслуженный упрекъ въ отвлеченности.

Такихъ-то практическихъ цѣлей наука можетъ достигнуть только посредствомъ опытной методы, посредствомъ исторіи и изъ этого является въ современномъ состояніи экономической науки необходимость для нея исторической методы, принятіемъ которой обуславливается практическій характеръ экономическихъ истинъ. Ежедневно миллионы людей движутся и работаютъ, и дѣятельность ихъ порождаетъ различныя отношенія производства и потребления. Какое обширное поле для наблюдателя, и можетъ-ли экономистъ не научиться многимъ полезнымъ вещамъ посредствомъ этого наблюденія?

Такимъ образомъ истинное мѣсто политической экономіи, — между философіею и исторіею. Опираясь на ту и на другую, она не можетъ бояться камней преткновеній на своемъ пути и паденія. Исторія поддерживасть ее въ предѣлахъ возможнаго и истиннаго и научасть ее тому разнообразію непрерывно-измѣняющихся формъ, въ которыхъ дѣятельность челоуѣка создаетъ богатства; философія возвышается надъ этимъ разнообразіемъ и въ законахъ, которые она открываетъ, показывасть развитіе разумной силы и приложеніе вѣчныхъ законовъ нравственныхъ.

Такова современная и наиболѣе рациональная метода разработки экономической науки, признаваемая лучшими ея представителями.

Сознавая законность и необходимость исторической методы въ изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ, мы не думаемъ приписывать этому способу изысканія истины исключительное значеніе, которое придавали нѣкоторые писатели послѣдняго времени системѣ опыта, также точно мы не можемъ согласиться съ тѣми, ко-

которые утверждают, будто способ изслѣдованія исторической исключительно принадлежит Нѣмецкому экономисту Роперу, который приложилъ его къ экономической наукѣ, подобно тому, какъ другой Нѣмецкій ученый, Савиньи, употребилъ его въ области юридической науки.

Относительно перваго вопроса слѣдуетъ замѣтить, что методы различаются между собою не столько по формѣ, сколько по содержанію. Конечно, величайшій переворотъ произошелъ въ области физики и астрономіи, когда онѣ приняли за исходную точку свою опытъ, наблюденіе; но въ настоящее время напр. Экономическій фактъ и экономическое начало, имѣющее управлѣющее, не суть-ли одно и то-же элементарное данное? Нѣтъ размышленія, которое не основывалось-бы на фактахъ, потому что, вообще, всякая рациональная метода, есть въ то-же время и метода историческая. Съ другой стороны и самые факты нельзя ни соединить, ни раздѣлить иначе, какъ помощью отвлеченныхъ пріемовъ. Потому вся сущность и самой исторической методы есть собственно рационализмъ: ибо когда поставляютъ факты въ различные отношенія, то этимъ самымъ совокупаютъ, или раздѣляютъ самыя идеи, выражаемыя ими. Историческая метода, какъ мы уже упоминали, заслуживаетъ полнаго вниманія. Факты служатъ для нея главнымъ матеріаломъ, необходимымъ основаніемъ всякаго научнаго построенія; она есть логическое слѣдствіе и прямое приложеніе великаго философскаго ученія о постоянномъ прогрессѣ. Если дѣйствительно всѣ вещи и всѣ познанія находятся въ состояніи постоянного и возрастающаго развитія, то недостаточно преслѣдовать формулу абсолютной истины, не прилагаемой, какъ говорятъ, непосредственно къ дѣйствительности. При этомъ должно изучать въ измѣнчивой картинѣ исторіи совокупность различныхъ явленій и ихъ взаимныя отношенія, посредствомъ которыхъ проявлялась общественная организація, слѣдовать за ихъ постепеннымъ развитіемъ и отсюда уже придти къ основному закону. Все это совершенно справедливо, но при такой методѣ, повторяемъ, нельзя забывать и болѣе простой способъ изслѣдованія, посредствомъ логическихъ выводовъ и заключеній.

Относительно втораго вопроса, именно чести приложенія исторической методы къ экономическимъ изслѣдованіямъ, приписываемой исключительно нашему времени, мы должны замѣтить, что такой взглядъ едва-ли справедливъ. Историческая метода давно

существовала и Адамъ Смитъ уже съ пользою употреблялъ ее; то-же самое должно сказать и о Росси, который строго различалъ практику отъ теоріи науки. Кромѣ-того, историческая метода, при крайнемъ ея приложеніи, можетъ сопровождаться слѣдующимъ невыгоднымъ послѣдствіемъ: она, какъ извѣстно, заимствуетъ свои факты изъ предшествовавшего нашей эпохѣ времени и выводитъ изъ нихъ истину, часто являющуюся уже отжившей въ настоящей моментъ. Исходная-же точка раціональной методы заключается въ самыхъ высшихъ воззрѣніяхъ современной эпохи, она основывается на убѣжденіяхъ, стремленіяхъ и предчувствіяхъ избранныхъ эпохи, и потому ея заключенія стремятся выразить идеаль, осуществленіе котораго можетъ выразиться въ будущемъ, тогда-какъ исторія смотритъ всегда назадъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту мысль, приведемъ примѣръ. Политическая экономія родилась въ XVIII столѣтіи. Физиократы видѣли, какъ публичная власть захватила въ свои руки всю экономическую дѣятельность народа, весь грудъ, всю землю, какъ власть тяготѣла надъ мыслями и дѣйствіями людей, и такая система въ царствованіе Людовика XIV достигла апогея своего развитія. Царствованіе это однако считалось всеми самымъ славнымъ, и вся Европа съ удивленіемъ взирала на кажущееся благосостояніе Французскаго народа. Видя все такія послѣдствія системы, физиократы могли-бы заключить, что факты должны привести къ признанію за идеаль экономического совершенства централизацію и деспотизмъ, прилагаемые къ промышленности, но на мѣсто того Кене и его ученики провозглашаютъ знаменитое *laissez-faire*, право каждаго надъ произведеніемъ своего труда, уничтоженіе всехъ стѣсеній и полную свободу. И факты впоследствии подтвердили вполнѣ ихъ ученіе, казавшееся тогда утопіею,—и оставаясь въ идеаль и теоретической отвлеченности, они въ дѣйствительности провозгласили великую историческую истину эпохи.

Такимъ образомъ въ окончательномъ выводѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что историческая метода чрезвычайно полезна и благотворна, если ею пользуются съ извѣстными ограниченіями, если ее употребляютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такой точно взглядъ на исторію въ экономическихъ дѣлахъ обнаружился и въ разсматриваемомъ нами сочиненіи.

Авторъ его, г. Горловъ, прибѣгаетъ, и весьма часто, къ указаніямъ историческаго опыта, какъ вообще говорятъ, непреложнаго и

непогрѣшимого указателя состоятельности того или другаго факта, въ извѣстную эпоху и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; но въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ также не отвергаетъ и рациональной методы, столь-же полезной и производительной.

Такое историческое приложеніе фактовъ дѣйствительнаго міра къ подтвержденію отвлеченной истины дѣлаетъ науку практической, отстраняетъ всякій поводъ сомнѣваться въ ея истинѣ и упрекать ее въ идеализацію и мечтательности, несообразныхъ въ такомъ серіозномъ предметѣ, каково государство и его хозяйство.

Другая замѣчательная особенность новаго сочиненія г. профессора Горлова, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, для доказательства отвлеченныхъ истинъ науки, онъ беретъ дѣйствительные факты и данныя изъ экономической исторіи нашего отечества. Прежніе экономисты во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ прибѣгали къ пособію данныхъ, заимствуемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій и относящихся къ главнѣйшимъ Европейскимъ и Американской державамъ. Правда, что такое предпочтеніе фактовъ иностранныхъ государствъ имѣло немаловажное основаніе: страны Европы пользуются болѣе продолжительною жизнью, чѣмъ наша юная Россія; онѣ успѣли прожить и испытать болѣе какъ политическихъ, такъ и хозяйственныхъ переворотовъ; опытъ жизненный, испытанный въ-теченіе ихъ долговременной и трудной жизни, богатъ указаніями для новаго, только-что вступающаго на поприще исторической жизни государства, и потому онъ можетъ быть истинно-благодѣтель для новыхъ народовъ. Онъ научаетъ этихъ послѣднихъ, къ чему должны они стремиться, чего избѣгать, указываетъ путь, который наилучше и вѣрнѣе ведетъ къ желанной цѣли, къ достиженію высшаго развитія и благосостоянія. Поэтому понятно, почему наука экономическая прибѣгала преимущественно къ указаніямъ Англійскихъ, Французскихъ и другихъ источниковъ. Кромѣ-того, статистическія Русскія свѣдѣнія, какъ извѣстно, столь бѣдны, столь недостаточны, что полагать на нихъ единственную надежду и не возможно и не практически. Только въ настоящее время, при общемъ пробужденіи нашей науки, при порывистомъ и не сдерживаемомъ ничѣмъ стремленіи ея къ усовершенствованію появляются начала рациональной ея разработки и позволяютъ надѣяться, что со-временемъ и мы будемъ имѣть статистическую литературу, полную интереса и важности. Но, такъ-какъ съ одной стороны иностранныя свѣдѣнія болѣе спо-

собны служить фактическимъ подтвержденіемъ истинъ, обнаруживающихся въ тѣхъ странахъ, къ которымъ онѣ непосредственно относятся, а съ другой стороны, такъ-какъ Россія является уже вполне сложившимся организмомъ государственнымъ и все-таки, хотя слабо, но жила экономически, въ ней все-таки развивались и совершенствовались хозяйственныя учрежденія, — то всякая попытка извлечь свѣдѣнія о нихъ изъ готовыхъ уже матеріаловъ, или предпринять собственное изслѣдованіе, заслуживаетъ самой живѣйшей благодарности, со стороны всѣхъ, коимъ нечужды родныя интересы; и потому мы должны вмѣнить автору «Началь политической экономіи» въ важную заслугу попытку подобнаго рода. Она чрезвычайно знаменательна въ настоящее время. Независимо отъ того важнаго обстоятельства, что разсмотрѣніе экономического быта Россіи въ дѣйствительномъ его проявленіи, въ теченіе вѣковъ, присоединитъ новое доказательство неизмѣнности и вѣчности великихъ законовъ, управляющихъ экономическою жизнью человѣческихъ обществъ, во всеобщности и повсемѣстности ихъ, — независимо, повторяемъ, отъ этого обстоятельства, разработка отечественнаго экономического быта знакомитъ съ хозяйственною исторіею страны, а что можетъ представлять болѣе интересъ, какъ не эта исторія, раскрывающая, какъ трудился народъ въ теченіе своего историческаго поприща, какъ страдалъ и благоденствовалъ, какіе способы употреблялъ для достиженія цѣли своего существованія. Мы ничего не знаемъ интереснѣе такого изложенія исторіи, которая, къ счастью, вышла изъ тѣхъ тѣсныхъ предѣловъ, которыми она прежде ограничивала себя, которая нынѣ не довольствуется разказами о войнахъ и придворныхъ интригахъ, а рассказываетъ краснорѣчивую повѣсть вѣковаго служенія народа великимъ идеямъ истины и добра. Разъяснивъ такимъ образомъ прежній бытъ народа, она тѣмъ даетъ возможность ближе ознакомиться и съ современнымъ бытомъ работника, — бытомъ, въ которомъ экономическій элементъ играетъ такую существенную роль. Этотъ бытъ почти вовсе намъ неизвѣстенъ; огромныя пространства, на которыя раскинуто наше отечество, трудность сообщеній, необщительность самаго народа — все это содѣйствуетъ малому успѣху экономического познанія тѣхъ основаній, на которыхъ покоится жизнь Русскаго крестьянина и ремесленника, и между-тѣмъ сколько представляетъ она интереса, сколько заключается въ ней поучительныхъ истинъ.

Но всѣмъ этимъ причинамъ опытъ самостоятельной разработки экономическаго быта Россіи такимъ строгимъ и положительнымъ умомъ, какимъ обладаетъ г. профессоръ Горловъ, есть чрезвычайно-отрадное обстоятельство. Въ дальнѣйшемъ развитіи нашего обозрѣнія книги профессора мы остановимъ вниманіе читателей на этомъ свойствѣ сочиненія и постараемся въ подробности представить воззрѣніе автора на существенныя стороны вопроса; теперь-же мы ограничиваемся только указаніемъ на эту отличительную черту его изложенія.

Кромѣ указанныхъ нами характеристическихъ особенностей «Начала политической экономіи», мы не можемъ пройти молчаніемъ новую отличительную черту сочиненія—именно современность его.

Г. Горловъ не ограничился въ своемъ изложеніи, какъ мы упоминали выше, однимъ теоретическимъ представленіемъ научной системы; его книга заключаетъ въ себѣ много практическихъ указаній на различныя современныя экономическія явленія въ западныхъ государствахъ. Но что особенно замѣчательно и оригинально — это разсмотрѣніе хозяйственныхъ преобразованій, готовыхъ совершиться въ нашемъ отечествѣ, и объясненіе какъ смысла будущей реформы, такъ и возможныхъ и вѣроятныхъ ея послѣдствій. Такимъ образомъ, авторъ подвергаетъ строгому анализу начало и основаніе общиннаго владѣнія, породившаго такіе продолжительные и многочисленные споры въ нашей литературѣ. Разсматриваетъ съ практической точки зрѣнія и въ примѣненіи къ Россіи интересный вопросъ о свободѣ торговли, наконецъ дѣлаетъ много вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній о предстоящемъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости населенія нашего отечества. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай въ большей подробности познакомить читателей съ воззрѣніями автора на главнѣйшія существенныя задачи современной жизни Россіи. Изъ этого разсмотрѣнія мы убѣдимся, что все высказанное г. Горловымъ относительно экономическаго быта Русскихъ поселянъ отличается самою строгою практичностью, совершеннымъ безпристрастіемъ и полнымъ отсутствіемъ духа партій, который такъ часто мѣшаетъ изысканію и достиженію истины. Положенія г. Горлова, относительно общиннаго владѣнія, свободы торговли и другихъ вопросовъ, основаны на самой строгой научной истинѣ, пріобрѣтшей непреложный авторитетъ въ наукѣ; эта одна истина, почерпнутая изъ политической

экономіи, служить мѣриломъ достоинствъ самыхъ учреждений, ихъ практической и теоретической состоятельности и пользы. Имя такія строгія непоколебимыя основанія, положенія автора не могутъ подвергаться сомнѣнію и могутъ выдержать самую строгую критику.

Изложивъ въ общихъ чертахъ характеръ новаго сочиненія г. Горлова, намъ предстоитъ теперь сдѣлать обзоръ болѣе подробное отдѣльныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ частей его.

Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ слѣдующіе предметы: народное имущество, экономическое состояніе народа и теорію мѣновой цѣнности. Отсюда выводитъ онъ самый предметъ политической экономіи, важность этой науки, достовѣрность ея истинъ и наконецъ представляетъ ея раздѣленіе.

Народное имущество, состоящее, по мнѣнію автора, какъ въ вещественныхъ предметахъ, удовлетворяющихъ нуждамъ, пользѣ и удовольствію человѣка, и въ орудіяхъ, служащихъ для производства хозяйственныхъ предметовъ, такъ и въ физическихъ и умственныхъ силахъ народа, можетъ находиться въ равновѣсіи съ потребностями, или превышать ихъ, или быть для нихъ недостаточнымъ. Первое изъ этихъ состояній можно назвать достаточностію, второе богатствомъ, третье бѣдностію. Такому теоретическому понятію о бытѣ народа соответствуютъ разныя историческія явленія. Формы, въ которыхъ выражается богатство, бываютъ очень измѣнчивы и различны, завися отъ духа времени и образованія; но при томъ слѣдуетъ принимать во вниманіе слѣдующія обстоятельства: народы тѣмъ богаче, чѣмъ у нихъ болѣе нуждъ матеріальныхъ и духовныхъ и средствъ для ихъ удовлетворенія, чѣмъ предметы эти правильнѣе распредѣлены во всѣхъ классахъ общества, и наконецъ, экономическое состояніе народа зависитъ отъ обезпеченія самаго возобновленія производства. Таково понятіе о значеніи народнаго богатства.

Теперь слѣдуетъ намъ остановить вниманіе на предметѣ, который съ перваго взгляда можетъ показаться не важнымъ и не стоящимъ подробнаго разсмотрѣнія, между-тѣмъ-какъ въ сущности онъ чрезвычайно важенъ. Мы разумѣемъ опредѣленіе науки политической экономіи. Опредѣленіе науки вообще имѣетъ существенное значеніе: оно указываетъ предметъ и предѣлы ея изслѣдованія, и одно простое измѣненіе въ немъ можетъ дать особый

характеръ цѣлому изложенію знанія. Такая важность опредѣленія еще значительнѣе въ наукахъ новыхъ, не успѣвшихъ принять окончательныя формы, а такова политическая экономія. Въ ней необходимо точно и вѣрно обозначить предметъ изслѣдованія. Но при важности опредѣленія, оно представляетъ часто непреодолимыя трудности, и потому не удивительно встрѣтить иногда несправильности въ немъ.

Мнѣнія большей части экономистовъ относительно сущности и предмета политической экономіи можно раздѣлить на двѣ группы: первую составляютъ тѣ, которые даютъ ей обширный смыслъ; подъ словомъ «богатство» разумѣютъ удовлетвореніе какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ и нравственныхъ потребностей человѣка. Вторая группа заключаетъ въ себѣ тѣхъ, которые ограничиваютъ задачу науки единственно предметами матеріальными. Последнимъ напр. принадлежитъ опредѣленіе науки, которое, какъ известно, выражается въ слѣдующей формулѣ: «политическая экономія есть наука о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ». Опредѣленіе это, хотя точное въ своемъ основаніи, слишкомъ матеріализируетъ предметъ. Можно подумать, что богатство состоитъ единственно въ матеріи и что оно имѣетъ побужденіемъ своимъ исключительно матеріальные интересы. Нѣкоторые писатели этой-же группы называютъ политическую экономію теоріею цѣнностей. Этимъ самымъ они чрезвычайно ограничиваютъ науку и исключаютъ изъ области ея естественное богатство. Первая группа писателей, хотя въ своихъ опредѣленіяхъ не придаетъ богатству исключительно матеріальнаго характера и не ограничиваетъ его, однако за то часто впадаетъ въ другую крайность: признаетъ, какъ напр. Шторкъ и Сисмонди, предметомъ ея вообще цивилизацію. Но, какъ известно, понятіе о цивилизаціи заключаетъ въ себѣ много элементовъ, которые не могутъ войти въ область политической экономіи.

Наиболѣе признаваемое въ настоящее время опредѣленіе нашей науки есть слѣдующее: «Политическая экономія есть наука о законахъ человѣческаго труда и человѣческой промышленности».

Профессоръ Горловъ въ своемъ сочиненіи не даетъ прямого опредѣленія наукѣ; онъ выводитъ его изъ разсмотрѣнія всей системы хозяйственной дѣятельности народа.

Всякій народъ, говоритъ онъ, имѣетъ многочисленныя, частныя хозяйства. Науки, которыя занимаются изученіемъ этихъ

частныхъ хозяйствъ, суть науки техническія. Онѣ разсматриваютъ частные промыслы въ ихъ частныхъ результатахъ; такъ напримеръ устройство паровыхъ машинъ разсматривается въ промышленной механикѣ; она предлагаетъ самые удобные и выгодные способы ихъ устройства, выгодные для хозяина и его промысла. Но какія послѣдствія для общественнаго благосостоянія и экономическаго развитія народа, особенно для рабочаго класса, могутъ имѣть машины, объ этомъ механика не разсуждаетъ. Между тѣмъ, весьма важно и поучительно показать отношенія, въ которыхъ промыслы состоятъ къ народному благосостоянію, равно представить взаимную органическую связь, въ которой они состоятъ между собою. Эту-то задачу и беретъ на себя политическая экономія. Она разсматриваетъ промышленность со стороны общественной и народной, въ-отношеніи къ благосостоянію жителей. Мы находимъ въ дѣйствительности подтвержденіе такому двойственному взгляду на промышленность, какъ со стороны технической, такъ и общественной. Такъ въ Англіи промыслы, въ-отношеніи техническомъ, доведены до высшей степени совзрѣнства, между-тѣмъ, въ-отношеніи къ народу, къ его благосостоянію, они не обнаруживаютъ столь счастливаго вліянія и существованіе многочисленнаго класса бѣдныхъ, живущихъ на счетъ общественной благотворительности, служитъ доказательствомъ, что бѣдность можетъ существовать въ народѣ наравнѣ съ необыкновеннымъ усовершенствованіемъ механическаго производства. Чтобы объяснить такое общественное явленіе, нужно посмотрѣть на частныя хозяйства во взаимной связи ихъ и въ-отношеніи къ народному обогащенію. Во всѣхъ промыслахъ, кромѣ-того, есть своя особенная хозяйственная часть, отличная отъ технической, которая подаетъ поводъ къ новымъ свѣдѣніямъ, объясняя свойство капиталовъ, трудовой платы, дохода. Нравственныя начала также имѣютъ большое вліяніе на успѣхи хозяйства, напр. возбужденіе трудолюбія экономическими способами составляетъ важный вопросъ, который не разсматривается въ техническихъ наукахъ, а входитъ въ область государственной экономіи, которая такимъ образомъ есть наука, разсматривающая хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, насколько онѣ заключаются въ нравственной природѣ челоука и въ общественности.

Такіе выводы изъ разсмотрѣнія всей хозяйственной дѣятельности народа совершенно ясно опредѣляютъ задачу политической

экономіи. Она есть наука о хозяйственныхъ условіяхъ благосостоянія. Какъ видно, авторъ, по отношенію къ тѣмъ группамъ, которыя мы установили выше, принадлежитъ къ первой, т.е. онъ придаетъ болѣе обширный смыслъ наукѣ народнаго хозяйства; но въ понятіи его предметъ политической экономіи не столь безграниченъ, какъ напр. у Шторха и другихъ, которые считаютъ за этотъ предметъ вообще цивилизацію. Г. Горловъ строго опредѣляетъ, что политическая экономія занимается только *хозяйственными* условіями. Съ другой стороны экономисты второй группы, сильно ограничивающіе предметъ своего изслѣдованія и заключающіе его въ тѣсныя предѣлы, напр. производство цѣнности, мѣны и пр., забываютъ челоуѣка и его благосостояніе, къ которому окончательно стремится хозяйственная дѣятельность, забываютъ, по выраженію Дроза, что произведеніе создано для челоуѣка, а не челоуѣкъ для произведенія.

Въ опредѣленіи профессора Горлова и этотъ недостатокъ отстраненъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе. Въ опредѣленіи предмета политической экономіи профессоръ Горловъ часто употребляетъ названіе: государственная экономія; но идея государства, вообще говоря, находится внѣ области политической экономіи. Экономическіе законы проявляются во всей своей силѣ вездѣ, гдѣ есть разумная хозяйственная дѣятельность, гдѣ есть трудъ и мѣна и общественныя отношенія; поэтому, какъ намъ кажется, правильнѣе употребить названіе: «общественная экономія», которое можетъ быть удобно отнесено какъ къ обществамъ, наиболѣе развитымъ, такъ и къ недостигшимъ еще полнаго преуспѣянія.

Разсматривая другіе предметы введенія, мы не можемъ не остановиться на чрезвычайно-вѣрныхъ и практическихъ замѣчаніяхъ автора о сомнѣніи нѣкоторыхъ лицъ въ достовѣрности истинъ политической экономіи. Г. Горловъ такъ объясняетъ причины этихъ сомнѣній. Метода извлеченія общихъ началъ изъ достаточнаго ряда частныхъ событій, которой слѣдуетъ политическая экономія, какъ и все прочія опытыя науки, даетъ ей такую достовѣрность, какая только возможна для челоуѣческихъ познаній. Но иногда, правда, эмпирики, занимающіеся экономическими вопросами, придаютъ излишнее значеніе своимъ собственнымъ наблюденіямъ, и чрезъ то впадаютъ въ односторонность и эта первая причина несовершенства положеній науки. Далѣе, вопросы политической

экономіи касаются предметовъ, которые совершаются въ виду всѣхъ, а потому всякій составляетъ о нихъ мнѣніе, хотя наименѣе къ тому призванъ своимъ образованіемъ. Поэтому, на основаніи только своихъ ошибочныхъ мнѣній, дѣлаютъ и ложныя заключенія о началахъ, по которымъ дѣйствуетъ общество. Но особенно мѣшаютъ успѣху науки личныя выгоды. Экономическія начала такого свойства, что осуществленіе ихъ на практикѣ, не смотря на общественную пользу, можетъ причинить значительные убытки цѣлому классу жителей. Ослабленные одними своими выгодами, они употребляютъ всѣ тонкости софизмовъ, чтобы воспрепятствовать отмѣнѣ прибыльныхъ имъ постановленій: разумѣется, чрезъ это лишаютъ довѣрія и теорію.

Относительно раздѣленія политической экономіи авторъ замѣчаетъ, что такъ-какъ народное хозяйство имѣетъ цѣлью чрезъ экономическую дѣятельность обезпечить народъ, то оно производитъ продукты хозяйственной дѣятельности, которые послѣ своего появленія распределяются между различными классами жителей, или поступаютъ въ продажу и въ ней состоитъ до-тѣхъ-поръ, пока явятся потребители. Эти четыре главные момента хозяйства даютъ начало четыремъ частямъ государственной экономіи: производству, обмѣну, распределенію и потребленію.

Въ первой и второй частяхъ, которыя составляютъ содержаніе вышепеченной книги, разсматривается производство и обмѣнъ.

Что касается производства, то дѣятелей его авторъ раздѣляетъ на слѣдующіе классы: самъ человѣкъ, природа и капиталъ и разсматриваетъ каждую изъ этихъ силъ.

Останавливаясь на разсмотрѣніи человѣка, какъ экономической силы, г. Горловъ различаетъ силу его механическую и умственную. Показавъ такимъ образомъ, въ чемъ состоитъ хозяйственный трудъ, авторъ переходитъ къ цѣлямъ этого труда—производить предметы полезные для человѣка,—и обозрѣваетъ значеніе промышленности и невещественнаго производства. Принявъ двѣ силы человѣческаго труда, — механическую и умственную, мы видимъ, что первая зависитъ отъ числа жителей, а вторая отъ промышленнаго образованія. Развивая эти вопросы, авторъ неизбежно приходитъ къ разсмотрѣнію населенія, по его экономическому составу и движенію и экономическому образованію.

Прежде всего онъ обозрѣваетъ отношеніе половъ, возрастовъ и наконецъ говоритъ о тѣхъ несчастныхъ членахъ, которые отъ

рожденія или по другимъ обстоятельствамъ, не способны къ полезной дѣятельности, какъ-то: умалишенныхъ, ибѣмыхъ и слѣбныхъ. Послѣ предварительныхъ изысканій о составѣ народа, г. Горловъ развиваетъ хозяйственныя причины приращенія народнаго, т.-е. теорію населенія, и въ этомъ отношеніи придерживается ученія Мальтуса. Извѣстно, что знаменитая теорія Англійскаго мыслителя нашла въ послѣднее время значительныхъ противниковъ въ нѣкоторыхъ экономистахъ, особенно въ Кере и Бастіа. Хотя ученіе ихъ не могло совершенно исровергнуть теорію Мальтуса, тѣмъ не менѣе они представили много справедливыхъ и дѣльных замѣчаній, способствующихъ значительно къ разъясненію темныхъ сторонъ вопроса. Мы были чрезвычайно удивлены, встрѣтивъ въ новомъ курсѣ г. профессора Горлова только указаніе на этотъ интересный споръ между учеными.

Изложивъ въ ученіи о народонаселеніи теорію Мальтуса, авторъ переходитъ къ развитію другаго вопроса труда, именно умственного его элемента, который въ свою очередь зависить отъ образованія народнаго; онъ касается при этомъ раздѣленія занятій и переходитъ наконецъ въ 5-й главѣ своего курса, къ разсмотрѣнію нравственныхъ и общественныхъ условій производства. Первые причины, т.-е. физическія, заключающіяся въ средствахъ существованія и опредѣляющіяся числомъ жителей, въ умственныя, обуславливающіяся народнымъ образованіемъ, суть причины непосредственныя. Второй-же разрядъ ихъ, къ которому относятся нравственныя и общественныя условія, суть посредственныя. Остановился въ настоящемъ случаѣ преимущественно на обзорѣ нн общественныхъ условій успѣховъ производства, ибо при этомъ авторъ касается интереснаго современнаго вопроса о рабствѣ.

Право на личность, т.-е. на самого себя и на свой собственный трудъ, говоритъ авторъ, принадлежитъ къ самымъ неотъемлемымъ правамъ. Человѣкъ вмѣстѣ съ жизнію подчиняется разнымъ нуждамъ, онъ имъ долженъ удовлетворять подъ страхомъ болѣзней и смерти. Для этого удовлетворенія природа одарила его разными способностями, а потому онъ имѣеть на нихъ неоспоримое, естественное право. Но народъ, чтобы достигнуть подобнаго сознанія правъ человѣка, долженъ много прожить. Прежде чѣмъ онъ соизнать эти права, онъ долженъ пережить нѣсколько формъ порабощенія, которыя обыкновенно существуютъ въ первомъ періодѣ

исторіи. Главнѣйшія формы этого рабства заключаются собственно въ невольничество и такъ-называемомъ крѣпостномъ положеніи.

Исторія Европейскихъ государствъ показываетъ, что невольничество не переходило прямо въ свободное рабочее состояніе, но что между тѣмъ и другимъ существовала посредствующая организація труда, которая заключала въ себѣ много преимуществъ и облегченій сравнительно съ невольничествомъ, но не обезпечивала еще вполне хозяйственной дѣятельности. Такое положеніе и называлось крѣпостнымъ. Положенія его главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ: личность работника обезпечена закономъ, который опредѣляетъ денежный или рабочий оброкъ крестьянъ; семейный союзъ ихъ сохраняется неприкосновеннымъ, разлученіе дѣтей съ родителями воспрещается, переходъ отъ одного владѣльца къ другому дозволяется только съ землею. При такихъ обстоятельствахъ человекъ не имѣетъ полнаго значенія гражданина, ибо не можетъ входить въ сдѣлки и не отвѣтствуетъ предъ закономъ въ платежѣ повинностей. При видимомъ усиленіи такого хозяйственнаго улучшенія сравнительно съ рабствомъ, нельзя однакожь не видѣть въ этомъ порядкѣ значительныхъ недостатковъ, которые всемъ извѣстны и о которыхъ нѣтъ нужды распространяться въ настоящемъ случаѣ. Взглянемъ лучше на важныя послѣдствія крѣпостнаго положенія, въ-отношеніи къ механической и умственной силѣ человека, которое, какъ мы видѣли, обуславливаетъ усиленіе хозяйства и благосостояніе человека. При этомъ въ новомъ сочиненіи г. Горлова представлено много чрезвычайно-интересныхъ свѣдѣній, на которыя мы считаемъ не бесполезнымъ обратить вниманіе читателей нашихъ. Все недостатки, все зло крѣпостнаго состоянія, правда, извѣстны въ настоящее время всемъ и каждому, но часто они высказываются чисто-апрорически, тогда-какъ для полной достовѣрности и положительности своей они нуждаются въ болѣе твердомъ основаніи, и въ этомъ отношеніи статистическія свѣдѣнія, заслуживающія довѣрія, чрезвычайно важны и существенны. Трудъ, какъ механическая сила, находитъ свое выраженіе въ численности народа, а какъ умственное начало—въ народномъ образованіи. Экономисты давно уже сознавали, что, при крѣпостномъ порядкѣ, народное приращеніе происходитъ медленно, чѣмъ при свободномъ хозяйственномъ устройствѣ. Шторхъ говорилъ, что въ Нѣмецкихъ провинціяхъ Австрійской имперіи, гдѣ народъ свободенъ отъ крѣпости, на кв.

миліо приходится 2,566 жителей, а въ Венгріи, гдѣ тогда (въ 1815) было крѣпостное положеніе,—только 1589, не смотря на то, что страна эта превосходила плодородіемъ въ Австрійскія провинціи. Въ наше время этотъ важный предметъ можно повѣрить фактами: сравненіе числа мужчинъ по 8-й и 9-й ревизіи открываетъ, что по 8-й ревизіи помѣщичьихъ крестьянъ было 10,872,229; по 9-й-же 10,708,900; слѣдовательно убыль равнялась 163,329, или $1\frac{1}{2}\%$. Въ то-же самое время между казенными крестьянами обнаружилась прибыль и довольно значительная, именно на 1,050,475, или 13%. Эти факты неопровержимы и ихъ должно приписать, какъ то доказано самыми точными статистическими данными, именно свойству крѣпостнаго состоянія. Что касается до умственного элемента труда, то, конечно, онъ гораздо ниже въ крѣпостномъ положеніи, нежели при полной свободѣ. Земледѣлецъ работаетъ безъ одушевленія и искусства, ничто его не побуждаетъ къ дѣятельности, никакой интересъ не руководитъ его. По всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ причинамъ обязательный трудъ значительно уменьшаетъ производство и правительства стараются объ его уничтоженіи, какъ-скоро обнаруживаются признаки, свидѣтельствующіе, что система эта отжила свое время. Признаки эти бываютъ какъ нравственныя, и заключаются въ успѣхахъ просвѣщенія, такъ и экономическія, и заключаются въ увеличеніи населенія.

Опредѣливъ такимъ образомъ основной характеръ организаціи труда, на крѣпостной зависимости построенной, авторъ переходитъ къ описанію отчужденія крѣпостныхъ отношеній въ главнѣйшихъ государствахъ Европы. Въ Испаніи число крѣпостныхъ начало уменьшаться въ XII столѣтіи, а въ XV Галламъ говоритъ объ Италіи, какъ о странѣ, въ которой не было крѣпостныхъ. Въ Англіи, при королевѣ Елисаветѣ, встрѣчаются слабыя слѣды крѣпостнаго положенія. Во Франціи въ 1779 г. при Секерѣ уничтожены послѣдніе слѣды крѣпостнаго права. Въ Германіи эманципація послѣдовала въ ближайшемъ къ намъ времени, въ Австріи въ 1782, въ Пруссіи въ 1807, въ Саксоніи въ 1832, въ Ганноверѣ въ 1833.

Остановившаяся на двухъ первыхъ Германскихъ государствахъ, какъ таковыхъ, о которыхъ имѣются наиболѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, авторъ разсматриваетъ мѣры, принятыя въ нихъ правительствомъ къ освобожденію подданныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Интересно привести нѣкоторыя положенія прежняго Прусскаго крѣпостнаго права, для сравненія ихъ съ положительнымъ Русскимъ законодательствомъ о крѣпостной зависимости. Замѣчательная черта въ личныхъ обязанностяхъ Прусскихъ крестьянъ, отличная отъ обязанностей существующихъ въ Россіи, заключалась въ томъ, что обязанности эти проходили изъ принадлежности крестьянъ имѣнію. Сообразно съ этимъ крестьяне обязывались исправлять по господскому имѣнію только такія работы, которыя необходимы для сельско-хозяйственнаго пользованія имъ, а не другія какія-нибудь. Крестьянъ нельзя было принуждать къ работѣ въ другихъ имѣніяхъ, хотя-бы они принадлежали тому-же господину. Совсѣмъ иное положеніе существуетъ въ Россіи, ибо крѣпостной можетъ быть принужденъ работать на всякомъ мѣстѣ, ходить на барщину во всякое, даже отдаленное имѣніе, можетъ быть передаваемъ другому владѣльцу безъ спроса объ его согласіи, тогда-какъ въ Пруссіи безъ имѣнія крестьяне не могли быть отчуждаемы. Относительно повинностей, Прусскіе крестьяне также значительно отличались отъ нашихъ. Господинъ не могъ самовольно увеличить платежа и службы ихъ. Повинности опредѣлялись служебными книгами, экземпляръ которыхъ сохранялся въ общинномъ судѣ.

Въ-отношеніи правъ по имуществамъ, крестьяне до Уложенія 1807 разсматривались въ Пруссіи, какъ дѣйствительные собственники. Земля ихъ для каждаго составляла отдѣльный участокъ, называвшійся крестьянскимъ прокормленіемъ. Помѣщикъ на эту землю имѣлъ мало власти: онъ не могъ присоединить ее къ господской, даже произвести перемѣнъ въ ея составѣ. Крестьянинъ только не могъ уступитъ ее другимъ безъ согласія владѣльца.

Такимъ образомъ мы видимъ, что организація сельскаго труда въ Пруссіи представлялась въ смягченной формѣ, чего мы не видимъ у насъ въ Россіи. Подобныя сближенія, которыхъ чрезвычайно много въ изслѣдованіи г. Горлова, весьма полезны и интересны для сравненія вліянія обязательной формы, существовавшей въ Пруссіи и имѣющей мѣсто въ Россіи. Этими-же самыми обстоятельствами объясняется и легкость, съ которою обязательныя отношенія уничтожились въ Пруссіи. Впрочемъ, уничтоженію ихъ тоже содѣйствовали важныя побочныя обстоятельства; борьба съ Наполеономъ заставила Прусское правительство исправить недостатки своей государственной организаціи, вліяніе университет-

скаго образованія, успѣхи философіи склонили общественное мнѣніе къ уничтоженію послѣднихъ слѣдовъ крѣпостной зависимости. Все это содѣйствовало тому, что въ 1807 г. издавъ былъ эдиктъ, по которому подвластное состояніе крестьянъ съ 1810 г. должно было прекратиться; эдиктомъ 1811 г. постановленія эти были дополнены въ томъ отношеніи, что крестьяне получили право выкупать поземельные участки. Это вознагражденіе помѣщикамъ производилось различными способами: землею, денежными капиталами, денежною рентою и хлѣбною рентою. Земли предоставлено крестьянамъ 356,000 десятинъ, денегъ 17,061,184 р., денежной ренты 1,471,992, хлѣбной ренты 419,460 четвериковъ. Въ такомъ положеніи было освобожденіе поземельной собственности до 1848 г., когда Европа подверглась волненіямъ, коснувшимся и Пруссіи. Здѣсь законодательство было обвиняемо въ реакціи противъ широкихъ началъ выкупа закона 1811 года. Чтобы успокоить волненіе, издаю было два закона, изъ коихъ первый обезпечивалъ крестьянамъ право откупаться отъ повинностей, отъ которыхъ они по прежнимъ правиламъ не могли освободиться, а вторымъ утверждались рентные банки, которые позволяли осуществиться этому праву.

Мы привели только самыя существенныя положенія автора о выкупѣ крѣпостныхъ правъ въ Пруссіи. Изъ краткаго обзорѣнія нашего видно, что, послѣ всѣхъ многообразныхъ мѣръ, правительство не могло избѣгнуть пособія кредита, этой могущественной современной силы, и должно было основать рентные банки, которые представляютъ единственное спасеніе въ многотрудномъ и великомъ дѣлѣ выкупа.

Въ Австрійскихъ владѣніяхъ личная зависимость крестьянъ уничтожена еще въ прошедшемъ столѣтіи. По закону Іосифа II, крѣпостная зависимость перешла въ подданничество; но при этомъ тягости, лежавшія на землѣ, оставались въ прежней силѣ и отмѣнены только въ 1848 г.; за нѣкоторыя права назначили вознагражденіе, за другія никакого. Безденежно отмѣнены: 1) права, происходившія изъ личной подчиненности, 2) изъ судейской власти и нѣкоторыя другія. За деньги уничтожены: 1) барщина, 2) сборъ деньгами, или натурой, 3) *laudemium*, т.-е. платежъ господину въ случаѣ перехода земли отъ одного лица къ другому.

Другія повинности были подтверждены болѣе правильной оцѣнкой посредствомъ кадастра. Изъ $\frac{2}{3}$ назначенной цѣнности платель-

щихъ долженъ былъ внести $\frac{1}{3}$, остальная треть уплачивалась изъ провинціальныхъ источниковъ. Вознаградительная рента можетъ быть обращена въ капиталъ чрезъ уничтоженіе ея въ 20 разъ. Для облегченія этой операціи учрежденъ въ 1851 г. выкупной фондъ. Въ него поступаютъ ренты и капиталы отъ обязанныхъ лицъ, прибавочныя подати, наконецъ денежныя суммы, платимыя казною для этой операціи. Общая сумма, необходимая для вознагражденія въ 1851 г., показана въ 134 милл. р. с.

Мы нѣсколько распространились о всѣхъ этихъ данныхъ, въ видахъ особаго интереса въ настоящее время для Россіи всякихъ полезныхъ опытовъ, предпринятыхъ въ другихъ государствахъ для совершенія и окончанія великаго дѣла эманципаціи. Надѣемся, что свѣдѣнія, заимствованныя нами у проф. Горлова, не будутъ лишены интереса для Русскихъ читателей.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вліяніе общественныхъ условій на народное хозяйство, авторъ переходитъ къ обзорѣ вліянія природы на производство.

Эта глава сочиненія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ большого вниманія, такъ-какъ въ ней чрезвычайно много новыхъ и интересныхъ замѣтокъ относительно нашего отечества. Въ ней довольно подробно раскрывается все вліяніе природныхъ условій климата, почвы и атмосферы на хозяйство Русскаго народа. По новостямъ выводовъ и непосредственной важности ихъ, мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на этой главѣ. Скажемъ нѣсколько словъ предварительно о вліяніи природы на хозяйственныя условія народной экономіи.

Сравнивая экономическія условія, среди которыхъ живетъ человѣкъ въ различныхъ странахъ, нельзя не быть пораженнымъ различіями, протекающими отъ вліянія почвы и климата, какъ въ-отношеніи нужды его, такъ и средствъ для ихъ удовлетворенія.

Потребность одежды, жилища не столь значительны въ странахъ теплыхъ, подѣ тропиками, какъ въ холодныхъ и даже умеренныхъ климатахъ.

Также точно жителю полуденныхъ странъ потребно не столь много пищи, какъ жителю холоднаго климата, который требуетъ не только питательной, но и согрѣвательной пищи. Когда мы будемъ разсматривать различныя части земли, съ точки зрѣнія средствъ, удовлетворяющихъ человѣческія нужды, т.-е. съ точки

зрѣнія промышленныхъ условій, мы увидимъ также чрезвычайное разнообразіе какъ въ созданіи, такъ и въ сохраненіи богатствъ. Въ каждой странѣ есть минералы, растенія, животныя, которыя ей свойственны, и въ каждой мѣстности человѣкъ овладѣваетъ этими растеніями и животными съ большею или меньшею легкостью. Житель странъ близкихъ къ сѣверу занимается рыбною ловлею и охотою, онъ содержитъ оленей и производитъ ячмень. Приближаясь къ экватору, мало-по-малу мы замѣчаемъ появленіе злаковъ, хлопчатника, сахарнаго тростника. Точно то-же должно сказать и о животныхъ: послѣ оленя выступаетъ на сцену лошадь, быкъ, овца, верблюдъ, слонъ. Появленіе ихъ столь сильно опредѣляется и зависитъ отъ мѣстности, что можно сказать, будто Провидѣніе запретило имъ переходъ за извѣстный предѣлъ.

Различіе климата и почвы имѣетъ не меньшее вліяніе на сохраненіе производимыхъ богатствъ. Сохраненіе пищи и одеждъ болѣе обезпечено на сѣверѣ, гдѣ холодъ содѣйствуетъ ему; близъ тропиковъ, напротивъ, произведенія скорѣе портятся. Самые даже металлы испытываютъ вліяніе климата. Отъ такихъ обстоятельствъ неизбежно возникаютъ и различія въ системахъ обработки, въ искусствахъ, даже въ самомъ общественномъ положеніи, привилегіяхъ и правахъ народовъ.

Всѣ факты эти слѣдовательно несомнѣнны, вліяніе ихъ неотразимо и неизбежно; между-тѣмъ были экономисты, которые сомнѣвались въ такой очевидности и утверждали, что вліяніе естественныхъ причинъ на результаты труда человѣческаго столь незначительно, что его не слѣдуетъ почти принимать въ соображеніе и говорили, что главную, существенную роль въ производствѣ играетъ трудъ человѣка. Природа, говорятъ они, даетъ даромъ матеріалъ и онъ пріобрѣтаетъ цѣнность и значеніе только подъ условіемъ труда.

Какъ ни важно значеніе труда въ хозяйственномъ быту народа, но тѣмъ не менѣе вліяніе природы несомнѣнно и писатели, утверждавшіе противное, впадали въ крайнюю односторонность и исключительность. Въ этомъ вполнѣ согласенъ и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, и, для опроверженія такой ложной мысли, представляетъ много фактическихъ данныхъ, которыя, какъ мы упоминали, болѣею частію относятся къ хозяйственнымъ условіямъ Россіи и потому заслуживаютъ, чтобы о нихъ было упомянуто. Конечно, мы не можемъ въ настоящемъ случаѣ

вполнѣ познакомить читателей со всѣми изслѣдованіями нашего политико-эконома. Остановимся только на нѣкоторыхъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ признаваемое авторомъ положеніе о вліяніи естественныхъ условій на успѣхи хозяйства.

Первый всѣмъ извѣстный фактъ, представляющійся при этомъ, есть урожай. С. Петербургская, Новгородская, Псковская губерніи даютъ $3\frac{1}{2}$ и 4 урожая. тогда-какъ южныя губерніи производятъ 6 и 8, гдѣ однако землю менѣе обрабатываютъ, и гдѣ слѣдовательно трудъ не столь значителенъ. Доказательства вліянія климата еще поразительнѣе являются въ полярныхъ странахъ Россіи, гдѣ трудъ при всѣхъ условіяхъ ничего не производитъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что климатъ имѣетъ существенное отношеніе къ производству; кромѣ того, онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе и на самое хозяйство страны, земледѣльческую, мануфактурную и торговую ея промышленность. Дѣйствіе это чрезвычайно обширно. Особенности континентальнаго климата Россіи, углубленіе ея внутрь Европейскаго материка, имѣетъ вліяніе какъ на земледѣліе, такъ и на самый ходъ народнаго развитія. Съ сѣверной стороны отечество наше примыкаетъ къ негостепріимному океану, съ восточной оно соприкасается съ Азіатскими пустынями, съ западной имѣетъ немного моря, только на югѣ омываютъ ее моря Каспійское и Черное, но и тѣ бывають закрыты нѣсколько мѣсяцевъ для судоходства. Сознать истину о невозможности получить значеніе морскаго вліянія, Россія заводитъ теперь желѣзныя дороги и нѣтъ сомнѣнія, что это единственный способъ сближенія съ Европою. Вотъ одна изъ существенныхъ причинъ необходимости для нашего отечества желѣзныхъ путей.

Такимъ образомъ неопровержимо открывається, что климатическія и топографическія условія имѣють вліяніе на хозяйство и вообще цивилизацію народовъ.

Развивая далѣе ученіе о производительныхъ силахъ, содѣйствующихъ успѣхамъ человѣческой промышленности, авторъ говорить, что два разсмотрѣнные способа этого производства—собственныя силы человѣка и внѣшняя природа, недостаточны для достиженія полнаго результата, имъ преслѣдуемаго.

Для успѣховъ промышленности необходимы, кромѣ того, различныя орудія, запасы и другіе предметы, усиливающіе хозяйственную дѣятельность и составляющіе то, что называютъ капиталомъ, т.-е. совокупность средствъ, происшедшихъ отъ дѣйствія природы и человѣка

и могутъ быть употреблены на производство. Опредѣливъ сущность капитала, г. Горловъ переходитъ къ разсмотрѣнію личныхъ родовъ его и наконецъ останавливается на способахъ происхожденія его, т. е. бережливости и накопленія. Расположеніе къ бережливости, говоритъ онъ, находится въ связи съ гражданственностію общества; она зависитъ отъ умственного и нравственнаго развитія народа.

Наблюденіе надъ бытомъ необразованныхъ народовъ показываетъ, что они никакъ не могутъ возвыситься до предусмотрительности, тогда-какъ народы образованные напротивъ не заключаютъ свою мысль въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящаго, ихъ планы простираются и на отдаленную будущность. Изъ такого положенія о происхожденіи капиталовъ прямо вытекаетъ необходимость обезпеченія всякой собственности и возникаетъ важный вопросъ о правѣ собственности.

Вопросъ этотъ, подвергавшійся такимъ обширнымъ спорамъ въ наукѣ и сопровождавшійся многими важными практическими послѣдствіями, въ настоящее время рѣшенъ окончательно, и потому странно было-бы въ современную эпоху доказывать законность права собственности. Между-тѣмъ, въкоторыя писатели, известные подъ именемъ социалистовъ и коммунистовъ, отвергли его. Г. Горловъ, дойдя до ученій этихъ новѣйшихъ мыслителей, дѣлаетъ имъ краткій обзоръ. Намъ кажется, что современный и чрезвычайно-интересный вопросъ о школахъ социалистовъ и коммунистовъ заслуживалъ-бы болѣе подробнаго изложенія, особенно для Русской публики, которая съ этимъ вопросомъ менѣе знакома, чѣмъ со всякихъ другихъ. Кромѣ-того, самое свойство таланта автора, его строгое, практическое воззрѣніе на экономическія явленія, служитъ ручательствомъ, что вопросъ о социальныхъ школахъ былъ-бы разсмотрѣнъ имъ со всею желаемою основательностію и строгостію анализа. Къ-сожалѣнію, въ книгѣ г. Горлова мы не встречаемъ подобнаго изслѣдованія; авторъ ограничился краткими замѣчаніями о направленіи и сущности новаго ученія, едва-ли вполне понятными для непосвященныхъ въ таинства этого сложнаго вопроса.

Но, разсмотрѣвъ недовольно подробно теоріи противниковъ современного устройства собственности, авторъ, въ-замѣнъ того, представляетъ любопытный очеркъ одной изъ формъ коммунизма, именно общиннаго владѣнія землею, имѣющаго практическую важ-

ность для Россіи въ настоящее время. Хотя вопросъ этотъ, въ теченіе долгаго времени, былъ предметомъ изслѣдованій Русскихъ экономистовъ, породилъ обширную литературу, однако споры объ относительномъ достоинствѣ полной собственности и общиннаго владѣнія еще не прекратились и общинная форма, какъ существенно-важная черта современной организаціи поземельнаго богатства нашего отечества, не могла потерять интереса и дондѣль. Потому мы, пользуясь новыми, чрезвычайно-дѣльными и основательными воззрѣніями на этотъ вопросъ автора, рѣшаемся представить ихъ.

Фактъ общиннаго владѣнія землею, какъ то неопровержимо доказываетъ историческій опытъ, есть фактъ всеобщій, повсемѣстный у кочевыхъ народовъ. Свидѣтельства Ронера и Гаизена не позволяютъ несколько сомнѣваться въ существованіи такого способа владѣнія въ Германіи, даже до послѣдняго времени. То-же самое замѣчается и въ Россіи, гдѣ патриархальный обычай распредѣлять землю міромъ удержался до настоящаго времени. Главныя основанія Русской общины, по изложенію г. Горлова, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Міръ распредѣляетъ по жребію находящуюся въ его владѣніи землю между такими членами, которые въ-состояніи нести подати и повинности. Послѣ этого надѣла образуются временныя участка, которые, по общему предположенію, равны между собою достоинствомъ: мірская земля, какъ извѣстно, не бываетъ одинаковою по плодородію. Это различіе въ производительной ея силѣ заставляеть разбивать ее на такъ-называемые кланья, и въ каждомъ кланѣ стараются отвести каждому тяглу слѣдующую ему пропорцію земли. Такимъ образомъ, это стремленіе къ справедливости надѣла порождаетъ неизбежно черезполосность, т.-е. разбросанность полосъ, лежащихъ въ разныхъ кланьяхъ. 2) Такой надѣлъ земли не есть постоянный; онъ имѣеть только временное значеніе. Главнѣйшій поводъ къ его измѣненію есть ревизія. При ней обыкновенно оказываются измѣненія въ личномъ составѣ семействъ. Сообразно съ этимъ производится новое образованіе тяголъ; то-же самое бываетъ и при убыли и прибыли тяголъ. Такой порядокъ раздѣла земли составляетъ существенный характеръ общиннаго владѣнія. Въ немъ заключаются слѣдующія три отличительныя черты: равномерность надѣла, которая есть только мнимая справедливость: всѣ члены общины, въ силу ея, получаютъ равныя участки, тогда-какъ, по нравственному

достоинству своему, далеко не имѣютъ на то равнаго права, и слѣдовательно такое дѣйствіе несовмѣстно съ строгою справедливостію. При этомъ можетъ случиться, что люди лѣнныя, не радѣющіе о своей собственности, въ силу передѣла получаютъ такіе же участки, какъ и отличные хозяева. Слѣдовательно, первые выигрываютъ насчетъ послѣднихъ, и такое обстоятельство есть настоящая «*exploitation de l'homme par l'homme*», о которой проповѣдывали социалисты.

Разбросанность полей производитъ потерю рабочей силы и времени. Конечно, это послѣднее невыгодное обстоятельство можетъ существовать и при полной собственности, но тогда оно есть случайность, могущая быть отстранена законодательными мѣрами, тогда-какъ, при общинномъ владѣніи, она, напротивъ, есть необходимость.

Что касается до неизвѣстности сроковъ передѣла, то она можетъ лишить всякаго хозяина охоты къ улучшеніямъ. На это могутъ возразить, что фермеръ въ западныхъ странахъ тоже не имѣетъ на землю полнаго права, а между-тѣмъ постоянно улучшаетъ ее. Но это возраженіе ничего не доказываетъ: фермеръ знаетъ срокъ договора и разсчитываетъ дѣлаемая имъ улучшенія; общинникъ-же лице совершенно пассивное, необеспеченное ничѣмъ, относительно срока пользованія. Въ этомъ отношеніи, съ общинниками могутъ быть сравнены только развѣ такъ-называемые наемщики по волѣ въ Англии (*tenant at will*), о которыхъ Макъ-Коллохъ отзывался весьма неблагопріятно.

Замѣтимъ, въ-заключеніе, о весьма важномъ недостаткѣ общиннаго владѣнія—о недостаткѣ нравственномъ: при началѣ общиннаго владѣнія, человѣкъ никогда не можетъ выйти изъ тѣхъ тѣсныхъ отношеній, въ которыя ставитъ его мѣръ. Во всѣхъ промыслахъ, человѣкъ, начиная съ ничтожныхъ вознагражденій, можетъ честнымъ и упорнымъ трудомъ достигъ до вознагражденія значительнаго, и слѣдовательно улучшить свое положеніе, разбогатѣть и возвыситься на общественной лѣстницѣ: при общинномъ владѣніи, человѣкъ недвижимъ, онъ въ безвыходномъ положеніи.

Мы разсмотрѣли самыя главныя, самыя существенныя условія общины, и вездѣ видѣли, что они отрицаютъ нравственное начало, и противны народному благосостоянію и хозяйственному успѣху. Всѣ эти выводы, какъ замѣчаетъ авторъ, не суть одни логическія

построенія, напротивъ, какъ онъ утверждаетъ, они составляютъ плодъ его личныхъ, непосредственныхъ наблюдений. Впродолженіе долгаго времени занимаясь изслѣдованіемъ быта нашего поселянина, онъ нигдѣ не встрѣчалъ богатаго крестьянина-земледѣльца; Русскіе поселяне разживаются отъ промысловъ и торговли.

Признавая волигѣ справедливыми все замѣчанія г. профессора Горлова о недостаткахъ современной общины Россіи, въ экономическомъ отношеніи, мы не можемъ въ настоящемъ случаѣ отказаться отъ одного замѣчанія, которое считаемъ чрезвычайно важнымъ.

Извѣстно, что въ настоящее время экономическая наука признаетъ въ числѣ условій, содѣйствующихъ успѣхамъ производства, новое и важное начало ассоціаціи, которое состоитъ въ совокупности стремленій различныхъ лицъ къ извѣстной цѣли, какъ-бы она ни была разнообразна, какихъ-бы предметовъ она ни касалась. Начало это, во всехъ его разнообразныхъ формахъ, во многомъ содѣйствуетъ успѣхамъ богатствъ; безъ ассоціаціи, безъ товарищества, какъ доказано, самая свобода человѣка не дѣйствительна. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ господствуетъ духъ ассоціаціи, всякая настоящая нужда мгновенно удовлетворяется и, кромѣ этого, товарищество всегда сопровождается другими, не менѣе важными результатами. А такъ-какъ при общинномъ способѣ владѣнія, существующемъ въ Россіи, возникло и развивается, хотя слабо и незначительно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, начало этой новой и могучей силы: то, какъ мы думаемъ, очищенное отъ всехъ чуждыхъ сущности ея элементовъ, какъ-то: принужденія, обязательности, стѣсненія личнаго произвола, начало ассоціаціи должно быть всеми средствами поддерживаемо, развиваемо и поощряемо. Поэтому-то тѣ многообразные сельскіе обычаи и привычки, которые касаются администраціи и самаго быта населенія, при самомъ даже уничтоженіи настоящей формы пользованія землею, должны и могутъ быть сохранены, не по-возможности—усовершенствованы. Эти отношенія, какъ заключающія въ сущности своей великое начало общности, ассоціаціи, но которое извращено насиліемъ, принужденіемъ, отсутствіемъ свободы, должны быть очищены отъ несродныхъ имъ наростовъ, свобода, личный произволъ должны заступить мѣсто обязательности, какихъ-бы сферъ жизни они ни касались. Тогда-то общественное начало ассоціаціи, получивъ истинный характеръ, можетъ принести неисчислимья благо-

дѣянія, какъ по-отношенію къ семейству, такъ и цѣлому обществу. А что эти благотворныя послѣдствія постоянно, всегда и вездѣ имѣють мѣсто при предложеніи начала, о которомъ мы говоримъ, то въ этомъ не можетъ быть ни тѣни сомнѣнія. Приведемъ одинъ примѣръ. Известно, что общественное вниманіе сильно было занято въ послѣднее время во Франціи и Швейцаріи возникшими въ нихъ сельскими ассоціаціями, о которыхъ съ увлеченіемъ говорилъ замѣчательный писатель, Россет. Упомянемъ объ одной изъ такихъ ассоціаціи, учредившейся въ департаментѣ Франш-Конте и состоящей изъ земледѣльцевъ, соединившихъ произведенія своихъ животнаго царства, въ одно общее цѣлое и разрабатывающихъ ихъ подъ наблюденіемъ знающаго спеціалиста. Общества эти главнѣйшимъ образомъ занимались произведеніемъ разныхъ продуктовъ изъ молока и при этомъ каждый мелкій хозяинъ, имѣвшій одну корову, извлекалъ изъ нея значительныя выгоды. Изъ отчетовъ общества видно, что одна корова доставляла 110 фр. 75 сантимовъ; произведенія же Швейцарскихъ коровъ давали двойную выручку.

Въ мануфактурной промышленности ассоціація, предлагаемая къ капиталамъ, позволяетъ существовать мелкимъ заведеніямъ и фабрикантамъ, которые иначе должны дѣлать значительныя издержки и пользоваться ничтожными вознагражденіями.

Профессоръ Горловъ, рассмотрѣвъ сущность и значеніе учреждений, содѣйствующихъ поощренію труда и бережливости и состоящихъ въ полной и ненарушимой собственности, переходитъ въ 9-й главѣ къ подобнымъ-же учрежденіямъ, но исключительно принадлежащимъ настоящему времени, — мы разумѣемъ сберегательныя кассы. Учрежденіе это играетъ чрезвычайно-важную роль въ современной жизни Европейскихъ народовъ. Обязанныя происхожденіемъ своимъ послѣднему времени и порожденныя великою филантропическою идеею, сохранныя кассы исполняли и продолжаютъ исполнять въ обществахъ роль пособія и поддержки для нуждающихся лицъ, въ трудныя минуты ихъ жизни. Онѣ развиваютъ и возбуждаютъ чувства предусмотрительности и воздержанія; независимо отъ такого нравственнаго вліянія, кассы имѣють еще двойное значеніе, по отношенію къ личному интересу человѣка и цѣлаго общества. Производительный трудъ, этотъ главный источникъ благосостоянія человѣка, возможенъ только подъ условіемъ обладанія силами и здоровьемъ; онъ дѣлается невозможнымъ старости, при болѣзняхъ и другихъ несчастіяхъ. Естественно,

что человекъ, котораго постигнуть подобныя бѣдствія, дѣлается безпомощенъ и часто падаетъ при вліяніи неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ.

Въ этомъ-то отношеніи и открываются благотѣльные результаты сбереженія и обезпеченія себя въ будущемъ извѣстнымъ денежнымъ фондомъ. Посредствомъ такихъ накопленій денежныхъ средствъ человекъ увеличиваетъ свою силу, которая, опираясь на сохраненный имъ капиталъ, продолжаетъ поддерживать его существованіе, даже въ трудныхъ и неблагоприятныхъ для него обстоятельствахъ. Крімъ-того, замѣтимъ, что не только въ матеріальномъ, но, что гораздо важнѣе, и въ нравственномъ отношеніи денежные сбереженія имѣютъ значеніе,—они особенно гарантируютъ свободу человека, величайшее его земное благо. Исторія положительно доказала, что первымъ источникомъ рабства была бѣдность. Да и въ наше время, когда общественными усиліями столько уже сдѣлано на пользу страждущаго человечества, развѣ мы не видимъ, что отсутствіе матеріальныхъ средствъ заставляеть часто бѣдняка лишаться всего, что дорого для него, забывать свое человеческое достоинство, отказываться отъ самостоятельности и свободы. Наконецъ, обществу сберегательныя кассы доставляютъ также огромную выгоду, слагая съ него бремя вспоможеній, которыя оно, въ противномъ случаѣ, должно-бы было оказывать немощнымъ. Число нуждающихся, кромѣ-того, обыкновенно, дѣлается менѣе, при распространеніи порядка и бережливости въ рабочемъ классѣ, наконецъ и самыя вклады, вносимыя въ сохраняющія учрежденія, увеличиваютъ количество дѣйствующихъ капиталовъ, которые безъ того не могли-бы образоваться.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находятся эти благотѣльныя учрежденія въ главнѣйшихъ государствахъ. Профессоръ Горловъ приводитъ данныя о числѣ кассъ и количествѣ вкладовъ, но, къ-сожалѣнію, довольно скудныя. Мы позволяемъ себѣ, въ видахъ живаго интереса подобныхъ учрежденій, дополнить ихъ новѣйшими и болѣе подробными свѣдѣніями. Въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи число вкладчиковъ къ 1857 г. было 1,366,000 и общее количество вкладовъ, считая въ числѣ ихъ вклады въ «Общества взаимной помощи», равнялись 37,200,000 ф. стерл.

Въ Австріи, къ 1858 году состояло 153,000 книжекъ и общая сумма вкладовъ равнялась 20,008,000 флоринновъ. Среднимъ числомъ на книжку приходилось 181 флоринъ.

Въ Пруссіи, къ 1857 г. было 463,431 вкладчика, внесшихъ 32,342,700 талеровъ. На каждую книжку причиталось 69 талеровъ.

Въ Бельгіи къ 1857 г. было 25,806 вкладчиковъ, съ капиталомъ 1,228,000 франковъ.

Во Франціи къ 1 января 1857 число кассъ было 373; впродолженіе года число это увеличилось 6 и такимъ образомъ возрасло до 379. Эти 379 кассъ имѣли 179 отдѣленій и обладали капиталомъ въ 278,921,229 фр., раздѣленнымъ на 978,802 книжки.

Въ Сѣверной Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ, къ 1857 г. 203,704 было вкладчика и 41,400,000 долларовъ вклада.

Если теперь посмотримъ на другіе отдѣльные города, то увидимъ напр. въ Невшателѣ 10,300 вкладчиковъ, обладающихъ 8,595,000 фр., въ Бернѣ 2,965,000 франк., принадлежащихъ 7,303 вкладчикамъ (*).

Что касается до сохранныхъ кассъ Россіи, то мы имѣемъ о нихъ очень слабыя свѣдѣнія; но тѣмъ не менѣе въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ вопросъ о сберегательныхъ учрежденіяхъ, и эти данныя могутъ быть полезны.

Изъ отчета министра финансовъ видно, что въ сберегательныхъ кассахъ къ 1859 г. оставалось въ обращеніи, съ накопившимися процентами, 3,634,220 р. Число книжекъ, выданныхъ вкладчикамъ, составляло 46,644,

Кромѣ этихъ кассъ, существующихъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, кассы находятся еще при многихъ приказахъ общественнаго призрѣнія и съ 1849 г. постоянно открываются. Со времени учрежденія кассъ по 1857 г. внесено въ нихъ вкладовъ 87,178, на сумму 4,352,548 р. 88 $\frac{3}{4}$ к., истребовано 36,255 на сумму 2,604,624 р. 57 к., и остается къ 1857 г. 50,923 вклада на сумму 1,747,924 (**).

Независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ нами кассъ, въ Россіи есть еще спеціальныя кредитныя учрежденія, существующія въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ. По учрежденіи министерства, найдено было, что развитію благосостоянія сельскихъ обывателей, какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго, препятствуютъ затрудненія въ пріисканіи денегъ, для удовлетворенія разныхъ срочныхъ платежей въ казну, или на покупку необходимыхъ потребностей хозяйства, а равно неизмѣніе способств., въ случаѣ вѣкотораго избытка у поселянъ денегъ, сохранить ихъ съ

(*) *Annuaire de l'Écon. polit.*, 1859, p. 571 и 113

(**), Отчетъ мин. внутр. дѣлъ, за 1857 г.

выгодой. Недостатокъ подобныхъ учрежденій влечетъ за собою неудобства еще другаго рода: крестьянинъ, увлекаясь потребностями настоящаго времени, употребляетъ часто остатокъ этотъ на предметы, для него неужные, или даже на удовлетвореніе порочныхъ наклонностей. Въ отвращеніе такихъ неудобствъ, признано было необходимымъ, указомъ 10 іюня 1859 г., учредить вспомога- тельныя кассы.

Вспомогательныя кассы имѣютъ цѣлью доставить государ- ственнымъ крестьянамъ способы къ приобрѣтенію, заимообразно суммъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ хозяйственныхъ нуждъ. Капиталъ этихъ кассъ составляется изъ суммъ, принадле- жащихъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, а равно и изъ капиталовъ, вносимыхъ сельскими обществами въ сберегательныя кассы, для храненія. Извѣстно, что помѣщеніе капиталовъ есть одно изъ важныхъ обстоятельствъ въ администраціи сохранныхъ кассъ. Въ Англіи и Франціи капиталы кассъ употребляются на покупку государственныхъ фондовъ, въ Германскихъ владѣніяхъ они ввѣряются банкирамъ. Но извѣстно, что публичныя фонды часто могутъ подвергаться колебаніямъ въ курсѣ и въ затрудни- тельныхъ обстоятельствахъ представляется часто невозможность удовлетворить требованія массъ, обращающихся въ кассы, и по- тому способъ этотъ употребленія капитала не вполне безукориз- ненъ. Напротивъ, при порядкѣ, принятомъ въ управленіи госу- дарственныхъ имуществъ и состоящемъ въ томъ, что сбереженія крестьянъ употребляются на ихъ-же нужды, не можетъ быть ни- какихъ затрудненій. Особенно желательно, чтобы вспомога- тельныя кассы оказывали бѣольшую помощь поземельному кредиту, мо- гущественному двигателю сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Количество ссудъ, дѣлаемое одному хозяину, не можетъ быть менѣе 1 и болѣе 60 р. с. Ссуда не можетъ простираться менѣе, какъ на 6 мѣсяцевъ, и не болѣе, какъ на 3 года. Проценты, вно- симые заемщикомъ, равняются 6.

Сберегательныя кассы предназначены для доставленія вѣрнаго способа сохраненія и приращенія процентами денежныхъ суммъ всѣхъ жителей казенныхъ селеній. Кассы эти, учреждаемыя въ волостяхъ, гдѣ находятся вспомога- тельныя учрежденія, принимаютъ вклады не менѣе 1 руб. на срочное, или безсрочное время, по желанію вкладчика, и уплачиваютъ послѣднему 4%.

Въ 1857 году всѣхъ кассъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ,

Малороссійскихъ и Повороссійскихъ числилось 1342, въ томъ числѣ сберегательныхъ 460. Количество обращающихся капиталовъ: въ вспомогательныхъ кассахъ было 3,026,520 р. 90 $\frac{1}{2}$ к., въ сохранныхъ—1,196,208 р. 39 $\frac{3}{4}$ к. Самое значительное число кассъ перваго рода находилось въ губерніяхъ Черниговской, Пермской, Харьковской, Орловской, Тамбовской, Екатеринославской; меньше всего было въ губерніяхъ: Астраханской, Воронежской, Псковской (*).

Профессоръ Бабеть въ статьѣ своей (**), отдавая полную справедливость полезному и благодѣтельному учрежденію кассъ, замѣчаетъ въ правилахъ, которыми они руководствуются, одно довольно стѣснительное, именно поручительство. Заемщикъ долженъ представить въ исправности платы займа одного, или нѣсколькихъ поручителей, чтобы на каждого изъ нихъ приходилось не болѣе 5 р. «Намъ кажется, говоритъ г. Бабеть, что поручительство это лишнее; чѣмъ шире и богаче кредитъ, тѣмъ результаты его обширнѣе; кромѣ-того для операцій вспомогательныхъ кассъ, находящихся въ отдѣльныхъ волостяхъ, не можетъ быть опасности, ибо состояніе крестьянскихъ средствъ можетъ быть тамъ положительно извѣстно».

Въ Саксоніи, продолжаетъ тотъ-же авторъ, поручительство замѣнено очень остроумною мѣрою, именно: комитетъ, избранный изъ опытныхъ членовъ, составляетъ особыя таблицы, въ которыхъ опредѣляется степень возможнаго довѣрія къ каждому члену и размѣръ ссуды, по его честности, состоятельности и знанію.

Мы нѣсколько подробно изложили значеніе и дѣйствительное состояніе сохранныхъ казнь въ нашемъ отечествѣ потому, что, какъ выше замѣтили, онѣ составляютъ настоятельную потребность для нашего хозяйства, и потому весьма желательно видѣть возможно большее развитіе этихъ полезныхъ учреждений, особенно въ эпоху, когда готово совершиться великое преобразованіе въ бытѣ Русскихъ крестьянъ.

Отъ вопроса о сохраненіи капиталовъ, авторъ разсматриваемыхъ нами: «Началъ политической экономіи» переходитъ къ вопросу объ опасностяхъ, которымъ могутъ подвергаться накопленные уже капиталы, или отъ самаго человѣка, или отъ враждеб-

(*) Журн. мин. г. умун. 1858, № 3 и 4.

(**) Записки И. м. Каз. экон. общ. 1857, № 2.

ныхъ и непреодолимыхъ силъ природы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, для народнаго хозяйства весьма важно быстрое ихъ возстановленіе, и потому г. Горловъ 10 главу своего сочиненія посвящаетъ ученію о различныхъ средствахъ этого возстановленія. Главнѣйшее изъ нихъ есть страхование, при которомъ потери, претерпѣваемыя однимъ частнымъ лицомъ, разлагаются на нѣсколько лицъ. Наблюденіе показываетъ, что различныя общественныя явленія подлежатъ въ своемъ развитіи правильнымъ законамъ, особенно это можно сказать о массѣ однородныхъ явленій. Такъ напр. рожденія, браки, смерть, подобно многимъ другимъ фактамъ, представляютъ извѣстное постоянное движеніе. Это-то наблюденіе правильности въ воспроизведеніи явленій дало начало закону среднихъ чиселъ, отъ которыхъ событія въ данное время уклоняются очень немного. На этихъ началахъ основывается и страхование, которое относится, по своему началу, къ XVIII столѣтію, когда въ 1705 открыта была пожарная касса въ Бранденбургѣ.

Страхование, какъ извѣстно, бываетъ двухъ родовъ: 1) посредствомъ акціонерныхъ обществъ и 2) такъ-называемое взаимное. Остановимся на послѣднемъ способѣ, какъ обращающемся на себя всеобщее вниманіе въ настоящее время и во многихъ мѣстахъ употребляемомъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что владельцы зданій извѣстнаго города составляютъ между собою общество, котораго члены раскладываютъ между собою денежную сумму, составляющую потерю пострадавшихъ отъ огня, и выплачиваютъ имъ эту сумму. Въ 1855 г., въ Германіи было застраховано въ акціонерныхъ обществахъ на сумму 4 т. милліоновъ, во взаимныхъ-же учрежденіяхъ на 500 м. р. Въ Англіи цѣнность застрахованныхъ зданій составляла въ 1849 г. 4.537¼ милліоновъ, въ Пруссіи 650 мил., въ Бельгіи 273 мил.

Взаимное страхование, этотъ новый способъ обезпеченія собственности, имѣетъ цѣлью не извлеченіе дохода, что преслѣдуется преимущественно въ акціонерныхъ страховыхъ обществахъ, но взаимную пользу. Оттого и взносы премій въ послѣднихъ бываютъ значительнѣе.

Взносы эти двоякіе: пропорціональные, сообразные съ убытками, причиненными пожарами, и постоянные, употребляемые на расходы управленія. Первые въ Парижѣ, напр., составляютъ 1,64 сантима на 1000 франковъ, а послѣдніе 0,06 сантимовъ на ту-же

сумму. Но, не смотря на такую ничтожную премію въ системѣ взаимнаго застрахованія, премія эта часто значительно возвышается, а иногда влечетъ за собой даже банкротство; но опытъ показалъ, что, не смотря на такой недостатокъ системы взаимнаго застрахованія, она можетъ существовать съ пользою совместно съ кампанейскимъ страхованіемъ, которое часто пользуется болѣе значительными средствами.

Другой способъ поддержанія и увеличенія капиталовъ есть соединеніе ихъ, изслѣдованіемъ котораго профессоръ Горловъ занимается въ XI главѣ своего курса. Тутъ онъ исчисляеть различныя роды товариществъ: 1) полное, 2) на вѣрѣ и 3) безымянное. Сущность всѣхъ этихъ обществъ болѣе или менѣе извѣстна; замѣтимъ только, что предметъ этотъ, т.-е. акціонерная дѣятельность, заслуживала-бы, по нашему мнѣнію, болѣе обширнаго разсмотрѣнія, чѣмъ то, какое встрѣчаемъ мы въ новомъ сочиненіи г. Горлова, особенно по отношенію къ нашему отечеству въ настоящее время. Давно-ли всѣ съ восторгомъ привѣтствовали развившійся духъ промышленности въ Россіи, радовались возникновенію многочисленныхъ компаній и обществъ; теперь положеніе перемѣнилось: свѣтлыя надежды многихъ исчезли, обаятельныя мечты уничтожились и нынѣ ежедневно мы встрѣчаемъ грустныя объявленія о несостоятельности той, или другой компаніи, о ликвидаціи обществъ, по цѣли своей, заслуживающихъ полнаго вниманія. Интересно, слѣдовательно, было-бы познакомиться съ общими и и высшими причинами такого неблагоприятнаго положенія дѣлъ, часто встрѣчаемаго, къ-сожалѣнію, въ современной промышленной жизни. Какъ намъ кажется, успѣхъ, или неудача предпріятія отчасти зависятъ отъ самой формы товарищества; будетъ-ли оно полное, на вѣрѣ или анонимное общество. Но этихъ современныхъ важныхъ вопросовъ мы не можемъ касаться въ подробности; скажемъ только о двухъ важнѣйшихъ условіяхъ твердости и успѣха промышленныхъ компаній: условія эти, какъ доказалъ опытъ надъ Русскими акціонерными предпріятіями, состоятъ: во-первыхъ, въ полномъ знакомствѣ учредителей съ предпріятіемъ, въ которое они приглашаютъ вкладчиковъ помѣстить свои капиталы, часто составляющіе плодъ долгихъ и трудныхъ сбереженій, особенно для недостаточныхъ людей, и во-вторыхъ, безграничная гласность дѣйствія управленій. Этихъ-то истинно-настоятельныхъ условій, къ-несчастью, по признанію всѣхъ, и не существуетъ у насъ въ на-

стоящее время. Отъ этого-то замѣчается весь неуспѣхъ обществъ и ихъ несостоятельность, разоряющая акціонеровъ и лишаящая государство пользы, которую оно отъ нихъ могло ожидать.

Обозрѣвъ, какъ мы видѣли, значеніе и дѣйствіе трехъ, главнѣйшихъ агентовъ производства: челоуѣка, съ его физическими, умственными и нравственными силами, капиталъ и силы природы. авторъ, въ 12-й главѣ, разсматриваетъ взаимное дѣйствіе этихъ силъ, которыя часто встрѣчаются соединенными въ промышленности, ибо послѣдняя не можетъ съ успѣхомъ осуществить свои виды, ограничиваясь пособіемъ одной только природы, или одного труда и капитала.

Первый вопросъ, представляющійся вниманію въ означенной главѣ, есть вопросъ о мѣрѣ участія каждой отдѣльной силы въ производствѣ. Въ первоначальномъ состояніи общества, капиталовъ обыкновенно бываетъ мало, и потому челоуѣкъ болѣе пользуется силами природы и, сдѣлавшись земледѣльцемъ, находитъ предъ собою готовый фондъ, никому не принадлежащій. При такомъ изобиліи земли, естественно, онъ избираетъ для посѣва лучшій участокъ и обрабатываетъ его малыми и слабыми орудіями, но, не смотря на то, дѣвственная земля даетъ обильный урожай; когда-же эта земля черезъ нѣсколько лѣтъ истощается, земледѣлецъ покидаетъ ее и переходитъ на другой участокъ. Изъ такого положенія, логичность котораго не можетъ быть сомнительною, прямо и непосредственно вытекаетъ подтвержденіе дѣйствительности того порядка обработки земли, который признавалъ Рикардо въ своей знаменитой теоріи.

Установивъ такое начало земледѣлія, профессоръ Горловъ представляетъ дальнѣйшій ходъ его. Изъ прекраснаго изложенія этого мы видимъ, какъ не основательны, нелогичны упреки тому, или другому времени, той или другой мѣстности въ слабомъ и незначительномъ развитіи сельскаго промысла въ данный моментъ. Успѣхи сельскаго промысла положительно зависятъ отъ тѣхъ общихъ условій, которыя имѣютъ мѣсто въ каждомъ родѣ промышленности, т. е. отъ количества капиталовъ, которые не создаются мгновенно, но образуются вѣками, и отъ самаго труда, развитіе котораго слѣдуетъ за преуспѣваніемъ общаго образованія. Можно-ли, слѣдовательно, при существованіи неблагопріятныхъ для земледѣлія условій упрекать его въ неподвижности и рутинѣ? Рутинна эта и неподвижность зависятъ отъ тѣхъ-же грустныхъ об-

стоятельствъ, которыми обуславливается всякая общественная невзгода — отсутствіемъ благодѣтельной свободы и образованія.

Когда, съ теченіемъ времени, народъ размножается, земля переходитъ въ частную собственность, государственныя учрежденія улучшаются, земледѣіе теряетъ характеръ подвижности, возникаетъ вторая форма обработки—трехпольная система, и она имѣетъ точно такой-же характеръ необходимости, какой имѣла и первая въ предшествовавшемъ періодѣ. Наше отечество, въ-отношеніи системъ обработки, находится въ настоящее время въ періодѣ господства трехпольной системы, которая повсюду распространена въ Россіи. Система эта требуетъ уже болѣе капитала и труда; но въ такой системѣ, сравнительно съ болѣе улучшенной, въ которой преимущественно преобладаетъ капиталъ, все-таки мало продуктовъ, значительнаго количества которыхъ можно достигнуть при господствѣ плодoperемѣнной системы. Такимъ образомъ мы изъ всего видимъ, что различныя силы производительныя различно участвуютъ въ томъ, или другомъ періодѣ обработки и обуславливаютъ собою большее, или меньшее развитіе земледѣлія и вообще цивилизаціи.

Примѣръ классическаго Англійскаго хозяйства вполне подтверждаетъ такой теоретическій выводъ. Тамъ только недавно стали вводить значительныя улучшения и наконецъ появился знаменитый Норфолькскій сѣвооборотъ, состоящій, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ порядкѣ посѣва: 1) годъ корневыя растенія, 2) яровые хлѣба, 3) кормовыя травы и 4) озимая пшеница. Кромѣ такого совершеннаго способа обработки, въ Англійскомъ хозяйствѣ замѣчается и другое важное условіе развитія земледѣлія—распространеніе скотоводства. Изъ 17 м. десятины обработанной земли занято лугами почти 10 м. Въ Англійи каждый хорошій фермеръ располагаетъ капиталомъ въ 47 р. с. на десятину и земля тамъ цѣнится вообще 700 р. за ту-же мѣру. Все намъ сказанное относится къ обыкновенному порядку хозяйства, повсюду существующему; то-же, что называется «high farming», представляетъ истинныя чудеса сельской экономіи. Требовать такого состоянія земледѣлія отъ странъ бѣдныхъ капиталами, мало населенныхъ, съ слабыми и неразвитыми учрежденіями, чрезвычайно странно и нелогично. Все возможно въ извѣстное время, все зависитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Стремиться приблизить это лучшее

время, вызвать эти благія обстоятельства, вотъ истинная цѣль какъ частной, такъ и общественной дѣятельности.

Заводская промышленность, также точно, какъ и земледѣліе, имѣетъ свои предѣлы, которыхъ обойти невозможно, хотя были писатели, которые, какъ напр. Листъ, настаивали на введеніи мануфактурной промышленности повсюду. Преувеличенныя идеи Листа нашли послѣдователей и въ Россіи. Заводская промышленность, въ смыслѣ дѣятельности, видоизмѣняющей продукты, существуетъ у народовъ самыхъ грубыхъ; народъ пастушескій дѣлаетъ въ ней нѣсколько болѣе успѣховъ, еще болѣе развитія въ ней замѣчается у осѣдлаго народа, гдѣ мануфактуры соединяются съ земледѣліемъ; но мало по-малу промышленность удаляютъ отъ сель въ города и дѣлаютъ самостоятельнымъ промысломъ. Такое отдѣленіе мануфактуръ отъ сельскаго хозяйства сопровождается значительными успѣхами для первыхъ. Итакъ, мануфактурная промышленность устранивается постепенно, и тѣ, которые, при первыхъ формахъ народнаго хозяйства, непременно настаиваютъ на заведеніи фабрикъ, противорѣчатъ естественнымъ законамъ общественной экономіи. У насъ въ Россіи, по словамъ профессора Горлова, преобладаетъ форма соединенія промышленности съ земледѣліемъ. Эта промышленность, крѣпкая своимъ основаніемъ, лежащая въ исторіи, народныхъ правахъ и внѣшней природѣ, пустила у насъ глубокіе корни и служитъ важнымъ пособіемъ въ благосостояніи сельскихъ жителей. Подлѣ нея развивается некустарнымъ образомъ фабричная система крестьянъ, работающихъ на фабрикахъ, въ городахъ; здѣсь крестьяне разлучаются съ своими семействами и хотя снова къ нимъ возвращаются, но съ прежними-ли силами и нравственностью, это вопросъ. Авторъ не высказываетъ, что надо дѣлать въ подобномъ случаѣ; но намъ кажется, что самое дѣйствительное и вѣрное средство есть именно стремленіе поддержать и охранить существующій въ селахъ обычай занятія промыслами и только развить его болѣе. Отъ этого, по увѣренію многихъ заслуживающихъ довѣрія авторитетовъ, произойдутъ выгоды неисчислимыя: Русскій народъ будетъ заниматься пригодными и свойственными ему промыслами, онъ сохранитъ дорогую и важную для него осѣдлость, села современемъ превратятся въ мануфактурные центры, чему мы видимъ примѣры и въ настоящее время, напр. на селѣ Ивановѣ; при всемъ томъ не нарушатся прежнія мирныя привычки сельской жизни, городской

развратъ и пороки не проникнуть въ домашній бытъ и не нарушать его правильнаго теченія, хотя и привыются къ нему элементы, нынѣ чуждые, по малому его развитію.

Въ началѣ статьи нашей мы замѣтили, что 4 главнѣйшіе момента народнаго хозяйства: производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе богатствъ даютъ начало 4 частямъ государственной экономіи.

Разсмотрѣвъ первую часть—производство, авторъ переходитъ ко второй—къ изслѣдованію законовъ мѣны. Въ этомъ отдѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ глава: «объ экономическихъ системахъ международной торговли и преимущественно ученіе о свободной мѣнѣ». Не останавливаясь на теоретической части разсмотрѣнія этого вопроса, какъ такового, который подвергался уже многимъ изслѣдованіямъ въ нашей литературѣ, займемся главнѣйшею практической его частию въ примѣненіи ея къ Россіи. Въ этомъ отношеніи авторъ «Началъ политической экономіи» представилъ много новыхъ и важныхъ данныхъ, касательно вліянія свободнаго торга и протекціонизма на Русскую промышленность. Всѣ взгляды и положенія его отличаются строгою истинною и совершенною практичностью, что придаетъ особый интересъ 2 главамъ 2 книги новаго его сочиненія.

Въ настоящемъ трактатѣ вопросъ о примѣненіи началъ свободной торговли къ Россіи представленъ въ сокращенной и сжатой формѣ; во всей-же подробности разсмотрѣвъ онъ въ статьѣ того-же автора: «Протекціонизмъ и свобода труда въ Россіи» (*). Имѣя въ виду чрезвычайную важность подобныхъ изслѣдованій, мы позволяемъ себѣ изложить взгляды автора на необходимость свободы торговли для Россіи нѣсколько подробнѣе.

Признавая необходимость покровительственной системы для нашего отечества, нѣкоторые Русскіе экономисты, и преимущественно г. Ушинскій, написавшій сочиненіе: «О значеніи мануфактурной промышленности въ Россіи», которое послужило поводомъ къ статьѣ г. Горлова, объясняютъ подобную необходимость слѣдующими обстоятельствами: 1) Онъ находитъ, что земледѣліе, хотя оно считается главнымъ промысломъ, на которомъ основывается благосостояніе Россіи, не можетъ давать такихъ заработковъ, какіе предоставляетъ мануфактурная промышленность. Для вычисле-

(*) Библіотека для чтенія, 1858 г. № 4.

нія дохода земледѣльца предполагается крестьянская семья изъ 2 души мужскаго пола и 2 женскаго, имѣющихъ въ самыхъ богатыхъ губерніяхъ 9 десятинъ земли и 7 десятинъ луговъ. Оно получаетъ, за вычетомъ посѣва, 9 четвертей ржи и 18 овса. Это количество хлѣба, при цѣнѣ 4 р. за рожь и 2 за овесъ, представляетъ сумму въ 72 р. Изъ общаго количества 700 пудовъ сѣна въ продажу идетъ 350 пудъ, по 15 к. и получается съ сѣна 52½ р. Всего же 124 р. 50 к. на 4 души или по 31¼ на душу, тогда какъ постоянные работники на бумажныхъ фабрикахъ выручаютъ въ сложности 120 р., а работающіе по домамъ 60 р., слѣд. первые четверо, а вторые вдвое получаютъ противъ того, сколько крестьяне отъ земледѣлія. На такой съ перваго взгляда поражающій фактъ, авторъ приводитъ возраженія, съ которыми нельзя не согласиться. Оставляя въ сторонѣ неточность представленнаго вычисления, какъ касательно доходовъ земледѣльца, такъ и заводскаго работника, г. Горловъ справедливо замѣчаетъ, что, при опредѣленіи доходовъ сельскаго работника, не приняты въ соображеніе второстепенные доходы, также выручки отъ разныхъ знаныхъ работъ, а доходы мануфактуристовъ вычислены въ одномъ исключительномъ промыслѣ, который никакъ не можетъ служить общимъ примѣромъ. Далѣе, авторъ говоритъ, что если сельскій хозяинъ доведетъ свое хозяйство до того, что оно принесетъ 25% болѣе хлѣба и слѣдов. дохода, то это увеличиваетъ какъ его благосостояніе, такъ и благосостояніе цѣлаго общества. Но если сельскій хозяинъ, производя то-же количество произведеній, продаетъ ихъ 25% дороже, то это будетъ выгодный оборотъ только для него, но никакъ не для общества. Это-то обыкновенно и бываетъ, при искусственно-утвержденной мануфактурной промышленности. Цѣны на издѣлія возвышаются оттого, что иноземныя издѣлія допускаются только въ ограниченномъ количествѣ. Это не болѣе, какъ выгода одного привилегированнаго класса насчетъ всѣхъ и преимущественнаго насчетъ бѣднаго класса народа. Кромѣ-того, даже и тогда, когда признаемъ значительность доходовъ отъ фабрикъ, она нисколько не доказываетъ преимущества заводской промышленности предъ земледѣліемъ. Это не болѣе какъ результатъ тарифнаго постановленія.

2) Протекціонисты доказываютъ, что выгоды мануфактурной промышленности выражаются въ увеличеніи населенія: но изъ самыхъ достовѣрныхъ данныхъ 8 и 9 ревизій, видно, что въ ману-

фактурныхъ губерніяхъ оказались самыя слабыя успѣхи населенія.

Такъ, во Владимірской губерніи, по 8 ревизіи было жителей 535,821, по 9-й—548,596, разница составляла 12,775, или 2, 3⁰/₁₀₀; въ Московской губерніи, по 8 ревизіи считалось 616,518, которые къ 9-й возрасли до 624,975, или увеличились на 8,475, равнымъ 1, 3⁰/₁₀₀. Въ Ярославской разница была 3,006, т.-е. 0,7. Въ губерніяхъ-же земледѣльческихъ разница была: Вятской губерніи 22⁰/₁₀₀, Екатеринославской 17⁰/₁₀₀, Вологодской и Херсонской 16⁰/₁₀₀ (*). Факты эти лучше всего подтверждаютъ неосновательность мнѣній протекціонистовъ.

3) Защитники покровительства считаютъ дороговизну Русскихъ мануфактурныхъ произведеній за ничто. Авторъ основательно возражаетъ на положеніе, будто дешевизна Россіи ненужна, потому что она не торгуетъ своими издѣліями за границей; она, напротивъ, настоятельно необходима для благосостоянія 68 м. самихъ Русскихъ.

4) Наконецъ, протекціонисты увѣряютъ, что задѣльная плата сельскихъ работниковъ чрезвычайно низка у насъ, и потому въ этомъ отношеніи мануфактурная система можетъ имѣть вліяніе на земледѣліе. Эти-же писатели утверждаютъ, что цѣна хлѣба у насъ низка и цѣна на землю также незначительна. По этому еслибы была развита мануфактурная промышленность, то многіе не занимались-бы сельскимъ хозяйствомъ и уменьшенное количество хлѣба продавалось-бы по высшей цѣнѣ. Но возвышеніе цѣнъ хлѣбныхъ, какъ замѣчаетъ г. Горловъ, во многихъ мѣстахъ можетъ быть тягостно, напр. въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, въ которыхъ рожь стоитъ отъ 5 до 6 р. 50 к.; дальнѣйшее повзышеніе цѣнъ было-бы стѣснительно. Есть у насъ, правда, и такія губерніи, гдѣ цѣна дѣйствительно низка. Конечно, еслибы въ этихъ губерніяхъ вдругъ, безъ всякихъ пожертвованій, могла появиться мануфактурная система, и хлѣбъ, сало и другія произведенія поднялись-бы въ цѣнѣ,—это было-бы полезно для націи; но такое обстоятельство не болѣе какъ мечта протекціонистовъ. Мануфактурная система создается не вдругъ и появленіе ея не можетъ произойти безъ жертвъ: для нея нужны капиталы, которыхъ образованіе поддерживается протекціонизмомъ; протекція поощряетъ отсталость.

(*) Кеппель: «Девятая ревизія», 1857 г.

5) Последній доводъ защитниковъ запрещеній состоитъ въ томъ, что въ Россіи зимой земледѣльческія работы прекращаются, и потому необходимо, чтобы крестьяне находили занятія на фабрикахъ. Конечно, это такъ, но не видно, почему крестьянинъ не можетъ найти заработковъ вѣ фабрикъ. Въ Россіи находится много крестьянскихъ промысловъ. Эти промыслы существуютъ издревле. Стоитъ взглянуть только на Нижегородскую губѣрнію, чтобы убѣдиться въ истинно-народномъ значеніи крестьянскихъ промысловъ, возникшихъ и развивающихся безъ всякаго тарифнаго покровительства. Но на это намъ могутъ возразить, говоритъ г. Горловъ, что великая нація не можетъ удовольствоваться выдѣлкою напр. дегтя, деревянной посуды и прочихъ издѣлій, изготовляемыхъ въ деревняхъ. На такое возраженіе мы отвѣтимъ, что самыя даже эти незначительныя промыслы способны къ большому развитію; самое добываніе дегтя, чтобы оно было рачіонально и слѣд. выгодно, требуетъ познаній въ химіи. Противники свободы неосновательно утверждаютъ, что только хлопчатобумажная промышленность и шелковое производство ведутъ къ промышленному успѣху и образованію.

Таковы главнѣйшія положенія, представленныя ученымъ авторомъ, относительно вліянія протекціонизма на Русское хозяйство. Всѣ взгляды г. профессора Горлова на этотъ важный и существенный вопросъ отличаются строгою практичностью и совершеннымъ безпристрастіемъ и положительно доказываютъ необходимость примѣненія къ отечеству нашему началъ свободнаго торгова. Необходимость эта особенно подтверждается тѣми великими опытами, которые имѣли мѣсто въ Англіи. Не будемъ распространяться о всѣхъ благодѣтельныхъ результатахъ реформъ Хускисона, Кобдена и Р. Пилля; замѣтимъ только, что народное благосостояніе значительно возрасло въ Англіи, со времени таможенныхъ преобразованій, въ духѣ свободной торговли. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія статистическія данныя: въ 1842 г. до реформы ввозъ въ Англію равнялся 65,2 мил. ф. стер., въ 1853 г. онъ достигъ 123 мил. слѣд. увеличеніе было въ 57,8 мил. или 88% въ 11 лѣтъ, 8% ежегодно. Цѣнность вывоза была въ 1842 г. 47,3 мил. въ 1853 г. она была 98,7 или увеличилась на 100% въ 10 лѣтъ и возвышалась каждый годъ на 10%. Таможенный доходъ 1854, не смотря на значительныя сбавки, равняв-

шися впродолженіе 30 лѣтъ, съ 1824 г. по 1854, свыше 19 м. ф. стерл., равенъ былъ въ послѣднемъ году 132,102,000 руб. сер., тогда-какъ по вычислениямъ онъ долженъ былъ равняться только 48.121 м. р. с. Что касается до народнаго потребленія, то оно въ-теченіе 10 лѣтъ представляетъ огромное развитіе:

	1844.	1854.	%.
Сахаръ, пуд.....	13.630	27,270	86.
Чай.....	1.461	2,359	61.
Шерсть.....	1,807	2,910	61.
Шелкъ.....	114	207	81.
Бумага сырецъ.....	15,281	24,404	59.

Пшеницы привозимо было съ 1841 по 1845 ежегодно по 2,536,000 четвертей, а съ 1851—1855 по 5,992,000 четвертей.

Эти блистательные результаты кратковременнаго дѣйствія тарифной свободы въ Англіи могутъ поощрить и прочія Европейскія законодательства выйти на новый широкій путь, который открыла экономическая наука (*).

Подобныя финансовыя реформы проявляются и въ другихъ государствахъ. конечно, въ значительно-меньшей мѣрѣ, и сопровождаются постоянно такими-же благотѣльными послѣдствіями относительно народнаго благосостоянія. Все это неопровержимо свидѣтельствуетъ, что истины, проповѣдуемая наукой, не суть бредни утопій, не суть мечтательныя плазыи, но неопровержимая дѣйствительность, противъ которой ничтожны и слабы всѣ доводы грубаго и односторонняго эмпиризма.

Въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ второй части «Началь политической экономіи», авторъ излагаетъ весьма важное ученіе о цѣнѣ. Всѣ предметы, въ-отношеніи ихъ цѣнности, могутъ быть раздѣлены на 2 класса: первые могутъ быть размножены за одинаковыя расходы производства, вторыя-за высшіе. Къ первому классу относятся обработанныя издѣлія, ко второму—сельскіе продукты и вообще сырые матеріалы, доставляемые землею. Развивая ученіе о продуктахъ этого послѣдняго рода, г. Гордовъ излагаетъ знаменитую теорію ренты Рикардо. При этомъ мы не можемъ не

(*) *Гордовъ*. Обзоръ успѣховъ свобод. тарифа въ Англіи. Биб. для чтенія 1857. № 12.

замѣтить, что, къ сожалѣнію, авторъ вовсе оставилъ безъ вниманія замѣчательныя возраженія двухъ писателей, которымъ нельзя отказать въ достоинствѣ, именно Керей и Бастіа, противъ теоріи Англійскаго экономиста. Они отвергали существованіе ренты, какъ отдѣльнаго дохода, и смѣшивали ее съ задѣльной платой, капитальными процентами и доходами предпринимателя. Главнымъ основаніемъ своихъ мнѣній они выставляли тотъ фактъ, что во все время трудъ и капиталъ были употребляемы въ такомъ количествѣ, что безъ влияния ихъ не могло быть доходовъ собственно отъ земли. Но такое положеніе слишкомъ абсолютно; всѣмъ извѣстно, что существуютъ земли, напр. лѣса и выгоны, которыя даютъ значительную ренту, не смотря на то, что на обработку ихъ не употреблено ни капитала, ни труда. Къ такому же разряду принадлежатъ и городскія земли, которыхъ положеніе обуславливаетъ доходъ и самую цѣнность. Бастіа считалъ открытіе свое о несуществованіи ренты особенно важнымъ, потому-что этимъ, какъ онъ полагалъ, отнимается характеръ монополіи отъ земли, съ другой-же стороны, коммунисты обезоруживаются. Очевидно, при этомъ Бастіа не достигъ цѣли: коммунисты отвергаютъ не только существованіе ренты, но и сомнѣваются въ законности процентовъ и задѣльной платы. Аргументы Керей основаны на порядкѣ обработки земли: онъ думаетъ, вопреки Рикардо, что обработка земли начинается съ наихудшихъ земель. Предложеніе это неосновательно. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что, по мѣрѣ развитія земледѣльческой науки, можно изъ худыхъ земель сдѣлать хорошія; но такого положенія никто не отвергалъ. Самъ Рикардо признавалъ дѣйствія сѣльско-хозяйственныхъ улучшеній. Керей приводитъ фактъ, что населеніе въ среднія вѣка селилось преимущественно на мѣстахъ возвышенныхъ и съ нихъ впоследствии сходило въ равнины, и въ этомъ положеніи находитъ важное подтвержденіе своей теоріи. Но на это можно отвѣтить, что во времена, когда обезпеченія личности и собственности гораздо легче было достигнуть на возвышенныхъ мѣстахъ и въ окрестностяхъ замковъ, очень можетъ быть, что такія возвышенныя мѣстности считались землями самаго лучшаго достоинства, сравнительно съ равнинами, въ которыхъ земледѣліе было невозможно. То-же самое было до введенія въ Англій, Бельгію и Францію дренажа: многія земли, считающіяся нынѣ очень благоприятными для земледѣлія, не пользовались тогда такой славой. Впрочемъ, для истинности тео-

ри Рикардо нѣтъ надобности доказывать порядокъ обработки; положеніе земель, опредѣляющее ренту, отъ этого не измѣнится.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго ясно, что теорія Рикардо не разрушается подобными возраженіями; но тѣмъ не менѣе, возраженія эти, разобранныя столь основательнымъ и практическимъ умомъ, какимъ обладаетъ авторъ. «Началь политической экономіи», могли-бы представить большой интересъ, особенно въ Россіи, гдѣ публика мало знакома съ экономической литературою.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія г. Горювъ занимается изслѣдованіемъ измѣненій и движенія цѣнъ. Всѣ предметы, по-отношенію къ измѣненію цѣнъ, могутъ быть подведены подъ 3 разряда: 1) заключаетъ въ себѣ предметы, цѣна которыхъ возрастаетъ; 2) тѣхъ, коихъ цѣна падаетъ; 3) содержитъ въ себѣ предметы, цѣна которыхъ не представляетъ опредѣленнаго движенія. Сельская и вообще извлекательная промышленность доставляетъ предметы, постоянно-возвышающіеся въ цѣнѣ, какъ скотъ, рыбы, дровяной и стросовой лѣсъ. Напр. въ старой Англій мясо вообще стоило очень дешево, теперь-же оно значительно вздорожало. Лѣса также въ первобытныя времена имѣютъ ничтожную цѣнность, а потомъ поднимаются въ цѣнѣ. Въ Новгородской губ. 15 лѣтъ тому назадъ продавались дрова въ лѣсахъ по 30 к. с. Если принять, что на душу среднимъ числомъ необходима $\frac{1}{4}$ десятины, тогда выйдетъ, что потребна для лѣса слѣд. часть пространства, при населеніи:

1,000 человекъ на кв. мпю.	$4\frac{1}{3}$ ‰
2,000 » » » »	$9\frac{2}{3}$ ‰
4,000 » » » »	$19\frac{1}{3}$ ‰

Сообразно съ этимъ увеличеніемъ народа возвышаются и цѣны на лѣсъ.

Цѣна хлѣба принадлежитъ къ такимъ, которыя постоянно возвышаются. Возвышеніе цѣны хлѣба исторически доказано для всѣхъ странъ:

	Англія.	Франція.
	Кварт.	Гектолитръ.
1751—1760	1 ф. 17 ш. 10 п.	15 ф. 38 с.
1801—1810	4 ф. 3 ш. 11 п.	19 ф. 87 с.
1851—1855	2 ф. 16 ш. 0 п.	22 ф. 92 с.

Изъ всего этого видно, что предметы, въ производствѣ которыхъ главный дѣятель есть природа, постоянно поднимаются въ цѣнѣ. Предметы-же, одолженные своимъ существованіемъ труду и капиталу, въ цѣнѣ своей падаютъ.

Сравненіе цѣнъ 1696 г. въ Англіи, съ цѣнами 1831 г., принявъ первыя за 100, приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Шерстяные товары.	86	%
Мѣдные	»	83
Льняные	»	62
Бумажные	»	89

Присоединимъ къ этому замѣчаніе, что иногда въ теченіе пзвѣстнаго періода обнаруживается общее возвышеніе цѣнъ; оно происходитъ отъ различныхъ обстоятельствъ: такъ въ 50-хъ годахъ въ Европѣ замѣтно было всеобщее возвышеніе цѣнъ, которое объясняютъ значительнымъ приливомъ золота, неурожаемъ, войною и другими обстоятельствами.

Приведемъ данныя о цѣнахъ, существовавшихъ въ Германіи и Англіи съ 1856 по 1858 г. (*).

Сравнительно съ 1831—40 годомъ цѣны въ Германіи были слѣдующія въ процентномъ разсчетѣ, принявъ первыя за 100:

	1856.	1857.	1858 г.
Пшеница.....	206,9	144,4	133,3
Рожь.....	191,5	154,4	133,3
Масло коровье...	154.	155.	152.
Солонина.....	172.	175.	168.
Сахаръ.....	122,6	127,3	105,6
Кофе.....	86,2	95,4	79,3
Вино.....	189,7	197,3	188,3
Хлопч. бумага...	84,1	105,6	94.
Шерсть.....	102,9	109,9	92,7

Въ Англіи съ 1849 по 1858:

		%
Пшеница.....	43 п.	45 104
Масло коровье.....	70 п. 8 п.	109,3 123

(*) Жур. Акціонеръ, 1859 г. № 127 и 130.

Свинина.....	54 ш. 3 п.	61,3	123
Сахаръ.....	28 ш. 10 п.	23,6	100
Саю.....	39 ш. 10 п.	53,4	133
Кофе.....	55 ш. 6 п.	60,9	103
Шерсть.....	12 ф. 17 ш. 5 п.	14 ф. 3,9	110
Бум. праж.....	10 ш.	11 $\frac{1}{8}$ ш.	103

Въ началѣ отчета нашего о новомъ сочиненіи профессора Горлова мы высказали мысль, что оно преимущественно отличается какъ методомъ, такъ и необыкновенно-строгимъ практическимъ характеромъ. Мысль эту мы старались подтвердить фактами, рассматривая въ подробности замѣчательные отдѣлы «Началь политической экономіи» и преимущественно указывая на эти оригинальныя черты. Какого-бы вопроса мы ни касались, вездѣ видѣли правильныя и возвышенныя взгляды автора, вытекающіе не изъ поверхностнаго изученія, но изъ серьезнаго и основательнаго изслѣдованія предмета.

Такое блистательное начало новаго курса г. Горлова позволяетъ надѣяться, что и дальнѣйшее продолженіе его будетъ отличаться не меньшими достоинствами. Автору предстоитъ въ будущиxъ частяхъ рассмотреть два существенныя и важнѣйшія вопроса: о распредѣленіи и потребленіи богатства. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія труда почтеннаго автора, чтобы повторить ему отъ лица Русскаго общества ту глубокую признательность, которую онъ долженъ вызвать со стороны каждаго, понимающаго значеніе матеріальнаго благосостоянія для Россіи и желающаго правильной, строго-научной его разработки.

А. Ш.

Воспоминанія поклонника святаго гроба. *С. Петербургъ.*
1859.

Въ этой книгѣ г. Викторъ Кампскій представляетъ свои воспоминанія о двукратномъ странствованіи въ Палестину. Вслѣдствіе того и самая книга раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая содержитъ описаніе пребыванія автора въ Святой Землѣ въ 1850—1851 годахъ, вторая-же часть говоритъ о пребываніи

его въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ въ 1856 — 1857 годахъ. Въ оба раза авторъ провелъ въ Иерусалимѣ Пасху, самое важное для поклонника время: остальные три мѣсяцы употреблены г. Каминскимъ на разѣзды по Палестинѣ и на поклоненіе въ другихъ святыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ все воспоминанія представляютъ слѣдующія подраздѣленія:

1) Слѣдованіе въ Святую Землю. 2) Пребываніе въ центрѣ Святой Земли. 3) Разѣзды по Святой землѣ. 4) Препровожденіе великихъ дней въ Иерусалимѣ. 5) Возвращеніе въ отечество. 6) Странствованіе на Синай и по Каменной Аравіи. 7) Вторичная бытность въ Святой Землѣ. 8) Слѣдованіе въ Солунь и на святую Афонскую гору. 9) Посѣщеніе обителей святой Афонской горы. 10) Возвращеніе съ востока на сѣверъ Россіи.

Изъ этого обзорѣнія уже можно понять, что авторъ ограничивается только фактическимъ изложеніемъ всего видѣннаго и слышаннаго, замкнувшись въ тѣсный кругъ интересовъ паломника; но мы уже имѣемъ сочиненія въ такомъ родѣ, и послѣ книгъ гг. Муравьева и Норова описанія и воспоминанія Виктора Каминскаго теряютъ много, тѣмъ болѣе, что новый поклонникъ Святой Земли не владеетъ ни ученостью А. С. Норова, ни одушевленнымъ изложеніемъ А. Н. Муравьева. Г. Каминскій могъ-бы придать своей книгѣ большую цѣну, еслибъ онъ захотѣлъ хотя немного предаться изысканіямъ о томъ пути, по которому онъ прошелъ, или хотя нѣсколько отлѣлится отъ интересовъ простаго паломника. Въ предметахъ того и другаго рода нѣтъ недостатка: не говоря о старинномъ вопросѣ относительно права первенства въ Святой Землѣ, о которомъ такъ много писали католики, почему-бы напримѣръ не обратить вниманіе на незначительность нынѣшняго плодородія и на каменность почвы въ Иудеѣ? Г. Викторъ Каминскій поражается страшной картиной дикой природы при самомъ вступленіи въ Палестинскіе предѣлы (стр. 42), но оставляетъ свое впечатлѣніе безъ всякаго изслѣдованія и отчета. Такъ-какъ этотъ предметъ очень интересенъ самъ по себѣ, то мы приведемъ здѣсь изысканія о немъ одного изъ западныхъ паломниковъ, посѣтившаго Палестину въ послѣднее время.

Есть странствователи, которые, проѣзжая эту сухую, невоздѣланную и печальную страну, спрашиваютъ себя: та-ли это страна, дивное плодородіе которой хвалятъ намъ священные писатели. и они противопоставляютъ настоящее состояніе ея, какъ обличеніе

во дни, словамъ священнаго писанія. Другіе приписываютъ эту безплодность единственно безпечности правительства и бездѣятвю жителей, не сознавая очевиднаго исполненія пророчествъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько указаній, которыя свидѣтельствуютъ прежнее плодородіе Палестины, и покажутъ дѣйствительную причину ея настоящаго запустѣнія. Въ этомъ найдемъ новое доказательство истинны библійскихъ сказаній.

Библия часто говоритъ объ удивительноомъ плодородіи Іудей. Всѣ знаютъ выраженіе, часто повторяемое священными писателями: «Земля текущая млекоу и медомъ». Моисей обѣщаетъ Израильскому народу, что Іегова введетъ его въ превосходную землю, въ землю потоковъ и ручьевъ, стремящихся съ горъ въ долины; въ землю ячменя, пшеницы, винограда, смокви и гранатъ въ землю масла и меда; Израильтяне будутъ ѣсть хлѣбъ, не зная нужды, и ни въ чемъ не имѣя недостатка...

Іудея прежде производила въ изобиліи всѣ эти плоды, которые Моисей обѣщаетъ своему народу. Она снабжала Тиръ значительнымъ количествомъ пшеницы. Ячмень служилъ тогда, какъ и теперь, для корма лошадей. Эта страна была знаменита обработкою винограда. Патриархъ Іаковъ, въ благословеніи, которое на смертномъ одрѣ онъ давалъ двѣнадцати сыновьямъ своимъ, говоритъ объ изобиліи винограда въ Іудеѣ. Виноградники Енгадди славятся въ священномъ писаніи. Оттуда это выраженіе, такъ часто повторяемое въ Библии: «Каждый сидитъ подъ своимъ виноградомъ и подъ своей смоковницею». Оливковыя деревья покрывали прежде, какъ и теперь, всѣ кособоры Палестины. Моисей сказалъ, говоря объ Ассирѣ, что онъ будетъ кушать погы свои въ маслѣ. Іудеи вывозили много масла въ Египетъ и Финикію. Пальма прежде была однимъ изъ самыхъ лучшихъ украшеній Іудей. Въ самой глубокой древности Іерихонъ былъ названъ городомъ пальмъ. Существовали даже великолѣпныя лѣса этой царицы растительнаго царства. На монетахъ Макаввеевъ видна пальма, какъ эмблема Іудей. Гранатное дерево было въ Палестинѣ также очень обыкновенно, какъ это показываетъ имя Реммонъ (граната) — названіе, которое носили нѣсколько мѣстностей въ Іудеѣ.

Эти произведенія Святой Земли доказываютъ первоначальное плодородіе почвы. Свидѣтельство свѣтскихъ писателей согласуется съ словамъ священныя книги. Тацитъ и Юстинъ описываютъ намъ эту страну, какъ очень плодородную, и хвалятъ ея кра-

соту. Одинъ Греческій писатель, Гекотей, говоритъ, что Евреи живутъ въ отличной землѣ, которая изобилуетъ произведеніями разнаго рода. Историкъ Іосифъ неоднократно представляетъ замѣчательную и интересную картину плодородія этой страны, и увѣряетъ, что она удобна для обработки произведеній всякаго рода. Страбонъ, правда, противорѣчитъ, повидимому, этимъ извѣстіямъ. Онъ говоритъ, что страна, гдѣ находится Іерусалимъ, бесплодна камениста и не стѣбитъ, чтобы за нее сражались. Но страна Іерусалимская еще не вся Палестина, и притомъ этотъ географъ зналъ Іудею очень недостаточно, какъ это доказываютъ важныя ошибки, встрѣчающіяся въ его сочиненіи. Картина, которую представляетъ намъ Плиніи старшій о роскошной растительности Палестины, особенно по берегамъ Іордана, очень похожа на ту, которую оставилъ историкъ Іосифъ, его современникъ. «Тамъ, говоритъ онъ, растетъ бальсамное дерево, которое не удостоиваетъ расти въ другихъ мѣстахъ, и жидкость, которая течетъ изъ него, предпочитается всѣмъ другимъ духамъ; Іудея единственная страна, которую природа наградила имъ. Императоры Веспасіанъ и Титъ первые показали въ Римѣ, принеся съ триумфомъ этотъ драгоценный кустарникъ, сдѣлавшійся, какъ и народъ, данникомъ нашей имперіи. Іудеи хотѣли уничтожить его, какъ они уничтожали себя: Римляне защитили его и сражались за кустарникъ».

Различныя медали, чеканенныя государями Сирійскими, пока владѣли они Іудеей, Маккабейми и Римлянами, подтверждаютъ эти разныя свидѣтельства свѣтскихъ авторовъ и священныхъ писателей. Іудея на нихъ представлена со всѣми символами плодородія; здѣсь она, плѣнная, горюетъ подъ тѣнью пальмы; тамъ она представляетъ глазамъ нашимъ свои оливковыя и бальсамныя деревья; на однихъ видны снопы ржи, на другихъ виноградныя вѣтви или грозды винограда, на нѣкоторыхъ есть рогъ изобилія, наполненный главными плодами этой страны. Очевидно, что тѣ, которые чеканяли эти монеты, хотѣли изобразить ее съ тѣми атрибутами, которые ей больше всего принадлежатъ, и все это вмѣстѣ взятое доказываетъ, что это была страна замѣчательная по удивительному богатству почвы.

Другое доказательство плодородія Палестины — многочисленное народонаселеніе ея. Мы видимъ, по переписи, сдѣланной во времена Давида, что тогда считалось тамъ 1,300,000 мужчинъ, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, — что заставляетъ предполагать

народонаселеніе до шести милліоновъ человѣкъ. Это много, безъ сомнѣнія, для страны въ 1,300 квадратныхъ миль; но Палестина производила довольно для нихъ. По описанію Іудей во времена Тита, которое самъ Вольней находитъ довольно вѣрнымъ, эта страна должна была содержать въ ту эпоху четыре милліона жителей. Впрочемъ, безчисленные развалины, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, показываютъ, какъ многолюдна была Іудея.

Но чѣмъ сдѣлалась теперь эта страна, бывшая прежде такою богатою и плодородною? Она лежитъ теперь безъ обработки и поражаетъ всѣхъ путешественниковъ наготой и своимъ печальнымъ и дикимъ видомъ. Горы, лишенные прекрасныхъ лѣсовъ, которые ихъ покрывали, показываютъ со всѣхъ сторонъ голыя и сухія скалы. Бока ихъ прорыты обильными зимними дождями; стѣны, поддерживавшія помѣщенія на холмахъ террасы, опрокинуты, и черноземъ, болѣе ничѣмъ не удерживаемый, унесенъ водами. Обширныя равнины, которыя простираются вдоль Средиземнаго моря и по обѣимъ берегамъ Іордана, не обработаны; потоки изсякли, роса уже не такъ обильна, и температура, во-время лѣта, сдѣлалась знойнѣе вслѣдствіе безлѣсна горъ. Пальма дѣлается рѣдкою; съ великимъ трудомъ можно найти знаменитое бальсамное дерево, которое составляло богатство Іерихона. Виноградниковъ встрѣчается мало; поля оставлены; пастбища пастырей опустѣли, и не слышно болѣе веселой пѣсни пастуха. Конечно, существуютъ еще нѣкоторые сады, какъ наприм. въ Яффѣ, въ сосѣдствѣ Виллема, есть нѣсколько рѣдкихъ долинъ, которыя даютъ обильный урожай, нѣсколько полей, которыя покрываются прекрасною жатвою; но это, какъ оазисы въ сей пустынной странѣ; они служатъ только вывѣской первоначальнаго плодородія почвы.

Знаменитый путешественникъ, подробно обозрѣвшій Палестину, Вольней, начерталъ картину, которая поражаетъ точностью и правдивостію: онъ представляетъ въ такихъ выраженіяхъ бѣдственное состояніе угнетенной страны:

«Нищи, владѣя большею частью земель, отдають ихъ на очень тягостныхъ условіяхъ: они требуютъ половину и даже двѣ трети жатвы; они захватываютъ сѣмена и скоть, такъ-что хлѣбопашцы принуждены платить за нихъ выше ихъ стоимости. Послѣ жатвы они цѣпляются за пронажи, за мнимыя кражи; и такъ-какъ сила въ ихъ рукахъ, то они берутъ все, что хотятъ. Если случится неуро-

жай, то они тѣмъ не менѣе требуютъ свои задатки, и чтобы запла-
тить ихъ, заставляютъ мужика продать все, что онъ имѣеть. Къ
обычнымъ притѣсненіямъ присоединяются тысячи случайныхъ
обидъ: то облагаютъ данью цѣлую деревню за дѣйствительное или
воображенное преступленіе, то вводятъ тяжкую работу новаго ро-
да. Требуютъ подарки при вступленіи каждаго губернатора; надо
давать содержаніе всѣмъ солдатамъ, которые проходятъ или при-
носятъ приказы; и губернаторы заботятся о томъ, какъ-бы умно-
жить эти порученія, которыя для нихъ очень выгодны, а для му-
жиковъ разорительны. Деревни трепещутъ при появленіи кажда-
го левенда: это настоящій разбойникъ, подъ пюнемъ солдата; онъ
прибываетъ завоевателемъ, повелѣваетъ господиномъ, обижаетъ
и грабитъ. Напрасно мужики жалуются на несправедливость; саб-
ля налагаетъ молчаніе. Протестъ долженъ идти далеко, труденъ
и могъ-бы даже сдѣлаться опаснымъ. Что-же происходитъ отъ
всѣхъ этихъ грабительствъ? Деревни разоряются и превращают-
ся въ пустыни: в этой причинѣ надо приписать бѣдность и
безлюдность земли. Также и хлѣбопашество въ печальномъ состо-
яніи: вслѣдствіе бѣдности, хлѣбопашецъ или вовсе не имѣеть, или
имѣеть очень худыя орудія; плугъ часто ни что иное, какъ
раздвоенный сукъ дерева, безъ колесъ. Пахутъ ослами, коровами,
и очень рѣдко волами; послѣдніе означаютъ уже большой доста-
токъ. Въ странѣ, доступной для Арабовъ, надо сѣять съ ружьемъ
въ рукѣ. Только-что рожь пожатѣеть какъ ее срѣзываютъ, чтобы
спрятать въ матурахъ или подземныхъ погребахъ. Оставляютъ
какъ можно меньше для посѣва, потому-что едва сѣютъ столько,
сколько нужно для продовольствія; однимъ словомъ ограничива-
ютъ промышленность удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Но
чтобъ имѣть немного хлѣба, луку, худую синюю рубашку и шер-
стяной передникъ не требуется большаго развитія промышленно-
сти. Мужикъ живетъ въ бѣдности; но по-крайней-мѣрѣ онъ не
обогащаетъ тирановъ своихъ, и скупость деспотизма наказана сво-
имъ собственнымъ грѣхомъ».

Тотъ-же писатель показываетъ намъ почву Палестины сухой,
каменистой, лишенной воды, безлюдной, покрытой развалинами и
безъ обработки. Когда онъ видитъ Иерусалимъ, среди страны еще
богѣе сухой и скалистой, окруженный рытвинами и скалистыми вы-
сотами, наполненный развалинами, онъ спрашиваетъ себя, это-ли,
тотъ знаменитый епархіальный городъ, который нѣкогда боролся

съ сильнѣйшими имперіями, который одно мгновеніе противостоялъ усиліямъ самаго Рима, благоговѣніемъ и уваженіемъ котораго, по странному повороту судьбы, какъ выражается Вольней, Іерусалимъ пользуется теперь послѣ своего паденія. «Я прошелъ ее, прибавляетъ онъ въ своихъ Ruines, эту разоренную землю! Я посѣтилъ эти мѣста, которыя служили сценою для такого великолѣпія, и я видѣлъ только запустѣніе и безлюдность. Я искалъ древнихъ обитателей и ихъ произведенія, и видѣлъ слѣды ихъ, подобно тѣмъ, которые нога прохожаго оставляетъ на пескѣ. Храмы развалились, дворцы ниспровергнуты, пристани завалены, города разрушены, и земля, лишенная жителей, не что иное, какъ печальное мѣсто погребенія. Великій Боже! откуда такіе ужасные перевороты? По какимъ причинамъ судьба странъ такъ перемѣнилась? Зачѣмъ столько городовъ разорено?»

Прошло довольно времени съ-тѣхъ-поръ, какъ Вольней посѣтилъ Палестину, и угнетеніе Турецкое и беспорядокъ управленія только увеличились: опустошеніе страны возрастаетъ съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, какъ-бы въ оправданіе пророчествъ Исаія и Іереміи; пустыри умножаются, камни и скалы растутъ. Древней Іудей узнать нельзя.

Намъ кажется, что книга г. Каминскаго выиграла-бы въ интересѣ содержанія, еслибъ авторъ постарался обогатить ее изысканіями въ родѣ приведеннаго нами изслѣдованія западнаго паломника; г. Каминскій при этомъ нисколько даже не вышелъ-бы изъ того круга, въ которомъ онъ желаетъ остаться.

К. БИРИЗНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ЗА ВТОРУЮ ТРЕТЬ 1859 ГОДА.

І. БОГОСЛОВІЕ.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: преп. Нила Синайскаго, *Письма къ разнымъ лицамъ* (Тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); св. Іоанна Златоустаго: *Бесѣды на 2-е посланіе къ Фессалоникійцамъ*, 3—5-я (Христ. чт. май); *Бесѣды на посланіе къ Евреямъ*, 13—27 (ibid. май—авг.); *Бесѣды на 1-е посланіе къ Тимоѳею* (ibid. июнь—авг.); св. Дмитрія Ростовскаго, *Канонъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ Антонію и Теодосію Кіевопечерскимъ* (ibid. июнь); *Сочиненія* преп. Максима Грека (Правосл. соб. май—авг.); св. Льва, папы Римскаго, *Слово на вознесеніе Господне* (Воскр. чт. № 6).

— По церковному краснорѣчію: высокопреосв. Филарета, митрополита Московскаго: *Бесѣда въ день Благовѣщенія пресв. Богородицы*; *Бесѣда въ плотокъ Пасхи и въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича*; *Отвѣтъ на рѣчь бывшаго ректора Московской семинаріи, архимандрита Леонида, при нареченіи его во епископа Дмитровскаго*; *Рѣчь къ сему послѣднему*; *Бесѣда по освященіи храма въ Спасопреображенскомъ Гуслицкомъ монастырѣ* (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); архимандрита Леонида, бывшаго ректора Московской семинаріи, *Рѣчь при нареченіи его во епископа Дмитровскаго* (ibid); преосвящ. Макарія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, *Рѣчь въ день Вознесенія Господня* (ibid. июль); *Слово при вступленіи на кафедру Харьковской епархіи* (ibid. авг.); преосв. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго: *Слово, про-*

изнесенное послѣ миссурій въ церкви Горькогорскаго института (Дух. бес. № 30); Слово въ день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (Воскр. чт. № 12); Слова въ недѣлю 8, 10, 12, 13-ю по пятидесятницѣ (ibid. № 15, 18, 20, 21); преосвящ. Теофана, епископа Тамбовскаго и Шацкаго, Слово въ день рожденія Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны (Дух. бес. № 34); архіеп. Георгія Конисскаго, Слово въ ден. пресвѣтлаго Христова Воскресенія (Воскр. чт. № 2); преосв. Филарета, архіеп. Харьковского и Ахтырскаго, Слово по освященіи храма (ibid. № 5); преосв. Антонія, епископа Чигиринскаго, Слово въ понедѣльникъ св. сорокапятидесятницѣ (ibid. № 8); протоіерея Іоанна Скворцова, Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (ibid. № 6); Слово въ день св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра (ibid. № 19); іеромонаха Спльвестра: Поученіе въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова (ibid. № 7); Беседа въ день пятидесятницѣ (ibid. № 11). Сверхъ-того: Слово при погребеніи ординарнаго профессора С. Петербургской духовной академіи А. Н. Мишина (Христ. чт. июль); Слово въ день преп. и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго (Воскр. чт. № 13); Объ обличительномъ направленіи церковной проповѣди (ibid. № 21).

— По духовной исторіи: Максимъ Грекъ Святгорецъ (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); Свѣдѣніе объ освященіи Спасо-преображенскаго Гуслицкаго монастыря (ibid.); О крещеніи Монголо-Бурятовъ Тукинскаго инородческаго вѣдомства, въ Иркутской губерніи (ibid.); Рязанскіе іерархи (Христ. чт. май); Успѣхи православной церкви Русской въ періодъ Монгольскій (ibid. июнь); Объ отношеніи между христіанствомъ и философіею въ первые три вѣка христіанской церкви, П. Чистовпча (ibid. июль); Бѣдствія христіанскаго общества по изображенію его въ соборномъ посланіи апостола Іакова (ibid.); Ирвинство (ibid. авг.); Вѣдннее положеніе церкви въ обществѣ въ первые три вѣка христіанства (ibid.); Дѣянія вселенскихъ соборовъ: соборъ Никейскій, вселенскій первый (Правосл. соб. май, июнь); соборъ Константинопольскій первый, вселенскій второй (ibid. июль, авг.); Древнія правила церковнаго суда (ibid. май); Взглядъ древнихъ Русскихъ мѣстопосцевъ на событія міра (ibid. май, авг.); Библіотека Соловецкаго монастыря (ibid.); Письмо митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго къ Ка-

занскому митрополиту Тихону (ibid.); Памятники древне-Русской духовной письменности: Житіе преп. Трифона Печенскаго, просвѣтителя Лопарей; Житіе преп. Зосимы и Савватія и похвальныя слова въ память ихъ; Слово черноризца Зиновія на память преп. Зосимы Соловецкаго (ibid. май—авг.); О времени празднованія пещи, Матвея Властаря (ibid. іюнь, іюль); Рескриптъ императрицы Екатерины II Веніамину, архіепископу Казанскому (ibid. іюнь); Посланіе Веніамина къ своей пастви (ibid.); Изъ исторіи Русскаго раскола: оіаконъ Теодоръ, его сочиненіе и ученіе (ibid. іюль, авг.); Св. апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ (Дух. бес. № 19, 20); О дугоборцахъ Мелитопольскаго уѣзда Таурическаго губерніи (ibid. № 21, 22, 23); Первый праздникъ пятидесятиницы въ апостольскомъ вѣкѣ (ibid. № 22, 24); О вторичномъ призваніи Симона Петра къ апостольству (ibid. № 26); Участиѣ общества въ отъль распространенія христіанства (ibid. № 28); Сведенборгъ и его ученіе (ibid. № 29); Патріархъ Кирилъ Лукарисъ и его значеніе въ исторіи восточной церкви (ibid. № 31); Явленіе воскреснго Господа великому сонму вѣрующихъ (Воскр. чт. № 2); Пророчесвенное благословеніе св. Петра митрополита, данное Москвъ и роду Московскихъ князей (ibid. № 5); Воскресеніе и вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа, по сказанію четырехъ евангелистовъ (ibid. № 8, 9, 10); О состояніи рабовъ у Евреевъ по закону Моисея (ibid. № 14); Отечество, спасенное въ безсударственное время силою вѣры православной (ibid. № 16, 19); Иночество на Двоицъ (ibid. № 17, 20).

— «Объ отношеніи между христіанствомъ и философіею въ первые три вѣка христіанской церкви». — Познакомимъ съ содержаніемъ этого историческаго очерка г. Чистовича. «Христіанство есть предметъ вѣры и сообразной съ нею жизни, а не философскихъ изысканій и научной разработки. Но, если при самомъ появленіи христіанства, въ то время, какъ одни пѣзъ учениковъ Христовыхъ принимали спасительную истину въ простотѣ сердца, другіе старались приблизить ее къ понятіямъ естественнаго разума; то съ продолженіемъ времени тѣмъ больше должны были развиться отношенія между вѣрою и знаніемъ, между христіанствомъ и философіею, чѣмъ больше и разнообразіѣ становилось христіанское общество и чѣмъ больше развивалась мысль, возбужденная къ дѣятельности новымъ, невѣдомымъ древнему міру, ученіемъ Евангелія. Этому сближенію христіанства съ философіею

и развитію философской дѣятельности въ нѣдрѣ христіанства способствовало: 1) то, что учителя христіанской церкви находили въ философіи такое или другое ученіе о Богѣ и мірѣ, о назначеніи человѣка и другихъ предметахъ христіанскаго вѣроученія и — съ одной стороны какъ проповѣдники и охранители истины, съ другой — какъ обличители лжеученія, омрачаваемаго язычникомъ и смущающаго вѣрныхъ, — не могли не обратить на него вниманія при раскрытіи христіанскихъ догматовъ. 2) Христіанская церковь, постоянно распространяясь, нерѣдко пріобрѣтала новыхъ членовъ изъ ученыхъ язычникомъ, получившихъ образованіе въ языческихъ училищахъ и принадлежавшихъ къ той или другой философской школѣ. Ставъ христіанами, эти люди не могли совершенно отрѣшиться если не отъ началъ той философіи, которой дотошѣ слѣдовали, то по крайней мѣрѣ отъ способа убѣжденія въ истинѣ путемъ размышленія и науки. 3) Кромѣ того еретики и ученые язычники, нападавая на христіанство, старались опровергнуть истины вѣры по своимъ философскимъ началамъ. Это заставляло отцевъ и учителей церкви, при защищеніи христіанства, знакомиться съ разными философскими ученіями того времени, чтобы побѣждать противниковъ ихъ-же орудіемъ. Наконецъ 4) по самому существу христіанскаго ученія, сближеніе его съ философіею было весьма-естественно. Предлагая разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго ума, христіанство тѣмъ самымъ возбуждало мыслящую силу человѣка къ дѣятельности и сознательному усвоенію божественнаго ученія. При такомъ сближеніи христіанства съ философіею, отцы и учителя церкви, люди большею частію высокообразованные, не могли обойти вопроса объ отношеніи между христіанствомъ и философіею, между вѣрою и знаніемъ, и не разрѣшить его такъ или иначе, по крайней мѣрѣ для собственнаго руководства. Но мысли ихъ объ этомъ предметѣ были не одинаковы. Одни, имѣя въ виду разумъ человѣческій въ томъ его состояніи, когда онъ гордо отвергаетъ всякой авторитетъ и себя признаетъ независимымъ источникомъ вѣдѣнія, — и философію понимая, какъ стремленіе рѣшить важнѣйшіе вопросы и раскрыть всю истину, не замѣтывая ничего изъ божественнаго Откровенія, — утверждали, что естественный человѣческій умъ не способенъ къ познанію истины и что философія, какъ произведеніе сего ума, не даетъ истиннаго вѣдѣнія, и потому есть наука бесполезная для христіанъ, которымъ истина сообщается во всей

полнотѣ спасительнымъ ученіемъ Христовымъ, принимаемымъ въ простотѣ вѣры. Появленіе ересей, какъ плода суемудрія человѣческаго, совмѣстно съ философіею дѣйствовавшихъ противъ христіанства, еще болѣе усилило нерасположеніе къ ней. Ее считали причиною ересей. Даже діалектика, наука чисто-формальная, не избавилась отъ порицаній, по тому поводу, что еретики пользовались ея оружіемъ противъ христіанства. Другіе отцы и учителя церкви, — смотря на разумъ въ томъ его состояніи, когда онъ подчиняется божественному Откровенію, и на философію, какъ на плодъ умоустройства, руководимаго вѣрою, — были снисходительнѣе къ философіи и смотрѣли на нее, какъ на науку, полезную въ христіанскомъ мірѣ. Отношеніе ея къ христіанскому ученію они опредѣляли слѣдующимъ образомъ. Они выходили изъ той мысли, что человѣческой умъ одними собственными силами и средствами не можетъ исполнѣ и совершенно познать истину, но что христіанство съ божественнымъ авторитетомъ предлагаетъ человѣку истину, которая восполняетъ недостатки естественнаго ума. Въ частности, по двоякому содержанію истинъ, заключающихся въ христіанскомъ ученіи, отношеніе къ нимъ естественнаго ума должно быть двоякое, именно: въ христіанскомъ Откровеніи предлагается ученіе о нѣкоторыхъ предметахъ естественнаго разума, болѣе полное и совершенное, нежели какое можетъ дать самая возвышенная философія, каково ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ міру и объ отношеніи міра къ Богу. Но, кромѣ сихъ истинъ, въ Откровеніи предлагаются такія, которымъ нѣтъ ничего соответствующаго въ философіи, каково все ученіе о таинствѣ искупленія. Посему обязанность философіи въ-отношеніи къ истинамъ перваго рода состоитъ въ томъ, чтобы принять и оставить ихъ на мѣсто соответствующаго философскаго ученія; въ-отношеніи къ истинамъ втораго рода — въ томъ, чтобы ввести ихъ въ кругъ человѣческаго познанія, какъ существенную составную его часть, и защитить отъ возраженій еретиковъ и язычниковъ. Такъ разумѣли это дѣло, такъ и дѣйствовали восточные писатели первыхъ вѣковъ христіанской церкви. Они знали, что божественное ученіе, преподаваемое въ Откровеніи, предлагается вѣрѣ, а не ученому изслѣдованію разума, — что храненіе и раскрытіе его ввѣрено не философіи, а церкви; но, обращаясь съ людьми, которые, присоединяясь къ обществу вѣрующахъ, приносили съ собою свою пылкость въ-отношеніи къ божественному ученію, и отражая против-

никовъ христіанства, нападавшихъ на него съ оружіемъ науки и знанія, они считали не только не лишнимъ, но справедливымъ и необходимымъ также пользоваться пособіями науки и знанія. Съ этою цѣлю истины перваго рода, поставленныя на мѣсто недостаточнаго или ложнаго философскаго ученія, они защищали и доказывали ученымъ образомъ, опровергая противоположныя имъ заблужденія; а собственно христіанское ученіе старались, по-крайней-мѣрѣ, защищать отъ возраженій и нападеній язычниковъ и лжеучителей. Раскрывая этотъ взглядъ, по которому философія въ-отношеніи къ христіанству имѣетъ значеніе хотя подчиненное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное, отцы и учителя церкви старались доказать, что философія не только не противоположна христіанскому ученію, но напротивъ происходитъ изъ одного съ нимъ источника, и посредственно руководствуется къ той-же цѣли, къ которой христіанство ведетъ непосредственно. Въ доказательство перваго положенія, что философія происходитъ изъ одного источника съ божественнымъ ученіемъ, они: 1) старались показать *историческую* связь философіи съ Откровеніемъ и говорили, что истина, которую по частямъ можно находить въ разныхъ философскихъ ученіяхъ, заимствована изъ божественнаго Откровенія, хотя и обезображена и омрачена примѣсью человѣческаго заблужденія. Это мнѣніе раздѣляли многіе церковные писатели древности. 2) Старались доказать *внутреннюю* связь философіи съ Откровеніемъ, полагая ее въ томъ, что они равно суть дѣло божественнаго Промысла, который научалъ людей истинѣ и добродѣтели и приготавливалъ къ принятію христіанства частію непосредственно — чрезъ откровеніе своей воли и своихъ путей въ законѣ, данномъ Іудейскому народу, частію посредственно — чрезъ руководство естественнаго разума, выражавшаго, послѣ безуспѣшныхъ покушеній познать истину, твердую надежду, что Богъ не оставитъ наконецъ просвѣтить родъ человѣческій свѣтомъ вѣдѣнія божественной истины, которое дѣйствительно и открылось въ христіанствѣ. Климентъ Александрійскій въ своихъ сочиненіяхъ очень-часто раскрывалъ ту мысль, что философія была дѣломъ божественнаго Промысла и руководила къ истинѣ и справедливости язычниковъ, какъ законъ — Іудеевъ. Такимъ-образомъ философія существенно входила въ планъ божественнаго промысла о спасеніи человѣческаго рода. Дѣйствіе ея было двойное: положительное — распространять между людьми понятія объ истинѣ

и добродѣтели, и отрицательное — разрушать заблужденія язычества и очищать путь христіанству. «Тотъ-же божественный Промысль, который открывалъ волю свою Иудеямъ, открывалъ ее — хотя не такимъ виѣшнимъ образомъ — и язычникамъ». «Философія не можетъ быть произведеніемъ зла: потому-что злое ведетъ къ злему, а философія научаетъ людей добродѣтели; сдѣловательно она есть дѣло всеблагаго Бога, который одинъ есть источникъ всякаго блага. И сообщена она была не худшимъ людямъ, но лучшимъ изъ Еллиновъ, которые способны были руководить другихъ людей къ справедливости. Итакъ ясно, откуда она происходитъ. Виновникъ ея божественный Промысль, который даетъ всякому то, что ему нужно по его особенному свойству. Иудеямъ до явленія Господня данъ былъ законъ, а язычникамъ — философія; но послѣ явленія Господня всѣ призываются къ оправданію чрезъ ученіе вѣры, составляя одинъ народъ правды, такъ-какъ одинъ Богъ обоихъ, Еллиновъ и варваровъ, или, лучше, всего человеческого рода». «До пришествія Господня философія необходима была Еллинамъ для справедливости; теперь она полезна для богопочтенія и благочестія тѣмъ, которые усвоятъ вѣру чрезъ доказательства. Нога твоя не споткнется, если ты будешь производить всякое благо отъ Бога, будетъ-ли то Еллинское, или наше. Ибо Богъ есть причина всѣхъ благъ, и тѣхъ, которыя непосредственно (προηγουμένως) ведутъ ко спасенію, — какъ ветхаго и новаго Заветъа, и тѣхъ, которыя ведутъ къ нему посредственно (κατ'επαχολούθημα), — какъ философіи. Можетъ-быть даже, что и философія дана была Еллинамъ въ томъ первомъ смыслѣ (προηγουμένως), прежде нежели Господь призвалъ ихъ; поелику она также руководствовала къ христіанству Еллиновъ, какъ законъ Иудеевъ. Итакъ, философія предуготовляла тѣхъ, которыхъ Христосъ призвалъ къ совершенію». Въ разсужденіи правды, о которой говоритъ Климентъ, можно сдѣлать то замѣчаніе, что онъ разумѣетъ не правду оправдывающую (δικαιοῦσα), т.-е., доставляющую чело-вѣку всѣ необходимыя силы и средства къ достиженію своего назначенія, но правду, руководствующую (χρηματοῦσα) къ оправданію чрезъ вѣру. Очень естественно, что язычники не соглашались на подчиненное и, по ихъ миѣнію, униженное значеніе разума: потому-что смотрѣли на христіанство не какъ на божественное Откровеніе, но какъ на одно изъ философскихъ ученій. «Невѣріе, говоритъ Тертуліанъ, убѣждаемое собственнымъ опытомъ

въ превосходствѣ христіанства, не перестаетъ утверждать, что въ немъ вѣтъ ничего божественнаго и что оно есть не что иное, какъ секта философіи, подобно другимъ ея сектамъ». Сущность отвѣтовъ на это христіанскихъ учителей заключалась въ томъ, что христіанство есть божественное Откровеніе, и потому выше разума, и должно быть принимаемо вѣрою. А въ доказательство его божественнаго происхожденія указывали на чудеса и пророчества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что языческіе философы, по-крайней-мѣрѣ Александрійской школы, не отрицали чудесъ, и усвоили вдохновенность даже основателю христіанской вѣры; но понимали то и другое, и чудеса и вдохновенность, несогласно съ христіанскимъ ученіемъ. Была и еще точка зрѣнія на взаимное отношеніе философіи и христіанства, съ которой смотрѣли на философію, какъ на дополненіе къ христіанскому Откровенію. Основаніе этого взгляда заключается, по мнѣнію лицъ, раздѣлявшихъ его, частію въ популярномъ образѣ представленія и изложенія христіанскаго ученія, скрывающемъ подъ внѣшнюю простоту и изобразительностію глубокий внутренній смыслъ, который открывается только философскому изслѣдованію, частію въ самомъ содержаніи христіанскаго ученія, которое можетъ быть раскрываемо и развиваемо научнымъ образомъ. Это составляетъ общій характеръ гносеа (γῶσις). Изложивъ сущность этого ученія, г. Чистовичъ продолжаетъ: «Въ противоположность ложному гносеу, отцы и учителя церкви старались раскрыть ученіе объ истинномъ христіанскомъ знаніи (γῶσις), полагая въ основаніе его вѣру (πίσις). Вѣра есть основаніе жизни для всѣхъ христіанъ,—есть союзъ, соединяющій всѣхъ людей, не смотря на различіе ихъ умственныхъ дарованій и умственнаго образованія, въ одно общество, въ одно царство Божіе на землѣ. Единство церкви и согласіе вѣрующихъ, утверждаемое сею вѣрою, они противопоставляли раздѣленію и несогласіямъ гностическихъ школъ. Объясняя слова Господни: *ищите и обрящите*, Тертуліанъ говоритъ: «надлежитъ искать того, чему учили Иисусъ Христосъ, пока не найдете, и до-тѣхъ-поръ, какъ найдете. Вы нашли, когда увѣровали; потому-что не увѣровали-бы, еслибы не нашли. Какъ вы искали для того, чтобы увѣровать; то, найдши и увѣровавши, вы должны прекратить всѣ ваши исканія. Если-же потому только, что одни преподаютъ одно, а другіе другое, захотимъ мы вѣчно искать, то мы въ опасности всегда искать

и никогда не увѣрять. Какой-же послѣ сего будетъ предѣлъ нашихъ исканій и открытій? Станемъ искать у Маркіона? Но Валентинъ съ своей стороны говоритъ: ищите и найдете (истину у меня). Будемъ искать у Валентина? Но Апеллесъ повторяетъ то-же самое. Евіонъ, Симонъ и всѣ другіе употребляютъ ту-же хитрость, чтобы привлечь меня на свою сторону. Какого свѣта ожидать тамъ, гдѣ все тьма? Пойдемъ у себя и у своихъ, но пойдемъ только того, что служить къ разрѣшенію вопроса, не нарушая правила вѣры». Климентъ Александрійскій такъ объясняетъ отношеніе между вѣрою и вѣдѣніемъ: христіанская вѣра и вѣдѣніе имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ — священное писаніе и преданіе. Но вѣрѣ принадлежитъ принятіе и усвоеніе истинъ, открываемыхъ въ христіанствѣ, и направленіе вѣдѣнія къ его истинной цѣли; вѣденію-же — уясненіе и раскрытіе полнаго содержанія и внутренней связи христіанскаго ученія, равно-какъ его научное построеніе и защищеніе отъ возраженій и нападеній противниковъ истины — еретиковъ и языческихъ философовъ. Вѣра предшествуетъ вѣдѣнію и всѣмъ доказательствамъ истины, происходящимъ отъ вѣдѣнія; это есть практическое пониманіе божественной истины, возникающее изъ врожденнаго человѣку чувства истины. Вѣдѣніе-же слѣдуетъ за вѣрою и, на основаніи ея, съ помощію внѣшнихъ пособій выясняетъ и раскрываетъ глубокое содержаніе христіанскаго ученія. Къ сему взаимному отношенію между вѣрою и вѣдѣніемъ онъ примѣняетъ слова пророка Исаи: *аще не увѣрите, ниже имати разумѣти* (Ис. 7, 9), если не увѣруете въ Евангеліе, не уразумѣете его духа и силы. Вѣра также необходима для духовной жизни христіанина, какъ воздухъ для жизни чувственной. Какимъ образомъ изъ вѣры возникаетъ глубокое вѣдѣніе предметовъ вѣры, это онъ объясняетъ тѣмъ, что глубокое пониманіе и раскрытіе смысла св. писанія или ученія вѣры происходитъ изъ жизни по вѣрѣ. «Вѣра, говоритъ онъ, какъ-бы сообщаетъ человѣку новыя силы созерцанія божественныхъ вещей», — и примѣняетъ къ сему слова пророка Исаи и апостола Павла: *се азъ творю нова* (Ис. 43, 19), и: *аже око не виотъ, ухо не слыша, и аже на сердце человеку не въздоша* (2 Кор. 5, 17). Что можетъ быть видимо новымъ окомъ, слышимо новымъ слухомъ и воспринимаемо новымъ сердцемъ, то открывается духовно-видящимъ, духовно-слышающимъ и духовно-дѣлающимъ ученикамъ Господнимъ, чрезъ вѣру и вѣдѣніе. Следовательно, христіанское

вѣдѣніе, по разумѣнію Климента, не есть дѣло одного умозрѣнія, но исходитъ изъ всего порядка жизни, просвѣщенной вѣрою. «Порядокъ жизни, говоритъ Климентъ, ясно обличаетъ тѣхъ, которые познали заповѣди. Ибо каково ученіе, такова жизнь. Дерево узнается по плодамъ, а не по цвѣтамъ, листьямъ и вѣтвямъ. Такъ и вѣдѣніе (γνώσις) познается отъ плодовъ и устройства жизни, а не отъ одного ученія и цвѣтовъ. Посему мы и говоримъ, что вѣдѣніе не есть только ученіе, но какъ-бы нѣкоторое божественное разумѣніе (τὴν ἐπιστήμην θεῖαν), тотъ свѣтъ, который возникаетъ въ душѣ изъ повиновенія заповѣдямъ, который дѣлаетъ видимымъ для человѣка и все (внѣшнее) находящееся въ твореніи, и его самого, научая его самопознанію и общенію съ Богомъ. Вѣдѣніе въ душѣ то-же, что глазъ въ тѣлѣ». «Безъ жизни по вѣрѣ не можетъ быть знанія божественныхъ вещей, которое происходитъ отъ вѣры: знаніе и жизнь здѣсь одно. Только *чистѣи сердцемъ Бога узрѣть*». Но вѣра есть внутреннее, подлежательное (субъективное) условіе вѣдѣнія; внѣшнее и подлежательное (объективное) или источникъ познанія есть св. писаніе. Хотя вѣрующій обладаетъ какъ-бы нѣкоторымъ особливимъ чувствомъ истины въ-отношеніи къ божественнымъ вещамъ, такъ что ему открывается то, что отъ невѣрующихъ сокрыто, но одного внутренняго чувства истины недостаточно для полнаго уразумѣнія, изъясненія и защищенія всѣхъ истинъ св. писанія. Для сего нужно: 1) изученіе св. писанія, полное раскрытіе его содержанія, сличеніе и сравненіе различныхъ мѣстъ онаго между собою, изъясненіе однихъ другими, выводъ изъ нихъ слѣдствій, однимъ словомъ — приведеніе истинъ св. писанія въ нѣкоторый научный видъ, и 2) нужна помощь науки и содѣйствіе научнаго образованія. «Миѣ не безъизвѣстно», говоритъ Климентъ, «что повторяютъ часто нѣкоторые неразумные писатели, будто вѣра должна довольствоваться необходимѣйшимъ и существеннымъ и оставить все чуждое и лишнее, что насъ напрасно развлекаетъ и отклоняетъ отъ главной цѣли». И въ другомъ мѣстѣ: «Нѣкоторые, считая себя разумными, не хотятъ и коснуться ни философіи, ни діалектики, не хотятъ учиться естественному созерцанію, но ищутъ одной простой вѣры: не употребивши никакой заботы о виноградной лозѣ, уже хотятъ получать съ нея грозды. Подъ образомъ виноградной лозы представляется намъ Господь. Мы должны собирать съ нея плоды съ разумною заботливостію и съ

искусствомъ виноградяра. Нужно окопать ее, перевязать, подрѣзать и все прочее сдѣлать, — нужно увотребить и серпъ, и заступъ, и другія земледѣльческія орудія, чтобы виноградникъ произрастил намъ обильный плодъ». Устраняя или опровергая естественное при этомъ возраженіе, будто божественное Откровеніе не есть достаточный источникъ истины, когда при немъ необходимы еще внѣшняя наука и внѣшнее образованіе, Климентъ говоритъ: «если для тѣхъ, которые склонны къ порицанію, нужно точно опредѣлить, что мы разумѣемъ, когда называемъ философію вспомогательною и содѣйствующею причиною истиннаго разумѣнія; то мы скажемъ, что считаемъ ее руководствомъ (*πρὸς τὴν ἀλήθειαν*) къ вѣдѣнію, причиною вспомогательною, а не главною, — содѣйствующею, а не производящею. Не то значитъ, что безъ философіи не могло бы и быть истины; поелику самая большая часть насъ не получили энциклопедическаго научнаго образованія и не изучали Еллинской философіи, а нѣкоторые даже не умѣютъ ни читать, ни писать, но, подвигшись божественнымъ любомудріемъ, которое вознѣстили люди не образованные, а наученные премудрости Божіей, они силою вѣры усвоили ученіе о Богѣ. Итакъ ученіе Спасителя само въ себѣ совершенно и самодовольно, какъ сила и мудрость Божія; и привходящая Еллинская философія не дѣлаетъ истины сильнѣе, но дѣлаетъ только безсильными софистическіе на нее нападки, отвращаетъ враждебные подкопы подъ истину, и потому можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника. Къ такой защитѣ философіи, кромѣ убѣжденія въ ея собственномъ достоинствѣ и происходящей отъ нея пользѣ, Климента могъ располагать и тотъ историческій фактъ, что въ его время многіе образованные язычники принимали христіанскую вѣру вслѣдствіе разумнаго изслѣдованія и убѣжденія въ ея истинѣ; при чемъ философское образованіе было какъ-бы руководствомъ къ познанію истины. Что нужды, что въ философіи истина часто омрачена была примѣсю заблужденій? Какъ законъ не потерялъ своей силы и своего назначенія оттого, что Іудейскіе писатели примѣняли къ нему свои чувственныя толкованія; такъ и философія не лишается своего достоинства оттого, что человекъ примѣнялъ къ ея истинѣ свои заблужденія. Климентъ сравнивалъ философію съ дикою маслиною, въ которой обращаются крѣпкіе и плодотворные, но острые и неудобоваримые соки. Когда привьютъ къ ней вѣтвь, взятую отъ благороднаго дерева, то маслина сдѣлается питатель-

ною и здоровою. Такъ точно и философія, эта дикая маслина, сдѣлается питательною и плодотворною, когда она оживится вѣрою. Оригенъ, въ опредѣленіи отношенія между вѣрою и вѣдѣніемъ (γνώσις), склонялся къ идеямъ Александрійской философіи. По его понятію, вѣдѣніе состоитъ въ совершенномъ пониманіи духа и внутренней силы христіанскаго ученія. между-тѣмъ-какъ вѣра довольствуется простымъ принятіемъ истины. Въ этомъ отношеніи Оригенъ допускаетъ между вѣрою и вѣдѣніемъ постепенность, близкую къ противоположности. «Тѣ, говоритъ онъ, которые пріяли даръ вѣдѣнія и премудрости, живутъ уже не вѣрою, но созерцаніемъ: это тѣ духовно-наученные люди, которые, окончивъ странствованіе въ тѣлѣ, (возвысились надъ буквою Писанія) вселились уже въ дому Господнемъ. Но тѣ еще пресельничаютъ въ тѣлѣ и еще не вошли въ домъ Господень, которые не разумѣютъ духовнаго смысла Писанія, но вращаются въ его буквѣ. Господь Духъ есть; посему тотъ, кто не пріялъ животворнаго духа и духовнаго смысла Писанія, далеко отъ Господа и живетъ еще вѣрою». Легко видѣть, что это мнѣніе есть прямое слѣдствіе изъ началъ, принятыхъ въ Александрійской школѣ и раскрытыхъ Климентомъ и Оригеномъ относительно истолкованія св. писанія, и принадлежитъ къ частнымъ мнѣніямъ писателя, несправедливо возвысившаго личное разумѣніе и истолкованіе св. писанія предъ общимъ разумѣніемъ и истолкованіемъ его въ церкви, или предъ авторитетомъ церковнаго преданія».

— «Взглядъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ на событія міра». — На какой-бы степени развившагося сознанія ни стоялъ человѣкъ, духъ его необходимо стремится извѣдать минувшее и удержать въ памяти его образъ. Кромѣ этого естественнаго стремленія, силою котораго преданія всякаго рода идутъ преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, — Русскихъ лѣтописцевъ побуждали къ труду другія, высшія чувствованія. Важныя дѣла св. церкви и христіанскаго государства, въ которыхъ очевиднымъ образомъ проявляется божественный Промыслъ, правственные подвиги достославныхъ лицъ, по своей возвышенности, святости и вліянію на общество, воспламеняли въ свидѣтеляхъ этихъ дѣлъ ревностное желаніе—передать въ родъ и родъ память о нихъ. «Мы грѣшнии раби Христови, говоритъ лѣтописецъ послѣ разсказа о спасеніи земли Русской отъ страшнаго завоевателя Тимура, слышавше сіе удивленіе Господа нашего Иисуса Христа, пречистой Его

Матери Богородицы, понудилъ сія писанія предати во славу имени Господа Иисуса и вренистой Его Матери. Владычицы и Заступницы нашей Богородицы. Богу нашему слава» и проч. Но словамъ другаго лѣтописца, «добродѣянъ во вѣки святятся, записанныя въ хронографъ въ память дѣтямъ». Отличаясь по природѣ своей практическимъ направленіемъ, Русскій человѣкъ выражаетъ его во всякой отрасли древней письменности. Не говоря объ обилии древнихъ поученій, церковныхъ бесѣдъ и другихъ статей правоучительнаго содержанія, въ самыхъ народныхъ произведеніяхъ повѣствовательнаго рода отразилось правоучительное направленіе: имъ проникнуты и всѣ лѣтописи. Увѣковѣчивая замѣчательныя явленія церкви и отечества, Русскіе лѣтописцы руководились въ своихъ трудахъ главнымъ образомъ желаніемъ — способствовать нравственному усовершенію современниковъ и потомковъ: «дѣло Божіе и святыхъ его, говорили нами предки, подобаетъ всездѣ и повсюду и всяко съ высокимъ проповѣданіемъ и публиценіемъ возгласить во общую пользу и спасеніе всѣмъ Христеннитымъ людямъ». Въ самомъ началѣ Собійскаго временика, лѣтописецъ обращается къ современникамъ «вамъ молю, стадо Христово, съ любовію преклоните унса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбораняху Русская земля и иныя страны приимаху подъ ся. Ти бо князи не собираху многа имѣнія не творимыхъ впръ, ни продахъ вскладяху на люди... не кладяху на своя жены златыхъ обручей... Да отсѣлъ, братіи моя возлюбленная, останемся отъ насытства своего; довольни будете уроки вашими... никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страхѣ Божіи и правовѣрїи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добръ поживемъ и тамо вѣчнѣй жизни причастицы будемъ». Священная забота — увѣковѣчить въ назданіе потомства память о благодѣянїяхъ Божїихъ, явленныхъ церкви Русской, и о доблестныхъ подвигахъ ревнителей вѣры и благочестія, не исключала другой заботы — ознакомить роды чные съ поступками худыми и небеснымъ наказаніемъ порока. — Писатель отдѣльной повѣсти «о нашестїи водномъ» признается, что «старые лѣтописцы къ нашему наказанію писаны», приводитъ слова Соломона: «се же есть мудръ, еже вѣсть древняя повѣсти» и говоритъ въ заключеніе своей статьи: «для того мы приложили во есидѣтельство страшное чудо и необычайное наводненіе, чтобъ водрузилось въ мысляхъ слышавшихъ и предносылалось частою памятью къ

погомямъ, и такъ въ родъ и родъ, по Давиду: восхвалять дѣла Божія и силу Его возвѣстятъ. Видѣвъ, братіе, божественную силу и уразумѣвъ страшное наказаніе долготерпѣливаго Владыки Христа, убоимся и вострепещемъ, вспоминая это, и позаботимся сохранивъ Его заповѣди: кто зло дѣлаетъ, пусть обратится, а кто въ добръ и правдѣ стоить, не разлѣнится». — Послѣ повѣствованія о нашествіи Едигея, есть любопытная приписка: «сія вся написанная, аще и не вѣю кому видится, иже только отъ случившихся въ нашей земли, не сладостная намъ и не улаканная изслуголавишимъ, но заушительная и къ пользѣ обрѣгающаяся, и возстающая на благая у не забытая; мы бо не досаждающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковая вчинихомъ, якоже бо обрѣгаемъ начальнаго лѣтословца Кіевскаго, иже вся времена бытства земская не обинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по ихъ образы явлени будутъ, якоже при Володизірь Мѣномахъ онато великаго Сильвестра выдобичскаго не украшая пишушаго, да аще хочещи прочти тамо прилежно, да почете пошени». Если перенесемъ и распространеніе книги, считалось въ древней Руси дѣломъ высокой важности и заслуги, то трудъ составленія лѣтописи, назначаемый съ прямою цѣлю — утвердить соотечественниковъ въ вѣрѣ и благочестіи, — являлся и къ мѣстнѣ лѣтописцевъ и въ глазахъ современниковъ, особенно богоугоднымъ и спасительнымъ подвигомъ. Это также было немалымъ побужденіемъ посвящать время и стараніе на благочестивое занятіе составленія лѣтописи. «Се азъ игумень св. Махаила Селивестръ, написахъ книги сїи лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милости прїяти... а иже чтуть книги сїи, то буди мя молитва ихъ». Движимые такими высокими побужденіями и руководимые такою святою цѣлю, лѣтописцы заботились давать религіозно-нравственный смыслъ и самымъ описываемымъ событіямъ, и въ этомъ смыслѣ налагали свои мнѣнія и сужденія о нихъ. Можно сказать, что въ лѣтописяхъ довольно полно отраженъ взглядъ ихъ составителей на прошествованіе міра. Русскіе лѣтописцы, воспитанные почти исключительно ученіемъ слова Божія и твореній св. отецъ, усвоили библейскій взглядъ на событія міра, тѣмъ болѣе на явленія въ исторіи церкви отечественной. Этотъ взглядъ болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ Русскихъ лѣтописяхъ». Вотъ тема, такъ сказать, этой статьи, содержаніе которой и составляетъ развитіе этой темы.

— По предметамъ христіанскаго ученія: *О будущемъ вѣскресеніи нашего тѣла* (Христ. чт. май); *Церковныя постановленія о священствѣ* (Правосл. соб. іюнь, іюль); *Обзоръ постановленій о бракѣ въ православной церкви* (ibid. авг.); *Ученіе о вѣскресеніи мертвыхъ, предложенное въ первомъ посланіи св. апостола Павла къ Коринѳянамъ* (гл. XV) (Дух. бес. № 17, 18); *Святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія окружное посланіе къ Александрійскому и прочимъ восточнымъ патріархамъ престоламъ, занимающимся рѣшеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ и тѣмъ, что не должно говорить: «Духъ исходитъ отъ Отца и Сына», но только: «отъ Отца»* (Дух. бес. № 19, 20); *его-же Письма* (ibid. № 22, 23, 29, 31, 34); *Посланіе бл.ж. Іоанна, папы Римскаго, къ святѣйшему Фотію, патріарху Константинопольскому, о прибавкѣ къ символу вѣры (Filioque)* (ibid. № 27); *Обзоръ сущаго богослуженія православной церкви* (ibid.); *Латинининъ. Разговоръ, составленный Маркомъ, митрополитомъ Ефесскимъ, о прибавкѣ въ символъ вѣры (Filioque) «п Сына»* (ibid. № 29); *Значеніе совѣсти для вѣры и дѣятельности христіанина* (ibid. № 30); *Богослуженіе церкви Армянской* (ibid. № 33, 34); *Изясненіе текста: Аще въ животѣ семъ тѣлою уповающе сemy во Христа, окажутсяъ ли всѣхъ челоавкъ сemy* (1 Кор. 15. 19) (Воскр. чт. № 3); *О вѣскресеніи, какъ доказательствѣ божественности Іисуса Христа* (ibid.); *Крестъ — Божія сила и премудрость* (ibid. № 17).

— Изъ назидательныхъ размысленій укажемъ на слѣдующія: *Нѣсколько словъ о невѣрїи нашихъ дней* (Христ. чт. май); *Утѣшеніе и совѣтъ изъ опыта для страждущихъ и печальныхъ* (ibid. іюнь); *Доброе сѣмя и плевелы. Евангельская притча* (Правосл. соб. іюль); *О прямотѣ и искренности характера* (ibid. № 21); *О достоинствѣ трудовъ и дѣятельной жизни* (ibid. № 25); *Назначеніе христіанскаго семейства* (ibid. № 27); *Объ индифференцизмѣ и впротерянности* (ibid. № 31 и 32); *О молитвѣ* (ibid. № 32 и 33); *О трудностяхъ служенія пастырей православной церкви* (ibid. № 32); *Мысли объ уединеніи* (ibid.); *О причинахъ неадистии міра къ истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ* (ibid. № 33); *Взглядъ христіанина на смерть* (Воскр. чт. № 3); *Разумное поклоненіе Богу* (ibid. № 14); *Христіанскіе праздники и потребность матеріальной труда* (ibid. № 18); *Какъ долженъ быть внимателенъ священникъ къ своей обязанности — напутствовать умирающихъ*

(ibid. № 20): на текстъ: *Правда возвышаетъ языкъ: умоляютъ же племена грѣси.* Притч. 14, 34 (ibid. № 7).

Сверхъ-того помѣщены слѣдующія статьи полемическаго содержания и другія: *Отвѣтъ на письма князя-писателя относительно Латинскаго ученія о папѣ; Свѣдѣніе о новомъ сочиненіи: «Отзывъ мѣрлина на книгу: Станетъ-ли Россія католическою»* (Берлинъ, 1854) (Приб. къ тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Разборъ сужденій повѣвшихъ естествоиспытателей о земномъ шарѣ сравнительно съ ученіемъ Слова Божія о видимомъ мірѣ* (Христ. чт. авг.); *Духовное званіе въ Россіи*, Григорія Грекова (Дух. бес. № 17); *Нѣсколько словъ по поводу писемъ изъ Польши* (ibid. № 18); *Мое обращеніе и мое призваніе, соч. отца Шувалова, Барнабита* (Парижъ, 1859), гр. Толстаго (ibid. № 19); *Отзывъ Англійскаго журнала о православномъ сочиненіи* (ibid. № 22); *Сужденіе протестанта о св. крещеніи по чину православному чрезъ погруженіе* (ibid. № 24); *Духовное званіе въ Россіи* (ibid. № 28); *Нѣсколько словъ по поводу газетныхъ сужденій о христіанскомъ обычаѣ украшать въ Троицкѣ дѣтъ дома и церкви зелеными древесными вѣтвями* (ibid.); *О положеніи нашихъ священниковъ въ современномъ обществѣ* (Воскр. чт. № 11); *Священноучители народа* (ibid. № 12, 13); *Незавѣдность св. вѣры и значеніе ея для человека* (ibid. № 15).

— «Священники — учителя народа». — «Между многими вопросами (такъ начинается статья эта), поднятыми въ послѣдніе годы въ Русской литературѣ, умы многихъ занималъ и занимаетъ доселѣ вопросъ о грамотности и сельскихъ народныхъ школахъ. Общественное мнѣніе признало великимъ благомъ для народа распространеніе въ немъ грамотности, и выразило желаніе, чтобы это благое дѣло, при сочувствіи къ нему народа и правительства, болѣе и болѣе подвигалось впередъ и приносило съ собою въ народную жизнь ожидаемые отъ него плоды. Въ то-же время неоднократно выражено было въ журналахъ горькое сожалѣніе о томъ, что состояніе грамотности у насъ въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, что наши сельскія школы далеко не соответствуютъ своему назначенію и не приносятъ желанныхъ плодовъ. Отыскивая причину этого, обратили вниманіе на сельскихъ учителей, ближайшихъ служителей дѣла народнаго просвѣщенія; и такъ-какъ эта обязанность у насъ возложена главнымъ образомъ на священниковъ, то сказано было много не очень лестныхъ, уко-

ривенныхъ словъ касательно педагогическихъ способностей нашихъ пастырей и ихъ образованіи вообще. Конечно, не напрасно и не безъ основанія поднялись толки о недостаткахъ учителей-священниковъ; въ нихъ несомнѣнно есть доля правды. Но намъ кажется, что въ общемъ итогѣ ихъ много скороспѣлыхъ заключеній, въ общемъ составѣ ихъ много недоразумѣній. Есть недостатокъ близкаго знакомства съ дѣломъ, отъ недодуманнаго рѣшенія важнаго вопроса, и еще болѣе отъ сословнаго предубѣжденія противъ духовенства. Мы хотимъ съ возможнымъ безпристрастіемъ присмотрѣться поближе къ ходячему вопросу о школьномъ учительствѣ священниковъ, и долю своего личнаго разумѣнія принести въ общую сумму многообразныхъ разсужденій о немъ». Статья эта раздѣлена на двѣ части: въ первой опровергается несообразность мнѣнія, что для пользы дѣла слѣдуетъ устранить священниковъ отъ обязанности учителей въ сельскихъ школахъ; а во второй доказывается, что не священники виновны тому, что обученіе въ сельскихъ школахъ идетъ малоуспѣшно. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ первой части статьи. «Священники должны быть учителями въ сельскихъ школахъ прежде всего *по своему званію* своему. Если кому, то пастырямъ церковнымъ преимущественно прилична эта должность; съ ихъ саномъ, съ ихъ обязанностями она какъ бы сама собою соединяется. Священники, по своему званію, для своихъ прихожанъ главнымъ образомъ *учители* вѣры и евангельской нравственности; ихъ преимущественное дѣло — наставлять своихъ пасомыхъ, благовременно и безвременно въ церкви и дома учить ихъ истинамъ христіанской мудрости и правиламъ христіанскаго благоповеденія. Цѣль ихъ служенія — образовать своихъ прихожанъ въ мужей совершенныхъ, развить благородныя потребности души человѣческой. Сущность и цѣль пастырскаго служенія не обязываетъ священниковъ прямо и не посредственно учить своихъ прихожанъ грамотѣ и заниматься съ дѣтьми ихъ въ школахъ. Но если личное усердіе захочетъ расширить мѣру пастырскаго долга, если священнику нужно приложить къ обязательному занятію другое, болѣе сродное, близкое его должности, болѣе полезное для его пѣли, то на первомъ планѣ является учительство въ школѣ, какъ дополненіе его главнаго гряда. Грамотность — главное средство къ духовному образованію чловѣка; въ ней лежитъ начало, на которомъ можетъ развиваться и создаваться нравственная личность наша. Она облегчаетъ

способы къ приобрѣтенію познаній, этихъ сокровищъ нашего сознанія, безъ которыхъ человѣкъ всегда бѣденъ и ничтоженъ; она помогаетъ человѣку преусиловать въ вѣрѣ, знакомиться со всеѣмъ святымъ достояніемъ церкви; чрезъ нее дѣлаются доступными для простолюдина всеѣ назидательныя сказанія о достоподражательныхъ подвигахъ святыхъ, до которыхъ онъ такой охотникъ и которыя могутъ имѣть большое нравственное вліяніе на его бытіе и его внутренній расположенія. Священнику, духовному воспитателю своихъ прихожанъ, весьма естественно вводитъ ихъ во владѣніе всеобщимъ средствомъ духовнаго образованія. Устное слово, мгновенно-являющееся и тотчасъ-же исчезающее въ воздухѣ и слышимое въ одномъ какомъ-нибудь тѣсномъ углу, нуждается въ частомъ и усилеиномъ повтореніи для того, чтобы изъ этого сѣмени, бросаемаго трудолюбивою и неутомимою рукою, возникло потомъ благоплодное древо христіанскаго знанія и христіанской жизни. Съ другой стороны, исходя изъ души, проникнутой живилью убѣжденіемъ, оно можетъ дѣйствовать на сердце слушателя сильнѣе слова книжнаго; но, лежащее на воспріимлющемъ сознаніи не со всею членораздѣльною ясностію слова письменнаго, а общностію заключенной въ немъ мысли или возбуждаемаго чувства, оно даетъ просторъ всеѣмъ смутнымъ и неопредѣленнымъ представленіямъ, ничѣмъ не защищаетъ своего содержанія отъ произвольныхъ толкованій и превратныхъ искаженій. Еслибы простолюдинъ владѣлъ грамотою, еслибы книга была доступна ему, то онъ самъ могъ-бы продолжать свое религіозное образованіе; священнику оставалось-бы указывать ему назидательныя писанія и быть его руководителемъ при толкованіи ихъ. Его слово тогда было-бы разумнѣе и съ меньшимъ усиленіемъ достигало-бы большаго слѣдствія. Темныя толки, распространяющіеся отъ нетвердаго слова, разогнали-бы ясный свѣтъ для всеѣхъ раздѣльной и одинаково-видимой буквы. Священникъ послѣ сего долженъ быть первымъ ревнителемъ распространенія грамотности въ своемъ приходѣ, и онъ, въ своихъ чисто-духовныхъ пастырскихъ видахъ, можетъ и долженъ стараться обучать своихъ пасомыхъ этому средству духовнаго образованія. Но школы, какъ-бы ни были ограничены по своему устройству, не могутъ ограничиваться однимъ механическимъ обученіемъ; въ нихъ образуется и воспитывается молодая, еще не установившаяся и не опредѣлившаяся душа. Въ нихъ посвѣщаются сѣмена или духовныя начала нашей

послѣдующей нравственности: изъ нихъ выносятся челоѣкъ на поприще жизни зародыши тѣхъ убѣжденій и расположеній, изъ которыхъ впоследствии составляется личный взглядъ и личный характеръ. Направленіе всей жизни и всей духовной жизнедѣятельности можетъ начинаться и дѣйствительно начинается въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ проведена первая молодость. Какъ-бы ни былъ слабъ учитель въ сельской школѣ, онъ не можетъ быть простымъ механическимъ орудіемъ, чрезъ которое школьники узнаютъ грамоту и знакомятся съ азбукой: онъ хотя что-нибудь да скажетъ, передастъ хотя одно правило жизни, дознанное опытомъ или гдѣ-нибудь слышанное; его чувства и убѣжденія болѣе или менѣе непременно отразятся на мисскихъ сердцахъ тѣхъ неразвитыхъ натуръ, которыя безотвѣтно подчинены его образующему вліянію и постоянно окружаютъ его, смотря на него, какъ на представителя людей высшаго разряда, какъ на великаго знатока всѣхъ вещей, далекаго отъ всѣхъ заблужденій. Священнику, своимъ званіемъ обязанному трудиться надъ нравственнымъ развитіемъ своихъ прихожанъ и устроить ихъ жизнь по закону евангельскому, нужно заботиться о томъ, чтобы въ самомъ первомъ возрастѣ не было внушаемо юнымъ душамъ какихъ-нибудь началъ и правилъ, не совсѣмъ согласныхъ съ тѣмъ христіанскимъ ученіемъ, которое онъ проповѣдуетъ всѣмъ въ церкви. Иначе возрастуть на доброй почвѣ посяивыя плевелы, и когда будетъ сѣяться слово Божіе, оно можетъ остаться безплоднымъ: потому-что ему не дастъ взойти прежде посявное терніе; оно подавитъ и заглушитъ ростокъ, хотя-бы даже дуполеніе благодати и вѣяло еще по-временамъ. Если и не будетъ такого сильнаго дѣйствія со-стороны не церковнаго начала, могущаго возникнуть въ школѣ, во всякомъ случаѣ оно можетъ положить препятствіе къ христіанскому развитію челоѣка и затруднить священника въ его служеніи: онъ долженъ будетъ напрасно тратить время и силы на борьбу съ такимъ вліяніемъ, котораго вовсе могло-бы не быть, и которое извиѣ чрезъ школу навѣяно на окружающее его общество. Кому-же посвѣвать первыя начала воспитанія въ общественной школѣ, если это воспитаніе не должно быть въ разладѣ съ воспитаніемъ церковнымъ, если жизнь, здѣсь начинающаяся, должна стройно развиваться подъ вліяніемъ церкви? Кому, если не священнику? И гдѣ, съ другой стороны, пастырь церкви найдетъ болѣе удобное мѣсто

для успѣшнаго дѣйствія на свою паству, какъ не въ школѣ, гдѣ начинается первоначальная жизнь человѣка, откуда получается направленіе для жизни, и пробуждаются зародыши нашихъ склонностей и силъ? Здѣсь онъ можетъ положить краеугольный камень для зданія живой церкви Богу; здѣсь онъ можетъ создать людей обновленія, по духу святыхъ Господней. Пропустить онъ удобное мѣсто и время, — начальный камень будущей жизни его юной паствы положится кѣмъ-нибудь другимъ, и, можетъ быть, тогда этотъ начальный камень будетъ вовсе не такой, какой долженъ лежать въ основѣ нашей духовной жизни. Въ этомъ случаѣ не одному священнику придется пожалѣть о допущенномъ промахѣ, но будетъ поздно. Важное значеніе школы для нравственнаго воспитанія общества въ нашемъ отечествѣ чувствовали и понимали издавна: это былъ тотъ-же храмъ, въ которомъ назидается человѣкъ въ жизнь вѣчную, только храмъ приготовительный. Потому школы всегда являлись у насъ при церквахъ и монастыряхъ. И нынѣ школа достигаетъ своего значенія только тогда, когда въ ней вѣетъ духъ церкви, и когда она существуетъ подъ ея кровомъ. Учителей-священниковъ въ сельскихъ школахъ требуетъ самое свойство образованія, какого желаетъ и въ какомъ нуждается нашъ простой народъ. Это образованіе религіозно-нравственное. Народъ нашъ въ вѣрѣ и религіи полагаетъ свѣтъ истиннаго, полнаго и нужнаго ему знанія; и чувство сердца и соображенія разсудка говорятъ ему, что онъ тогда будетъ надлежащимъ образомъ просвѣщенъ наукою, когда будетъ знать, что открылъ Богъ о своемъ существѣ и судьбѣ міра, что заповѣдаетъ намъ дѣлать для нашего спасенія, и что ожидаетъ насъ въ будущемъ за предѣлами гроба. Потому онъ цѣнитъ выше всего образованіе и знаніе религіозное, которое удовлетворяетъ религіозной потребности его духа и имѣетъ нравственное вліяніе на его сердце и дѣятельность; считая прочее заморскою, мало-интересною для него, хитростію. И въ самомъ-дѣлѣ, религіозное просвѣщеніе можетъ обнимать собою полноту необходимаго для крестьянина образованія. Оно даетъ простые, ясные, но многосодержательные отвѣты на всѣ существенные вопросы нашего духа; оно способствуетъ нравственному развитію человѣка, возбуждая въ его душѣ любовь и уваженіе къ добродѣтели, укрѣпляя его въ борьбѣ съ искушеніями; оно вводитъ въ жизнь простолюдина истинный, вѣчный, неизменнаго вышшаго утѣшенія и сладиваетъ небесною надеждою

вѣ тернія, какими усѣнить путь труда, подлежащій бѣдному крестьянину. Специалистомъ въ какой-нибудь отрасли знанія сельская школа не въ-состояніи сдѣлать крестьянина; да это совершенно и ненужно для него. Если полезны для крестьянина нѣкоторыя знанія изъ исторіи отечественной, географіи, ариметики, входящія въ кругъ общаго, самаго непрехотливаго воспитанія, то эти предметы знанія не опредѣляютъ собою отдѣльнаго характера въ преподаваемомъ сельскими школами воспитанія, отлично отъ общаго религіозно-нравственнаго его направленія. Кому-же быть религіозно-нравственнымъ воспитателемъ народа, какъ не священнику? И кто можетъ лучше удовлетворить и желанію народа и нуждѣ общества, при потребности нравственнаго образованія поселянъ, если не священникъ, ихъ духовный пастырь, самымъ своимъ своимъ обязанный просвѣщать ихъ вѣрою и руководить на пути добродѣтели? Самое чувство народа въ этомъ случаѣ смѣло рѣшаетъ вопросъ и въ одномъ священникѣ желаетъ видѣть то лицо, которое можетъ доставить воспитаніе его дѣтямъ. Еслибы они могли выражать свои желанія и ими опредѣлять обстоятельства, его окружающія, то они скорѣе всего обратятся-бы въ этомъ случаѣ къ духовному наставнику и руководителю своему». За сими весьма-много справедливыми высказано касательно предубѣжденія Русскаго простолюдина къ людямъ въ свѣтской одеждѣ, вслѣдствіе чего мало общается успѣха замѣна священниковъ въ сельскихъ школахъ учителями свѣтскими; кромѣ первой, нравственной причины, эта замѣна также затруднительна по причинѣ матеріальной, денежной. «Для священника, получающаго содержаніе отъ главной своей должности, не требуется за учительство, — эту, такъ сказать, второстепенную для него должность, такого жалованья, какое нужно для обезпеченія парочкаго учителя. Получая доходъ за священство, за учительскую обязанность, онъ будетъ доволенъ и умѣреннымъ прибавленіемъ къ главному своему содержанію. Мы можемъ сказать еще, что въ этомъ случаѣ притязанія священниковъ на вознагражденіе за трудъ всегда меньше, чѣмъ притязанія людей, вышедшихъ изъ городовъ и воспитанныхъ въ такихъ школахъ, гдѣ много блеска и роскоши и гдѣ привыкли слишкомъ высоко цѣнить вѣвкую долю труда. Предоставьте мѣста учителей въ сельскихъ школахъ свѣтскимъ людямъ и общайте имъ такое вознагражденіе, какимъ довольствуются священники, вы увидите здѣсь такое отрѣзіе, какому не куда уже дѣваться, и которое

не надѣется найти порядочной службы въ городѣ. Отъ подобныхъ учителей не ожидайте ни усердія къ своему дѣлу, ни усиленнаго выполненія своихъ обязанностей. Равнымъ образомъ во второй части статьи очень-много высказано справедливаго при разсмотрѣніи вопроса о томъ, что виною у насъ медленнаго движенія народной грамотности и народнаго образованія и отчего сельскія школы не приносятъ желанныхъ плодовъ.

III. Философія.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Сознаніе католическихъ мыслителей нашего времени: Ботска, Зеллера, Штекля* (От. зап. № 5); *Практическая философія Гегеля*, П. А. Лаврова (Биб. для чт № 5); *Рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ*, Н. Г-ва (Русск. бес. № 3); *Философъ Шеллингъ* (Русск. жив. биб. № 14).

— «Рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ». — Эта статья составляетъ замѣчательное явленіе въ области философіи; она сдѣлала-бы честь любому Германскому мыслителю, если-бы была написана на Нѣмецкомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, предѣлы нашего обзрѣнія не позволяютъ намъ сообщить содержаніе ея въ подробности. Вотъ какъ разумѣетъ авторъ рационализмъ философіи. «Сознаніе различаетъ міръ внутренній и внѣшній. Оно различаетъ также двойное ихъ взаимодействіе: духовное — сферу знанія и желанія, химико-физическое — сферу такъ-называемой животной жизни. Задача высшей мысли объяснить это явленіе и выразумѣть связь двухъ міровъ, или — что то-же — отыскать ихъ общее начало. Само въ себѣ, сознаніе довольствуется тѣмъ, что признаетъ это начало. Это признаніе дано ему вмѣстѣ съ нимъ самимъ, является присущимъ въ самый первый мигъ различенія себя или своего внутренняго міра отъ внѣшняго, словомъ въ самый мигъ возникновенія сознанія; или, точнѣе сказать, это признаніе и составляетъ сознаніе. Сознаніе, именно, и есть не что иное, какъ постоянно-свѣтящаяся вопросъ: что? присущій духу, при каждомъ его актѣ — при каждой мысли, при каждомъ изволеніи. Каждый актъ мысли и воли полагаетъ что-нибудь; сознаніе заявляетъ вопросъ о каждомъ что? И этимъ самымъ составляетъ духовность дѣйствія. Мысль и изволеніе становится чрезъ это предъ сознаніемъ какими, и положеніе въ нихъ этого качества и есть сознаніе. Словомъ,

мысль и изволеніе сами суть въ силу того, что суть что-нибудь. Различеніе этого *суть* отъ него и есть сознание. Въ общемъ своемъ видѣ, оно есть простая увѣренность въ существованіи этого *что*, необходимое его требованіе и предположеніе при всемъ мысленномъ и дѣйствующемъ, и при всякомъ мышленіи и дѣйствіи въ сферѣ знанія, оно специализируется какъ требованіе истины, въ сферѣ дѣйствія—какъ требованіе природы. И такъ сознание само въ себѣ, какъ мы сказали, довольствуется тѣмъ, что признаетъ различаемымъ собою явленіямъ общее начало, заявляя свое признаніе несостояннымъ требованіемъ субстрата, неизмѣнно одного и неизмѣнно внутренняго, къ чему-бы ни относилась всякая множественность и виѣнность. Но мысль ищетъ не только призвать, но и знать это, глухо, только по своему бытію заявленное въ сознаніи начало. Она хочетъ знать, чѣмъ оно есть само въ себѣ и какъ изъ него выходитъ все разнообразіе и къ нему относится. Если къ неотразимымъ стремленіямъ духа принадлежитъ потребность при всемъ предположить *что*, то столь-же въ немъ неотразима потребность положить и каково что. Это—сфера разума, сфера логическихъ опредѣленій, различительныхъ категорій,—множественности и частности, наVERTываемымъ на основу, неизмѣнно требуемую сознаніемъ. Рѣшая этотъ вопросъ о началѣ всѣхъ явленій въ своей сферѣ, разумъ дѣйствуетъ только отрицательно и, по существу своему, не можетъ дѣйствовать иначе. Онъ не зрѣтъ непосредственно вещей. Такое зрѣніе принадлежитъ чувствамъ и изъ ихъ цѣльныхъ представленій снимаетъ онъ порознь отвлеченныя качества, которыя и складываетъ потомъ различнымъ образомъ. А высшаго всеначала не зрѣтъ виѣнныя чувства; о немъ только глухое сознаніе. И такъ изъ этихъ двухъ матеріаловъ разумъ долженъ соиздать свой отвѣтъ на вопросъ о разъясненіи всего начала и естественно можетъ дать отвѣтъ только отрицательный. Онъ можетъ сказать только то, что оно не есть, а не то, что есть. Всѣ пути къ нахожденію предметовъ для начала всѣхъ вещей, столь подробно обозначенные, бывало, въ схоластическихъ системахъ, въ сущности сводятся къ этому одному,—къ пути *per negationem*. Однимъ словомъ, все разъясненіе всеначала ограничивается простымъ перенесеніемъ факта, утверждешаго сознаніемъ, въ сферу разума—превращеніемъ его изъ непосредственной внутренней увѣренности въ объектъ для мысли. Ничего положительнаго тутъ собственно не прибудеть; останется то-же знаніе,

какое дано первоначальнымъ свидѣтельствомъ сознанія, только съ постановкою предъ нимъ того, что искомое начало не есть ни міръ ви́шній, ни міръ внутренній. И какъ мы сказали уже, логической способности разума ничего не остается болѣе дѣлать. Заключение одно: или искомое знаніе для насъ вовсе недоступно, или — доступно, но можетъ быть достигнуто только совсемъ инымъ путемъ, путемъ непосредственнаго реального соотношенія съ предметомъ знанія. Не всегда однако, при рѣшеніи сказанной задачи, мысль охотно приходитъ къ такому заключенію. Гораздо чаще являлась мечта положительно объять искомое начало однимъ ви́шнимъ знаніемъ, то есть тѣмъ, которое собирается отъ непосредственнаго наблюденія надъ явленіями опыта въ томъ и другомъ мірѣ, духовномъ и вещественномъ. А при этомъ естественно должны отвергнуться, вопреки сознанію, какъ неутралиность искомага начала, такъ и противоположность двухъ подчашенныхъ міровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ допустить ихъ отождествленіе или — что то-же — скрытное или явное отрицаніе одного изъ нихъ. Иначе, начало не могло явиться знанію единымъ и внутреннимъ, что составляетъ однако неотразимо-неизбѣжное, прежде всѣхъ, данное требованіе сознанія. Такимъ образомъ, являясь болѣе или менѣе обширный антропоморфизмъ или перенесеніе явленій нашего духовнаго міра на міръ природы и объясненіе послѣдняго тѣмъ-же самыми дѣятелями, какіе подмѣчаемъ въ нашей душѣ. Вся природа такому созерцанію представляется одухотворенною; въ каждой стихіи, въ каждой отдѣльной вещи живетъ совершенно такое-же существо, какъ и мы; вмѣстѣ съ тѣмъ и верховному началу вполне усвоилось все человѣческое. Такимъ-же образомъ явился болѣе или менѣе проведенный механико-материализмъ, или перенесеніе, наоборотъ, явленій природы на міръ духовный, и затѣмъ — на высшее начало. Въ томъ и другомъ возрѣніи, перенесеніе явленій съ одного міра на другой, очевидно, равносильно было отрицанію того изъ нихъ, который объявляется предметами противоположнаго. Приписывая чему-нибудь то, чѣмъ оно ни есть, какъ то, что оно есть, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ бытіе его, какъ его. И это есть именно отрицаніе, а не простое незнаніе: ибо въ сознаніи постоянно неотразимо заявляется различіе отождествляемыхъ міровъ. Незнаніе есть совершенное отсутствіе вещи въ сознаніи; а отрицаніе есть именно противопоставленіе тому, что есть въ сознаніи, его противоположности. Такой-же точно характеръ имѣеть

и рационализмъ, — третье воззрѣніе, истекшее изъ того-же предположенія возможности положительно обнять вѣдѣніе всевѣдѣніе вѣдѣніемъ. Здѣсь является то-же перенесеніе, но уже не внутренняго міра на вѣдѣніе и наоборотъ, а перенесеніе на тотъ и другой самага взаимодѣйствія между ними, и именно — въ сферѣ знанія. Словомъ, рационализмъ есть признаніе безграничныхъ правъ логическаго разума, и отождествленіе его со вѣдѣніемъ, внутреннимъ и вѣдѣніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и скрытое отрицаніе того и другаго, а съ ними и самага ихъ общаго начала. Какъ антропоморфизмъ, вопреки сознанію, жертвуетъ вѣдѣніемъ для представленія человѣческой личности; какъ механико-матеріализмъ хочетъ вездѣ видѣть то, что, по свидѣтельству сознанія, свойственно только неодушевленной природѣ; такъ точно рационализмъ, вопреки неотразимо-ясному внутреннему свидѣтельству, игнорируетъ все ради самага знанія. Рационализмъ возникъ изъ положеннаго Декартомъ въ новую философію начала сомнѣнія. «Начало знанія есть сомнѣніе»: коль-скоро высшее мышленіе начинаетъ этнать свою работу; коль-скоро, съ перваго раза, оно раздѣляетъ такимъ образомъ нераздѣльную, вѣчно-присущую увѣренность сознанія, то, естественно, въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ, оно должно прійти къ отрицанію всего кромѣ себя самага. При такомъ началѣ, для него и пужно постороннее увѣреніе въ истинѣ сознанія; а сознаніе неспособно ни къ какой аргументаціи; оно нераздѣльно, и эта та нераздѣльность собственно и составляетъ его силу. Если мы отдѣлимъ мысленно самое сознаніе отъ сознаваемаго, и станемъ спрашивать о его истинѣ, то мы должны за отвѣтомъ обратиться опять къ тому-же сознанію и къ его нераздѣльности нескать себѣ успокоенія. Словомъ, мы не имѣемъ, ни для чего, въ себѣ другаго свидѣтельства, кромѣ сознанія, или если разъ отложимъ то, что оно свидѣтельствуешь, то намъ уже не къ чему будетъ обратиться, что-бы могло свидѣтельствовать о необходимости снова положить отложенное. Въ насъ существуютъ различныя созерцанія, представленія, понятія, — словомъ, въ насъ существуетъ сознаніе, это несомнѣнно. Но соответствуетъ-ли всему этому что-нибудь и въ самой дѣйствительности, и если соответствуетъ, то въ какой именно мѣрѣ? — Естественно, что при началѣ философіи, которое положено Декартомъ, и которое хорошо пришлось къ требованіямъ мысли, приготовленнымъ Европейскою жизнію, — этотъ вопросъ долженъ быть стать, отсель, главнымъ вопросомъ выс-

наго мышленія, и вмѣ должно было, отселѣ, опредѣляться все содержаніе философій». Авторъ не упоминаетъ здѣсь ни о методологій Бэкона, ни о мистическомъ идеализмѣ Мальбранша, ни о механическомъ идеализмѣ Лейбница, ни о попыткѣ демонстративно-философскаго метода въ идеалистическомъ пантеизмѣ Спинозы. Къ тому окончательному развитію, въ какомъ явился рационализмъ въ послѣднія времена, все это имѣетъ слишкомъ отдаленное отношеніе. Самый главный толчокъ, по мнѣнію автора, сообщившій наиболѣе сильное движеніе рационализму, данъ былъ рѣшеніемъ, какое предложено было на сказанный вопросъ Локкомъ и Юмомъ. Затѣмъ онъ излагаетъ ученіе сихъ двухъ мыслителей и переходитъ къ системамъ Германскихъ мыслителей: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

II. ПЕДАГОГИКА.

Къ области педагогикѣ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Мысли о воспитаніи въ горномъ кадетскомъ корпусѣ*, 1815—1822. А. Иванова (Совр. № 8); *Письма къ читателю о народномъ образованіи. Необходимъ-ли подготовительный курсъ въ университетѣ?* Н. Я. Бунге (От. зап. № 5); *Вопросъ о преподаваніи Латинскаго языка* (ibid. № 7); *Нѣсколько словъ о духовныхъ училищахъ* (ibid. № 8); *Преподаваніе географіи и ея недостатки* (ibid.); *Педагогическія замѣтки изъ Веймара*, В. А...ой (Библ. для чт. № 5); *Нужны-ли у насъ училища для крестьянскихъ дѣтцъ*, Б. (Русск. вѣстн. № 15); *Чему мы, женщины, учились*, Надежды Д... (Русск. бес. № 3); *Нѣсколько словъ по вопросу: должно-ли окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ подвергать испытанію въ университетѣ?* (ibid. № 5); *Нужны-ли особые переводные экзамены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?* А. Воронова (ibid. № 175); *Замѣтка о семинаріяхъ* (Сѣв. пч. № 174); *Объ устройствѣ учебныхъ заведеній*, П. Крапивина (Русск. дневн. № 90); *Праздникъ студентовъ въ Самарѣ* (ibid. № 94); *Нѣсколько словъ о положеніи приходскихъ учителей*, Приходскаго учителя (Моск. вѣд. № 116); *Педагогическія письма I. N* (№ 121); *Воспитаніе въ одномъ уездномъ городѣ*, П. П. (Моск. вѣд. № 126); *О духовныхъ уездныхъ училищахъ*, А. Весскаго (ibid. № 170); *Открытое испытаніе воспитанниковъ В...ской семинаріи*, К. П.—а (ibid. . I. 186); *По поводу нашего воспитанія*, В. Чабисова (Одесск. вѣстн. № 79); *Замѣтка на предъидущую статью*, Н. Перетца (ibid.

№ 82), Голубовой (ibid. № 85); *Кълевское реальное училище въ Одессѣ*, П. Иванова (ibid. № 94); *Актъ Кіевской духовной академіи* (Кіев. телегр. № 3); *О воспитаніи въ деревнѣ* (ibid. № 7); *Еще объ образованіи Кавказскихъ горцевъ* (Кавк. № 39); *О публичномъ воспитаніи въ Англіи* (Сынъ от. № 27 и 28); *Иезуитскія училища въ Австріи* (ibid. № 32).

—«О публичномъ воспитаніи въ Англіи». — «Если внимательно рассмотреть то вліяніе, которое имѣютъ высшіе классы общества въ Англіи на судьбы этой страны, и если поискать причинъ этого явленія, единственнаго среди новѣйшихъ Европейскихъ обществъ, — то окажется, что эти причины преимущественно заключаются въ существующей тамъ системѣ воспитанія. Эта система, свободная и совершенно-независимая отъ правительственныхъ дѣйствій, — относится не только къ привилегированнымъ сословіямъ государства, но присуща цѣлой націи. На твердой землѣ, болѣею частью, подъ названіемъ «высшихъ классовъ Англійскаго общества» подразумеваютъ наследственную аристократію, не замѣчая того, что она составляетъ только одну часть верхняго общества. Правда, что наследственное дворянство, будучи, такъ-сказать, составною частью конституціонной монархіи, представляетъ въ ней довольно-значительную власть, не только черезъ посредство своихъ членовъ въ палатѣ лордовъ, но еще и по тому вліянію, какое они имѣютъ на выборахъ, какъ владѣтели огромныхъ, неотъемлемыхъ отъ нихъ, владѣній. Между-тѣмъ, если обратить вниманіе на то, что обыкновенно только старшій сынъ въ семействѣ имѣетъ право засѣдать въ этомъ аристократическомъ собраніи, и что другіе сыновья пера должны слиться, безъ титула и почти безъ состоянія, съ тоною народа, то легко понять, что палата лордовъ, одна, не олицетворяетъ еще собою высшихъ классовъ Англійскаго общества. Два другіе элемента, болѣе могущественные, превѣшиваютъ политическую силу наследственнаго дворянства; это, во-первыхъ, народные выборы въ палатѣ общинъ, и, во-вторыхъ, право, предоставленное коронѣ, возводитъ происходящія изъ народа фамиліи въ наследственное достоинство перовъ. Изъ этого краткаго объясненія можно видѣть, что высшіе классы общества, въ Англіи, не ограничиваются однимъ только титулованнымъ дворянствомъ, какъ было это во Франціи, Германіи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи до 1789 г. Всякій членъ народа можетъ, съ своей стороны, добиваться участія въ дѣлѣ управленія страной, если оны имѣетъ

способы, посредствомъ своего образованія и способностей, понасть въ этотъ классъ людей, на долю которыхъ вышла управленіе политическими дѣлами націи. Этотъ фактъ, имѣющій свою основу въ либеральныхъ учрежденіяхъ Англіи, необходимо долженъ былъ озабочивать тѣхъ, которые, въ предшествовавшія столѣтія, прилагали особенныя старанія къ основанію учрежденій для воспитанія, подвергавшихся довольно-частымъ преобразованіямъ, сообразно требованіямъ времени, но никогда не измѣнявшихся въ самыхъ существенныхъ своихъ началахъ. Четыре или пять обширныхъ учрежденій принимаютъ, каждый годъ, дѣтей почти безъ исключенія всѣхъ достаточныхъ фамилій страны, прелоставляя имъ образованіе одинаково, какъ нравственное, такъ и физическое, подъ руководствомъ нѣсколькихъ избранныхъ членовъ Англійскаго духовенства. Школы въ Винчестерѣ, Итонѣ, Харроуѣ и Ругби—главнѣйшія. Остальныя, какъ учрежденія довольно уже древнія, лишились нынче своего первоначальнаго значенія. Изъ этихъ школъ или училищъ, Англійское юношество переходитъ, для окончательнаго образованія, въ университеты Оксфордскій или Кембриджскій или въ подобныя имъ, болѣе новѣйшія учрежденія въ Лондонѣ, Шотландіи и Ирландіи. Въ 1441 году, при послѣднихъ лучахъ того свѣта, который на минуту разсѣялъ мракъ среднихъ вѣковъ, въ царствованіе Генриха IV, основаны были школы — въ Итонѣ и королевская въ Кембриджѣ. Еще ранѣе ихъ, въ концѣ 1387 года, Вильгельмъ Уикгэмъ (Wickham), епископъ Винчестерскій, основалъ въ епархіальномъ городѣ Винчестерѣ училище въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ тѣ двѣ, воспитанники которыхъ должны были получать окончательное воспитаніе въ новой коллегіи въ Оксфордѣ. Это училище или школа, открытая 28 мая 1393 г., состояла изъ одного warden'a — директора, 10 fellows — подканониковъ, 3 капеляновъ, одного учителя, одного помощника учителя, 70 учениковъ и 16 пѣвчихъ, всего 105 лицъ, составлявшихъ такъ-называемое основаніе (foundation) школы. Пылъ, кромѣ этого числа особъ, болѣе ея дѣтей живутъ и воспитываются въ ней за довольно-умѣренную плату. Каждый годъ warden — директоръ школы, съ своимъ помощникомъ sous-warden, начальникомъ и двумя подканониками—fellows Оксфордской коллегіи, дѣлаютъ выборъ учениковъ, изъ т.-н. *основанія* школы, для замѣщенія на слѣдующій годъ вакантныхъ мѣстъ въ коллегіи. Учениками основными именуются тѣ, которые проходятъ въ прямой или побѣч-

ной линіи отъ тамплин основателя, или находясь внѣ родства, заслугами своихъ отцовъ приобрѣли право на занятіе мѣста въ *основаніи*. Статуты этихъ двухъ учреждений, т. е. школы Винчестерской и Оксфордской коллегіи, послужили основой для школы въ Итонѣ и королевской Кембриджской коллегіи, основанныхъ Генрихомъ IV. Итонъ (Eton) находится на лѣвомъ берегу р. Темзы, у подножія тѣхъ ирривыхъ холмовъ, надъ которыми возвышается величественный Виндзорскій замокъ, резиденція королей Англіи. Его великолѣпная часовня и зданіе, въ которомъ помѣщаются учителя и ученики, считаются, по-справедливости, самыми превосходными памятниками Англійской архитектуры XV столѣтія. Безконечныя аллеи изъ столѣтнихъ тополей, обширныя луга, ограниченные берегами Темзы, и близкое сосѣдство деревни, — немало благоприятствуютъ развитію нравственныхъ и физическихъ способностей свободныхъ дѣтей великой націи. Удобства, которыя представляетъ помѣщеніе въ деревнѣ главныхъ учреждений для воспитанія, такъ очевидны, что нѣтъ никакой необходимости оспаривать ихъ. Тамъ только Англійское юношество, совершенно свободное и предоставленное самому себѣ, безъ надзирателей расходится по обширнымъ полямъ, такъ сказать, приучая себя къ началамъ этого self-government, которое, къ великому удивленію чужестранцевъ, управляетъ судьбами своей страны. Когда благодѣтельная сѣмена этой системы, ограниченной только правилами благочинія, но свободной въ самой сущности, — западаютъ въ великіе умы, они, естественно, производятъ поколѣніе людей, которые, будучи назначены судьбою управлять свѣтомъ, соединяютъ съ превосходнѣйшимъ образованіемъ огромный навыкъ къ дѣламъ. Все, что мы сказали объ этомъ, относится въ равной степени къ школамъ въ Харровѣ и Ругби. Первая изъ нихъ основана въ 1598 году Жаномъ Лювъ (Luow) съ цѣлью воспитанія маленькихъ мальчиковъ Арровскаго прихода; но такъ-же, какъ и всѣ учрежденія подобнаго рода, оно расширило свою дѣятельность. Вторая школа основаніемъ своимъ обязана королеви Елисаветѣ. Харровская школа (Harrow), славная извѣстностью которой началась уже давно, покрылась въ нашъ вѣкъ новымъ блескомъ, давъ Англіи Байрона и Роберта Шилля. Расположенная на вершинѣ одного изъ живописныхъ кособоровъ графства Мидльсекскаго, она владѣетъ богатою деревнею и огромными лугами, на которыхъ ученики предаются играмъ, берущимъ свое начало изъ преданій Ста-

рой-Англии. Школа въ Ругби (Rugbi), знаменитая въ наше время докторомъ Томасомъ Арнольдомъ, ея начальникомъ, представляетъ, въ меньшихъ размѣрахъ, тѣ-же удобства, о которыхъ мы упоминали при обзорѣ другихъ школъ. Итонская и Винчестерская школы — учрежденія временъ католицизма; двѣ другія, не смотря на то, что основаны послѣ реформациі, кажутся, въ общихъ чертахъ, какъ-бы моделями первыхъ. Статуты, привила для пріема, дисциплина почти монастырская, метода обученія, въ которой преобладаетъ классическій элементъ, — съ малыми различіями одни и тѣ-же — такъ-что, прослѣдивъ систему одной школы, можно составить себѣ по ней довольно-вѣрное понятіе объ остальныхъ. Намъ достаточно будетъ рельефнѣе показать основаніе этой методы воспитанія, которую, не взирая на множество объ ней разсужденій иностранцевъ, очень мало кто знаетъ во всѣхъ ея подробностяхъ. Древнія постановленія этихъ школъ составляютъ, такъ-сказать, святилище, къ которому никто не смѣетъ прикоснуться. Юношество, воспитывающееся въ этихъ стѣнахъ, никогда не подумаетъ тщеславиться своимъ высокимъ происхожденіемъ въ присутствіи славныхъ преданій, составляющихъ наслѣдіе этихъ великолѣпныхъ зданій. Такъ-же, какъ всякій человѣкъ гордится своимъ происхожденіемъ изъ какой-нибудь знаменитой фамиліи, такъ-точно и всякій членъ древняго и знаменитаго учрежденія для воспитанія гордится тѣмъ, что принадлежитъ ему съ самой юности и провелъ первые годы своей жизни въ этихъ мѣстахъ, вызывающихъ отовсюду славныя воспоминанія. Молодой человѣкъ понимаетъ такимъ-образомъ ту часть ответственности, которая падаетъ на него. Честь, слава этого священнаго мѣста дѣлаются священнымъ для него наслѣдіемъ, которое онъ обязанъ хранить и, если возможно, увеличить въ свою очередь. Изъ уваженія къ столь чтимому мѣсту естественно рождается уваженіе и къ тѣмъ постановленіямъ, которыя служили ему началомъ, и къ той системѣ воспитанія, которая начертана была основателями его. Для учителя вопросъ не состоитъ въ томъ, чтобы знать, существуетъ-ли болѣе лучшая система воспитанія, но въ томъ, чтобы извлекать полезнѣйшую, по-возможности, часть изъ существующей и, преобразовывая ее сообразно требованіямъ времени, никогда не измѣнять цѣлаго въ сущности. Система можетъ быть измѣнена въ своихъ второстепенныхъ частяхъ; но общія начала должны оставаться нетронутыми. Такимъ-образомъ необходимость примѣнять ко всякому различному случаю общій законъ

встрѣчается гораздо-чаще въ этихъ школахъ, нежели въ гимназіяхъ континентальныхъ. Отношенія учителей къ ученикамъ становятся поэтому совершенно-одинаковыми и въ другихъ отношеніяхъ общественной жизни, т.-е. свободными и полными уступокъ: ибо они основываются на уваженіи личности каждаго ученика, отдѣльно взятаго. Изъ тройственнаго соединенія отношеній симпатическихъ между учителемъ и ученикомъ, свободы дѣйствій умственныхъ и физическихъ, любви, благоговѣнно сохраняемой къ преданіямъ школы—рождается это чувство собственнаго достоинства и благородной гордости, которое бываетъ очень часто источникомъ великихъ дѣлъ. Это чувство еще болѣе усиливается публичнымъ мнѣніемъ о школахъ,— мнѣніемъ, которое, будучи создано подъ вліяніемъ невинныхъ внушеній молодого еще поколѣнія, не причиняетъ заблужденій, которыя такъ легко принимаются обществомъ, менѣе благовоспитаннымъ. Внимательный наблюдатель можетъ видѣть, какъ мужество, великодушіе и всѣ вообще добрыя качества поощряются тамъ, и какъ низость, ложь и лицемеріе, хотя и являющіяся довольно-рѣдко, преслѣдуются и презираются. Законъ чести, никѣмъ не писанный, но съ которымъ безмолвно соглашается всякій, служитъ путеводителемъ одинаково и для сына патриція, и для сына богатаго банкира. Чувство общаго равенства и справедливости, готовое всегда наказывать глупцовъ, безъ затрудненія освобождаетъ ихъ отъ сословныхъ предразсудковъ и дѣлаетъ ихъ мужественными и благоразумными,— однимъ словомъ тѣмъ, что именуютъ Англичане словомъ Gentleman. Когда подобныя начала руководятъ молодое поколѣніе великой страны, то легко понять, что никогда не можетъ быть недостатка въ людяхъ съ возвышенными чувствами, и что Вашингтонъ, доживъ до славной старости, посѣщая Итонъ, имѣлъ право сказать: «Именно здѣсь-то и была выиграна битва при Ватерлоо». Англійскія школы имѣютъ одну и ту-же систему основанія, тотъ-же порядокъ устройства и ту-же методу воспитанія. Въ нѣкоторыхъ школахъ можно отличить нѣсколько особенныхъ различій отъ остальныхъ, но основаніе учреждений и главныя начала направленія воспитанія вездѣ одни и тѣ-же. Главное, основное начало, направляющее воспитаніе къ предназначенной ему цѣли, есть евангелическая религія. Идея христіанской школы есть, такъ сказать, результатъ той идеи, которая вызвала основаніе самой школы. Образованіе умственное, конечно, не пренебрежено. механизмъ

школы свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — но все это подчинено великой религіозной идеѣ, которая служитъ правиломъ и цѣлью, положенными въ основаніе національнаго воспитанія и образованія. Дѣтя, безъ всякаго сомнѣнія, считаются только учениками, но такими, изъ которыхъ прежде всего должны сдѣлаться люди-христіане. Однимъ словомъ, эта система воспитанія не пѣлетъ въ своемъ основаніи исключительно одну религію, но она сама по себѣ *религіозна*, — такимъ образомъ, что, среди безконечнаго разнообразія въ средствахъ и занятіяхъ, всегда существуетъ удивительное единство, подтверждающее самую систему въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно требованіямъ времени, приходится вводить въ ней необходимыя измѣненія. Не трудно понять, сколько надо успій, чтобы поддерживать это единство и, смотря по необходимости, отдѣлять части одну отъ другой, безъ нарушенія гармоніи въ цѣломъ. Благодѣтельные послѣдствія подобнаго устройства такъ очевидны, что часто ученикъ, сдѣлавшись взрослымъ, не въ состояніи дать себѣ отчета, что имѣло болѣе вліянія на его воспитаніе, — обученіе въ школѣ, проповѣди, читаемая съ кафедръ, или семейныя бесѣды въ частной жизни. Во всѣхъ главнѣйшихъ школахъ Англіи существуетъ обыкновеніе, освященное временемъ и неизмѣнно-соблюдаемое; слѣдуя этому обычаю, ученики, независимо отъ власти начальства, раздѣляются на старшихъ, среднихъ и младшихъ. Старшій классъ, кромѣ-того, что каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ для прислуги одного воспитанника изъ нижняго класса, держитъ подъ своей неограниченной властью этотъ послѣдній. Воспитанники средняго класса, хотя и не имѣющіе такой власти надъ младшими, кака у первыхъ, кромѣ находящихся при ихъ особѣ въ качествѣ служащихъ, освобождены отъ всѣхъ повинностей. Такимъ-образомъ ученики нижняго класса — такъ-сказать рабы, парія школы; древній обычай обязываетъ ихъ подчиняться всевозможнымъ капризамъ ихъ тирановъ и переносить безъ жалобы самое дурное съ ними обращеніе, доходящее, во многихъ случаяхъ, до жестокости. Прослѣдимъ теперь курсъ образованія, который принять въ Харроуекомъ училищѣ. Понедѣльники, среды и пятницы — дни, посвященные занятіямъ въ школѣ; вторники, четверги и суббота — полувакантные. Въ воскресенье собираются въ школу для религіозныхъ поученій отъ 8 до 9 часовъ; въ другіе дни, исключая четверга, воспитанники начинаютъ занятія въ 7½ часовъ. Каждый урокъ продолжается одна часть, кромѣ перваго, который

занимаетъ полтора часа. Начальникъ училища имѣетъ право держать пансіонерами нѣсколькихъ учениковъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ихъ исключительнымъ опекуномъ. Помощникъ начальника школы и ихъ помощники могутъ брать учениковъ къ себѣ на домъ и давать имъ частныя уроки. Кромѣ-того, подѣ управленіемъ лицъ, постороннихъ школѣ, и большею частію дамъ, находится нѣсколько пансіоновъ для дѣтей; эти пансіоны находятся подѣ надзоромъ начальника и его помощниковъ, избираемыхъ имъ самимъ, для которыхъ эти заведенія должны быть открыты въ каждый часъ дня и ночи. Плата за воспитаніе различна, смотря по тому, гдѣ живетъ ребенокъ. Въ домѣ частнаго наставника она простирается до 120 гиней въ годъ за содержаніе и образованіе, 10 гиней начальнику школы, одну—подать въ школу, всего 131 гинеею. Въ домѣ самаго начальника издержки простираются только до 101 гиней. Въ другихъ платятъ обыкновенно эту послѣднюю сумму. Въ Харровскомъ училищѣ на 300 учениковъ только 15 основныхъ, единственное различіе которыхъ отъ другихъ состоитъ въ томъ, что они освобождены отъ уплаты 11 гиней въ пользу школы. Школа раздѣляется на *seifirms* или классы, которые подраздѣляются еще на другіе, наз. *shells* или *removes*. Въ высшихъ классахъ экзамены дѣлаются письменные, по тѣмъ предметамъ, которые были проходимы въ продолженіе года. Направленіе образованія въ высшей степени классическое, и языки Греческій и Латинскій изучаются въ полномъ объемѣ и охотно. Воспитанники 5 и 6 классовъ считаются кандидатами на 5 ваканцій или *scholarships* въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, т.-е. ученику, получившему эту премію, платятъ 15 гиней въ годъ, въ продолженіе 4 лѣтъ, послѣ чего онъ отправляется окончивать курсъ наукъ въ одномъ изъ двухъ университетовъ. Экзамены для полученія этой преміи, или на этотъ конкурсъ, производятся каждый годъ въ мартѣ мѣсяцѣ; два экзаменатора назначаются начальникомъ школы или выбираются изъ *fellows* Кембриджскаго университета, третій изъ Оксфордскаго. Вотъ какая была программа этого воспитанія для одного изъ послѣднихъ годовъ: первая книга Геродота, *Финикіане* Эврипида, пятая книга Тита-Ливія, пятая *Энеиды*, Евангеліе св. Луки, первые двѣ книги Эвклида; по Римской исторіи: Цицерона, *Pro Milone*; Саллюстія, война Катилины; Титъ-Ливій, *Льтописъ* Тацита; по Греческой поэзій— Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, Аристофанъ, Теокритъ, Аполлоніусъ Ро-

доссій и Калимахъ; для Греческой философіи — защитительные слова или апологіи Сократа, Ксенофонтъ, Аристотель и др. По риторикѣ — полный трактатъ о *пѣтикахъ* или *стихотворномъ искусствѣ*; Плутарха *De audiendis poetis*; Лонглоа — *Разсужденіе объ изицномъ*; для Латинской поэзіи: Виргилій, Гораций, Ювеналъ и выдержки изъ другихъ, менѣе замѣчательныхъ поэтовъ. Часы, проводимые въ школѣ, посвящаются совокупно повтореніямъ уроковъ и движенію курса впередъ. Уроки и темы приготовляются ученикомъ у себя и повѣряются частнымъ наставникомъ передъ тѣмъ, чтобы показать учителямъ въ классѣ. Начальникъ школы обязанъ выслушивать повторенія уроковъ, по одному разу въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Переходъ изъ одного класса въ другой происходитъ послѣ изустнаго экзамена, и подъ наблюденіемъ начальника школы. Дисциплина въ школѣ очень сурова и налагаемая на учениковъ наказанія выполняются безъ всякаго послабленія. Если ребенокъ окажется виновнымъ въ какомъ-нибудь важномъ моральномъ проступкѣ, то его переводятъ ниже классомъ; за проступокъ менѣе важный, но такого-же качества, его сажаютъ на послѣнее мѣсто въ классѣ. Если воспитанникъ замѣченъ въ лѣности уже по второму разу, то подвергается полученію по плечамъ нѣсколькихъ легкихъ ударовъ палкой, что наз. flogged, и отдѣляется отъ класса; то-же самое повторяется и въ 3-й 4-й и 5-й разы, только съ каждымъ разомъ число ударовъ увеличивается. Дисциплина имѣетъ усердныхъ помощниковъ въ такъ-называемыхъ мониторахъ, которые, будучи избираемы изъ старшихъ воспитанниковъ 6-го класса, имѣютъ право наказывать учениковъ ниже 5-го класса, если они нарушаютъ права школы. Школы имѣютъ бібліотеки, которыя считаются почти собственностью мониторовъ, имѣющихъ право не только распоряжаться книгами для своей нужды, но ссужать ими своихъ товарищей въ нижнихъ классахъ. Эти бібліотеки поддерживаются частными пожертвованіями; кромѣ-того, существуетъ давній обычай, по которому принято, чтобы воспитанники, при нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлали приношенія новыми книгами. Въ Харровскомъ училищѣ существуютъ 4 годовныя преміи за улучшія сочиненія по Латинскому и Греческому языкамъ: золотая медаль, учрежденная сэромъ Робертомъ Шлемъ, и три другія преміи, учрежденныя начальствомъ школы за лучшія подражанія Латинскимъ гекзаметрамъ и Греческимъ ямбами. Кромѣ этихъ годовныхъ премій, существуетъ рядъ

небольшихъ денежныхъ премій, присуждаемыхъ начальствомъ въ продолженіе курса за лучшія сочиненія, читанныя въ классахъ. Въ день публичнаго экзамена, или, какъ его называютъ на схоластическомъ языкѣ, *audit-day*, начальникъ школы, въ читаемой вмѣ рѣчи на Латинскомъ языкѣ, дѣлаетъ обзоръ замѣчательныхъ событій, въ продолженіе всего года, въ странѣ и школѣ. Нѣсколько извѣстныхъ дней назначено для упражненія въ ораторскомъ искусствѣ; въ этихъ-то логическихъ спорахъ самые замѣчательные ораторы Англіи дѣлали первые опыты».

Дѣтская литература приобрѣла слѣдующія статьи: въ Журналѣ для дѣтей: *Изъ записокъ Французскаго миссіонера въ Техасъ* (№ 17 и 18); *Разказы изъ Русской исторіи* (№ 18 и 19); *Иовъ, свободное поображеніе священной книги Иова, О. Глинки. Разборъ* (№ 19); *Греческая идиллія. (Изъ путешествія Діона Хризостома)* (№ 20); *Боа* (*ibid.*); *Цыгане. Повѣсть* (№ 21, 22, 23 и 24); *Внутреннее состояніе Англіи въ концѣ XVII столѣтія* (№ 24 и 25); *Языческое жертвоприношеніе. Повѣсть изъ Славянскихъ преданій* (№ 26, 27, 28 и 29); *Семейство козодойныхъ* (№ 30); *Шестъ Китайскихъ пьесъ* (*ibid.*); *Бѣшеная Поля* (№ 31 и 32); *Два басни Крылова: Водовозы и Свиныя подъ дубомъ. Разборъ* (№ 32); *Баснословное сказаніе о скворцѣ* (*ibid.*); *Новое примѣненіе паровъ* (*ibid.*); (№ 33); *Гоненіе на Библию и за Библию* (№ 33 и 34); *Ловля чернахъ, изъ Одюбона* (№ 34 и 35); *Взятіе Магдебурга въ тридцати-лѣтнюю войну* (№ 35).

Въ Звѣздочкѣ: *Мой дѣдушка и моя бабушка*, А. Вороновой (№ 5); *Маменькины уроки или всеобщая исторія въ разговорахъ для дѣтей* (*ibid.*) (№ 7); *Бѣлая душа Негра* (№ 5); *Любовь и уваженіе дѣтей къ родителямъ у краснокожихъ Индійцевъ* (*ibid.*); *Раковина и морской орелъ* (*ibid.*); *Прогулка по желѣзной дорогѣ, въ Англіи М. С.* (№ 6 и 7); *Англійскій языкъ для дѣтей по методу Робертсона. Урокъ XXXI* (*ibid.*); *Разказы изъ географіи и путешествій* (*ibid.*); *Рыбная ловля* (№ 7); *Даніель Фозъ* (*ibid.*). — Для младшихъ читателей: *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (№ 5); *Два сказочки* (№ 6); *Братъ и сестра. Съ Нѣм. О. П.* (№ 7).

Въ Лучахъ: *Пещера въ горахъ Юры. Съ Нѣм. Маріи С—ской* (№ 5); *Паскаль и его сестры. Съ Фран. Е. Б.* (*ibid.* и № 6); *Исторія Рима до Р. Х., С. Барановскаго* (№ 5); *Мать Вашингтона* (*ibid.*); *Энциклопедія для дѣвицъ* (*ibid.* и № 6); *Всепомощное бдѣніе*

свящ. В. Гречулевича (№ 6); *Суэскій перешеекъ или оминбусы въ пустынь*. Съ Фран. (ibid.); *Удивительныя приключенія одной скрипки* (ibid.); *Выставка художественныхъ произведеній въ академіи художествъ* (ibid.); *Любовь христіанки*. Съ Англ. (№ 7); *Отрывокъ*, Лузикова (ibid.); *Отвѣтъ христіанина*, его же (ibid.); *Страшный разсказъ* (ibid.); *Отдыхъ для глазъ* (ibid.); *Письмо изъ Тифлиса*, Габо (ibid.).

Въ Часѣ досуга, въ отдѣлѣ «Увеселительное чтеніе»: *Напокая куртка и пальто изъ трико* (№ 5); *Идемъ въ Петербургъ* (ibid.); *Феллаги* (ibid.); *Трудъ и довольство* (ibid.); *Рушной залцъ* (№ 6); *Кавказскій Прометей* (ibid.); *Электрическій миражъ* (ibid.); *Новый Шкаръ* (ibid.); *Похожденія холматки* (ibid.); 25 іюня 1859 года. Отрывокъ изъ письма очевидца (№ 7); *Различныя газы* (ibid.); *Казаки-охотники* (ibid.); *Морская прогулка по Морбшану въ Бретани* (ibid.); *Ловкость и сила Индійцевъ* (ibid.); *Татуированіе* (ibid.); *Мухоловка* (ibid.); *Бананъ* (ibid.); *Кокосовое дерево* (ibid.); *Башмачникъ-ботаникъ* (№ 8); *Эпизодъ изъ охоты на медведя* (ibid.); *Зоологическая оиковка* (ibid.); *Пюлка* (ibid.); *Польза птицъ* (ibid.); *Иррадиованіе Цванова дня* (ibid.); *Рыбы-близнецы* (ibid.); *Драгоценный перстень* (ibid.). Сверхъ-того въ журналѣ этомъ помѣщены: по отдѣлу «Игры и разныя упражненія» — двадцать статей, по отдѣлу «Фокусы» — двадцать семь, по отдѣлу «Картонажи» — четырнадцать, по отдѣлу «Рабочій столикъ и туалетъ» — шестнадцать, по отдѣлу «Мастерства и искусства» — девять, и по отдѣлу «Сфинксъ» — тридцать статей (№ 5—8).

Въ Подсѣжничкѣ: *Собраніе чудесъ*. Повѣсти, замѣтованныя изъ мифологіи (часть первая), сочиненіе Американскаго писателя Натаніэля Готорна: V. *На склонъ холма*. — *Волшебная кружка*. — VI. *На вершинѣ холма*. — *Химера Минотавръ*. — *Шимей* (№ 5—8); *Шижонъ и Тифонъ*, Арт. Ризникова (№ 5 п 6); *Сказка естествоиспытателя*. Съ Нѣмецк. (№ 5); *Остатки Оивъ Египетскихъ* (ibid.); *Франклинъ* (ibid. п № 6); *Лисица*, Д. Михайлова (№ 5); *Разказы о древнихъ Русскихъ паломникахъ*. Окончаніе втораго разсказа Н. С—на (№ 6); *Маленькій музыкантъ*. Съ Нѣмецк. (ibid.); *Ночь у пирамидъ*. Изъ записокъ Нѣмецкаго путешественника (ibid.); *Сърый медведь*. По разсказу Ферри (№ 7); *Похожденія стараго филляра*. Разсказъ Шарля Дели (ibid.); *Неаполь въ половинѣ XVII вѣка*, Н. Лыткина (ibid. п № 8); *Камечное сердце*. Повѣсть Гауѣфа (№ 8); *Русскіе на Шницбергенъ или*

Гуманитъ (ibid.); *Орангутанъ* (ibid.); *Безпродѣльность вселенной* (ibid.); *Кольбергъ* (ibid.).

Въ Дѣтскомъ журналѣ: *Жаворонокъ и лилія*, М. Котельникова (№ 3); *Моей матери*, Софьи Унд... (ibid.); *Оселъ*, басня М. Котельникова (ibid.); *Бѣдный Генрихъ*, Ф. Кейзера (ibid.); *Дѣтскіе годы*, М. Котельникова (ibid. и № 4); *О странствованіяхъ въ природу*. По Шлейдену (№ 3); *Алексій Николаевичъ Верстовскій* (ibid.); *Остатки* (ibid.); *О голодѣ и его недостаткахъ* (№ 3); *Кое-что о вѣжливости молодого человѣка* (ibid.); *Молитва*, М. Котельникова. Изъ Виктора Гюго (№ 4); *Ангелъ милосердія* (ibid.); *Невольница*. Изъ Гюго, М. Котельникова (ibid.); *Повѣсть о скуномъ Абдаллѣ*, П. Сперансова (ibid.); *Воздушное электричество* (ibid. и № 5); *М. И. Глинка* (№ 4); *Очеркъ художественной дѣятельности А. А. Иванова и его картина: «Явленіе Христа народу»* (ibid.); *Птица-муха*, М. Котельникова (№ 5); *Изъ воспоминаній Павла Гаврилыча Батырева* (ibid.); *Еще урокъ не доучили* (ibid.); *Секіна*. Эпизодъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ. Съ Нѣмецк. Бѣляева (ibid.); *Убіеніе Аскольда и Дира*, Т. Пиланкевича (ibid.); *Уильямъ Шекспиръ* (ibid.); *Жанъ-Баттиста-Лула* (ibid.); *Начало Русскаго театра*. Драматическое представленіе въ 2-хъ актахъ, В. Н. Р. (ibid.); *Кое-что о первомъ шагѣ въ общественной жизни* (ibid.).

Въ Собесѣдникѣ: *Дикій островъ* (№ 5); *Мудрый судья и великодушный халифъ* (ibid.); *Страусъ* (ibid.); *Черезъ мракъ къ свѣту*, Франца Гофмана: 1) *Злодѣй ищетъ зла*. 2) *Избалованный мальчикъ*. 3) *Страшное разочарованіе*. 4) *Глубокая тѣма*. 5) *Покорность*. 6) *Школа*. 7) *Быство*. 8) *Преданъ и проданъ*. 9) *Старушка Бетти*. 10) *Свѣтъ* (ibid. и № 6 и 7); *Микроскопъ* (№ 5); *Черногорцы* (ibid.); *Фосфоръ и зажигательныя спички* (ibid.); *Потребленіе табаку въ Англіи* (ibid.); *Эвиризація* (ibid.); *Мексиканская животная мука* (ibid.); *Сухія чернила* (ibid.); *Примѣры долговѣчности* (ibid.); *Необыкновенная кража* (ibid.); *Блинда Рудезійскъ* (№ 6); *Наказаніи скупость* (№ 7); *Дѣвъ личинки*. Аллегорія (ibid.); *Яковъ Іоаннъ Осюбонъ* (ibid.); *Сусанинъ* (ibid.); *Изътанники въ лѣсу*. 23) *Пара тихоходовъ*. 24) *Каскариллеры или собиратели хинной коры*. 25) *Пума и большой муравьедъ*. 26) *Нападеніе бѣлыхъ муравьевъ*. 27) *Муравьелевъ*. 28) *Броненосецъ и мертвый олень*. 29) *Охота за армадилломъ*. 30) *Оцелотъ*. 31) *Семейство ягуаровъ*. 32) *Плотъ*. 33) *Покровительство брата*. 34) *Вампиръ или кровососъ*. 35) *Маримонды*. 36) *Маримонда мать*. 37) *Неожиданный гость*. 38) *Мор-*

скія свинки и крокодилъ. 39) *Ягуаръ и крокодилъ* (ibid. и № 8); *Желтая перчатка* (№ 8); *Фердинандъ Кортесъ или покореніе Мексики Испанцами* (ibid.).

III. ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Въ Журналѣ министерства юстиціи явились слѣдующія статьи: *Литературная разработка и общая характеристика уложенія 1649 г.*, Я. Г. Есиповича (№ 1); *Сенатъ при Петрѣ Великомъ*, П. И. Иванова (ibid.); *Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ которомъ былъ разрѣшаемъ вопросъ о порядкѣ примѣненія законовъ о земской давности къ дѣламъ о пожизненномъ владѣніи* (ibid.); *О воровствѣ-кражѣ*, В. Д. Спасовича (№ 2); *Изложеніе рѣшенія по спору о силѣ и значеніи составленныхъ Матреною Б-вою въ 1806 и 1828 годахъ актовъ на передачу правъ ея на имущество* (ibid.); *Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ которомъ разрѣшаемъ былъ вопросъ о порядкѣ примѣненія законовъ о земской давности къ дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ* (ibid.); *Процессъ по обвиненію Гаждана въ поджигательствѣ* (ibid.); *Судное дѣло надъ сенаторомъ барономъ Шафировымъ и оберъ-прокуроромъ сената Скорняковымъ-Нисаревымъ*, П. И. Иванова (№ 3); *Очеркъ судебнаго управленія въ Англїи*, В. Берви (ibid.); *Изложеніе рѣшенія по гражданскому дѣлу, въ коемъ разрѣшаемъ былъ вопросъ о случаяхъ недѣйствительности публичной продажи имущества* (ibid.).

«Журналъ министерства юстиціи» началъ издаваться съ іюля мѣсяца; помѣщенные въ трехъ первыхъ книжкахъ этого журнала статьи служатъ доказательствомъ, что редація съ умѣньемъ и знаніемъ дѣла пользуется богатствомъ находящихся въ распоряженіи ея матеріаловъ. Не надобно однакожь забывать, что это журналъ министерскій, а потому редація ея дѣйствуетъ въ извѣстныхъ предписанныхъ ей предѣлахъ. Во всякомъ случаѣ, она вполнѣ заслуживаетъ благодарность: статья проф. Спасовича о воровствѣ-кражѣ — замѣчательная ученая монографія; процессы иностранные выбраны съ умѣньемъ и хорошо изложены; статьи по Русской судебной практикѣ изложены также хорошо, но только жаль, что не такъ подробно, какъ-бы слѣдовало; нельзя также не замѣтить, что отдѣлъ библіографіи и критики чересчуръ сжатъ и кратокъ. Слѣдовало-бы, по нашему мнѣ-

нію, отдѣлъ части официальной: постановленія по судебной части» не ограничивать однимъ только изложеніемъ современныхъ постановленій, но и присовокуплять указанія на связь ихъ съ предшествовавшими законами и на причины и обстоятельства, побудившія правительство издавать новый законъ. Не мѣшало-бы также ввести отдѣлъ критическаго обзора замѣчательныхъ современныхъ постановленій важнѣйшихъ Европейскихъ государствъ — Франціи, Пруссіи и Англіи по всѣмъ отраслямъ законодательства. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ этотъ журналъ, безъ сомнѣнія, принесетъ свои плоды: онъ послужитъ средствомъ къ практическому образованію нашихъ молодыхъ юристовъ, если только будетъ помѣщаемо больше процессовъ и не однихъ гражданскихъ, но и уголовныхъ (въ трехъ первыхъ книжкахъ не было помѣщено ни одного рѣшенія по уголовному дѣлу).

Въ прочихъ журналахъ къ правовѣдѣнію принадлежатъ слѣдующія статьи: *Перечень правительственныхъ распоряженій по устройству помѣщичьихъ крестьянъ* (Журн. мин. вн. дѣлъ № 7); *Объяснительная записка содержанія и расположенія свода законовъ гражданскихъ*, графа М. М. Сперанскаго (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи кн. 2); *Историческое обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ*, его-же (ibid.); *Опытъ юридическаго комментарія на нѣкоторыя статьи законовъ о завѣщаніяхъ*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *О дѣловомъ мноюписаніи*, П. П. Ланге (ibid.); *Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ*, Н. В. Калачова (ibid.); *Обозрѣніе новыхъ законовъ* (ibid.); *Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе*, П. Д. Бѣляева (ibid. № 1); *Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* Н. П. Костомарова (ibid.); *Официальная бумага Г. Р. Державина* (ibid.); *Письмо къ редактору*, кн. М. А. Оболенскаго (ibid.); *Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ*, К. П. Побѣдоносцева (ibid.); *Объ отдѣленіи вопросовъ о дѣлѣ и правѣ въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ*, С. П. Заруднаго (ibid.); *Очная ставка и очной сводъ*, П. А. Муллова (ibid.); *Поручительство въ дѣлахъ уголовныхъ*, его-же (ibid.); *Объ идеальныхъ воззрѣніяхъ на общество и государство* (изъ Моля), А. П. Стоянова (ibid.); *Лондонскіе полицейскіе суды* (ibid.); *О крѣпостныхъ людяхъ*, графа М. М. Сперанскаго (ibid. кн. 3); *О государственныхъ установленіяхъ*,

его-же (ibid.); *Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію царя Алексѣя Михайловича*, П. Д. Колоссовскаго (ibid.); *Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*, сочиненіе Б. Чицерина, Н. В. Калачова (ibid.); *Древніе акты въ родословныхъ*, А. В. Толстова (ibid.); *Западно-Русскія купчая и мѣновая*, сообщ. А. П. Зериннымъ (ibid.); *О социальности и разногласіи въ рѣшеніяхъ*, графа М. М. Сперанскаго (ibid.); *Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе*, П. А. Мушлова (ibid.); *О суммахъ въ совершеніи актовъ и рѣшеніи оныхъ*, Х. П. Козлова (ibid.); *Замѣтка на рѣшеніе одного изъ вопросовъ по завѣщаніямъ*, К. С. У. (ibid.); *О правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи*, Н. Ренненкампа (ibid.); *Процессъ графа Монталамбера* (ibid.); *Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды*, Н. П. Ланге (ibid.); *Взглядъ на Русское судопроизводство и судопроизводство*, ч. II, М. Филиппова (Совр. № 7 п 8); *О соотношеніи правъ вотчиннаго и крѣпостнаго*, А. Ворошилова (От. заш. № 7); *Карлъ Миттермайеръ*, Д. Саранцова (ibid. № 8); *О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ*, К. П. Побѣдоносцева (Русск. вѣстн. № 12, 13 п 14); *О дворянскихъ опекахъ*, Н. Е. (ibid. № 15); *Обозрѣніе XXXI тома Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи* (Русск. бес. № 4); *Отрывки изъ записокъ* (СПб. вѣд. № 144); *О юридическомъ положеніи Евреевъ въ Германіи въ средніе вѣка* (Моск. вѣд. № 186 п 187); *Фактъ изъ Русской жизни*, Колмогорова (Сынъ от. № 25); *Замѣчанія о несовершенствѣ законовъ и о возможности примѣненія ихъ по произволу судьи* (ibid.); *Уплата долгу*, Свѣшниковъ (ibid. № 27 п 33); *Нѣсколько юридическихъ словъ о началѣ или производствѣ тяжбы и исковъ судомъ по формѣ* (ibid. № 36); *Невъроятная теорія* (ibid.).

— «О крѣпостныхъ людяхъ». — Статья эта, какъ и всѣ сочиненія незабвеннаго въ лѣтописяхъ исторіи нашего законодательства гр. Сперанскаго, отличается свѣтлымъ взглядомъ на предметъ, свойственною ему особенною ясностью и точностью изложенія. Онъ сначала разсматриваетъ крѣпостное состояніе во времена Уложенія и потомъ измѣненіе въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ Уложенія и новый крѣпостной порядокъ.

Состояніе крестьянъ по уложенію. «Крестьяне-раздѣлились на два вида: одни жили на земляхъ помѣстныхъ и назывались *людьми и крестьянами помѣщичьими*; другіе жили въ вотчинахъ и назывались *крестьянами вотчинными* или просто кре-

стьянами. Вотчинныхъ крестьянъ можно было продавать и закладывать, но не иначе, какъ вотчиною. Нѣтъ никакого слѣда въ Уложеніи продажи крестьянъ безъ земли. Крестьянъ помѣстныхъ нельзя было ни продавать, ни закладывать; но можно было самия помѣстья, вмѣстѣ съ ними, мѣнять и сдавать другому. Право имѣть вотчины и крестьянъ принадлежало: государю, дворянству монастыря и именованымъ Строгановымъ.

Состояніе дворовыхъ людей по Уложенію. Дворовыхъ людей было три рода: 1) старинные, полные холопи; 2) кабальные люди; 3) дѣловые люди. — Старинные полные холопи были собственность господина и причислялись къ *животамъ* его т.-е. къ движимому имуществу. — Кабальныхъ людей нельзя было ни продавать, ни закладывать; по смерти владѣльца, они были свободны, хотя-бы отданы были и въ приданое, и, освободясь отъ одной кабалы, могли вступить въ другую. — Дѣловые люди были крестьяне, конхъ помѣщики, вмѣсто пашни, брали на господское дѣло и употребляли къ ремесламъ въ сельскомъ хозяйствѣ необходимымъ. Для сихъ ремеслъ въ помѣстьяхъ, вотчинахъ и особливо въ монастыряхъ учреждаемы были такъ-называемые *дѣловые оворы*. Сей разрядъ людей предъ закономъ ничѣмъ существенно отъ крестьянъ не различался.

Измѣненіе въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ Уложенія и новый крѣпостной порядокъ. До 1719 г., или до первой ревизіи, все прямыя подати и повинности, казенныя и частныя, утверждались на землѣ. Ревизія все основала на лицѣ; подати большею частію стали личными, а съ земли положенъ новый оброкъ; служба обращена въ рекрутство, не по землѣ, а по числу лицъ. Сверхъ-сего, въ писцовыхъ книгахъ вносимы были одни только крестьяне, на земляхъ живущіе, и никогда не смѣшивались съ ними ни полные холопи, ни кабальные люди; все сіи званія смѣшались во-едино, все положены въ одинаковый окладъ и въ рекрутство. Такимъ образомъ, съ первой ревизіи 1719 г. возникли новыя понятія о крѣпостномъ личномъ правѣ: 1) что крестьяне и холопи предъ правительствомъ суть одно и то-же; 2) что тѣ и другіе равно суть принадлежность лица, а не земли: ибо не на землю и не по землѣ, но за помѣщикомъ они положены въ ревизіи. Въ послѣдующихъ ревизіяхъ, и особливо во второй 1743 г., понятія сіи еще болѣе утвердились. Не только частные владѣльцы, но и правительство нахо-

дило въ нихъ свои пользы: вѣрность въ расчетѣ подушныхъ податей и особенно вѣрность въ рекрутской повинности. По одному ревизскому счету можно было-бы съ точностію напередъ исчислить и государственный доходъ и количество рекрутъ. А какъ въ обихъ сихъ расчетахъ для правительства не составляло никакой разности, на пашнѣ-ли состоятъ люди, или во дворѣ, ибо крестьяне и дворовые равно обложены податью и равно подлежатъ рекрутству: то и не представлялось тогда никакой причины ограничивать число дворовыхъ людей или различать ихъ отъ крестьянъ. Для вѣдома только велѣно писать ихъ особою статьею. До ревизіи жалованы были отъ государей въ собственность вотчины. Подъ симъ пожалованіемъ всегда разумѣлась земля: люди-же, на ней живущіе, не числомъ душъ, но вообще считались ея принадлежностію. Напротивъ, въ указахъ и грамотахъ послѣ ревизіи жаловали уже прямо числомъ душъ, а земля считалась принадлежностію жалуемой вотчины. Такимъ образомъ предметомъ жалованія, а слѣд. и правомъ собственности, были уже прямо люди, а косвенно земля, на коей они жили. Сообразно сему понятію, измѣнена правительствомъ и форма купчихъ крѣпостей: ибо помѣщикъ могъ продавать только то, чѣмъ онъ владѣлъ, и что ему было пожаловано; а онъ владѣлъ и былъ жалованъ людьми. Открытіе заемныхъ банковъ распространило снѣ понятія и на крѣпости закладныя. Правительство не могло вѣрить своихъ капиталовъ подъ залогъ земель, коихъ цѣна не определена; посему оно утвердило займы на томъ, что составляетъ цѣнность земли, — на людяхъ. Всѣ снѣ причины въ совокупности измѣнили крѣпостное личное право, въ Уложеніи постановленное, и образовало право новое, отъ прежняго отличное, хотя столько-же законное: ибо какъ прежнее, такъ и настоящее равно основаны на точныхъ словахъ и разумѣ законовъ.—Нельзя утверждать, чтобъ неудобства, соединенныя съ таковымъ порядкомъ вещей, были сокрыты отъ правительства или имъ пренебрегаемы. Но связь сего порядка съ государственными доходами, съ состояніемъ помѣщиковъ и съ рекрутствомъ, особенно-же связь его съ порядкомъ повинненія всегда представляли опаснымъ всякое быстрое въ немъ потрясеніе. Тѣмъ не менѣе однакоже къ исправленію его принимаемы были по-временамъ разныя мѣры. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ: Въ 1771 г. запрещено людямъ продавать съ молотка (5 авг. 1771 г. № 13634).

Разными узаконеніями дозволено отпускать людей на волю безпослѣдственно, и отпущеннымъ дано право не записываться ни въ какое состояніе до ревизіи. Въ 1797 г. принята несравненно еще важнѣйшая мѣра: установленъ трехдневный порядокъ крестьянскихъ работъ, и слѣд. въ первый разъ закономъ признано: 1) что власть помѣщика надъ крестьянствомъ ограничена половиною силъ его; 2) что другая половина его принадлежитъ ему, а не помѣщику; 3) что посему крестьянинъ можетъ имѣть собственность, и самъ ничѣю полною собственностію быть не можетъ. Хотя-же сіи послѣдствія съ точностію и не опредѣлены закономъ, но они все содержатся въ его смыслѣ. Въ 1801 г. запрещено объявлять о продажѣ людей въ вѣдомостяхъ. Впослѣдствіи воспрещено было продавать ихъ на ярмаркахъ, и вообще по вѣрющимъ письмамъ. Воспрещено укрѣплять дворянамъ подъ видомъ найма и другихъ сдѣлокъ. Открытъ новый способъ увольненія крестьянъ цѣлыми деревнями — учрежденіемъ состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ. Людей, отыскивавшихъ свободу и разъ оную получившихъ, запрещено возвращать помѣщикамъ. По мѣрѣ дошедшихъ свѣдѣній о жестокостяхъ, пресѣкаемы онѣ были строго и неупустительно. Генералъ-губернаторамъ и отчасти губернаторамъ подтверждена власть брать иявнія въ опеку. Главная-же мѣра въ-теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ состояла въ томъ, что все прекращена раздача деревень въ собственность. Затѣмъ многократно помышляемо было о пресѣченіи продажи людей безъ земли, но мѣра сія по разнымъ уваженіямъ всегда была отлагается. — Между-тѣмъ однакожъ время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство съ одной стороны менѣе жестокимъ, а съ другой и менѣе необходимымъ. По-мѣрѣ населенія возвышается цѣна на землю, умножается количество рукъ, умѣряется цѣна вольныхъ работъ и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей съ ихъ потомствомъ день-о-то-дня становятся тягостнѣе и несиоснѣе. Такимъ образомъ каждый день стираются прежніе побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія. По сему естественному движенію и наклонности почти общей, правительство почти одно можетъ дать надлежащую благовременность и успѣшное направленіе. — Два рода мѣръ къ сему представляются нужными: однѣ — первоначальныя и основныя, другія — постепенныя, на нѣсколько

лѣтъ въ связи расположенныя». Затѣмъ перечисляются тѣ и другія мѣры и излагается значеніе и послѣдствіе ихъ.

— «О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ». — Идеаль для государства есть право. Въ немъ состоитъ драгоцѣннѣйшее достояніе общества и главная основа внутренняго (а слѣд. и внѣшняго) его благосостоянія. Чѣмъ свѣтлѣе хранится этотъ идеаль въ сознаніи обществомъ, — тѣмъ болѣе правды въ обществѣ, тѣмъ болѣе безопасности для гражданина. Для того, чтобы право не было однимъ только словомъ, для того, чтобы внѣшнее выраженіе его — законъ не былъ только обманчивой фразой, для того необходимъ *правый судъ*. Только посредствомъ суда законная правда осуществляется, переходитъ въ дѣйствіе. Нѣтъ праваго суда, нѣтъ и правды общественной: невозможно ожидать исполненія законовъ и водворенія законности, если нарушитель ихъ на дѣлѣ всегда имѣетъ средство уклониться отъ отвѣтственности; невозможно невинному быть увѣреннымъ въ оправданіи, а преступнику бояться наказанія, если обвиненіе и оправданіе становятся дѣломъ произвола, формы и обрядности; невозможно гражданину быть увѣреннымъ въ своей собственности и положиться на слово и дѣйствіе своихъ согражданъ, если таковъ механизмъ гражданского правосудія, что защищать и отыскивать свое право во многихъ случаяхъ тягостнѣе, нежели отъ него отказаться. «Ничто такъ ко управленію государства нужно есть какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ». Этими словами Петра выражается основное правило государственнаго устройства. Твердое храненіе правъ гражданскихъ для правительства есть необходимѣйшее условіе успѣшной дѣятельности на пользу общественную, для народа — условіе матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Твердое храненіе правъ гражданскихъ устанавливаетъ между гражданами, такъ же, какъ между народомъ и правительствомъ, прочную связь, основанную на взаимномъ довѣріи гражданъ другъ къ другу, правительства къ народу и народа къ правительству. Не можетъ быть общаго уваженія къ законамъ безъ твердаго ихъ храненія: «всеу законы писать, если не исполнять ихъ». Право собственности — разумѣя это слово въ обширномъ смыслѣ — есть центръ, къ которому тяготѣютъ и около котораго развиваются всѣ явленія общественной жизни гражданъ. Для развитія всякой жизни нужно движеніе; для человѣка

движеніе не возможно безъ свободы, свобода-же, какъ скоро она будетъ предоставлена многимъ, требуетъ порядка. Этими свойствами обладаетъ гражданское общество въ такомъ только случаѣ, когда каждый гражданинъ можетъ спокойно и свободно располагать въ предѣлахъ закона своими матеріальными и духовными силами и развивать ихъ посредствомъ труда; а трудъ можетъ быть плодоносенъ тогда лишь, когда трудящемуся обеспечено спокойное пользованіе плодами его трудовъ, когда всякое насилие и посягательство на собственность, съ чьей-бы стороны ни послѣдовало, является дѣломъ необыкновеннымъ, исключеніемъ изъ общаго порядка, и немедленно уничтожается примѣненіемъ закона, примѣненіемъ правильнымъ, послѣдовательно-единообразнымъ и одинаково-доступнымъ для каждаго, имѣющаго право. Какъ-бы ни была полна и совершенна система гражданскихъ законовъ въ государствѣ, законы остаются безъ дѣйствій, и законность не прививается къ народному сознанію, если существующій порядокъ судопроизводства не предоставляетъ гражданамъ вѣрнаго средства доказать и защитить свое право и получить безотлагательное его разрѣшеніе, не обеспечиваетъ имъ скораго и точнаго исполненія по рѣшенію. Напротивъ, не смотря на недостаточность и несовершенство законовъ гражданскихъ, дѣйствіе ихъ оказывается благотворнымъ, и вліяніе прочнымъ, если оно обеспечено правильнымъ, единообразнымъ и скорымъ дѣйствіемъ правосудія».

IV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Къ политическимъ наукамъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ* (Журн. мин. вн. д. № 5 и 6); *Обзорніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1858 — 1859 году* (ibid. № 7 и 8); *Вѣдомость привоза по Николаевской желѣзной дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ, въ С. Петербургъ и Москву, съ марта по іюль 1859 года* (ibid.); *Цѣна на хлѣбъ и фуражъ по главнѣйшимъ городамъ имперіи по іюль 1859 г.* (ibid. № 5 и 6); *Вѣдомость о продажѣ скота въ Петербургѣ* (ibid. № 5); *Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министерства внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ* (ibid. № 6 и 7); *О Сибирскомъ пароходствѣ Тюменско-Томской водяной системы* (ibid. № 6); *Самарская пристань въ началѣ навигаціи текущаго года* (ibid.); *Лошадн Томской губерніи* (ibid.); *Свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ на*

земли (ibid. № 7 и 8); *Мнѣнія иностранцевъ о земледѣліи и скотоводствѣ въ Россіи* (ibid. № 7); *Краткій обзоръ управленія Царства Польскаго* (ibid. № 8); *Статистическія замѣтки о Петрозаводскомъ уездѣ* (ibid.); *Кіевская Крещенская контрактная ярмарка въ 1859 году* (ibid.); *Извѣстія о пребываніи за границу съ ученою цѣлью младшаго редактора центрального статистическаго комитета фонъ-Бушена* (ibid.); *Скотопромышленность въ Тобольской губерніи* (ibid.); *Еще о лошадахъ въ Томской губерніи* (ibid.); *О торговлѣ въ Россіи съ среднею Азією* (ibid.); *Отчетъ экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства за 1855 годъ*, академикъ Бѣра (Журн. мин. гос. им. № 5 и 6); *Статистическое и хозяйственное описаніе Астраханской губерніи*, И. Черкасова (ibid. № 5, 7 и 8); *Бѣлопашцы и обильные вотчинники и крестьяне*, В. И. Велпьякова (ibid. № 5 и 6); *Хлѣбный кризисъ и его причины* (ibid. № 5); *Споръ между защитниками поввижсныхъ пошлинъ (échelle mobile) и поборниками постояннаго таможеннаго сбора съ привознаго и вывознаго хлѣба* (ibid.); *Община и общинныя земли во Франціи* (ibid. № 6); *О современномъ состояніи земледѣлія въ Великобританіи* (ibid.); *О Французскомъ и Англійскомъ долгахъ и ихъ расширеніи* (ibid. № 7); *Очеркъ исторіи и статистики дренажа въ западной Европѣ*, А. Н. Козловскаго (ibid. № 8); *Сельско-хозяйственные очерки Франціи*, А. де-Лаверня. Изъ Journ. des Econom. (ibid.); *Нужно-ли облагать пошлинами произведенія механическаго искусства, возимыя въ Россію*, Х. (Архивъ истор. и правт. свѣд. о Росс. кн. 2); *Нѣсколько словъ по поводу статей г. Власовскаго и Шокорскаго* — Боравко, П. И. Ланге (ibid.); *О нищенствѣ и разныхъ видахъ благотворительности*, Н. Е. Бочечкарова (ibid. № 3); *Англійская коммерческая политика. Истор. очеркъ* Б. Б. Калиновскаго (Совр. № 5); *Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ*, В. П. Безобразова (ibid. № 6 и 8); *Устройство банка помѣщичьихъ крестьянъ* (ibid. № 6 и 7); *Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокуренія изъ хлѣба*, К. И. Холотина (ibid. № 7); *Освобожденіе негровъ*, Д. Г. (Отеч. зап. № 5 и 6); *Объ экономическихъ отрицаніяхъ общиннаго землевладѣнія*, М. Юрьина (ibid. № 5); *Политическое обозрѣніе* (ibid. и 6 — 8; Русск. вѣстн. 9—16); *Вѣсти по крестьянскому дѣлу* (ibid. № 5); *Нижегородская губернія и вопро о земляныхъ сборахъ* (ibid. № 5); *Гласность и прогрессисты* (ibid.); *Распространеніе трезвости* (ibid.); *Еще нѣ-*

сколькo словъ о продажѣ государственныхъ имуществъ (ibid. № 6); *Объ осмотръ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній въ Петербургѣ* (ibid.); *Голосъ Русскаго въ Европейской распрѣ* (ibid.); *Развитіе неленій общественнаго быта*. П. Г. Славинскаго (ibid. № 7); *Предположеніе о преобразованіи государственнаго контроля* (ibid.); *По вопросу о наемныхъ слугахъ въ Петербургѣ* (ibid.); *Экономическій кризисъ 1857 года*, Н. Х. Бунге (ibid. № 8); *Обозрѣніе главнѣйшихъ причинъ всеобщей дороговизны*, Д. М. (ibid.); *Свобода труда и цехи* (ibid.); *Отчеты кредитныхъ установленій за 1858 годъ* (ibid.); *Еще о распространеніи трезвости* (ibid.); *Однообразная монетная система*. Генриха Бишопа (ibid.); *Мысли свѣтскаго человека о книгѣ «Сельское духовенство»* (ibid.); *Вопросъ о невольничествѣ въ Северо-Американскихъ штатахъ*, Ф. В. Тернера (Библи. для чт. № 5); *Крестыянскія земли, крестыянскія повинности и прильпненіе земскаго кредита къ необязательному выкупу тѣхъ и другихъ*, Ф. Г. Тернера (ibid. № 6); *Вопросъ о Кубѣ* (ibid. № 7); *Объ измѣненіи существующей системы снабженія войскъ вещами*, В. П. Каменскаго (Рус. вѣст. № 9); *Письма о земледѣліи и крестыянахъ во Франціи*, Евгенія Бонмера (ibid. п № 10, 15 и 16); *Гоненіе на Евреевъ въ Одессѣ* (ibid. № 9); *Объясненіе*, М. П. Погодина (ibid.); *Изъ Америки*, Г. Матилля (ibid. № 10 и 16); *Борьба оппозиціи съ торійскимъ министерствомъ въ палатѣ общинъ* (ibid. № 10, 11 и 12); *Отвѣтъ на замѣчаніе гражданскаго чиновника*, С. С. Громеки (ibid. № 10); *Аристократія и интересы дворянства*, В. П. Безобразова (ibid. № 11); *Италіанскій вопросъ*, Н. Ф. Павлова (ibid. № 13); М. Погодина (Рус. бес. № 3); *Речь императора Французовъ*, Н. Ф. Павлова (ibid.); *Продажа государственныхъ имуществъ, какъ одно изъ средствъ для удовлетворенія современнымъ финансовымъ потребностямъ Россіи*, Ю. А. Микшевича (ibid. № 15 и 16); *Два слова по поводу современныхъ обстоятельствъ*, М. П. Погодина (Рус. бес. № 4); *Австрія, еѣо-же* (ibid.); *Главнѣйшіе экономическіе вопросы, въ Русскихъ журналахъ прошлаго года* (Моск. обозр. кн. 1); *О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ* (ibid. кн. 2); *Замѣчанія на статью газеты «Производитель и промышленникъ»* (С. Пб. вѣд. № 92); *Къ Обязательному дѣлу»* (ibid.); *Мѣдныя деньги и ассинаціи* (ibid. № 98); *Труденъ-ли выкупъ земли?* (ibid. № 101); *Нѣчто о частномъ кредитѣ* (ibid. п № 185); *Объяснительное дѣло* (ibid. № 104, 120, 129); *Нѣсколько словъ по поводу пониженія биржеваго курса* (ibid. № 26); *О возможности*

соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ (ibid. № 151); *О табакѣ* (ibid. № 164); *Нѣсколько словъ объ акціонерныхъ обществахъ и главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ* (ibid. № 176); *Объ отставныхъ чиновникахъ*, С. Черепанова (ibid. № 185); *Англійскій таможенный тарифъ* (Рус. Пнев. № 98); *О тюрьмахъ вообще и Московскихъ тюрьмахъ въ-особенности* (ibid. № 160); *Опыты улучшенія тюремной системы въ Твери* (Сѣв. пч. № 101); *Отчего бѣднѣютъ уездные города?* (ibid. № 120); *Днѣстровская желѣзная дорога*, А. А. Скальковскаго (Русск. дневн. № 93); *Кіевское крестьянское ремесло*, К. Сементовскаго (ibid. № 95); *О численномъ неравенствѣ мужскихъ и женскихъ рожденій*, А. П. Рославскаго-Петровскаго (ibid. № 96); *Золотопромышленность въ восточной Сибири за 1855 годъ* (ibid. № 98); 9 и 10 *народныя переписи въ округахъ государственныхъ имуществъ Пензенской губерніи*, В. Волкова (ibid. № 99); *О вспомощеніи бѣднымъ въ г. Могилевѣ* (ibid. № 100); *С. Петербургъ въ статистическомъ отношеніи*, Е. П. Карновича (ibid. № 101, 102); *Нѣсколько словъ по-поводу гласности*, А. Чужбинскаго (ibid.); *Дѣйствительное населеніе Одессы въ 1858 г.*, А. А. Скальковскаго (ibid. № 105); *Астраханская губерніи въ 1858 году* (ibid. № 106); *Альская торговля на рр. Воли и Камп*, Степана Мельникова (ibid. № 115); *Судоходство по Ивановскому каналу* (ibid. № 17); *Исторія и составъ Царической общины* (Моск. вѣд. № 108); *Нѣчто о дорогахъ вообще и пароходствѣ по верховьямъ въ-особенности*, Донскаго казака (ibid. № 163); *Гласность въ провинціи* (ibid. № 107); *О необходимости ценза въ городскихъ выборахъ*, Б. В—на (ibid. № 113); *Рекрутскія повинности въ древней Россіи*, А. (ibid. № 114); *Большая желѣзная дорога въ Китай и къ Тихому океану*, М. (ibid.); *По-поводу письма 18-ти дворянъ Калужской губерніи* (ibid. № 117); *Мнѣнія Англичанъ и Американцевъ о Русскомъ владычествѣ на Амурѣ* (ibid.); *По-поводу статей объ Италіи*, Н. Ч. (Моск. вѣд. № 122); *Замѣтка о хлѣбной торговлѣ внутри Россіи*, Г. А. Кузмина (ibid.); *Распространеніе трезвости* (ibid. № 103, 105, 106, 107, 123); *О ходѣ откуповъ Царицискаго и Зарайскаго за первую треть 1858 г.*, В. А. Кокорева (ibid. № 124); *Экономическія понятія въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка*, М. Г. Пещкина (ibid. № 117); *Проектъ новаго складочнаго магазина для хлѣба въ Одессѣ*, К. Витгефта (Одеск. вѣст. № 47); *Движеніе Одесской торговли за апрѣль 1859 года* (ibid. № 54); *Нѣсколько словъ по-поводу разграниченія Черногоріи*, П.

Ст—ча (ibid. № 55); *О блокада*, Н. М—ва (ibid. № 56); *О недостаткѣ матросовъ, какъ препятствіи къ развитію правильнаго торговаго судоходства на Югѣ Россіи*, П. Безсонова (ibid. № 65); *Взглядъ на общественное устройство городовъ* (ibid. 84); *Нѣсколько словъ о таксѣ*, Шостенскаго (ibid. № 86); *Нѣсколько словъ о податныхъ недоимкахъ* (Кіев. телегр. № 6); *Мысль о всеобщемъ застрахованіи домовъ въ Кіевѣ* (ibid. № 15); *Золотопромышленность въ В. Сибири* (Кавказ. № 43); *О металлахъ съ Уральскихъ частныхъ заводовъ въ 1858 году* (ibid. № 44); *Поиски золота въ Амурской области и въ Олонецкой губерніи* (ibid. № 64); *Еще о главномъ банковомъ и торговомъ обществѣ* (ibid. № 66); *Морская торговля въ Прикаспійскомъ краѣ и дѣйствіе Петровскаго порта въ 1858 году* (ibid. № 67); *Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ частныхъ золотыхъ промысловъ въ восточной и западной Сибири и на Уралѣ и о количествѣ добытаго золота въ 1858 году* (Зол. руно № 17, 19—23); *Мысли Уильяма Чаннинга о трезвости* (ibid. № 19 п 20); *Золотые пріиски въ Зауральской площади* (ibid. № 21 п 22); *Лучше ли для государства имѣть процентный долгъ въ 500 мил. руб. или же на 500 мил. денегъ*, П. Бунге (Журн. для акціон. № 121); *Война и финансы* (ibid. п № 122, 124); *По вопросу о пониженіи золота* (ibid. № 124); *Какого рода компаніи даютъ самый вырванный и наибольший дивидентъ*, Н. Бунге (ibid. № 125); *Железные дороги въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ* (ibid.); *Два недѣли изъ биржевой жизни* (ibid. № 126); *Финансовое положеніе Французскихъ колоній желѣзныхъ дорогъ* (ibid.); *Лондонскіе акціонерные банки* (ibid.); *Цѣны прежде и послѣ торговаго кризиса* (ibid. № 27); *Всемирное общество Суэскаго канала* (ibid. № 137); *Отчеты государственныхъ кредитныхъ установленій* (ibid. № 124); *Послѣдній Французскій заемъ* (ibid. № 131); *Железная дорога* (ibid. № 134); *Объ устройствѣ новаго открытаго Ладожскаго канала* (ibid.); *Главное банковое и торговое общество въ С. Петербургѣ*, Н. Бунге (ibid. № 135); *По вопросу о продовольствіи войска частию-промышленнымъ способомъ* (ibid. № 136); *Французское общество поземельнаго кредита* (ibid.); *Финансовое положеніе Пруссіи* (ibid.); *Обзоруженіе Франціи* (ibid. № 137); *Финансы войны*, Горна (Сынъ отеч. № 18); *Австрія и Италія передъ лицомъ Европы* (ibid. № 19 п 20); *Женскій трудъ* (ibid. № 21, 22 п 23); *Послѣднія средства Австріи*, Горна (ibid. № 23, 25); *Какъ великъ поземельный налогъ въ Ломбардіи?* (ibid. № 23); *Вой-*

на и участіе Европы въ *Италіанскомъ вопросѣ* (ibid. № 26 и 27); *О таксѣ на хлѣбъ*, Моливари (ibid. № 29); *Италіанскій вопросъ*. Изъ Westminster Review (ibid. № 29 и 32); *Объ устройство центральной Италіи послѣ Виллафранкскаяго мира* (ibid. № 5); *Австрійская система вѣншательства* (ibid. № 35 и 37); *Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи*, Моливари (ibid. № 38)

— «Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1858—1859 году:

	Привезено то- варовъ.	Продаво.
По Ирбитской, въ Пермской губер.	44,789,100 р.	42,628,200 р.
— Малянской, въ г. Ромнѣ, Полтавской губ.	4,209,700 «	1,341,557 «
— Алексѣевской, въ г. Котельничѣ, Вятской губ.	1,214,850 «	841,650 «
— Никольской, въ г. Ишимѣ, Тобольской губ.	2,661,065 «	2,417,780 «
— Васильевской, въ г. Тюмени, Тобольской губ.	512,000 «	210,070 «
— Никольской, въ г. Таганрогѣ. . . .	595,000 «	100,000 «
— Никольской, въ мѣстечкѣ Каховкѣ, Днѣпр. у. Тавр. губ.	501,600 «	130,750 «
— Троицкой, въ г. Лебедяни, Тамбовской губ.	840,725 «	397,050 «
— Троицкой, въ г. Корсунѣ, Симбирской губ.	666,787 «	399,274 «
— Троицкой, въ г. Гомелѣ, Могилевской губерніи.	207,460 «	148,240 «
— 1 Коренной, въ г. Курскѣ.	8,307,900 «	5,001,700 «
— Никольской, въ селѣ Большомъ-Токмакѣ, Бердян. у. Тавр. губ. .	544,490 «	193,357 «
— Кіевской Крещенской контрактной ярмаркѣ.	2,521,695 «	679,330 «

По этой послѣдней ярмаркѣ въ-сравненіи съ прошедшимъ годомъ было болѣе по привозу на 594,525 р., а по сбыту на 243,080 руб. Въ числѣ привезенныхъ товаровъ было: отечественныхъ—на 1,108,495 р. и иностранныхъ—на 1,413,200 р.; противъ прошлаго года болѣе: первыхъ—на 308,330 р., послѣднихъ— на 286,195 р. Изъ

проданныхъ товаровъ было: отечественныхъ—на 318,030 р. и иностранныхъ—на 361,300 р.; сравнительно съ прошлогодней ярмаркой болѣе: первыхъ—на 192,155 р., послѣднихъ—на 50,925 р.».

—«О Французскомъ и Англійскомъ долгахъ и ихъ распредѣленіи».—Эта статья заимствована изъ «Semaine financière». Вотъ общіе ея выводы: «Изъ сравненія ренты за послѣднее время, платимой Англіею и Франціею по своимъ займамъ, можно вывести слѣдующее заключеніе: вся сумма отверженнаго Англійскаго долга составляетъ 19,502,993,050 франк., распредѣленнымъ между 268,995 лицами, т.-е. по 72,500 франк. на каждое. Вся сумма Французскаго долга равняется 8,422,096,700 фр., распредѣленнымъ между 1,008,682 лицами, т.-е. на каждое по 8,600 франк. Англійскій долгъ выплачиваетъ всего процентовъ 689,411,574 франк., или 2,550 франк. каждому предъявителю; во Франціи этотъ процентъ составляетъ всего 310,830,000 франковъ, а на каждого рентьера по 300 фр. Эти факты даютъ возможность объяснить разность въ стоимости публичныхъ фондовъ, въ данномъ случаѣ. Такъ напр. еще недавно Французскіе фонды упали на 5%, тогда-какъ Англійскіе понизились только на 1%. Предполагали вообще, что для народа благоприятно чрезвычайное раздробленіе его долга: чѣмъ болѣе кредиторовъ у государства, тѣмъ болѣе людей, имѣющихъ прямую выгоду поддерживать правительство. Въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія, и съ этой точки зрѣнія раздробленіе долговыхъ обязательствъ выгодно; но съ другой стороны оно представляетъ и неудобства. Конечно, для 1,008,682 лицъ, внесшихъ только по 8,600 фр., тревожные слухи объ упадкѣ общественнаго кредита чувствительнѣе, нежели для 121,910 лицъ, участвующихъ въ долгѣ каждое на 72,500 фр., т.-е. на долю, которая-бы приходилась, еслибы Французскій долгъ былъ такъ-же распредѣленъ, какъ Англійскій. Ибо когда проявляется недовѣріе къ кредитнымъ учрежденіямъ, оно всегда болѣе со-стороны владѣтелей мелкихъ знаковъ, нежели крупныхъ вкладчиковъ. Для націи есть, конечно, выгода въ распредѣленіи государственнаго долга между многими лицами; но есть въ этомъ и та дурная сторона, что кредитъ страны легче подвергается колебанію именно въ ту минуту, когда всего болѣе пужна его твердость. Слѣдовательно сомнительно, чтобы при одинаковыхъ условіяхъ, государственный долгъ, раздробленный на мелкія облигаціи, стоилъ-бы такъ высоко въ цѣнѣ, какъ тотъ, который раздѣленъ на болѣе крупныя доли. Одно то обстоя-

ятельство, что облигаціи мелкія подвержены болѣе быстрымъ и болѣе значительнымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, уже должно заставить предпочесть первый родъ займа второму. Одна изъ главныхъ причинъ твердости облигацій заключается въ постоянствѣ биржевой ихъ цѣны, и нѣтъ сомнѣнія, что какъ Англійскіе фонды обладаютъ этимъ качествомъ въ высшей степени, то и цѣна на нихъ такъ высока. Есть и другія этому основанія, и самое важное лежитъ въ безграничномъ кредитѣ, которымъ пользуется страна, и кромѣ-того обязанность trustees и другихъ назначаемыхъ судебнымъ порядкомъ администраторовъ помѣщать капиталы опекаемыхъ ими лицъ и подвѣдомственныхъ имъ учреждений не иначе, какъ на покупку государственныхъ облигацій. Не смотря однакожъ на быстрое увеличеніе Французскаго долга и значительное уменьшеніе Англійскаго, послѣдній слишкомъ вдвое болѣе первого».

— «Обозрѣніе главнѣйшихъ причинъ всеобщей дороговизны». — Авторъ излагаетъ сначала общія намъ съ западною Европою причины дороговизны: «Явленія всеобщей и повсемѣстной дороговизны, выразившіяся въ западно-Европейскихъ обществахъ, одновременно проявились и въ нашемъ отечествѣ. Известно, что сила и степень возвышенія цѣнъ на главнѣйшіе предметы потребленія обуславливаются обыкновенно экономическимъ состояніемъ общества въ данную эпоху, и потому, чѣмъ общество это менѣе-хозяйственно развито, менѣе пользуется тѣми учрежденіями, которыя составляютъ принадлежность прогрессивнаго состоянія народной экономіи, тѣмъ сила и дѣйствіе причинъ дороговизны болѣе-значительны и сопровождаются болѣе-большимъ вліяніемъ. Вслѣдствіе такого обстоятельства, Россія, которая не достигла еще той степени экономическаго преуспѣнія, на которой уже стоятъ многія западныя государства, должна испытывать дороговизну въ болѣе-значительной степени. И, дѣйствительно, самое поверхностное наблюденіе надъ состояніемъ многочисленныхъ классовъ бѣднаго населенія Россіи свидѣтельствуетъ, что отъ постоянно-возрастающей дороговизны положеніе ихъ представляется въ самомъ неутѣнительномъ видѣ. Лишенія поражаютъ неумолимо бѣднаго человѣка и силою своего неотразимаго дѣйствія препятствуютъ постоянно его развитію. Такое грустное обстоятельство, конечно, не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія всѣхъ, кто не чуждъ общественныхъ интересовъ, кто имъ сочувствуетъ и кого тревожатъ

и занимаютъ они. Экономисты признаютъ, что постоянное возвышеніе цѣнъ на главнѣйшіе предметы народнаго потребленія, какъ-то на хлѣбъ и другія произведенія, завися отъ неравномѣрнаго плодородія земли и постоянно-увеличивающагося населенія, есть явленіе постоянное, неизмѣнно-совершающееся въ теченіе вѣковъ; что дороговизна на эти предметы, усилившись, въ свою очередь, влечетъ возвышеніе цѣнъ и на другіе предметы, и, такимъ образомъ, все начинаютъ чувствовать всеобщую дороговизну. Многіе видятъ въ такомъ возрѣніи на ходъ экономическихъ явленій грустный, неутѣнительный взглядъ, приписываютъ его исключительно такъ-называемой Англійской школѣ и, опровергая его, доказываютъ, напротивъ, что общества постоянно идутъ къ совершенству, знаменуютъ свое развитіе всестороннимъ прогрессомъ, и что, слѣдовательно, онъ долженъ одновременно проявляться и въ хозяйственной дѣятельности, какъ во всехъ другихъ. Противъ этого скажемъ, что какъ мыслители Англійской школы, такъ и все здравомыслящіе экономисты далеки отъ мысли опровергать или даже уменьшать, хотя на малѣйшую долю, благотѣльные дѣйствія всеобщаго развитія; они твердо вѣруютъ и убѣждены, что все идетъ къ совершенству, все подвержено развитію, но тѣмъ не менѣе, признаютъ, что фактъ дороговизны, самъ-по-себѣ, протекая отъ естественныхъ причинъ, остается неизмѣннымъ, и если мы замѣчаемъ нѣкоторыя улучшенія въ бытѣ народовъ, то этимъ мы обязаны благимъ учрежденіямъ, предпринимаемымъ правительствами, и улучшеніямъ, играющимъ такую важную роль въ экономическомъ бытѣ страны. Можно положительно сказать, что все чрезвычайныя бѣдствія, постигающія народы, протекаютъ или отъ недостатка рациональной дѣятельности, или отъ ошибокъ. Смыслъ фактъ дороговизны, признанный нами вѣчнымъ и неизмѣннымъ, силою этихъ улучшеній можетъ быть если не совершенно отстраненъ, то дѣйствіе его значительно уменьшено. Возможность-же этихъ улучшеній зависить прежде всего отъ генія чловѣка, свободно-развивающаго и направляющаго свою дѣятельность на общую пользу, и потому всякое препятствіе его развитію, всякое замедленіе быстрого его хода неизмѣнно отражаются на благѣ и на счастіи чловѣка, какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ. Тѣ писатели, которые высказали вышеприведенный взглядъ на ходъ хозяйства, никогда не думали отвергать дѣйствія открытій, улучшеній и усовершенствованій: они всегда признавали вели-

кое дѣйствіе ихъ, и знаменитый Рикардо, основавшій свою теорію поземельной ренты на началѣ постоянной дороговизны жилищныхъ продуктовъ, которая позволяетъ прибѣгать къ разработкѣ земель худшаго качества или находящихся въ менѣе благоприятныхъ отношеніяхъ, вполнѣ и твердо признавалъ вліяніе развитія науки и всѣхъ усовершенствованій на цѣну произведеній. Рикардо прямо говоритъ, что «гдѣ богатство возрастаетъ съ большою скоростью (чѣмъ рента), т.-е., въ странахъ, пользующихся большимъ количествомъ плодородной земли, свободной торговли, *сельскими улучшениями*, тамъ возрастаніе ренты медленно». Эти слова прямо и неопровержимо доказываютъ значеніе, которое придавалъ Англійскій экономистъ сельскимъ улучшениямъ. И дѣйствительно, только въ странахъ варварскихъ, невѣжественныхъ сельское хозяйство не подвигается впередъ, капиталъ не возрастаетъ, между тѣмъ-какъ населеніе увеличивается, и при этомъ одномъ доходъ съ земель различнаго качества можетъ имѣть разницу значительную, цѣны и рента возвышаются и, какъ выразился Бастиа, богатые могутъ богатѣть, а бѣдные дѣлаться еще бѣднѣе. Въ странахъ-же, вѣствующихъ по пути прогресса, гдѣ искусства совершенствуются, капиталы накапливаются, цѣны необходимо должны уменьшиться и рента падать. Слѣдовательно, изъ всего сказаннаго мы видимъ, что дороговизна не есть случайный, мѣстный, частный фактъ: она есть постоянное и неизбежное явленіе. Претендовать, жаловаться на ея проявленіе такъ-же незаконно, какъ безразсудно возставать противъ какого-либо естественнаго явленія, какъ-бы ни были гибельны его послѣдствія; можно только сожалѣть о томъ, что тѣ обстоятельства, которыя уменьшаютъ цѣны и влѣдствіе этого увеличиваютъ относительное благосостояніе большинства, не имѣютъ мѣста, можно только желать и содѣйствовать полнѣйшему ихъ проявленію. Отсюда понятно теперь, почему, въ странѣ малоразвитой, неуволившей себѣ всѣхъ признаковъ новѣйшей цивилизаціи, дѣйствіе дороговизны, которое можетъ быть уменьшено, или уничтожено только ихъ помощію, должно быть всегда значительнѣе, чѣмъ въ странахъ болѣе образованныхъ. Потому общая, главная и существенная причина дороговизны въ странахъ этого послѣдняго рода есть недостатокъ образованія, малое развитіе хозяйственной дѣятельности. Къ такому роду странъ отчасти принадлежитъ въ настоящее время и наше отечество. Такова первая и главная причина сравнительно-большаго

вздорожанія Русскихъ произведеній. Далѣе затѣмъ слѣдуютъ частныя причины, обусловившія собою дороговизну въ Россіи въ періодъ времени отъ 1847 по 1857 годъ. Мы здѣсь только перечислимъ изслѣдованныя авторомъ причины. Онѣ зависѣли отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) отъ неудовлетворительнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства; 2) отъ чрезвычайной неравномѣрности существующихъ у насъ цѣнъ на хлѣбныя произведенія относительно различныхъ мѣстностей; 3) а) отъ неравномѣрности нашихъ урожаевъ, которые въ Россіи значительно измѣнчивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, б) отъ трудности сообщенія влѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ, с) отъ огромныхъ разстояній, отдѣляющихъ главные хлѣбные рынкы, д) отъ слишкомъ сжатаго круга, въ которомъ заключается наша хлѣбная торговля; 4) нельзя также не обратить вниманія на другую важную отрасль народнаго хозяйства — на ея мануфактурную промышленность, и въ современномъ состояніи ея искать причинъ слабаго ея развитія и повышенія даже цѣнъ на произведенія фабричныя и ремесленныя; 5) отъ несовершенства механизма нашей торговли вообще». Наконецъ авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на тѣхъ частныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, которыя имѣли мѣсто въ разсматриваемый періодъ времени. Обстоятельства эти были слѣдующія: 1) война, 2) неурожай въ западной Европѣ и 3) составленіе нашей монетной системы.

Сюда-же принадлежатъ слѣдующія статьи по поводу новыхъ изданій: *Чичеринъ, какъ публицистъ* (Очеркъ Англіи и Франціи, соч. Б. Чичерина. Москв. 1859 г.) Н. Г. Чернышевскаго (Совр. : 5); *Семейная община Южныхъ Славянъ*, соч. Утешеновича, К. (Русс. бсс. № 4).

V. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества напечатаны слѣдующія статьи: *Отчетъ о дѣятельности Кавказскаго отдѣла Общества* (№ 5); *О движеніи народа населенія въ Чердынскомъ уѣздѣ, въ девятилѣтіе 1841—1850 г.*, свящ. А. Луканина (ibid. и № 6); *Островъ Ямайка* (№ 5); *Обзоръ Русской географической литературы 1858 г.* (ibid. и № 6); *Результатъ барометрической нивелировки, произведенной между Иркутскомъ и Амурскимъ моремъ въ 1858 г.* астрономомъ Струве.

состоявшимъ при нашей линіи въ Хивъ (№ 5); *Замѣтки о Сопортъ* (ibid.); *Замѣчанія г. Дренберга* (ibid.); *Въ память А. фонъ-Гумбольдта* (ibid.); *Отчетъ секретаря Имп. Русскаго геогр. Общества о занятіяхъ его за границую въ 1857—58 г.* (№ 6); *Собраніе историческихъ свѣдѣній о Новогрудкѣ, со смерти Свентарога (1270), М. Дмитріева* (ibid.); *Пенелійскій заливъ и рѣка Пейхо* (ibid.); *Записка Е. П. Чирикова о работахъ Русской комиссіи для опредѣленія Персидско-Турецкой границы* (ibid.); *Краткій археологическій взглядъ на западную часть Багдадскаго пашалыка, его-же* (ibid.) *Ученые путешественники въ 1858 и 1859 г.* (ibid.); *Изысканія въ восточной Африкѣ, капитановъ Бюртона и Слика* (ibid.); *Англійская торговля съ Китаемъ* (ibid.); *Краткій взглядъ на возможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ* (ibid.); *Глазовскій уездъ, В. Шестакова* (№ 7 и 8); *Народонаселеніе земнаго шара, по его количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ, Дитеррици* (ibid.); *Черный лѣсъ и его окрестности, Пващевкова* (№ 7); *Внутренность Австраліи, Петерманна* (ibid.); *Горное дѣло въ южной Австраліи и открытіе золота на Муррей* (ibid.); *Путешествіе доктора Галя по Европейской Турціи въ 1858 г.* (ibid.); *Характеристика различныхъ народностей Австрійской имперіи. Записка г. Чернига, читанная въ Вѣнской академіи наукъ* (ibid.); *Некрологъ: Дитеррици* (ibid.); *Отчетъ начальника Хоросанской экспедиціи* (№ 8); *Отчетъ г. Ленца* (ibid.); *Сказаніе о Дванадцати Тревовицахъ* (ibid.); *Письмо графа М. Головкина къ герцогу Бирону объ Оренбурѣ 1739 г. Сообщ. В. И. Ламанскимъ* (ibid.); *О древнѣйшихъ населеніяхъ своестроителей по разнымъ Швейцарскимъ озерамъ, К. Риттера* (ibid.); *Этнографическій очеркъ восточной Галиціи, Циммерманна* (ibid.); *Статистическій очеркъ Французскихъ колоній* (ibid.).

— «Характеристика различныхъ народностей Австрійской имперіи». — Чернигъ характеризуетъ различныя народности Австріи, между прочимъ, слѣдующими чертами: «*Нѣмцы* густо населяютъ Альпійскія земли и сѣверныя пограничныя горы, однако частью крѣпкими колоніями, частью отдѣльными населеніями, втершись между другими племенами, живутъ по всей государственной территоріи на сѣверъ до Альповъ и простираются до Адриатическаго моря, такъ-что почти на всемъ пространствѣ имперіи преобладаетъ Нѣмецкій языкъ, употребляемый Нѣмцамъ. Еще далѣе однако простирается власть и вліяніе Нѣмецкаго языка, такъ-какъ

опъ языкъ войска, на сѣверъ отъ Альповъ языкъ правительства, высшихъ сословіи и вообще образованнаго общества, по преимуществу языкъ ученой и художественной литературы, языкъ высшего преподаванія, промышленности, торговли и всѣхъ административныхъ учреждений. И въ Австріи Нѣмецъ является необыкновенно-способнымъ къ колонизаціи; его скорость въ изученіи иностранныхъ языковъ и въ присвоиваніи чужихъ принадлежностей образуютъ изъ него по-преимуществу пионера образованности. Нѣмцы Австрійскіе по большей части изъ племени верхне-Нѣмецкаго и раздѣляютъ его свойства. Вступая въ ближайшее общеніе съ другими народностями, они выигрываютъ относительно ловкости, подвижности и предприимчивости, но теряютъ зато въ національности, легко принимаютъ чужіе нравы и чужую одежду, наконецъ и самый чужой языкъ, не теряя вмѣстѣ-съ-тѣмъ и прочихъ своихъ Нѣмецкихъ особенностей и только постоянный наплывъ новыхъ соплеменниковъ служитъ причиною тому, что положеніе ихъ жилищъ остается однимъ и тѣмъ-же, такъ-какъ послѣднія то сьуживаются, то расширяются. На отдѣльныхъ личностяхъ въ ихъ прикосновеніи съ чужими народностями всего болѣе оказывается малая способность Нѣмцевъ къ противудѣйствію. Всего легче они мѣшаются съ Мадьярами, дворянство коихъ приняло въ себя много Нѣмецкихъ фамилій и Нѣмецкой крови, города которыхъ имѣютъ населеніе, стоящее между Мадьярами и Нѣмцами. Также и Славянскому, именно сѣверному, племени подчиняется Нѣмецъ; Чехи и Поляки укрѣпляются Нѣмцами и прежняя связь Нѣмецкихъ колоній въ верхней Венгріи уже давно разорвана Словаками, многіе тамъ Нѣмцы ословачились. У Словенцевъ тоже происходитъ подобное; въ южной Сиріи есть края, гдѣ Словенскіе мужики часто носятъ Нѣмецкія имена, слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія. Съ Хорватами Нѣмцы имѣютъ мало сношеній, съ Сербами также, такъ-какъ Нѣмцы на югъ отъ Венгерскихъ земель болѣе обращены къ Мадьярамъ. Въ собственной Италіи стихія Нѣмецкая никогда не могла пустить глубокихъ корней; даже въ южномъ Тироли, хотя болѣе по причинѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, подвигается Италіянская стихія все далѣе на сѣверъ и всегда Нѣмецъ легче подчиняется всему Италіянскому и скорѣе его принимаетъ, нежели Италіянецъ Нѣмецкому. Еще больше разстоянія между Нѣмцемъ и Валахомъ, которые, находясь въ частыхъ сношеніяхъ, никогда почти не смѣшиваются.

Нижне-Нѣмецкіе Саксы въ Седмиградѣи отличаются однако большою крѣпостью въ сохраненіи своей народности; оттого и могли они удержаться при всемъ своемъ одиночествѣ, хотя и они далеки отъ стремленія къ размноженію. Италіяны Ломбардо-Венеціанскаго королевства сохраняютъ всѣ преимущества современныхъ Италіянцевъ и частью даже въ высшей степени, чѣмъ всѣ другіе. Ясный, пронзительный умъ облегчаетъ имъ пониманіе всѣхъ обстоятельствъ; подвижной духъ съ удивительною личною ловкостію ведетъ ихъ раньше другихъ къ избранной ими цѣли. Наслѣдіе старой образованности, тонкое общественное образованіе, мягкость въ самыхъ даже низшихъ классахъ вмѣстѣ съ прекрасною наружностію отбываютъ имъ общественные круги, точно такъ-же, какъ и характеристическое ихъ занятіе изящными искусствами, опредѣляемое нѣжнымъ климатомъ и врожденною техническою способностію, и понынѣ образуютъ изъ Италіи великую художественную школу всѣхъ другихъ народовъ. Упорство въ стремленіи къ приобрѣтенію, замѣчательно-соединенное съ привычкою къ самопожертвованію и къ благотворительности, эти качества сопровождаютъ ихъ повсюду и дома проявляются въ усердіи, неутомимомъ прилежаніи въ занятіяхъ земледѣльческихъ и промысловыхъ. Извѣстно, на какой высокой степени стоитъ земледѣліе въ Ломбардіи, чему благоприятствуютъ не столько солнце и раннебѣрное плодородіе почвы, сколько преимущественно Ломбардское трудолюбіе. Такія блестящія качества нѣсколько затмѣваются темными сторонами, но большей части слѣдствіями старой образованности. При выборѣ средствъ къ достиженію всѣхъ цѣлей онъ не исключаетъ хитрости и обмана, но онъ далекъ отъ грубости и (если не возбуждены въ немъ страсти) отъ насмѣя. Характеръ Италіянца отличается индивидуализмомъ; какъ индивидуумъ, какъ отдѣльное лицо, онъ совершаетъ весьма много, но по большей части ему недостаетъ общаго смысла, охоты къ совокупному дѣйствию для достиженія великихъ цѣлей и только исторически-образовавшійся муниципальный смыслъ приводитъ къ великимъ національнымъ предпріятіямъ. Съ Нѣмцами Италіяны сближаются не легко, такъ-какъ Нѣмцы мало обладаютъ силою протруддѣствія: со Славянами чаще у нихъ случается взаимное проникновеніе, такъ напримѣръ попадаютъ въ Истрію ославяненныя Италіяны и италіянизованныя Славяне. Какъ прежде сближались, такъ и теперь мѣшаются Италіяны съ Мадырами еще

легче, нежели со Славянами. Совершенно особымъ образомъ занимаютъ Магьяры средину между народами восточными и западными. Посреди народовъ Индо-Европейскаго корня образуютъ они наибольшій этнографическій островъ въ Европѣ, занимая собою равнину Венгрии и оттуда распространяясь во все стороны. Живя вообще плотно, они вездѣ однако, за исключеніемъ Языгии и Куманіи, вступаютъ въ прикосновеніе съ народами чужаго языка и самаго разнороднаго образованія. И несмотря ни на это многообразное развѣтвленіе, ни на обширныя сношенія съ чужеземниками, это обтуденное племя ничего не потеряло въ своемъ составѣ, напротивъ даже усилилось поглощеніемъ въ себя чужихъ стихій и возвысилось до народа образованнаго. Оно тѣмъ обязано богатымъ жизненнымъ силамъ, бьющимъ въ его жилахъ, и горячему народному чувству, которое, не отклоняясь ни отъ какого вліянія, ставитъ однако свой народъ выше всего на свѣтѣ. Эта любовь къ своей народности, въ соединеніи съ твердостью въ сохраненіи своихъ возрѣній, составляетъ отличительнѣйшую черту характера Магьяръ; любовь эта покоится на вѣжномъ чувствѣ и пламенной фантазіи, пробуждавшей народъ къ самымъ великимъ героическимъ подвигамъ, точно такъ-же, какъ и приводившей его къ внутреннимъ раздорамъ, которые немалъ угрожали истребленіемъ внутренней силы государства. Великая народная семья *Славянъ* занимаетъ въ Австріи обширнѣйшую площадь и, за исключеніемъ Ломбардіи, Тироля, Зальцбурга и верхней Австріи, распространяется по всемъ имперскимъ землямъ. Эта народная семья одарена отъ природы не столько блестящими, сколько прочными и многообѣщающими въ будущемъ качествами; хотя ея члены и находятся на различныхъ степеняхъ образованности, отчего и происходитъ замѣчательное въ нихъ разнообразіе, тѣмъ не менѣе она сохранила всю первоначальную силу, и благодаря упругости своего характера, не зазнающагося въ счастіи, не унадающаго въ бѣдѣ, она нѣсколько разъ являлась въ опаснѣйшія минуты опорю имперіи и твердыми столбами порядка. По большей части живя плотными массами, хотя и съ многочисленными, спорадическими выселками раздѣляется Славянское племя на двѣ большія, пространственно другъ отъ друга отдѣленныя вѣтви, — на сѣверныхъ и южныхъ Славянъ. Въ этихъ самыхъ отдѣлахъ обнаруживаются свои значительныя разности, опредѣляемыя географическимъ положеніемъ и исторіей. Очень давно вступившіе въ прикосновеніе съ Нѣмец-

кою образованностью Чехи рано ее приняли и потому поднялись въ разрядъ образованнаго народа, вліяніе котораго далеко простирается за предѣлы ихъ отечества. Они особенно отличаются рѣзкимъ умомъ, преимущественно располагающимъ ихъ къ точнымъ наукамъ, чрезвычайнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, большимъ упорствомъ и прилежаніемъ въ избранныхъ занятіяхъ и стародавнею любовью къ сельскому хозяйству; ихъ словесность, самая образованная у Славянъ, рано украсилась прекраснѣйшими плодами. Открытые со всѣхъ сторонъ Нѣмецкому вліянію, они неослабно сохранили свою народность, что еще гораздо вѣрнѣе относительно Чешскаго племени, нежели Моравскаго, тогда-какъ Словаки, болѣе удаленные отъ дѣйствіи цивилизаціи и еще болѣе неблагоприятствуемые неплодородіемъ своей почвы, отличаются передъ всѣми другими племенами богатою силою творчества. Польская вѣтвь въ Галиціи раздѣлила судьбы Польскаго королевства, вліяніе котораго на народныя особенности несомнѣнно. Въ то время, какъ нижніе классы народа весьма мало пользовались благодѣяніями образованности, высшія сословія рано стали подражать сперва Нѣмцамъ, а потомъ Французамъ, отчего и образовались въ общественныхъ отношеніяхъ потокъ и движеніе, вообще чуждые Славянскимъ племенамъ, бывшіе причиною, правда, многихъ блестящихъ явленій, цвѣтущаго состоянія литературы, но за то и послѣдующихъ государственныхъ потрясеній и частой перемѣны точки тятотѣнія въ народныхъ стремленіяхъ. *Русское* племя (Ruthenischer Stamm), съ незапамятныхъ временъ угнетенное крѣпостнымъ правомъ и удаленное отъ средоточія образованности, только отъ будущаго ожидаетъ своего общественнаго развитія, сохранивъ много первобытной свѣжести и здоровыхъ силъ для возрожденія. Изъ южныхъ Славянъ *Словенцы* раньше другихъ поселились въ нынѣшнихъ своихъ жилищахъ. Они жили совершенно замкнуто до новѣйшаго времени, когда обнаружился въ нихъ бодрая жизнь и замѣтное пробужденіе народнаго духа. Менѣе другихъ Славянскихъ племенъ обладая силою сопротивленія, они много потеряли на сѣверѣ въ-отношенія къ Нѣмцамъ и на востокѣ въ-отношенія къ Хорватамъ. Вся нынѣшняя область Хорватской провинціи (Кроаціи), нѣкогда принадлежавшая къ Виндской маркѣ, была прежде населена Словенцами, которые тамъ охорватились и выродились въ какихъ-то Словено-Хорватовъ, которые вообще однако этнографически ближе къ Словенцамъ, чѣмъ

къ Хорватамъ. Въ настоящее время Нѣмецкая образованность начинаетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на Словенцевъ, писатели которыхъ знакомятъ своихъ соотечественниковъ на родномъ языкѣ съ Нѣмецкими произведеніями. Замѣчательное явленіе представляютъ собою Хорваты и Сербы—два племени, тѣсно-сродныя между собою, говорящія однимъ языкомъ, съ небольшими отгѣнками говора, но со вступленія своего на историческое поприще отдѣленные другъ отъ друга и вмѣстѣ однако выславшія большія народныя поселенія съ Карпатовъ къ берегамъ Адриатическаго моря. При всемъ своемъ сродствѣ, эти два племени впрочемъ отлпчаются другъ отъ друга болѣе, чѣмъ однимъ названіемъ. Хорваты обладаютъ бѣльшимъ постоянствомъ характера и болѣею крѣпостью быта; вступленіе ихъ на поприще образованности идетъ съ недавняго времени, хотя отдѣльныя личности изъ этого народа, далеко опередивъ свое время, уже давно блистали въ литературѣ. Сербское племя, надѣленное болѣею подвижностью, остроуміемъ и особеннымъ поэтическимъ дарованіемъ, представляетъ собою въ тѣсныхъ предѣлахъ двѣ крайнія ступени образованности: рядомъ съ первобытнымъ состояніемъ Истрійскихъ и Далматскихъ Морлаковъ богатую политическую и литературную жизнь прежней республики Дубровницкой, гдѣ счастливое сочетаніе Славянскій твердости съ Италіанскою гибкостью рано породило такую образованность, которая и понынѣ представляетъ блестящую точку въ исторіи этихъ народовъ. Въ сношеніяхъ съ другими народностями сохраняютъ Славянскія племена врожденную имъ силу сопротивленія. Чехи въ Богеміи, почти окруженные Нѣмецкимъ поселеніемъ, впродолженіе столѣтій почти неизмѣнно удержались въ своихъ прежнихъ границахъ, и что они потеряли тамъ и сямъ въ пространствѣ, было значительно вознаграждено замѣчательными талантами и характерами, которыми позаимствовались, Нѣмцы сильно укрѣпились въ Богеміи. Географическое положеніе Моравіи, также-какъ и стремленіе тамошнихъ хозяйственныхъ интересовъ въ Вѣну, открываютъ тамъ обширный просторъ Нѣмецкому вліянію. Словаки, напротивъ-того, все болѣе и болѣе стремятся на югъ, занимая отдѣльные края, пограничныя жилищамъ Нѣмцевъ, Мадырѣ, Поляковъ и Русскихъ. Поляки на западныхъ границахъ въ-отношеніи къ Нѣмцамъ и Чехамъ остаются въ одномъ положеніи, но, какъ народъ образованный, подобно Нѣмцамъ, уже рано подвинулись на востокъ и заняли Рус-

скую область рядомъ поселеній, гдѣ важнѣйшій окончательный пунктъ — главный городъ Львовъ. Русскіе должны были потерять на Польско-Славянской границѣ, но въ-отношеніи къ Валахамъ неизмѣнно удержали свои жилища въ сѣверо-восточной Венгріи и въ Буковинѣ. Уже выше было упомянуто о томъ, какъ Словенцы вообще теряютъ на Нѣмецкой границѣ, а на востокѣ должны были уступить значительную часть своей области Хорватамъ; здѣсь слѣдуетъ еще присовокупить, что въ Венеціанскомъ Фурляискѣ (Фриулѣ) какъ въ самой области, такъ и въ-связи жилища они подвергаются постояннымъ потерямъ, въ Краинѣ-же, напротивъ-того, сохраняютъ всю полноту жизненныхъ силъ. Хорваты оказали Мадыарской стѣнѣ сильное сопротивленіе въ то время, какъ она получила перевѣсъ и въ своей области они все болѣе вытѣсняють отдѣльныя Мадыарскія поселенія; выше было замѣчено, какъ выплываютъ они на-счетъ Словенцевъ. Безспорное вліяніе Италіянцевъ тамъ, гдѣ они входятъ въ соприкосновеніе съ Хорватами, болѣе оказывается духовнымъ вліяніемъ образованности, нежели вытѣсненіемъ Хорватской народности, что происходитъ отчасти только на берегахъ Истріи. Кромѣ Истріи и Далмаціи, находятся Сербы въ сношеніяхъ съ чужими народностями только въ южной Венгріи; но тамъ они начались слишкомъ недавно для того, чтобы возможно было указать на вѣроятныя ихъ послѣдствія, на морскомъ-же берегу подчиняются Сербы Италіянскому вліянію болѣе нравственно, чѣмъ матеріально. *Восточные Романцы* или *Валахи* съ небольшимъ числомъ Молдаванъ въ Буковинѣ живутъ сплоченною массою на дальнемъ юго-востокѣ пшперіи. Какъ по языку, такъ и по духовнымъ способностямъ они близко сродны съ западными Романцами, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ однако относительно образованія цѣлая пропасть. *Евреи*: вотъ племя, которое не выступаетъ на этнографической картѣ, но по своему количеству и значенію заслуживаетъ упоминанія. Они живутъ почти во всѣхъ коронныхъ земляхъ, менѣе въ Альпійскихъ, наиболѣе въ сѣверно-Славянскихъ и въ Венгріи, но жилища ихъ такъ разбиты, что они нигдѣ почти не выражаются этнографически. Также и относительно языка не образуютъ они одного цѣлаго, но обыкновенно принимаютъ языкъ народа господствующаго, хотя на сѣверѣ отъ Альповъ Нѣмецкій языкъ у нихъ преобладаетъ».

Въ прочихъ журналахъ и газетахъ къ географіи и этнографіи Россіи принадлежатъ слѣдующія статьи: *Очеркъ Васюганской*

тундры (Журн. мш. вн. дѣль № 7); *Островъ Сара*, Н. Бочечкарова (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. 2); *Старина въ г. Зарайскѣ и его уѣздѣ*, І. Ф. Диттеля (ibid.); *Матеріалъ для исторіи г. Камышина*, сообщ. В. Г. Варенцовымъ (ibid.); *Мозырщина* (пзъ путешествія по западно-Русскому краю), В. М. Шпилевскаго (ibid. № 3); *О глиняныхъ заводахъ Гжельскаго приказа* (замѣтки проѣзжаго), А. С. Ершова (ibid.); *Очерки восточной Сибири*, барона Ф. А. Бюлера (Отеч. зап. № 7); *Пользка по сѣвернымъ рѣкамъ* (пзъ путевыхъ воспоминаній), С. В. Максимова (Библи. для чтенія № 7, и Сынъ от. № 25, 26); *Ростовъ и Таганрогъ*. Замѣтки туриста. Кн. М. Г. Голпцына (Библи. для чт. № 7); *Народныя преобразулки*, И. П. Михайлова (ibid. № 8); *Путевыя письма изъ Новгородской губерніи*, П. И. Якушкина (съ предисловіемъ отъ Редакціи) (Русск. бес. № 4); *Отъ Саратова до Петербурга* (С. Пб. вѣд. № 123); *Воспоминаніе изъ путешествія по южной части Семипалатинской области* (Русск. инв. № 110); *Краткое сказаніе о мѣстности, называемой Сибирью въ Смоленской губерніи* (№ 185); *Архангельскіе очерки*, В. Андреева (Русск. дневн. № 84); *Отъ Ставрополя на Донъ* (ibid. № 88); *Метлица на рѣкѣ Шексѣ* (ibid. № 89); *Народныя промыслы Архангельской губерніи* (ibid. № 91); *Письмо изъ Ярославля* (ibid.); *Зима и вскрытіе водъ въ Повгородъ*, И. Лѣневскаго (ibid. № 92); *Отрывки изъ путевого дневника*, Д. Псаева (ibid.); *Народныя преданія Олонецкой губерніи*, К. Петрова (ibid. № 93); *Провинціалныя письма* (ibid. № 95); *Пользка въ низовое поволжье*, А. Ф. Леопольдова (ibid. № 96); *Корелія и Корелы*, В. Чернышева (ibid. № 97); *Письма проѣзжаго*, П. Пасмурнаго (ibid. № 98); *Почтовые тракты*, М. Борисова (ibid.); *О кладбищахъ въ Украинѣ* (ibid.); *Волочебники въ Витебской губерніи* (ibid. № 101); *Прогулка изъ Повгорода въ Старую Русу и ея окрестности*, П. К. Отто (ibid. № 106 и 114); *Очеркъ Семенова*, Е. Протасова (ibid. № 113); *Киржачъ, заштатный городъ Владимірской губерніи*, К. П. Тихонравова (ibid. № 114); *Курмышскіе Чуваши*, П. Ар—ва (ibid. № 116); *Крымскія письма*, Фр. Д—сни (ibid. № 117); *Природа и люди въ Мезенскомъ уѣздѣ* (Моск. вѣд. № 128); *Путевыя замѣтки о Черноморіи*, А. Скобина (Одесск. вѣстн. № 66); *На южномъ берегу* (пзъ статьи: «Обычай Крымскихъ Татаръ»), В. Кондараки (ibid. № 68 и 69); *По пути изъ Одессы въ Кіевъ*. Путевыя замѣтки Дн—аго (ibid. № 72 и 76); *Очерки Бессарабіи*, К. А. (ibid. № 76); *Очерки Кавказской жизни*, А. Т. (ibid. № 88); *Письма изъ*

Ялты (ibid. № 93); *Предубѣжденіе противъ Евреевъ* (Кіев. тел. № 1, 2, 17 и 18); *Свадьба на Польсьи* (ibid. № 19, 20 и 25); *Гансаль* (Русск. жпв. библ. № 15).

Къ географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ статьи: *Лондонскія замѣтки*, М. А. Мпхайлова (Совр. № 6, 7 и 8); *Очерки современной Италиі: Пьемонтъ* (Отеч. зап. № 8); *Ионическіе острова* (Библ. для чт. № 6); *Письмо изъ Ліона*, В. П. Водовозова (ibid. № 8); *Изъ Бѣлграда*, Мплитевича (Русск. вѣстн. № 10); *Великія географическія открытія послѣдняго десятилѣтія* (ibid. № 13 и 14); *Изъ Японіи*, А. Корнплова (ibid. № 13); *Пользка въ отрядѣ Гарибальди*, Н. В. Берга (ibid. № 14 и 15); *Боснія, путевыя замѣтки*, А. О. Гильфердинга (Русск. бес. № 2); *Письмо изъ Бѣлграда*, М. Мплитевича (ibid.); *Примѣчаніе къ предыдущему письму отъ редакціи* (ibid.); *Иерусалимъ* (С. Пб. вѣд. № 180); *Мальта* (Русск. днев. № 100, 107 и 112); *Характеристика племени Австрійской имперіи* (ibid. № 109); *Новѣйшія изслѣдованія внутренности Австраліи и Африки* (№ 114); *Новѣйшія свѣдѣнія объ Японіи и Японцахъ* (Сѣв. пч. № 125); *Открытіе Китая*, В. П. Васильева (Русск. днев. № 84); *Артезіанскіе колодцы въ Саларъ* (Моск. вѣд. № 122); *Заграничныя письма въ редакцію Московскихъ вѣдомостей* (ibid. № 104, 113, 114 и 125); *Изъ записокъ туриста*, П. Сокальскаго (Одесск. вѣстн. № 37 и 58); *Чарахъ-и-Шаху*. Горная легенда (Кавк. № 56); *Арабская пляска* (Живоп. Русск. библ. № 11); *Краснокожіе Индійцы* (ibid. № 12); *Событія и достопамятности въ Японіи* (ibid. № 14); *Разказы о землѣ*, Лучницкаго (Народн. чт. кв. IV).

I.

НОВОСТИ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

СОХРАНЕНИЕ ВИДА ВЪ НИЗШИХЪ ОТДѢЛАХЪ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА. — Въ годовомъ публичномъ засѣданіи Бельгійской академіи наукъ, словесности и искусствъ, 16 декабря 1858, *Ванъ-Бенеденъ* читалъ статью о предметѣ, столь много занимающемъ натуралистовъ въ послѣдніе годы,—о размноженіи и развитіи низшихъ животныхъ. Такъ какъ эта статья написана изящно и содержитъ связный обзоръ многихъ открытій послѣднихъ лѣтъ, то мы приведемъ здѣсь большее извлеченіе изъ нея, помѣщенное въ журналѣ *L'Institut* (1).

«Образовать растенія, или маленькихъ животныхъ изъ ничего, или произвести ихъ посредствомъ обыкновенныхъ силъ вещества, по нашему мнѣнію, есть одна изъ тѣхъ химеръ, которыя съ любовью принимаются во времена невѣжества, но которыя свѣточъ наблюденія давно уже поставилъ въ число нелѣпныхъ сказокъ древности. *Omne vivum ex ovo*—вотъ лозунгъ всѣхъ, которые наблюдаютъ, которые имѣютъ глаза, чтобы видѣть, и которыхъ разумъ не помраченъ предрассудками (2).

«Все имѣющее жизнь носитъ на себѣ печать чего-то высшаго между изобрѣтеніемъ человѣка и твореніемъ Божиимъ — цѣлая бездна!

«Все, что живетъ, воспроизводится: непрерывное воспроизведе-

(1) *L'Institut* 1859, стр. 425.

(2) Я стараюсь указать (Ж. м. в. пр. мартъ 1859. *О произв. зарождеи*) на то, что столь твердое убѣжденіе совершенно не основательно. Наблюденіе не открыло произвольнаго зарождеи, точно такъ-же-какъ не успѣло разложить простыхъ тѣлъ. Но что-же изъ этого?

ніе, вотъ печать божественнаго орудія. Но однаково-ли это воспроизведеніе у рыбы и у насѣкомаго, у полипа и у растенія? Зародышъ, производимый каждымъ яйцомъ, долженъ-ли проходить все фазы развитія, и должны-ли все зародыши подвергаться одинаковымъ метаморфозамъ, прежде чѣмъ получить видовую взрослую оболочку?

«Натуръ-философы думали, что они разрѣшили эти вопросы, и славу знаменитаго фізіолога І. Миллера, недавно потеряннаго науками, составило то, что онъ первый возсталъ противъ надменной школы. Эта безплодная философія завладѣла-было всею (3). Кювье упрекали въ томъ, что онъ ради наблюденія пренебрегалъ философіею, и безъ І. Миллера, можетъ быть, намъ пришлось-бы еще дѣлать все наши великія и прекрасныя наблюденія надъ развитіемъ низшихъ животныхъ. Объ этихъ-то открытіяхъ я буду говорить.

«Все мы испытываемъ тайное удовольствіе при видѣ превращеній грубыхъ матеріаловъ, которые входятъ въ наши фабрики въ видѣ тряпья, а выходятъ изъ нея въ видѣ богатой ткани. Мы съ удовольствіемъ слѣдимъ шагъ-за-шагомъ за различными измѣненіями, производимыми промышленностію, а между-тѣмъ у нашихъ ногъ, вокругъ насъ, надъ нами, внутри насъ находятся тысячи такихъ фабрикъ, въ видѣ сѣмянъ или яицъ, и эти фабрики несравненно удивительнѣе. Не только изъ нихъ выходятъ богатѣйшія ткани, но въ нихъ зарождаются органы и жизнь, и между-тѣмъ съ какимъ равнодушіемъ люди смотрятъ на эти всеневныя чудеса!

«А какое великолѣпіе! Немножко питательнаго вещества вмѣстѣ съ прозрачнымъ пузырькомъ, неизвѣстная сила, переданная матерью, и сотрясеніе, произведенное ласками плодотворной вѣтви, — вотъ все, что нужно для того, чтобы произошелъ — полипъ, рыба, обезьяна.... человѣкъ.

«Сколько создано первоначально формъ, столько существуетъ воспроизводящихся видовъ; одни виды воспроизводятся сѣменами, другіе яйцами, и какъ сѣмя, такъ и яйцо имѣютъ нужду въ при-

(3) Здѣсь несправедливо названа эта философія безплодною, точно такъ-же, какъ выше сказки древнихъ несправедливо названы нещпыми. Такія великія явленія ума никакъ не могутъ быть нещпыми, и также не могутъ быть совершенно безплодными. С.

косновенія или въ прощпаніи оплодотворяющаго элемента: таковъ законъ для всего живаго.

«Такъ-какъ всякій зародышъ сперва представляетъ только пузырькъ, то, прежде чѣмъ онъ станетъ плодомъ или взрослымъ животнымъ, онъ долженъ подвергнуться пзмѣненіямъ формы, или прежде вылупливанія, или послѣ него, при-чемъ рожденіе происходитъ ранѣе или позднѣе, смотря по обилію питательныхъ веществъ, заключенныхъ въ яйцѣ. Въ тѣхъ, которые рождаются рано, или въ-состояніи недоноска, видимыя метаморфозы должны быть всего полнѣе и всего разнообразнѣе.

«Независимо отъ этого способа воспроизведенія, виды размножаются также на низшихъ степеняхъ безъ участія половъ, отростками или почками, и животныя, размножающіяся такимъ образомъ, названы нами *дигенетическими* въ противоположность *моногенетическими*, воспроизводящимся только однимъ способомъ, именно половымъ.

«Безполныя поколѣнія часто предшествуютъ половымъ и мы называемъ словомъ *Scolex* эти переходныя и какъ-бы прѣготовительныя формы.

«Разсмотримъ ближе эти маленькіе организмы. Если большіе представляютъ чудеса, то маленькіе еще чудеснѣе. Гораздо болѣе нужно удивляться быстротѣ полета мухи, чѣмъ тяжелому хожденію слона или быка, говорилъ дѣйстви лѣтъ тому назадъ остроумный наблюдатель Годдасертъ (4).

«Кому не извѣстны эти зеленыя крупицы, величиною въ булавочную головку, которыя какъ облако покрываютъ почки и листья розы, и отъ которыхъ эти листья свертываются и портятся отъ вершины до основанія. Зеленыя бываютъ на розахъ и персикахъ; черныя, блестящія какъ жемчугъ—на бузніѣ; бурныя и даже бѣлыя—на другихъ растеніяхъ. Для свѣтскихъ людей это вши и они едва рѣшаются дотронуться до нихъ концами пальцевъ. Для натуралиста это *Arhis*, или скорѣе цѣлыя міры чудесъ. На самомъ

(4) И говорилъ несправедливо. Уже Галилей очень хорошо зналъ, что маленькимъ животнымъ гораздо легче двигаться, чѣмъ большимъ. Большія животныя во всякомъ отношеніи выше малыхъ. Млекопитающія, наиболее совершенныя, представляютъ и наибольшую величину. И человѣкъ, самое удивительное изъ животныхъ, имѣетъ наибольшую величину, какая для него возможна. С.

дѣлѣ—наведемъ на эту ходящую пыль увеличительное стекло: оно откроетъ намъ прелестное насѣкомое, голова котораго имѣетъ шарообразные, выдающіеся глаза, блеститъ яркими цвѣтами, украшена двумя маленькими рожками вмѣсто слезкивъ, и которое назади имѣетъ два резервуара сладкаго вещества, изъяцно укрѣпленные на гладкихъ ножкахъ и постоянно наполненные. Длинныя и тонкія лапки поддерживаютъ шарообразное тѣло насѣкомаго.

«Много занималось этими маленькими сахарными фабриками, столь извѣстными муравьямъ и заслужившими этимъ живоннымъ, со стороны Линнея, званіе *муравьиныхъ королей*. Среди любопытныхъ явленій, представляемыхъ этими оживленными крупицами пыли, то, которое наиболѣе интересуетъ насъ здѣсь, относится къ тайнѣ ихъ удивительной плодовитости. Природѣ нужно произвести миллионы ихъ въ нѣсколько часовъ, для того, чтобы остановить излишекъ растительности, или для того, чтобы образовать пищу для маленькихъ птицъ, и, какъ-бы не довѣряя себѣ, она выключаетъ этотъ полъ впродолженіе многихъ поколѣній, и такъ, что самки при этомъ бывають болѣе плодовиты! (5).

«Высчитываютъ, что размноженіе *Arhis lanigera* восходитъ среднимъ числомъ до сотни въ одно рожденіе и такъ-какъ послѣ вылупливанія изъ яицъ происходитъ десять послѣдовательныхъ рожденій, то одно яйцо въ-теченіе одного лѣта производитъ многіе миллионы недѣлимыхъ. Такъ-что эти насѣкомыя такъ-сказать не имѣють времени жить своею индивидуальною жизнью: едва являются они на свѣтъ, какъ новое поколѣніе, образовавшееся внутри ихъ, уже готово замѣнить ихъ, а это въ свою очередь заключаетъ въ себѣ опять новое поколѣніе. Р. Лейкартъ наблюдалъ у нихъ три поколѣнія, заключенныя одно въ другомъ. Мать, въ мгновеніе рожденія, уже представляетъ въ себѣ дочь, готовую слѣдовать за него, а въ этой дочери можно замѣтить внука, уже начавшую развитіе. Мать, дочь и внука являются на свѣтъ почти въ одно время.

«У *Gyrodactylus elegans* г. Зибольдъ уже давно наблюдалъ подобное явленіе. Впрочемъ, оно не должно насъ очень удивлять. Уже давно извѣстно, что самки, даже и высшихъ классовъ, вообще

(5) Все это олицетвореніе природы противно духу естествознанія. *Arhis* размножается такъ для удовлетворенія *собственной* своей природѣ, а не ради какой-то внѣшней для нихъ природы, и не для птицъ. С.

имѣютъ яйца въ своихъ яичникахъ, еще прежде чѣмъ родятся.

«Нельзя найти фактовъ болѣе благопріятныхъ для знаменитой *теоріи заключенныхъ зародышей*, по которой первая чета заключаетъ въ миниатюрѣ все поколѣніе, которыя отъ нея произойдутъ; но эта занимательная гипотеза Боннета уже давно опровергнута наблюденіемъ. Если существуетъ заключеніе зародышей, то въ каждомъ изъ нихъ не происходитъ прямого образованія зачатковъ и въ сущности рождаются-ли эти яйца раньше или нѣсколько позже, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: для природы нѣтъ ни вѣковъ, ни минутъ.

«Въ интересномъ классѣ насѣкомыхъ вообще мать умираетъ въ то время, когда положила свои яички. Бракъ для нихъ есть конецъ жизни. Но ихъ заботливость, если возможно, болѣе чѣмъ материнская, простирается за предѣлы гроба и нѣтъ заботъ и трудовъ, которые не предпринимала-бы мать, выбирающая мѣсто колыбели для своего потомства. Мы знаемъ, какъ крылатая насѣкома, ихневмона, выбираетъ на жертву гусеницу, какъ она прокалываетъ кожу ея своимъ сверломъ, вносятъ свои яички въ ея нѣдра, и какъ дѣтеныши, не довольствуясь гостепріимствомъ, медленно пожираютъ свою жертву. Понятно поэтому удивленіе первыхъ натуралистовъ, которые, какъ Гёдаертъ, увидѣли, что вмѣсто бабочки изъ гусеницы выходитъ цѣлый рой мушекъ.

«Въ яйцо укрывается видъ для того, чтобы перенести зимній холодъ, точно-такъ, какъ нѣжное растеніе теплой страны ставится въ теплицу; тѣмъ же какъ другія насѣкомыя, оставляютъ свое зимнее жилище при первыхъ теплыхъ дняхъ весны и нападаютъ на рождающіеся листья своего любимаго растенія.

«Осенью мы вовсе не находимъ живыхъ насѣкомыхъ, пастушокъ, также какъ вѣвчая птица нашихъ кустарниковъ, оставляетъ насъ осенью и проводитъ дурное время года подъ мѣнѣ суровымъ климатомъ. Онѣ останавливаются въ сосѣдствѣ Средиземнаго моря и достигаютъ даже до Сенегала, ища удобнаго убѣжища; при своемъ возвращеніи онѣ находятъ опять насѣкомыхъ, служившихъ имъ пищею до отлета. Подъ вліяніемъ весенней теплоты эти насѣкомыя выходятъ изъ своей скорлупы въ то-же время, какъ развертываются листья и гардонія природы начинаетъ свой гимнъ. Все возраждается. Жизнь повсюду! Понятно поэтому

откуда являются мириады мухъ, бабочекъ и всякаго рода звѣрковъ при первомъ призывѣ благовопнаго дыханія апрѣля и мая. Всѣ оны выходятъ изъ яицъ, заботливо положенныхъ ихъ матерью въ колебель моха и земли, въ защитѣ отъ холода и отъ вражескихъ зубовъ и въ сосѣдствѣ съ былинкою травы или тѣмъ веществомъ, которое должно питать новорожденныхъ.

«Итакъ, зимою, травяныя вши (тля) находятся въ обыкновенныхъ условіяхъ; другое дѣло, когда онѣ выйдутъ изъ своихъ яицъ. На самомъ дѣлѣ, первое вылауиленіе происходитъ такъ, что въ цѣломъ этомъ поколѣніи нѣтъ ни одного самца. Эти вши однакожь не безплодны; напротивъ, они плодятся, но вмѣсто-того, чтобы класть яйца, они производятъ живыхъ дѣтенышей, которые всѣ рождаются одинаковымъ образомъ, выходя задомъ изъ тѣла матери; слѣд. эти вши—живородящія. Во второмъ, поколѣніи точно-также нѣтъ самцовъ, какъ и въ первомъ, и плодовитость продолжается; третье поколѣніе слѣдуетъ вскорѣ вслѣдъ за вторымъ, четвертое за третьимъ и т. д. до восьмага и даже до десятаго поколѣнія. До этихъ поръ въ мужскомъ полѣ нѣтъ никакой нужды. Такимъ образомъ нѣсколько поколѣній идутъ одно за другимъ *sine concubitu*.

«Но вотъ наступаетъ осень. Листья падаютъ; скоро льдистый холодъ зимы начнетъ свои опустошенія. Является послѣднее, осеннее поколѣніе; оно состоитъ изъ маленькихъ и большихъ недѣлимыхъ; есть самцы и самки; часто являются вмѣстѣ съ этою брачною одеждою крылья и дрожанія ихъ, вмѣстѣ съ граціею позы, совершенно измѣняютъ физиономію насѣкомаго. Они уже не расположены станомъ, какъ ихъ дѣды, и не осуждены на спячую жизнь. Свободно летая, полы ищутъ взаимнаго сближенія съ лихорадочною поспѣшностію, по причинѣ краткости жизни; кладка слѣдуетъ непосредственно за бракомъ и на этотъ разъ являются прекрасныя яйца, оплодотворенныя самцомъ, которыя кладутся матерью и кладутся заботливо въ совершенно-безопасное убѣжище.

«Въ слѣдующую весну начинаются тѣ-же явленія и вотъ полный циклъ ихъ годоваго развитія.

«Понятно, что отсутствіе мужскаго пола, не только не ограничивая, но увеличивая плодовитость (6), есть одно изъ тѣхъ яв-

(6) Здѣсь совершенно непонятно, почему отсутствіе самцовъ увеличиваетъ плодовитость. Для плодовитости не все-ли равно-происходитъ оплодотвореніе или нѣтъ? С.

лений, которыя столько-же интересуютъ философа, какъ и натуралиста; поэтому не должно удивляться, если уже болѣе столѣтїя этотъ маленькій міръ чудесъ возбуждаетъ вниманіе ученыхъ. Любопытство, возбуждаемое имъ, далеко еще не потеряло своей важности.

«Левенгукъ, котораго почти нельзя избѣжать, когда идетъ дѣло объ открытіи помощію микроскопа, уже наблюдалъ въ началѣ прошлаго вѣка, что травяныя вши — живородящія и не размножаются подобно другимъ насѣкомымъ.

«Философъ-натуралистъ Бонне и энтомологъ Де-Геръ доказали, спустя сорокъ лѣтъ, что въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ нѣтъ самцовъ. Бонне видѣлъ такихъ поколѣній восемь, если не ошибаюсь.

«Другой наблюдатель Киберъ (Kuber) недавно видѣлъ, что женскія поколѣнія смѣнялись непрерывно четыре года на растенія, воспитываемыхъ въ теплицахъ, и что плодовитость ихъ нимало не истощалась.

«Это тайна изъ всѣхъ тайнъ рожденія, говорили мы нѣсколько лѣтъ назадъ.

«Само-собою разумѣется, что натуралисты старались представить объясненіе этого исключенія; но до самаго послѣдняго времени они не нашли ничего, что-бы удовлетворяло философіи и наукѣ.

«Сначала предполагали, что эти живородящія травяныя вши были андрогины, что они соединяли въ себѣ оба пола; но скальпель скоро обнаружилъ здѣсь ошибку. Позднѣе, вмѣстѣ съ Трамблемъ, допускали, что дѣйствіе одного оплодотворенія можетъ передаваться черезъ многія поколѣнія,—теорія, которая была воспроизведена въ послѣднее время какъ новая, но которая по моему мнѣнію объясняетъ также мало; наконецъ говорили, что здѣсь происходитъ произвольное развитіе; между-тѣмъ здѣсь точно также нѣтъ ничего произвольнаго, какъ въ обыкновенномъ явленіи оплодотвореннаго яйца.

«Знаменитый Копенгагенскій натуралистъ, г. Стенструпъ, замѣчая нѣкоторыя сходныя стороны въ различныхъ отдѣльныхъ явленіяхъ, которыя не получили еще своего объясненія и изъ которыхъ самое замѣчательное было наблюдено Шамиссо надъ *Salpa*, старался группировать ихъ и замѣтилъ смѣну въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Для обозначенія явленія онъ предло-

жилъ названіе *попеременныхъ поколѣній* (*generation alternante*). Нѣсколько поколѣній живородящихъ травяныхъ вшей слѣдуютъ за яйцероднымъ и половымъ поколѣніемъ, такъ-что эти половья вши похожи не на своихъ родителей, а на своихъ прадѣдовъ. Иногда оказываются значительныя вѣтвныя различія въ двухъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, и животныя одного и того-же вида были внесены натуралистами въ разныя семейства или отряды.

«По нашему мнѣнію, вотъ въ чемъ состоитъ сущность явленія. Многія животныя воспроизводятся какъ растенія, посредствомъ почекъ или отростковъ, не имѣющихъ пола, и посредствомъ цвѣтотъ, или половыхъ недѣлимыхъ, производящихъ семена, или яички. Напр. гидра въ-теченіе всего лѣта производитъ почки, какъ мы это тотчасъ увидимъ, а осенью она напротивъ производитъ яички: вотъ явленіе такое-же, какъ у травяныхъ вшей. Это есть ничто иное, какъ двѣиное размноженіе,—почками и яичками, и, какъ недѣлимая, производящая яички и почки, то бывають сходны между собою, то различны, то уже нѣсколько лѣтъ назадъ мы предложили называть эти явленія *диснезисомъ*. Такимъ образомъ живородящая лѣтняя поколѣнія производятъ отростки, или почки внутри тѣла, точно такъ, какъ въ пазухѣ листьевъ извѣстныхъ растеній образуются пазухія почки; только послѣднее, яйцеродное поколѣніе имѣетъ нужду въ оплодотвореніи; это травяныя вши, которыя цвѣтутъ и производятъ яйца. Поэтому травяныя вши суть *диснезическія* животныя, или имѣютъ попеременные поколѣнія: въ нихъ—растительное размноженіе введено въ животное царство.

«Между-тѣмъ одинъ изъ натуралистовъ,—ученый, котораго труды внушаютъ величайшее довѣріе, представилъ новое наблюденіе, которое даетъ по видимому другой взглядъ на явленіе.

«Г. Де-Гейденъ (*de Heyden*) видѣлъ, что травяныя вши *Lachnus quercus* производятъ живорожденіемъ (почками) самцовъ, и что эти самцы, судя по другимъ недѣлимымъ, подобнымъ тому, рожденіе котораго онъ наблюдалъ, могли оплодотворять свою мать, которая потомъ каала яйца. Такимъ образомъ одно и то-же животное раждало сперва посредствомъ почекъ, потомъ посредствомъ оплодотворенія. Листовая почка переходила въ цвѣточную.

«Если наблюденіе г. Де-Гейдена вѣрно, а въ вѣрности его наблюденій сомнѣніе очень трудно, то явленіе снова запутывается.

Не важно даже, действительно-ли сама видѣль наблюдатель на спинѣ своей матери, или своихъ тетокъ; фактъ удивителенъ и безъ того. Недѣлимое, производящее почку, остается обыкновенно безполымъ и потому не производитъ яицъ. Г. Лейкартъ, въ недавнемъ своемъ сочиненіи, сомнѣвается въ точности наблюденія г. Гейдена и въ живородящихъ поколѣніяхъ видитъ только явленіе почекъ.

«Травяныя вши несутъ единственныя насѣкомья, размножающіяся безъ посредства самцовъ: извѣстно даже двоякое размноженіе безъ оплодотворенія; размноженіе травяныхъ вшей, которое, какъ мы видѣли, представляетъ *огенезисъ* и размноженіе вчель, которое есть явленіе *партегенезиса*, т. е. дѣвственнаго рожденія. При этомъ послѣднемъ, настоящая самка, имѣющая всѣ свои органы вполне, кладетъ *sine concubitu* — плодосныя яички.

«Сопровождаемая блестящими вымыслами, исторія пчелы стала популярною, говоритъ Катрфажъ въ своей любопытной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія натуралиста* (*Souvenirs d'un naturaliste*). Эти красивыя насѣкомья, воспѣтыя Виргиліемъ, блестящія на солнцѣ и скопляющія свои богатства въ восковыхъ ячейкахъ, представляютъ намъ вмѣстѣ съ необыкновенною плодовитостію—явленіе высшаго порядка. Мы говоримъ все-таки объ ихъ размноженіи.

«Извѣстно, что эти *перепончато-крылыя*, какъ ихъ называютъ зоологи, живутъ многочисленнымъ обществомъ, и что каждый улей имѣетъ царицу, нѣсколько сотенъ трутней и нѣсколько тысячъ бесполовыхъ. Царица есть единственная совершенная самка во всей общинѣ; трутни суть самцы, а безполые, которыхъ также называютъ работницами, образуютъ рабочее сословіе; это несовершенныя самки. Матка и трутни занимаются только размноженіемъ; остальные исполняютъ всѣ обыкновенныя труды общины. Заботы, которыя принимаются трутнями для сохраненія вида, впрочемъ, очень непродолжительны. Въ прекрасный лѣтній день подымается высоко на воздухъ матка, сопровождаемая своею блестящею свитою, принимаетъ ласки того, кого изберетъ изъ этой свиты, и, возвратившись въ улей, она уже представляетъ невидимый признакъ исполненнаго процесса. Это единственное любовное увлеченіе дѣлаетъ ее плодовитою на цѣлые два года; она способна положить многія тысячи яицъ. Вотъ факты, извѣстные всѣмъ натуралистамъ.

«Но вотъ-что менѣе извѣстно.

«Если царица какъ-нибудь искалечена въ ульѣ; если отъ рожденія или случайно она лишена возможности подняться на воздухъ для свиданія, отъ котораго зависитъ благосостояніе улья; то она тѣмъ не менѣе кладетъ яйца, безъ всякаго предварительнаго соединенія съ какимъ-нибудь трутнемъ, и, что особенно достойно вниманія, яйца, которыя она кладетъ, не только не бесплодны, но производятъ самцовъ, и только самцовъ! Царица также не бываетъ поражена бесплодіемъ, когда послѣ оплодотворенія, плодотворная жидкость теряетъ свои свойства, или когда какими-нибудь механическими средствами препятствуютъ нитямъ мужской жидкости достигнуть яицъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, всѣ яички производятъ также только самцовъ.

«То-же самое относится къ яичкамъ, приносимымъ безполыми пчелами, несовершенными самками, которыя физически не могутъ принять вліянія другаго пола. Съ давняго времени пчеловоды сдѣлали это замѣчаніе и Аристотель уже зналъ, что рабочія пчелы, при отсутствіи царицы, кладутъ яички.—такъ-что содѣйствіе половъ требуется для произведенія самокъ, между-тѣмъ-какъ самцы производятся безъ отца.

«Старалась-ли наука найти объясненіе этого удивительнаго заключенія? Да, и—что важнѣе—рѣшеніе, ею найденное, удовлетворительно совершенно.

«Замѣтимъ сперва, что яички насѣкомыхъ не оплодотворяются, пока находится въ яичникѣ; оплодотвореніе совершается только непосредственно передъ снесеніемъ, при прохожденіи ихъ передъ совокупительнымъ пузырькомъ, изъ котораго выходятъ на яички сѣменные нити, полученныя отъ самца. Теперь, если яйцо проходить этотъ перекрестокъ слишкомъ скоро и клапанъ въ-время не подыметъ, то царица положитъ яйцо такъ, какъ будто чары гимenea надъ нею вовсе не совершались. Происходить-ли это устраненіе крещенія въ-дѣйствіе дѣйствіе инстинкта, или-же какая-нибудь механическая причина препятствуетъ правильной дѣятельности прибора—все равно; яйцо производитъ самца, потому-что сперматозоиды не достигли до его желтка.

«Итакъ, смотря по движенію клапана, царица положитъ или мужскія или женскія яйца.

«Какъ ни удивительно это однодомное оплодотвореніе, у этихъ любимцевъ природы, которыхъ простые и многогранные глаза

помрачаютъ блескъ жемчуга, есть явленія еще болѣе удивительныя. Вотъ въ чемъ они состоятъ.

«Царица оплодотворена. Въ этомъ убѣждаются съ точностію, что очень легко. Она идетъ класть яички, но все колыбели полны. Нѣтъ мѣста для остатковъ новаго поколѣнія. Нарочно ставятъ въ улей новыя ячейки и тогда, смотря по размѣрамъ ихъ, царица положить или мужскія или женскія яйца. Колыбель своими размѣрами опредѣляетъ, произойдетъ-ли трутень или самка. Итакъ, положительно извѣстно, при какомъ условіи образуются самцы или самки и весьма возможно, что царица, смотря по нуждамъ общества, инстинктивно производитъ тотъ или другой полъ.

«Одинъ изъ отличныхъ натуралистовъ, знаменитый точностію своихъ наблюдений, Губеръ отецъ, уже болѣе полувѣка назадъ зналъ, что есть царицы, производящія только самцовъ, и что есть также такія царицы, которыя нечувствительно теряютъ способность производить женскія яйца. Онъ наблюдалъ также фактъ, уже извѣстный Аристотелю, что рабочія пчелы, въ ульяхъ безъ царицы, кладутъ яички.

«Въ 1845, пчеловодъ Цирцонъ, священникъ въ Карлсмарктѣ, въ Сплейнѣ, предложилъ въ числѣ другихъ предположеній гипотезу, что яички мужскія не имѣютъ нужды въ оплодотвореніи; что въ этомъ предварительномъ дѣйствіи нуждаются только яички рабочихъ пчелъ и царицъ.

«Наука обнаружила сперва надменное презрѣніе къ подобной теоріи. Наоборотъ, пчеловоды нашли въ этой теоріи объясненіе многихъ явленій, которыхъ прежде этихъ открытій здравая физиологія не допускала.

«Баронъ Берленшъ, образованный пчеловодъ, который въ Зеебахѣ владѣеть великолѣпнымъ заведеніемъ для разведенія пчелъ, сдѣлалъ любопытный опытъ, заслуживающій упоминанія. Сперва открытый противникъ теоріи Цирциона, онъ вдругъ, послѣ этого опыта, сталъ жаркимъ ея защитникомъ. Онъ читалъ въ физиологѣ I. Миллера, что холодъ уничтожаетъ дѣйствіе сперматозоидовъ: поэтому онъ хотѣлъ сколько возможно охладить оплодотворяющую жидкость, не умерщвляя царицы. Онъ помѣстилъ съ этою цѣлью въ ледникъ трехъ плодоносныхъ матокъ на тридцать шесть часовъ; двѣ изъ нихъ умерли вслѣдствіе холода, третья выдержала и нѣсколько времени спустя стала класть яички. Изъ нихъ вышли только самцы. А прежде опыта эти матки клали женскія яйца.

«Впрочемъ, многіе другіе опыты подтвердили теорію Слезскаго священника, но, въ теченіе многихъ лѣтъ, почти одни только пчеловоды знали объ этихъ фактахъ. Только очень недавно гг. Лейкартъ (въ Гиссенѣ) и Де Зибольдъ (въ Мюнхенѣ) (7), вооруженные скалпелемъ и съ помощію микроскопа, подтвердили теорію знаменитаго пчеловода. Итакъ не наука сдѣлала указанія практикѣ, но, обратно, практика, т.е. здравый смыслъ пчеловодовъ указалъ дорогу наукѣ.

«Изъ всего этого слѣдуетъ, что самки могутъ рождать вполнѣ сохраняя свое дѣвство; но дѣвственное рожденіе ограничивается только самцами. Самецъ нуждается только въ матери; самка напротивъ должна имѣть и мать и отца.

«Способность производить настоящія, не безплодныя яйца безъ содѣйствія самки называется *партеногенезисомъ*; способность рождать самоцовъ составляетъ явленіе, названное *аррестотокією*.

«Явленія подобныя тѣмъ, которыя происходятъ у пчелъ, повторяются и въ другихъ обществахъ перепончато-крылыхъ, какъ напр. у осъ, шмелей и у трудолюбивыхъ муравьевъ. Впрочемъ, Губеръ сынъ, проведеній часть своей жизни въ изученіи нравовъ этихъ насѣкомыхъ, также какъ его отецъ въ изученіи пчелъ, замѣчаетъ, что маленькія самки шмелей и осъ, образующія рабочее населеніе этихъ колоній, также кладутъ мужскія яйца.

«Вѣроятно, явленіе партеногенезиса гораздо болѣе обыкновенно у этихъ насѣкомыхъ, чѣмъ думали до-сихъ-поръ.

«Извѣстны уже многіе случаи партеногенезиса между бабочками; дѣтеныши не всегда бываютъ мужескаго пола, какъ у пчелъ; извѣстны примѣры самцовъ и самокъ, рожденныхъ безъ оплодотворенія, и также примѣры рожденія однихъ самокъ.

«Воспроизведеніе безъ оплодотворенія у чешуекрылыхъ было уже давно наблюдаемо въ отдѣльныхъ случаяхъ. Де-Геръ въ продолженіе многихъ лѣтъ сохранилъ самокъ *Solenobia* (*Talacrogia*) *Ichnepeila*, которыя рождали постоянно безъ самцовъ. Г. Карлье, членъ Французскаго энтомологическаго Общества, получилъ три поколѣнія *Liparis dispar* безъ совокупленія; послѣднее поколѣніе, представлявшее только самцовъ, окончило опытъ. Были также случаи, что шелковичныя бабочки, *Eurepria casta* и многіе другіе виды

(7) Carl. Th. F. von Siebold, Wahre Parthenogenesis bei Schmetterlingen u. Bienen. Leipz. 1856.

воспроизводилась такимъ-же образомъ. Зибольдъ первый изучалъ *Psilley* сравнительно съ травяными вшами, и такъ-какъ онъ нашелъ у нихъ все половыя условія, то онъ сначала не допускалъ у нихъ размноженія *sine concubitu*. Но г. Реутти спустя нѣсколько времени доказалъ, что *Solenobia lichenella* рождаетъ только самокъ, которыя производятъ безъ содѣйствія самцовъ, снова женскихъ гусеницъ, и онъ повторилъ то-же самое наблюденіе надъ *Psyche helix*: эти психеи, причисленныя Реомюромъ къ *Teignes à fourreau*, суть ночныя чешуекрылыя, которыхъ самки остаются гусеницами во всю жизнь и не знаютъ удовольствій подвижной жизни мотылька. Есть виды, которыхъ самцы еще неизвѣстны, и есть такіе, въ которыхъ крылатый самецъ оплодотворяетъ безкрылую самку. Мы сами видѣли *Psyche pulla* обоихъ половъ совершенно развитыхъ въ-отношеніи къ половымъ частямъ; одни самцы имѣютъ крылья, а самки остаются безкрылыми. Въ 1852 г. Р. Лейкартъ доказалъ со скапелемъ въ рукѣ, существованіе дѣйствительныхъ яицъ, образующихся въ яичникахъ и производящихъ новое поколѣніе безъ помощи самцовъ. Это первый примѣръ настоящаго партеногенезиса, доказанный научнымъ образомъ. Р. Лейкартъ сдѣлалъ это наблюденіе надъ *Solenobia lichenella*.

«Примѣры такого размноженія безъ половъ встрѣчаются у дафній—маленькихъ микроскопическихъ, ранообразныхъ, водящихся въ прѣсной водѣ; они даю до шести поколѣній безъ содѣйствія самцовъ (8).

«Въ растительномъ царствѣ точно также были найдены многіе примѣры. Итакъ ошибочно мнѣніе, котораго держатся все физиологи, начиная съ Гиппократа, что новое существо есть всегда результатъ совокупнаго дѣйствія самца и самки.

«Оставимъ теперь травяныхъ вшей и улей пчелъ и бросимъ быстрый взглядъ на водный міръ; не менѣе удивительныя явленія происходятъ въ глубинѣ этого жидкаго горизонта; они заслуживаютъ нѣсколькихъ мгновеній созерцанія.

«Большая часть этихъ странныхъ существъ, называемыхъ полипами, и которыя являются также подъ названіемъ зоофитовъ или животно-растений, въ огромномъ числѣ естественно-историческихъ сочиненій, были въ срединѣ XVIII вѣка внесены, какъ ра-

(8) Lievein, Neu. Schrift. d. nat. Gesch. zu Dantzig, IV Heft.

стенія въ ботаническія книги. Нѣкоторыя изъ нихъ даже почитались минералами.

«Въ началѣ прошлаго вѣка былъ рѣшаемъ вопросъ: что такое *кораллъ*—растеніе, или минералъ? Кто могъ предугадать животную природу этого красиваго краснаго камня, со-временъ древности обтачиваемаго и вырѣзываемаго въ видѣ украшеній, и съ такимъ искусствомъ обрабатываемаго Сициліянами? Для свѣтскаго человека, какъ и для натуралиста, этотъ вопросъ существовалъ до начала прошлаго столѣтія.

«Графъ Марсильи, родомъ изъ Болоньи, послуживши въ военной службѣ противъ Турокъ, извѣдавши всѣ бѣдствія рабства и всѣ упоенія власти, возвратился, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, къ любимому занятію своей юности. Это было въ 1706 г. Однажды онъ присутствовалъ при добываніи коралловъ. Вытаскиваютъ великолѣпныя коралловыя вѣтви, съ успіемъ оторванныя отъ подводныхъ скалъ. Какъ истинный натуралистъ, онъ погружаетъ одну изъ вѣтвей въ бокалъ, наполненный морскою водою. Каково же его удивленіе! Послѣ минутнаго покоя, вѣтвь трогается въ водѣ, кораллъ распускается, развертывая свои перистыя щупальцы, подобно прекрасному лучистому цвѣтку; Марсильи и рыбаки, которые его окружаютъ, въ полномъ восторгѣ.

«Одинъ остроумный натуралистъ сказалъ: наука идетъ непредвидѣнными скачками. Здѣсь мы видимъ новый этому примѣръ. Вопросъ былъ между минеральною или растительною природою. Какъ ни ясно видѣлъ Марсильи, что поллиъ качается въ своей ячейкѣ, распускается и втягивается, онъ заключилъ только, что у него передъ глазами не минералъ, и написалъ Парижской академіи наукъ: *я видѣлъ кораллъ въ цвѣту*. Отличныя натуралисты, за-сѣдавшіе въ этомъ знаменитомъ собраніи, замѣтили, что это открытіе будетъ навѣки славно въ морской ботаникѣ.

«Нѣсколько лѣтъ спустя, Трамблей открылъ пресноводнаго полипа въ одной изъ ямъ въ окрестностяхъ Пауе. Какъ Марсильи, Трамблей также думалъ, что онъ видитъ растеніе. Онъ разрѣзываетъ полипа на нѣсколько кусковъ и каждый кусокъ снова становится полипомъ. Это растеніе, говоритъ самъ себѣ Трамблей, размножается черепками. Далѣе онъ разсматриваетъ свое растеніе, онъ открываетъ у него ротъ съ руками, сидящими вокругъ и хватающими добычу; онъ видитъ даже пищеварительную полость; животная природа несомнѣнна. Трамблей пишетъ Реомюру: *Исто-*

рин Феникса, возрождающаяся из своей спялки, как она ни баснословна, не заключает ничего более чудеснаго, чѣмъ то открытіе, о которомъ мы будемъ говорить. На самомъ дѣлѣ—это удивительно! Трамблей не только навсегда подтвердилъ открытіе Марселии, но кромѣ-того онъ рождалъ, думая разрушить, давалъ жизнь въ то время, когда думалъ принести смерть. Сколько онъ яв рѣзалъ на куски своего полипа, каждый кусокъ опять становился полипомъ.

«Это открытіе надѣлало въ ученomъ мѣрѣ много шума! Поэтому тогдашній законодатель въ естественной исторіи далъ этимъ страннымъ существамъ родовое названіе гидры, намекая на баснословную гидру, которой головы постоянно выростали.

«Такъ-что все эти мнимыя морскія растенія однимъ почеркомъ пера были перенесены изъ одного царства въ другое и, какъ будто натуралистовъ мучило угрызеніе совѣсти, были названы зоофитами или животво-растеніями, какъ-будто чтобы избѣжать смѣлаго рѣшенія.

«Въ этихъ-то организамахъ, повидному растеніяхъ и въ сущности животныхъ, самыя непредвидѣнныя явленія развитія были наблюдаемы въ послѣдніе годы. Не только недѣлимыя подержены превращеніямъ, но цѣлыя поколѣнія измѣняютъ форму и образъ жизни: матери часто вовсе не похожи на дочерей и внуковъ; между братьями и сестрами часто меньше сходства, чѣмъ между попугаемъ и газелью (9).

«Войдемъ въ область фактовъ.

«Часто въ открытомъ морѣ, рѣже близъ береговъ, замѣчаютъ, особенно во время длинныхъ лѣтнихъ дней, цѣлыя ряды плавающихъ зонтикоу, движущихся скачками, прозрачныхъ какъ кристаллъ или окрашенныхъ разными цвѣтами, и граціозно распускающихся не далеко отъ морской поверхности; это—*медузы*. Они бываютъ различной величины, отъ булавочной головки до самаго широкаго блюда.

«Образованіе этихъ медузъ, или, лучше сказать, ихъ превращенія, составляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій, какія только открыты наукою въ послѣдніе годы.

(9) Очевидно Ванъ-Бенеденъ здѣсь преувеличиваетъ; разница въ наружной формѣ дѣйствительно бываетъ и даже больше, чѣмъ между попугаемъ и газелью; но въ существенномъ, въ анатомическомъ отношеніи разница все незначительна. С.

«Отъ-времени-до-времени на нашихъ берегахъ появляется большой и красивый видъ — *Suaresia carinata*. Часто она имѣеть величину баллоновъ самаго большого размѣра. Края изящно окаймлены бахромою, и въ ней, въ видѣ бубенчиковъ и жемчужинъ, являются органы чувствъ. Къ концу лѣта легко можно различить полъ: на самомъ дѣлѣ самцы и самки имѣють свои особые признаки.

«Яички, опущенныя въ акваріумъ, представляютъ, нѣсколько времени спустя послѣ семеннаго воздѣйствія, видъ сходный съ ягодами малины и изъ каждаго яйца выходитъ маленькое животное, покрытое волосками и подобное инфузорию. Молоденькое животное свободно плаваетъ въ сосудѣ, колебля ресничками его, покрывающими, и послѣ нѣкотораго времени такой свободной и независимой жизни, избираетъ себѣ убожище на гольшиѣ, раковинѣ или на днѣ бокала и сбрасываетъ съ себя свою волосистую одежду. Онъ оставляетъ навсегда бродячую жизнь и осуждаетъ себя на неподвижность. Когда онъ входитъ въ эту фазу своего существованія, онъ имѣеть продолговатую форму, однимъ концомъ прикрѣпляется къ твердому тѣлу, на другомъ скоро образуется ротъ, окруженный длинными, легко-сокращающимися руками. Черезъ нѣсколько дней, маленькое инфузорию-видное тѣло становится полипомъ, подобнымъ гидрѣ Трамблея.

«Этотъ сцифиетомъ (такъ названо животное открывшимъ его ученымъ Норвежскимъ натуралистомъ Сарсомъ) хватаетъ свою добычу своими длинными руками, снабженными убойственными петлями и колючками. Скоро на бокахъ его являются почки, которыя удлиняются, какъ усы земляники, и на которыхъ являются новыя сцифиетомы. Впослѣдствіи усы атрофируются, всасываются, и дѣтеныши совершенно отдѣляются отъ матери. Мать продолжаетъ давать новыя усы и все, что ее окружаетъ, раковины, камни, морскія растенія все покрывается молодыми животными.

«Сцифиетомы, маленькія существа, которыя очень живучи не смотря на нѣжность ихъ тканей, и которыя живутъ въ нѣсколькихъ капляхъ воды впродолженіе цѣлыхъ недѣль, производятъ потомъ новый родъ почекъ внутри своего тѣла. На самомъ дѣлѣ являются рубцы, рисующіеся все яснѣе и яснѣе; иногда тѣло принимаетъ совершенно кольчатую форму, какъ у цестондовъ, и изъ середины полипа подымается цѣлый столбъ кружковъ, которые постепенно образуются и отдѣляются одна отъ другихъ, и наконецъ

отрываются совершенно и плаваютъ свободно, какъ медузы. Животное въ то время, когда тѣло его имѣетъ кольчатый видъ Сарсъ называлъ *стробиломъ*.

«Чтобы понять, какъ образуются эти медузы, представьте себѣ, что внутри пищеварительной полости является сосокъ и что съ вершины его поднимаются кружки, какъ мыльные пузыри на концѣ соломенки, что они отдѣляются послѣдовательно или нѣсколько разомъ, подвигаются въ водѣ и разсѣваются. Дѣйствительно, сцифистомъ извергаетъ медузъ изнутри.

«Такимъ образомъ, родивши сыновей, подобныхъ себѣ, сцифистомъ можетъ также произвести дѣтей съ совершенно другой формы, которыя достигаютъ большаго роста и становятся похожими на свою бабушку-медузу, положившую яйца.

«Таковы факты во всей своей простотѣ. Но натуралисты не вполне согласны въ ихъ объясненіи».

Е. СТРАХОВЪ.

(Окончаніе впереди).

ОРГАНЫ, ОТДѢЛЯЮЩІЕ СМОЛУ. *Исслѣдованія Моля* (10). — Кора хвойныхъ, также какъ и кора другихъ деревьевъ, состоитъ изъ коркового вещества, зазелени и луба. Въ корковомъ слое, какъ въ умершей части растенія, нечего искать органовъ, отдѣляющихъ смолу; въ молодыхъ стволахъ главное мѣсто, гдѣ находятся эти органы, есть паренхиматическая зеленая часть коры; по обращеніи этой части въ корковое вещество, отдѣленіе смолы можетъ иногда имѣть мѣсто и въ лубѣ.

Органы, заключающіе въ себѣ смолу, какова-бы ни была ихъ форма и положеніе, всегда состоятъ изъ широкихъ полостей, помѣщенныхъ между паренхиматическими клѣточками коры и ограниченныхъ однимъ или нѣсколькими слоями маленькихъ, плотносоединенныхъ клѣточекъ, которыя приготовляютъ смолу и выдѣляютъ ее въ эти полости. Уже *Мейенъ* доказалъ, что приемники смолы происходятъ отъ разъединенія паренхиматическихъ клѣточекъ коры, которыя составляли передъ тѣмъ плотную ткань (*Ueber d. Secretionsorgane der Pflanzen*, 16); къ этому нужно только прибавить, что маленькія клѣточки, образующія стѣнки приемниковъ, развиваются посредствомъ дѣленія расходящихся клѣточекъ коры.

Эти полости или приемники смолы бываютъ трехъ родовъ:

(10) Bot. Zeit. 1859, №№ 39 и 40.

А. Вертикальные каналы, прямые или въ многолѣтнихъ стебляхъ нѣсколько извилистые и открывающіеся другъ въ друга, лежащіе всегда внѣ лубоваго слоя и по большей части столь широкіе, что ихъ можно видѣть простымъ глазомъ. Они образуютъ или простой кругъ, или двойной, но тогда въ наружномъ кругѣ ихъ гораздо больше, они лежатъ безъ порядка и имѣютъ гораздо меньшій діаметръ, чѣмъ во внутреннемъ кругѣ. Большой части ботаниковъ извѣстны только эти каналы, какъ органы, отдѣляющіе смолу, потому-что ихъ легче всего наблюдать; при разрѣзѣ молодыхъ вѣтвей, которыя обыкновенно изслѣдуютъ, изъ этихъ каналовъ вытекаютъ крупныя или мелкія капли смолы. Если изслѣдовать молодые побѣги, находящіеся въ развитіи, напр. *Pinus nigricans*, то оказывается, что поперечный разрѣзъ этихъ смолевыхъ каналовъ круглый, или эллиптической, и длинная ось эллипса лежитъ по направленію радіуса. При утолщеніи побѣга и кора дѣлается толще, а каналы расширяются, такъ-что въ поперечномъ разрѣзѣ большіе діаметры эллипсовъ ихъ параллельны поверхности побѣговъ. У *Pinus nigricans* діаметръ большихъ смолевыхъ каналовъ, лежащихъ во внутреннемъ кругѣ, въ побѣгѣ длиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, $\frac{1}{14}$ линіи, въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{8}$ лин., въ четырехлѣтнемъ— $\frac{1}{4}$ лин.; у *Pinus sylvestris* въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{10}$ лин., въ пятилѣтнемъ— $\frac{1}{16}$ лин., въ десятилѣтнемъ— $\frac{1}{4}$ лин., у *Picea excelsa* (ели) въ однолѣтнемъ побѣгѣ— $\frac{1}{13}$ лин., въ трехлѣтнемъ— $\frac{1}{9}$ лин., въ тридцатилѣтнемъ 1 лин.; у *Abies sibirica* (Сибирской пихты) въ однолѣтнемъ побѣгѣ $\frac{1}{9}$ лин., въ десятилѣтнемъ— $\frac{3}{5}$ лин. Эти смолевые каналы у *Abies pectinata*, *sibirica* и *balsamifera* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ значительные пузыри, наполненные смолою. Обыкновенно это случается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько каналовъ сходятся вмѣстѣ; поэтому на стѣнкахъ такого пузыря есть нѣсколько отверстій въ каналѣ, числомъ отъ 2 до 4; отверстия эти открываются въ пузырь, какъ со стороны, обращенной къ вершинѣ ствола, такъ и съ противоположной стороны.

В. Вторая форма органовъ, отдѣляющихъ смолу, состоитъ изъ отдѣльныхъ полостей, шарообразныхъ или въ старыхъ стволахъ чечевицеобразныхъ, расположенныхъ перпендикулярно къ радіусу, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ, разбѣянныхъ въ паренхимѣ коры и въ молодомъ соетояніи едва примѣтныхъ простому глазу; назовемъ ихъ *пріемниками смолы*. Они находятся или между смолевы-

ли каналами или замѣщаютъ ихъ и лежатъ также, какъ и послѣдніе, въ зеленой паренхимѣ коры. На поперечномъ разрѣзѣ коры изъ нихъ вытекаютъ маленькія капли смолы, потому-что здѣсь количество терпентина, заключающагося въ отдѣльномъ приемникѣ, весьма незначительно. Они распространены гораздо менѣе, нежели смолевые каналы; ихъ нѣтъ напр. у *Pinus nigricans* и *Sylvestris*. *Picea excelsa*, *Abies pectinata*. Они развиваются гораздо позже, нежели смолевые каналы, поэтому ихъ не находятъ, кромѣ *Larix*, и въ двухлѣтнихъ побѣгахъ; у *Abies Sibirica* *Моль* наблюдалъ ихъ только въ 8-лѣтнихъ вѣтвяхъ, у *Pinus Strobus* только въ 10-лѣтнихъ. Они, также какъ и смолевые каналы, съ возрастомъ чрезмѣрно увеличиваются въ ширину; такъ у *Larix europaea* поперечный діаметръ ихъ на первомъ году равенъ $\frac{1}{10}$ лин., на двѣнадцатомъ— $\frac{1}{7}$ лин., на пятнадцатомъ— $\frac{2}{3}$ лин.; у *Abies Sibirica* на девятомъ году ихъ діаметръ весьма малъ, у только-что пронесшихъ въ $\frac{1}{20}$ лин., у большихъ—въ $\frac{1}{8}$ лин., у восемнадцатилѣтнихъ—въ $\frac{3}{5}$ лин. У *Pinus Strobus* приемники смолы образуются, также какъ и у предыдущихъ деревьевъ, въ паренхимѣ коры, въ лубовомъ слое; однакожь ихъ появленіе идетъ снаружи внутрь, такъ-что наконецъ они развиваются и въ лубѣ.

С. Наконецъ органы, отдѣляющіе смолу, являются въ видѣ горизонтальныхъ каналовъ, расположенныхъ по направленію радіусовъ, и не имѣющихъ сообщенія другъ съ другомъ. Они лежатъ въ лубовомъ слое въ тѣхъ мѣстахъ, которыя состоятъ изъ паренхимы и прилегаютъ къ сердцевиннымъ лучамъ; эти каналы составляютъ продолженіе смолевыхъ каналовъ, находящихся въ сердцевинныхъ лучахъ, но отличаются отъ нихъ большею полостью. Ихъ не бываетъ въ корѣ тѣхъ деревьевъ, которыя не имѣютъ смолевыхъ каналовъ въ сердцевинныхъ лучахъ, какъ напр. у *Abies pectinata*, *sibirica*. Въ противоположность вертикальнымъ смолевымъ каналамъ, которые отпадаютъ вмѣстѣ съ чешуйками коркового вещества, горизонтальные каналы появляются въ зрѣломъ возрастѣ деревъ, когда сильно развивается лубъ и, какъ вертикальные каналы и приемники смолы, имѣютъ большій діаметръ въ ширину. До-сихъ-поръ объ этихъ каналахъ не упоминалъ еще ни одинъ авторъ. Изъ изслѣдованныхъ *Молемъ* деревъ, эти каналы имѣютъ самую большую величину у *Picea excelsa*, въ 50-лѣтнемъ стволѣ ихъ вертикальный діаметръ былъ равенъ $\frac{1}{12}$ лин., а поперечный — $\frac{1}{7}$ лин.; также у *Larix europaea* они дости-

каютъ довольно значительной величины; ихъ вертикальный діаметръ равняется $\frac{1}{26}$ лин., а поперечный $\frac{1}{11}$ лин., между-тѣмъ-какъ у *Pinus nigricans* ихъ поперечный діаметръ имѣеть отъ $\frac{1}{33}$ до $\frac{1}{45}$ лин., у *Pinus sylvestris* — $\frac{1}{45}$ лин.

Уже изъ предыдущаго видно, что у хвойныхъ строеніе органовъ, отдѣляющихъ смолу, разнообразно; но это разнообразіе увеличивается еще болѣе отъ разницы въ продолжительности жизни различныхъ слоевъ коры различныхъ видовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важна продолжительность жизни перидермы. У всѣхъ нашихъ хвойныхъ деревьевъ, дающихъ смолу, образуется въ продолженіе многихъ лѣтъ болѣе или менѣе однородная перидерма, ограничивающая снаружи зазелень; у всѣхъ образуются въ старости перидерматическіе пласты, глубоко-входящіе въ кору, посредствомъ которыхъ происходитъ образованіе корковаго вещества, и тогда мало-по-малу вся кора засыхаетъ до самаго луба. При этомъ происходятъ особенныя перемѣны, которыя бывають различны у различныхъ видовъ. Двѣ крайности въ этомъ отношеніи представляютъ *Larix* и *Abies sibirica*.

У *Larix europaea* (а также и у *Larix microcarpa*) въ каждомъ пластѣ недалеко отъ его поверхности находятся два смолевые канала средней ширины (около $\frac{1}{13}$ лин.) и за ними въ зазелени у однолѣтней вѣтви простой кругъ чечевицеобразныхъ приемниковъ смолы, имѣющихъ въ діаметрѣ около $\frac{1}{16}$ лин. Въ продолженіе перваго года между пластомъ, содержащимъ въ себѣ смолевые каналы, и зеленою паренхиматическою корою образуется перидерма, которая умерщвляетъ части, лежащія съ наружной ея стороны. Поэтому кора лиственницы отличается отъ коры другихъ хвойныхъ деревьевъ тѣмъ, что она, кромѣ перваго года своего существованія, не содержитъ въ себѣ смолевыхъ каналовъ, и потому, при поперечномъ разрѣзѣ молодыхъ побѣговъ лиственницы, нѣтъ истечения смолы изъ коры, какъ это бываетъ у всѣхъ другихъ деревьевъ. Перидерма утолщается и пластъ, прилегающій къ ней, начинаетъ отпадать не ранѣе, какъ на пятомъ году. Сдѣлавшаяся свободною, перидерма состоитъ до 18 года изъ чередующихся слоевъ толстостѣнныхъ и тонкостѣнныхъ клѣточекъ, которые отстають въ видѣ тонкихъ пластинокъ. Въ-теченіе этого времени въ зазелени значительно увеличивается число приемниковъ смолы, которые въ свою очередь расширяются; діаметръ ихъ измѣняется отъ перваго года до 15 съ $\frac{1}{16}$ лин. на $\frac{2}{3}$ лин. Съ 18-го года от-

ношеніе перидермы къ корѣ измѣняется, потому-что теперь начинается образованіе коркового вещества, состоящаго изъ толстыхъ чешуекъ, и въ него превращается вся паренхиматическая часть коры съ пріемниками смолы, въ ней заключающимися, а также и внѣшніе слои луба, весьма развитые у лиственницы. Послѣ такого превращенія въ живой корѣ лиственницы, состоящей только изъ слоевъ луба, нѣтъ никакихъ органовъ, отдѣляющихъ смолу, кромѣ горизонтальныхъ каналовъ сердцевинныхъ лучей, которыхъ ширина довольно значительна.

По строенію коры ближе всего къ лиственницѣ ель (*Pinus excelsa*). Уже къ концу перваго года наружный очень толстый слой пласта умираетъ и отдѣляется отъ зеленой коры явственною перидермою. Разница состоитъ только въ томъ, что перидерма развивается здѣсь не внутри круга смолевыхъ каналовъ, а внѣ его, и смолевые каналы лежатъ во многихъ рядахъ. Только около 6-го года начинаетъ отпадать въ видѣ чешуй наружная умершая часть пласта. Съ этого времени перидерма, какъ у *Larix*, умирая съ наружной поверхности, сбрасываетъ умершія части въ видѣ тоненькихъ чешуекъ, и это продолжается почти до 20-лѣтняго возраста; но тогда перидерматическіе слои образуются глубоко въ корѣ, и паренхиматическая кора, вмѣстѣ съ смолистыми каналами, лежащими въ ней, обращается въ растреснувшееся корковое вещество. Въ это-же время у ели дубъ достигаетъ значительной толщины и заключаетъ въ себѣ множество горизонтальныхъ смолистыхъ каналовъ.

Съ корою ели имѣетъ большое сходство кора сосенъ: *Pinus sylvestris* и *P. nigricans*. Разница у однолѣтнихъ вѣтвей только въ томъ, что перидерма, образующаяся въ пластѣ зазелени, лежитъ очень близко къ поверхности. Дальнѣйшія измѣненія коры очень сходны съ измѣненіями въ корѣ ели. Около 5 или 6 года отпадаетъ пластъ, затѣмъ наступаетъ періодъ, когда перидерма сбрасываетъ тонкія чешуйки, что продолжается до 8—10 лѣтняго возраста, когда образуются толстыя чешуйки коркового вещества, происходящаго изъ паренхиматической коры съ смолистыми каналами, а позже и изъ наружныхъ слоевъ луба. Живая часть луба у *Pinus nigricans* имѣетъ довольно-значительную толщину; напротивъ того, у *Pinus sylvestris* большая часть луба уже въ раннемъ возрастѣ преобразуется въ корковое вещество. Въ лубовомъ слоѣ лежатъ горизон-

тальные смолевые каналы, но ширина ихъ гораздо меньше, чѣмъ у ели.

Замѣчательный переходъ отъ коры сосны (*Pinus sylvestris*) къ корѣ Сибирской пихты (*Abies sibirica*) составляетъ кора Веймутовой сосны (*Pinus Strobus*). Уже форма однолѣтней вѣтви послѣдней болѣе приближается къ формѣ пихтоваго, нежели сосноваго побѣга, потому-что въ ней отъ основанія листовыхъ пучковъ не спускаются выдающіеся и рѣзко-отдѣленные другъ отъ друга листовые пласти. Къ этому присоединяются еще большія различія во внутреннемъ устройствѣ коры. Прежде всего образованіе перидермы отлично отъ перидермы сосны: ибо здѣсь перидерма, начиная отъ перваго года, до 12 и даже до 20-го, остается совершенно гладкою, и не отдѣляетъ замѣтнымъ образомъ пластинокъ, съ наружной стороны, отчего поверхность коры имѣетъ блестящій видъ, какъ у дуба (*Jlex aquifolium*). Въ зазелени лежитъ кругъ широкихъ смолевыхъ каналовъ, и нѣскольکو узкихъ, разсѣянныхъ безъ порядка. Около 10-го года въ паренхимѣ между каналами развивается большое число пріемниковъ смолы, которые позже встрѣчаются и въ лубѣ довольно глубоко. У здоровыхъ деревь, растущихъ сильно, только на 12—15 году, а у слабыхъ деревь и позже, образуется корковое вещество и то мѣстами, потому-что перидерматическіе слои образуются также мѣстами и тотчасъ проникаютъ глубоко до самаго луба, между-тѣмъ-какъ, возлѣ нихъ лежитъ зазелень, еще молодая и свѣжая. Черезъ нѣсколько лѣтъ образованіе корковаго вещества распространяется по всей поверхности дерева и разрушаетъ всю паренхиматическую часть коры, и лубовой слой такого дерева разительно отличается присутствіемъ множества пріемниковъ смолы. Кромѣ-того въ немъ есть также горизонтальные каналы.

Въ нѣкоторомъ отношеніи подобное строеніе коры имѣетъ Сибирская пихта (*Abies sibirica*). Перидерма начинаетъ образоваться уже въ первый годъ, но остается нѣсколько лѣтъ совершенно гладкою. Въ зазелени лежитъ кругъ изъ многихъ широкихъ смолевыхъ каналовъ, передъ которымъ разсѣяно нѣсколько отдѣльныхъ узкихъ. Какъ на особенность, отличающую пихту отъ предыдущихъ деревь, мы должны указать на присутствіе органовъ, которыхъ нѣтъ у нихъ. Эти органы лежатъ между клѣточками, зазелени и состоятъ изъ многихъ большихъ круглыхъ клѣточекъ, наполненныхъ веществомъ, разбухающимъ въ водѣ, но не раство-

возлѣ друга. Въ каждомъ большомъ сердцевинномъ лучѣ находящимся въ ней, и сжимающимся и мутящимся въ алкогольѣ. *Шалтъ* описалъ эти клѣточки у пихты подѣ названіемъ *бассорпиновыхъ клѣточекъ*. Такое строеніе коры остается неизмѣннымъ до 8 лѣтъ и въ продолженіе этого времени смоленые каналы увеличиваются въ ширину, а бассорпиновыя клѣточки по всеѣмъ направленіямъ и весьма значительно. Теперь, также какъ у *Pinus Strobus*, въ зазелени, но не въ лубѣ, начинаютъ образоваться отдѣльные круглые приемники смолы, которые при дальнѣйшемъ развитіи коры значительно увеличиваются въ ширину. Приемники смолы попадаютъ уже и прежде, именно на 5-мъ году, и преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сходятся другъ съ другомъ смоленые каналы, и образуютъ тамъ комки смолы. Въ какое время начинаетъ образоваться корковое вещество, — *Моль* не можетъ рѣшить, потому-что онъ имѣетъ подѣ руками только деревья, которыя не старше 20 лѣтъ, и которыя покрыты еще совершенно гладкою корою. Горизонтальныхъ смоленыхъ каналовъ нѣтъ.

Обыкновенная пихта (*Abies pectinata*) почти во всеѣмъ сходна съ Сибирскою (*Abies sibirica*) и кора ея различается незначительно отъ послѣдней. Если не значительное, то бросающееся въ глаза различіе составляетъ перидерма, потому-что она имѣетъ не гладкую, блестящую поверхность, какъ у *Abies sibirica*, а покрытую тонкими чешуйками, которыя происходятъ отъ того, что здѣсь чередуются тонкостѣбныя клѣточки съ толстостѣбными. Главное различіе состоитъ въ томъ, что у *Abies pectinata* нѣтъ приемниковъ смолы ни въ зазелени, ни въ лубѣ. Образование коркового вещества наступаетъ поздно. Разрѣзъ коры съ 48-лѣтняго дерева, росшаго правильно, показалъ *Молю*, что корковое вещество образуется въ это время, только мѣстамъ, между-тѣмъ-какъ остальная кора остается неизмѣнною и состоитъ изъ паренхимы, отдѣтой бѣлою перидермою. Горизонтальныхъ каналовъ нѣтъ въ лубѣ.

Если обратимся теперь къ изслѣдованію древесины деревьевъ, кору которыхъ мы разсмотрѣли, то увидимъ, что въ ней находятся у всеѣхъ деревьевъ, кромѣ *Abies sibirica* и *pectinata*, какъ горизонтальные, такъ и вертикальные смоленые каналы.

Древесина съ горизонтальными смолеными каналами имѣютъ сердцевинные лучи двухъ родовъ: большіе и малые. Послѣдніе состоятъ изъ одного ряда клѣточекъ; большіе-же изъ многихъ рядовъ, лежащихъ не только другъ надъ другомъ, но и другъ

дится горизонтальный смолевой каналъ, окруженный выдѣляющими тонкостѣнными клеточками. Эти каналы составляютъ продолженіе горизонтальныхъ каналовъ коры, но отличаются отъ послѣднихъ гораздо меньшею шириною. Диаметръ горизонтальныхъ каналовъ коры у ели *Picea excelsa* имѣетъ около $\frac{1}{4}$ лин., а диаметръ каналовъ сердцевинныхъ лучей около $\frac{1}{62}$ лин., у *Larix europaea* каналы коры шириною около $\frac{1}{11}$ лин., а каналы сердцевинныхъ лучей около $\frac{1}{70}$ лин.; у *Pinus sylvestris* каналы коры $\frac{1}{43}$ лин., а каналы сердцевинныхъ лучей около $\frac{2}{73}$ лин., а у *Pinus nigricans* около $\frac{1}{133}$ лин. Такое служеніе смолевыхъ каналовъ, при переходѣ изъ коры въ древесину, показываетъ, что они приносятъ гораздо болѣе смолы во внутренніе слои коры, нежели въ древесину; однакожь, замѣчательно, что у деревь, отличающихся богатствомъ смолы, какъ у *Pinus sylvestris* и особенно у *Pinus nigricans*, эти каналы самые узкіе. Поэтому, если снять кольцомъ часть коры съ дерева во время восхожденія соковъ, то въ обнаженной части ствола изъ горизонтальныхъ каналовъ вытекаетъ смола весьма мелкими каплями.

Кромѣ горизонтальныхъ каналовъ, приносящихъ смолу, въ древеснѣ хвойныхъ есть и вертикальные; но они расположены безъ порядка, однакожь, болѣе въ среднихъ и наружныхъ частяхъ годичнаго слоя. Они гораздо шире, нежели горизонтальные каналы, и самые широкіе въ древеснѣ *Pinus nigricans* (средніе шириною около $\frac{1}{24}$ лин., самые большіе около $\frac{1}{10}$ лин.); менѣе широкіе у *Pinus sylvestris* (средніе $\frac{1}{35}$ до $\frac{1}{30}$ лин., большіе $\frac{1}{24}$ лин.) и у *Larix europaea* (средніе отъ $\frac{1}{34}$ до $\frac{1}{30}$ лин., большіе $\frac{1}{25}$ лин.); самые узкіе у *Picea excelsa* (средніе отъ $\frac{1}{50}$ до $\frac{1}{40}$ лин., большіе $\frac{1}{25}$ лин.). Уже отсюда объясняется, почему изъ поперечнаго разрѣза *Pinus nigricans* вытекаютъ капли смолы гораздо крупнѣе, нежели изъ другихъ видовъ. Но количество вытекающей смолы изъ древесины зависитъ не только отъ величины каналовъ, но и отъ ихъ числа. На поперечномъ разрѣзѣ одной и той-же величины *Моль* опредѣлилъ число каналовъ у *Pinus nigricans* 190, у *Pinus sylvestris* 124, у *Larix europaea* 128, а у *Picea excelsa* только 78 каналовъ. Если принять во вниманіе, что у *Pinus nigricans* самые широкіе каналы, а у *Picea excelsa* самые узкіе, то дѣлается совершенно-яснымъ, отчего первая богата смолою, а послѣдняя сравнительно бѣдна. Въ томъ и другомъ отношеніи *Pinus sylvestris* и *Larix europaea* занимаютъ средину.

Если перепилить поперекъ стволъ хвойнаго дерева во-время восхожденія соковъ, то смола вытекаетъ изъ перерѣзанныхъ каналовъ въ видѣ капель, вообще сильнѣе изъ заболони, чѣмъ изъ ядра древесины, какъ это видно у *Pinus sylvestris*, *Strobus*, *Picea excelsa* и *Larix europaea*, а по наблюденіямъ *Палласа* и у Сибирской лиственницы.

Ошибочно было-бы думать, что смола въ нашихъ хвойныхъ деревьяхъ встрѣчается только въ смолевыхъ каналахъ. Конечно, въ живыхъ частяхъ дерева это такъ; но въ старыхъ годовыхъ слояхъ она является, какъ инфильтрирующее вещество, которое проникаетъ клетчатыхъ оболочки, мѣстами совершенно наполняетъ полости прозенхиматическихъ клеточекъ и собирается въ трещинахъ древесины. Это имѣетъ мѣсто не только у такихъ хвойныхъ, у которыхъ есть смолевые каналы, но и у такихъ, у которыхъ нѣтъ ни вертикальныхъ, ни горизонтальныхъ каналовъ, какъ у *Abies pectinata*, у которой не только засохшіе сучки, оставшіеся на стеблѣ, но и внутренніе слои нижней части живыхъ вѣтвей совершенно насыщены смолой. Такъ-какъ въ древеснѣхъ пихты нѣтъ органовъ, отдѣляющихъ смолу, то смола, насыщающая умершіе внутренніе слои древесины, должна получаться или изъ коры или изъ листьевъ. Трудно сказать, какъ смола доходитъ до этихъ внутреннихъ слоевъ древесины; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея отложеніе находится въ связи съ прекращеніемъ жизни этихъ частей и съ уменьшеніемъ водянистаго сока клеточекъ, которое происходитъ отъ того.

Такое насыщеніе смолою, встрѣчающееся у пихты только въ сучьяхъ, у *Pinus sylvestris* и у среднихъ видовъ имѣетъ мѣсто въ известной степени въ ядрѣ древесины всего ствола. Скопленіе смолы во внутреннихъ слояхъ древесины происходитъ не влѣдствіе жизненной дѣятельности дерева, а, напротивъ-того, влѣдствіе уменьшенія или уничтоженія ея, потому-что инфильтрація смолы дѣлается гораздо сильнѣе въ срубленныхъ стволахъ сосны, чѣмъ въ живыхъ, и смола по-мѣрѣ замиранія наружныхъ слоевъ скопается во внутреннихъ слояхъ и обращаетъ ихъ въ ядро. Почти нельзя сомнѣваться, что переходъ смолы изъ коры и заболони происходитъ, хотя отчасти, черезъ посредство горизонтальныхъ каналовъ.

Опыты надъ деревьями, изъ которыхъ получена смола, и которыя снова дѣлаются смолистыми, доказываютъ, что ослабленіе

жизненной дѣятельности деревъ условливаетъ насыщеніе древесины смолою. Съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ, что извлеченіе смолы имѣетъ такое послѣдствіе; но если принять въ расчетъ, что здѣсь дѣло идетъ о деревѣ, чрезвычайно-богатомъ этимъ веществомъ, — о деревѣ, изъ котораго извлечена только часть его смолы, что этою операціей дерево чрезвычайно ослаблено (приростъ дерева уменьшается почти въ три раза), что въ немъ значительно уменьшено количество восходящаго сырого сока посредствомъ поперечныхъ разрѣзовъ заболони, сдѣланныхъ для извлеченія смолы: то становится понятнымъ, что эта операція вызываетъ недостаточное питаніе дерева, уменьшеніе притока соковъ въ его древесину, раннюю старость всего дерева, преждевременное умираніе внутреннихъ слоевъ древесины и инфильтрацію этихъ слоевъ, лишнею смолою. Уже *Дюгамелю* было извѣстно, что въ стебляхъ сосенъ, изъ которыхъ добывали смолу, смола скопляется въ частяхъ, смежныхъ съ надрѣзами древесины. Къ частямъ древесины, лежащимъ прямо надъ надрѣзомъ, невозможенъ прямой доступъ питательнаго сока, и потому они весьма удобно насыщаются смолою.

Скопленіе смолы въ ядрѣ древесины лиственницы также мало можно приписать, образованію этого вещества въ горизонтальныхъ каналахъ внутреннихъ слоевъ древесины, какъ и переходы его сюда изъ коры и наружныхъ слоевъ древесины. Большая масса смолы, ежегодно сбрасывающаяся внутри древесины лиственницы, не находится-ли въ связи съ ежегоднымъ опаданіемъ ея листьевъ? Въ слѣдствіе листопада у лиственницы должна совершенно прекращаться растительность зимою, между-тѣмъ-какъ у вѣчно-зеленящихся хвойныхъ непрерывно поддерживается восхожденіе соковъ, конечно, весьма слабое, и въ холодное время года, въ слѣдствіе непрерывной дѣятельности листьевъ.

Если обратимъ вниманіе на различія въ строеніи коры и древесины нашихъ хвойныхъ деревъ, то намъ будутъ понятны различные способы добыванія смолы или терпентина.

У всѣхъ хвойныхъ въ паренхимѣ коры молодыхъ побѣговъ есть вертикальные смолевые каналы, изъ которыхъ при разрѣзѣ вѣтвей вытекаютъ болѣе или менѣе крупныя капли терпентина. Поэтому терпентинъ можно получать, перерѣзывая молодыя вѣтви всѣхъ хвойныхъ, кромѣ лиственницы, у которой эти каналы уже въ первый годъ переходятъ въ корковое вещество; при этомъ ко-

личество полученнаго терпентина не условливается большимъ или меньшимъ увѣсьемъ дерева. Этотъ способъ употребляется въ Карпатахъ для доставанія такъ-называемаго Венгерскаго бальзама изъ *Pinus Pumilio*.

Въ позднѣйшемъ возрастѣ деревъ этотъ способъ нельзя употреблять потому, что у большей части хвойныхъ вертикальные каналы довольно рано переходятъ въ корковое вещество. Изъ этого составляетъ исключеніе только пихта (*Abies pectinata*) и сродные съ нею виды, потому-что у ней не только сохраняются долго вертикальные ходы, но и раздуваются и образуютъ смолистые шары. Поэтому употребляется одинъ и тотъ-же способъ и въ Европѣ для добыванія Стразбургскаго терпентина изъ *Abies pectinata* и въ Америкѣ для добыванія Канадскаго бальзама изъ *Abies balsamifera*. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что открываютъ шары, наполненные смолою, и собираютъ ее въ сосуды, которые кверху заострены. Для добыванія терпентина выбираютъ пихты средняго возраста, потому-что въ молодыхъ еще не образовались шары, а въ старыхъ они уже уничтожились и каналы превратились въ корковое вещество. Поэтому добывать терпентинъ можно только изъ деревъ, имѣющихъ діаметръ отъ 3 до 10 дюймовъ. Естественно, что изъ молодыхъ вѣтвей и верхушекъ старыхъ деревъ можно получать терпентинъ совершенно также, какъ изъ нижнихъ частей стебля молодыхъ деревцовъ.

У *Pinus Strobus* и *Abies sibirica*, кромѣ смолевыхъ каналовъ, есть еще приѣмники смолы, а у *Larix europaea* эти приѣмники замѣняютъ каналы, отпадающіе уже въ первомъ году. Но эти приѣмники не могутъ служить для добыванія терпентина, по причинѣ ихъ малости и отдѣльнаго положенія; при открытіи ихъ смола не вытекаетъ изъ нихъ.

Горизонтальные смолевые каналы могутъ доставлять смолу только у тѣхъ деревъ, у которыхъ они довольно широки и у которыхъ лубовой слой значительно толстъ. И то и другое имѣетъ мѣсто у *Picea excelsa*. На этой анатомической особенностяхъ основывается способъ добыванія ея смолы, который состоитъ въ томъ, что изъ ея коры вырѣзываются продольныя полоски до самой древесины. Смола, вытекающая изъ краевъ полосокъ коры, течетъ изъ разрѣзанныхъ горизонтальныхъ каналовъ. Такъ-какъ эти каналы лежатъ во внутреннихъ слояхъ коры и при отложеніи новыхъ слоевъ дуба они удлиняются и дѣлаются шире, то смолу

можно добывать изъ этого дерева не только въ молодомъ и среднемъ возрастѣ, но и въ самомъ старомъ; надрубывая вновь края ранъ и открывая вновь-образовавшіеся каналы, мы можемъ получить непрерывное истеченіе этого вещества.

Изъ большого сходства коры лиственницы съ корою ели можно заключить, что при разрубѣ коры первой вытекаетъ значительное количество терпентина, хотя ея каналы гораздо уже, чѣмъ у послѣдней. Но это количество должно быть гораздо меньше, нежели у ели, потому-что узкость каналовъ здѣсь не вознаграждается ихъ числомъ. По такой способъ добыванія терпентина изъ лиственницы теперь не употребляется по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что терпентинъ, вытекающій изъ лиственницы, весьма скоро превращается въ смолу отъ дѣйствія воздуха; во-вторыхъ, потому, что дерево лиственницы гораздо дороже стоитъ, нежели терпентинъ, полученный изъ нея, добываніе котораго истощаетъ и разрушаетъ дерево.

Хотя существованіе шаровъ смолы не доказано въ корѣ лиственницы, но нельзя отвергать, что они существуютъ. Однакожъ, они попадаются весьма рѣдко и не могутъ служить для правильнаго добыванія Венеціанской смолы.

Если уже изъ коры лиственницы, у которой горизонтальные каналы довольно широки, нельзя получать смолу, то тѣмъ болѣе это невозможно изъ коры *Pinus sylvestris* и *nigricans*, у котораго эти каналы чрезвычайно узки.

Добываніе смолы изъ древесины невозможно у такихъ деревьевъ у которыхъ нѣтъ въ этой части смолевыхъ каналовъ, какъ у *Abies resinata*, напротивъ-того, оно имѣетъ мѣсто у *Pinus*, у которой горизонтальные каналы зуба малы, а вертикальные древесины велики и многочисленны. Здѣсь должно отличать истеченіе смолы изъ смолевыхъ каналовъ заболони отъ истеченія инфильтрированной смолы изъ умершихъ слоевъ древесины. Изъ ранъ дерева вытекаетъ и та и другая смола, а въ иныхъ случаяхъ болѣе одной смолы, въ другихъ—другой.

При распиливаніи сосенъ смола вытекаетъ преимущественно изъ смолевыхъ каналовъ заболони; на этомъ основанъ способъ получать терпентинъ въ Канадѣ, въ западной Франціи, именно въ Провансѣ—Бордосскій терпентинъ изъ *Pinus Pinaster* и въ Австріи изъ *Pinus nigricans*. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что на заболони дѣлаютъ зарубку, глубиною дюйма въ три. Изъ верхнихъ

каналовъ надъ зарубкою вытекаетъ смола. Чтобы смола текла непрерывно, верхнюю поверхность зарубки подновляютъ, срезывая тонкій слой ея. Здѣсь смола вытекаетъ не только изъ заболони, но и та, которая уже отложилась въ ядрѣ древесины, и послѣднее обстоятельство особенно вредитъ дереву.

Наконецъ изъ лиственницы, у которой ядро древесины въ высшей степени насыщено смолою и смола собирается въ трещинахъ древесины, ее добываютъ, просверливая дерево буравомъ до половины. Конечно, здѣсь терпентинъ (такъ-называемый Венеціанскій) вытекаетъ изъ смолевыхъ каналовъ заболони, но главная масса его изъ ядра древесины, гдѣ отлагается смола въ огромномъ количествѣ. При пробуриваніи лиственницы сначала вытекаетъ терпентинъ изъ смолевыхъ каналовъ заболони въ видѣ капель, а изъ ядра еще не показывается; но потомъ начинаетъ течь и изъ этой части, и количество послѣдняго несравненно болѣе количества перваго.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЙ УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ. — 30 августа Высочайше утвержденъ новый Уставъ Императорской академіи художествъ. Сообщаемъ извлечение изъ сего Устава

Въ Императорской академіи художествъ преподаются: живопись, скульптура, архитектура, гравированіе и медальерное искусство. Образовывающая художниковъ, академія, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчаетъ имъ, по мѣрѣ возможности, способы къ дальнѣйшему усовершенствованію и вообще заботится объ успѣхѣ художествъ, даетъ свои отзывы и заключенія разнымъ мѣстамъ и лицамъ, кои пожелаютъ представить на ея обсужденіе предметы, до художествъ относящіяся. Она состоитъ подъ ближайшимъ начальствомъ президента, въ вѣдѣніи министра Императорскаго Двора. Дѣла, относящіяся до художественной и учебной частей, рѣшаются властію президента; дѣла по части административной, хозяйственной и счетной подлежатъ рѣшенію министра Императорскаго Двора. Уставомъ академіи опредѣляются: 1) управление, 2) предметы преподаванія, распредѣленіе ихъ и экзамены, 3) назначеніе преподавателей, 4) пріемъ учениковъ, 5) главные конкурсы на золотыя медали и посылка пансіонеровъ за границу и 6) возведеніе художниковъ въ почетныя званія.

Обученіе въ академіи заключаетъ въ себѣ: 1) классы предметовъ художественныхъ и 2) классы вспомогательныхъ для художествъ предметовъ наукъ. Какъ художественные классы, такъ и классы наукъ раздѣляются на *общіе* и *спеціальные*. Общіе суть тѣ, въ коихъ должны обучаться все безъ изъятія ученики различныхъ отраслей художествъ; спеціальные назначаются только для одного рода искусства.

Художественные классы суть: *Общіе для всѣхъ отраслей искусства*: первый рисовальный классъ (съ античныхъ гипсовыхъ головъ), второй рисовальный (съ античныхъ гипсовыхъ фигуръ), эстампный (для рисованія съ классическихкихъ фигуръ).

Спеціальныя; а) *Для живописцевъ, скульпторовъ, медальеровъ и гравировъ*: высшій рисовальный классъ (натурный) для упражненія рисованьемъ съ натуры; манекенный для изученія драпировокъ. б) *Собственно для живописцевъ*: живописный, для копированія оригинальныхъ картинъ извѣстныхъ школъ; живописный этюдный (натурный) для упражненія въ живописи съ натуры. в) *Для скульпторовъ и медальеровъ*: лѣпленія съ антиковъ; лѣпной этюдный (натурный) для лѣпленія съ натуры. г) *Для архитекторовъ*: черченія архитектурныхъ частей и орнаментовъ всѣхъ стилей, высшій архитектурный для составленія архитектурныхъ проектовъ. д) *Для гравировъ*: классъ граверный. е) *Для медальеровъ*: классъ медальерный.

Классы наукъ суть: а) *Общія для всѣхъ*: законъ Божій (для православныхъ); священная исторія; исторія изящныхъ искусствъ, эстетика и археологія; всеобщая и Русская исторія; перспектива и теорія тѣней; Русскій языкъ и словесность. б) *Спеціальныя*: а) *Для живописцевъ, скульпторовъ, медальеровъ и гравировъ*: анатомія; б) *для архитекторовъ*: строительное искусство; математика, физика, химія въ примѣненіи къ архитектурѣ, статика и строительная механика; специальное законовѣдѣніе по строительной части и правила составленія смѣтъ и отчетовъ.

Курсъ ученія въ академіи художествъ распредѣляется на три отдѣленія.

Въ первомъ отдѣленіи: ученики всѣхъ отраслей искусствъ занимаются въ первомъ рисовальномъ классѣ (гипсовыхъ головъ) и въ классѣ эстампномъ; слушаютъ лекціи закона Божія (православные), Русскаго языка и словесности. Ученики архитектуры посѣщаютъ, кромѣ-того, классъ математики.

Во второмъ отдѣленіи: ученики по всѣмъ-же отраслямъ искусствъ занимаются во второмъ рисовальномъ классѣ (гипсовыхъ фигуръ) и кромѣ-того, живописцы копируютъ въ живописномъ классѣ оригинальныя картины, скульпторы и медальеры упражняются въ классѣ лѣпленія съ антиковъ, архитекторы—въ классѣ черченія архитектурныхъ частей и орнаментовъ, граверы—въ классѣ граверномъ. Всѣ они слушаютъ лекціи: священной исторіи; исторіи изящныхъ искусствъ, эстетики и археологій; перспективы и теоріи тѣней; Русскаго языка и словесности, общей и Русской исторіи. Архитекторы, кромѣ-того,—математики, физики, химіи (въ примѣненіи къ архитектурѣ), статики и архитектурной механики.

Въ третьемъ, высшемъ, отдѣленіи: ученики живописи, скульп-

туры, гравированія и медальернаго искусства рисуютъ съ натуры (въ натурномъ рисовальномъ классѣ), а живописцы и скульпторы, сверхъ-того, занимаются въ этюдномъ натурномъ и манекенномъ классахъ; граверы посѣщаютъ классъ граверный, медальеры — классъ медальерный. Всѣ они упражняются, по задачамъ профессоровъ, сочиненіемъ эскизовъ по роду своихъ художествъ, а ученики архитектуры въ составленіи проектовъ. Всѣ ученики сего отдѣленія слушаютъ лекціи: исторіи изящныхъ искусствъ, эстетики и археологіи; общей и Русской исторіи; Русскаго языка и словесности. Кромѣ-того живописцы, скульпторы, медальеры и граверы слушаютъ курсъ анатоміи, архитекторы — математики, физики, химіи (въ примѣненіи къ архитектурѣ), статки и строительной механики, спеціальнаго законовѣдѣнія по строительной части и упражняются въ составленіи смѣтъ и отчетовъ.

Ученикъ одного отдѣленія, смотря по степени знанія и успѣховъ, можетъ, по одному изъ предметовъ, посѣщать, съ разрѣшенія начальства, классъ другаго отдѣленія. Распредѣленіе часовъ преподаванія предметовъ въ каждомъ отдѣленіи назначается особымъ росписаніемъ и по разсмотрѣнію въ совѣтѣ утверждается президентомъ. Ученики академіи художествъ могутъ, по желанію, посѣщать курсы другихъ учебныхъ заведеній, насколько сіе, по расположенію времени, совмѣстимо съ классами академіи. Учащіеся въ академіи имѣютъ собственные учебные припасы, бумагу, карандаши, краски. Только бѣднѣйшіе и при томъ тѣ изъ нихъ, кои оказываютъ успѣхи, снабжаются сими вещами отъ академіи или получаютъ пособіе.

Ученики академіи подвергаются экзаменамъ по части художествъ и наукъ. Экзамены по художественнымъ классамъ бываютъ: ежемѣсячные, третные и годичные. Къ концу каждаго мѣсяца ученики всѣхъ трехъ отдѣленій представляютъ свои работы, кои обсуживаются совѣтомъ. Работа, признанная лучшею по каждому классу, даетъ право исполнявшему ее выбрать въ наступающій мѣсяць мѣсто, соответствующее номеру, полученному на испытаніи. Кромѣ означенныхъ выше ежемѣсячныхъ экзаменовъ, производятся тѣмъ-же порядкомъ третные экзамены, на которые представляются: составленные учениками третьяго высшаго отдѣленія, рисунки и этюды рисовальнаго и живописнаго натуральныхъ классовъ; этюды скульптурные и архитектурные проекты. Сіи этюды и проекты выставляются безъ подписи именъ. Совѣтъ разсматриваетъ и даетъ свое мнѣніе о луч-

шихъ работахъ. Для поощренія учащихся академія покупаетъ у нихъ, по-возможности, первые лучшіе нумера. За означенные выше рисунки, этюды и проекты, исполненные учениками вышшаго отдѣленія по сюжетамъ профессоровъ, выдаются серебряныя медали, сперва втораго достоинства (*малая*), а потомъ перваго (*большая*). Число сихъ медалей не опредѣляется и зависитъ отъ числа удостоенныхъ работъ. Годичные экзамены въ художествахъ производятся также выставкою на обсужденіе совѣта произведеній учениковъ, безъ подписи ихъ имѣть; причѣмъ сіе распределяется такимъ образомъ, чтобы третная выставка послѣдней трети академическаго года совпала съ годичною. Изъ преподаваемыхъ вспомогательныхъ предметовъ наукъ экзамены бываютъ годичные и окончательные, по совершеніи академическаго курса. Тѣ и другія производятся въ совѣтѣ. Результаты экзаменовъ означаются баллами, высшее число коихъ есть *пять*. Если ученикъ на годичномъ экзаменѣ изъ предметовъ, кои ему преподавались, получить въ сложности менѣе трехъ балловъ на каждый предметъ: то, не смотря на успѣхи въ художественныхъ классахъ, не переводится въ слѣдующее по старшинству отдѣленіе. При хорошихъ успѣхахъ ученикъ тѣмъ не менѣе долженъ оставаться въ первомъ и второмъ отдѣленіи (т.-е. въ классахъ гипсовыхъ головъ и гипсовыхъ фигуръ) не менѣе двухъ лѣтъ въ совокупности, для достаточнаго изученія антиковъ. Въ третьемъ высшемъ отдѣленіи ученикъ остается до окончанія своего академическаго образованія, болѣе или менѣе, смотря по способностямъ своимъ. Академическій курсъ считается конченнымъ, когда ученикъ выдержитъ экзаменъ въ предметахъ наукъ, кои слушать, получить въ общей сложности не менѣе трехъ балловъ на каждый предметъ, а въ обоихъ натуральныхъ классахъ (рисовальномъ и живописномъ) удостоится получить малыя серебряныя медали, не иначе какъ за классныя академическія работы съ натуры. При академическомъ курсѣ ученику живописи не воспрещается заниматься какою-либо спеціальною отраслью живописи по направленію таланта своего (ландшафтною, батальическою и проч.) и для сего избрать себѣ наставника изъ профессоровъ академіи или постороннихъ художниковъ; но такія занятія могутъ составлять лишь частныя его упражненія, независимо отъ установленнаго академическаго курса, который долженъ совершиться во всей классической полнотѣ. По полученіи малыхъ серебряныхъ меда-

лей, ученики, продолжая совершенствоваться въ классахъ третьяго высшаго отдѣленія, исполняютъ по конкурсу работы для полученія большой серебряной медали; при чемъ живописцы могутъ предъявлять свои конкурсныя, на большую серебряную медаль, работы, уже по всеѣмъ отраслямъ и родамъ живописи, по свойству таланта своего (ландшафтной, батальной, народныхъ сценъ и проч.) и большая серебряная медаль дается безразлично по всякому роду искусства, обнаруживающему талантъ. Ученикъ, получившій большую серебряную медаль, допускается къ конкурсамъ на золотыя медали по правиламъ, которые излагаются ниже. Ученикъ, который, пробывъ въ третьемъ высшемъ отдѣленіи шесть лѣтъ, не окажетъ успѣховъ настолько, чтобы удостоиться полученія большой серебряной медали, долженъ оставить академію, и только при особыхъ уваженіяхъ можетъ быть допущено нѣкоторое въ семъ отношеніи отступленіе.

Къ конкурсамъ на золотыя медали допускаются лишь ученики, окончившіе курсъ по изложеннымъ выше правиламъ, и получившіе большія серебряныя медали. Сія конкурсы производятся по заданнымъ программамъ. Предметы программъ разсматриваются совѣтомъ и утверждаются президентомъ. Въ назначенный день ученики академіи, желающіе участвовать въ конкурсѣ, собираются въ академію; ихъ снабжаютъ подробными объяснительными записками о программѣ и потомъ размѣщаютъ въ отдѣльныхъ комнатахъ для сочиненія сюжетовъ и эскизовъ. Все представленныя такимъ образомъ сюжеты и эскизы разсматриваются въ совѣтѣ и, по утвержденіи оныхъ, поручается каждому исполнять свою работу согласно съ утвержденнымъ эскизомъ,—при чемъ нѣкоторыя отступленія допускаются въ небольшихъ подробностяхъ, но не въ общемъ сочиненіи и расположеніи предмета. Исполненныя работы разсматриваются въ совѣтѣ; несогласныя въ главномъ основаніи своемъ съ эскизомъ отстраняются отъ конкурса, и за сими совѣтъ дѣлаетъ свое заключеніе о достойнѣйшихъ, заслуживающихъ медали, и представляетъ президенту.

Золотыя медали, выдаваемыя за лучшія по конкурсу произведенія, суть: *перваго достоинства* (большія) и *второго достоинства* (малыя). Золотыхъ медалей перваго достоинства (большихъ) назначается по одной для каждой отрасли художества. Въ случаѣ особенныхъ исключеній, могутъ быть назначены двѣ большія медали по одной отрасли искусства. Для полученія золотой медали перваго

достоинства недостаточно, чтобы представленное на конкурс произведение было только лучшее между другими, но должно, чтобы оно само-по-себѣ заключало въ себѣ условія, заслуживающія высшей награды. Посему выдача золотыхъ медалей перваго достоинства не есть непремѣнное условіе каждаго конкурса. Число золотыхъ медалей втораго достоинства (малыхъ) не опредѣляется, а зависитъ отъ представленныхъ на конкурсъ работъ, заслуживающихъ награжденія. Медали даются не иначе, какъ въ постепенномъ порядкѣ. Не имѣя серебряныхъ медалей, нельзя получить золотыхъ. Кто не получилъ по конкурсу медали втораго достоинства (малой), тому не можетъ быть присуждена медаль перваго достоинства (большая). Форма, достоинство и штемпель серебряныхъ и золотыхъ медалей сохраняются тѣ-же, кои нынѣ установлены. Участвовать въ конкурсѣ можно по одному только разу, т.-е. однажды на золотую медаль втораго достоинства и однажды-же на золотую перваго достоинства. Ученикамъ, работающимъ по конкурсу на золотыя медали, назначаются въ зданіи академіи отдѣльныя мастерскія на время исполненія конкурсныхъ работъ.

Получившій золотую медаль перваго достоинства посылается, съ разрѣшенія президента, за границу пансіонеровъ академіи на казенный счетъ, для усовершенствованія въ искусствѣ. Ученики исторической живописи, скульптуры и архитектуры оставляются за границею пансіонерами академіи отъ трехъ до шести лѣтъ, смотря по ихъ успѣхамъ. Ученики другихъ родовъ живописи (ландшафтной, баталлической, народныхъ сценъ) остаются пансіонерами за границею три года и потомъ на три слѣдующіе года посылаются, съ пансіонерскимъ-же содержаніемъ, путешествовать по Россіи для произведенія картинъ изъ народной жизни. Пансіонеръ обязанъ послѣ первыхъ шести мѣсяцевъ доставлять въ академію журналъ о своихъ наблюденіяхъ и приготовленіяхъ къ работамъ; за симъ каждый годъ отдавать отчетъ академіи о производимыхъ работахъ и кромѣ-того присылать, ежегодно-же, какое-либо произведеніе свое въ томъ именно родѣ, по которому получилъ золотую медаль; рисунки и эскизы, ежели онъ занимается работою, которая не можетъ быть окончена въ одинъ годъ, или самыя исполненные имъ предметы, оконченные въ-теченіе года. Независимо отъ исполненія художественныхъ работъ, находящійся за границею пансіонеръ, избирая удобнѣйшее, по своимъ занятіямъ, время, посѣщаетъ извѣстныя галереи Европы и сообщаетъ академіи о ре-

результатахъ своихъ посѣщеній, описывая, какія именно произведенія искусства выбралъ онъ предметомъ своего изученія, какое вліяніе имѣло это на развитіе его и вообще стараясь сознавать въ самомъ себѣ и представлять доказательный отчетъ о своихъ художественныхъ впечатлѣніяхъ. При отправленіи, каждый пансіонеръ снабжается отъ академіи инструкціею, въ коей опредѣляется цѣль его художественнаго путешествія и требованія, кои онъ обязанъ исполнить. Инструкція сія должна быть соображена съ родомъ занятій и талантомъ каждаго пансіонера, разсмотрѣна и обсуждена въ совѣтѣ. Совѣтъ разсматриваетъ присланные изъ-за границы этюды, эскизы, рисунки, картины, и тѣ изъ нихъ, кои признаются лучшими, номинируются, съ разрѣшенія президента, на годичную выставку. Пансіонеръ, не представившій въ-теченіе года никакой работы (конченной или приготовительной) по тому роду, по коему получилъ золотую медаль, или прислалъ работу, доказывающую, что онъ не занимается съ надлежащимъ прилежаніемъ, перестаетъ считаться пансіонеромъ академіи и ему прекращается казенное содержаніе. Сумма, необходимая на отправленіе и содержаніе пансіонеровъ, ассигнуется ежегодно изъ государственнаго казначейства на каждаго по триста червонцевъ въ годъ и одновременно по двѣсти червонцевъ на путевыя издержки въ каждый конецъ.

Почетныя званія, коими по журналамъ совѣта и съ утвержденія президента удостоиваетъ академія, суть: некласный художникъ, класные художники первой, второй и третьей степеней, академикъ, профессоръ. Класному художнику *третьей степени* присваивается чинъ четырнадцатаго класса, *второй степени* — чинъ двѣнадцатаго класса, *первой степени* — чинъ десятаго класса. Званіе академика даетъ чинъ девятаго класса, званіе профессора — чинъ восьмага класса. Званіе некласнаго художника дается ученику академіи, который, кончивъ академическій курсъ по предметамъ художества и наукъ, получилъ на экзаменѣ изъ этихъ послѣднихъ въ сложности не менѣе трехъ балловъ на каждый предметъ, а по художествамъ удостоился малыхъ серебряныхъ медалей. Званіе класныхъ художниковъ пріобрѣтаютъ тѣ ученики академіи, кои получаютъ большую серебряную и золотыя медали, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ слушанныхъ предметовъ наукъ выдержатъ экзаменъ, получивъ въ сложности по четыре балла на каждый предметъ. При семь послѣднемъ условіи ученикъ, на-

гражденный большою серебряною медалью, имѣеть званіе класснаго художника третьей степени; заслужившій малую золотую медаль получаетъ званіе класснаго художника второй степени, а при большой золотой медали дается званіе класснаго художника первой степени. Имѣющій званіе класснаго художника третьей, или второй степени можетъ, не прежде какъ черезъ годъ, получить, въ послѣдовательномъ по старшинству порядкѣ, званіе класснаго художника слѣдующей высшей степени, т.е. послѣ третьей—вторую, а послѣ второй—первую, если представить художественное произведение, которое, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ и съ утвержденія президента, признается заслуживающимъ такой награды. Званія некласныхъ и классныхъ художниковъ могутъ получать и лица, необучавшіяся въ академіи, выдержавъ слѣдующее испытаніе: желающій долженъ исполнить, по роду своего художества, заданную совѣтомъ программу и выдержать экзаменъ изъ предметовъ, положенныхъ для такой отрасли художествъ, получивъ такое-же число балловъ, какое требуется отъ учениковъ академіи. Исполненная программа представляется, съ заключеніемъ совѣта, на одобреніе президента. Званія классныхъ художниковъ даются при семъ въ послѣдовательномъ-же порядкѣ, т.е. сперва третья, потомъ вторая и наконецъ первая степень, и не прежде, какъ черезъ годъ одна послѣ другой. Классный художникъ первой степени можетъ черезъ три года получить званіе академика, а академикъ черезъ три-же года званіе профессора за отличное исполненіе заданной программы, одобренной въ совѣтѣ и президентомъ. Званія академиковъ и профессоровъ могутъ получать прямо, по особымъ уваженіямъ, не принадлежащимъ къ академіи, извѣстные по славѣ художники за высокія произведенія искусствъ. Лица, получившія почетныя званія академіи, имѣють право носить академическій мундиръ по классу званія.

ДАННЫЯ ИЗЪ ОТЧЕТА ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ ЗА 1857 Г. — Извлеченіе изъ отчета по министерству юстиціи за 1857 г. напечатано въ октябрьской книжкѣ журнала этого министерства, откуда мы и заимствуемъ нижеслѣдующія данныя:

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства министерства юстиціи, низшихъ, среднихъ и высшихъ, производилось въ 1857 г. дѣлъ, вмѣстѣ съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ: уголовныхъ 237,721, гражданскихъ 217,251 и распорядительныхъ 23,302, всего

478,274. Изъ этого числа въ-теченіе 1857 г. разрѣшено: уголовныхъ 181,645, гражданскихъ 148,056 и распорядительныхъ 19,553, всего 349,254. За симъ къ 1 января 1858 г. осталось въ производствѣ: уголовныхъ 56,076, гражданскихъ 69,195 и распорядительныхъ 3,749, всего 129,020. Въ 1857 г. общее число дѣлъ, производившихся въ присутственныхъ мѣстахъ вѣдомства министерства юстиціи, было противъ 1856 г. болѣе на 6,219, а остатокъ на 3,266.

Наибольшее число вступившихъ уголовныхъ дѣлъ было въ уголовныхъ палатахъ: Вятской (2,957), С. Петербургской (2,366), Пермской (2,122) и Курской (1,709).

Наибольшее поступленіе гражданскихъ дѣлъ оказалось въ слѣдующихъ гражданскихъ палатахъ: въ 1-мъ департаментѣ С. Петербургской (9,250), въ 1-мъ департаментѣ Московской (5,743), во 2-мъ департаментѣ С. Петербургской (3,864).

Спорныя имущества и капиталы, по производившимся во всѣхъ коммерческихъ судахъ дѣламъ, простирались на сумму 35,552,755 р. 8¼ к. Въ вѣдомствѣ всѣхъ коммерческихъ судовъ состояло 398 конкурсовъ надъ несостоятельными должниками. Изъ числа этихъ конкурсовъ по 116 ликвидація долговъ несостоятельныхъ должниковъ въ-теченіе года кончена, и затѣмъ къ 1858 году осталось 282 конкурса.

Общее число лицъ, о коихъ, по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ въ Имперіи, производились уголовныя дѣла, простиралось въ 1857 г. до 383,213, изъ нихъ 69,654, т.-е. болѣе пятой части, содержалось подъ стражею, а прочіе находились на свободѣ. Сравнительно съ 1856 годомъ, число подсудимыхъ вообще увеличилось на семнадцать человекъ, а число арестантовъ—болѣе чѣмъ на 5,000 (*). Между содержавшимися подъ стражею было лицъ женскаго пола 10,515,—что составляетъ около седьмой части всѣхъ арестантовъ. Изъ общаго числа подсудимыхъ оправдано 98,754, обвинено 60,443 и освобождено по Всемилоствивѣйшему манифесту 40,866. Такимъ образомъ число оправданныхъ составляетъ почти четвертую, а обвиненныхъ—седьмую часть общаго числа подсудимыхъ. Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ наказаніямъ съ лишеніемъ правъ состоянія 5,553, и безъ лишенія правъ состоянія 54,890.

(*) Въ 1856 году освобождено много арестантовъ по Всемилоствивѣйшему манифесту.

Въ числѣ лишенныхъ правъ состоянія находилось присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы 1877, присужденныхъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь 3,460 и къ ссылкѣ на поселеніе за Кавказъ 216. По сословіямъ, въ числѣ преступниковъ, лишенныхъ правъ состоянія, было: дворянъ потомственныхъ 16, дворянъ личныхъ 27, духовнаго званія 17, купцовъ 5, прочихъ сословіи 5,608. По главнымъ родамъ преступленій, обвиненныхъ какъ съ лишеніемъ, такъ и безъ лишенія правъ состоянія, было: по воровству-кражѣ 6,706, бродяжничеству 4,029, порубкѣ лѣсовъ 1,341, нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ 1,325, смертоубійству 1,147, воровству-мошенничеству 551, грабежу 551, зажигательству 310, святотатству 169, поддѣлкѣ монеты 111, разбою 66.

По нарушенію правилъ о питейномъ сборѣ и по корчемству обвинено по одной Вятской губерніи почти половина (605) всего количества изобличенныхъ въ семь нарушеній законовъ въ совокупности по всѣмъ прочимъ губерніямъ; затѣмъ значительное количество обвиненныхъ было въ Пермской губерніи (184).

По грабежу, точно такъ-же, какъ и въ 1856 году, количество обвиненныхъ по одной Пермской губерніи (375) составляетъ болѣе половины преступниковъ по всѣмъ прочимъ губерніямъ въ совокупности; по губерніямъ-же Гродненской, Полтавской и Эстляндской вовсе не возникало въ 1857 г. дѣлъ о совершеніи сего рода преступленій.

Къ судебнымъ сборамъ относятся: пошлины съ актовъ, гербовый сборъ и штрафыя деньги. Во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ въ 1857 г. явлено и совершено крѣпостнымъ порядкомъ разнаго рода актовъ 131,131, т.-е. противъ 1856 года болѣе чѣмъ на 19,000 актовъ. Определенная въ сихъ актахъ цѣнность имущества простиралась на сумму свыше 243,822,000 р. и превышала подобную сумму 1856 г. на 43,185,645 руб. 93¹/₄ к. При совершеніи актовъ взяскано: крѣпостныхъ четырехпроцентныхъ пошлинъ 3,191,332 р. 69¹/₂ к., сбора ¹/₄-процентнаго въ городскую пользу 142,677 р. 38³/₄ к. и канцелярскихъ за написаніе актовъ пошлинъ 148,667 р. 28 коп.; сумма перваго изъ сихъ сборовъ превышаетъ сумму 1856 года на 888,251 р. 94 к., втораго — на 31,339 р. 44 к. и третьяго на 12,074 р. 21 коп.

Гербовый сборъ. Крѣпостной бумаги для написанія разнаго рода актовъ, а также обыкновенной гербовой бумаги, по дѣлопроизводству употреблено въ судебныхъ мѣстахъ въ 1857 г., на

14,991 руб. 83 коп. меньше, нежели въ предшествовавшемъ году, и именно на 681,204 р. 53 коп. Сумма эта по количеству распределяется между судебными мѣстами въ слѣдующей постепенности: въ судебныхъ мѣстахъ средней инстанціи 486,145 р. 63 коп., въ судебныхъ мѣстахъ нижней инстанціи, какъ-то: уѣздныхъ судахъ, магистратахъ и ратунахъ 185,781 р. 80 к. и въ прочихъ низшихъ мѣстахъ министерства юстиціи 9,277 р. 10¼ к. Въ числѣ общей суммы 681,204 р. 53 к. заключалось представленной въ судебныя мѣста крупностной актовой бумаги на 407,929 р. 71½ к., обыкновенной гербовой для дѣлопроизводства на 135,989 р. 20 к. Остальныя-же суммы (37,285 руб. 61¾ к.) взысканы самими судебными мѣстами за простую бумагу, употребленную вмѣсто гербовой.

Штрафныя деньги. Рѣшеніями судебныхъ мѣстъ определено въ 1857 г. взыскать съ тяжущихся штрафныхъ денегъ за неправильную апелляцію и вчинаніе неправильныхъ исковъ 379,898 р. 5½ к., болѣе нежели въ 1856 г. (257,738 р. 80¼ к.) на 122,159 р. 46¼ к.

Дѣйствительно-же взыскано въ 1857 году штрафныхъ денегъ 349,593 р. 99 к., сравнительно съ 1856 годомъ меньше на 80,143 р. 10 к. Причину сего уменьшенія можно полагать въ томъ, что значительная часть опредѣленныхъ въ прежнее время штрафныхъ взысканій оставалась въ недоимкѣ въ 1857 г. и сложена на основаніи Всеплюстивѣйнаго манифеста 26 августа 1856 г. Количество такого рода суммъ, сложенныхъ по манифесту, простиралось по гражданскимъ палатамъ—свыше 248,243 р., по уѣзднымъ судамъ—до 4,857 р. и по магистратамъ—до 1 897 р., всего 254,996 р. 15¼ к. Изъ числа штрафныхъ денегъ, взысканныхъ въ 1857 г., 220,754 р. 80½ коп., на основаніи закона, обращены въ доходъ казны, а 128,839 р. 18½ к. взысканы въ пользу судей, которые участвовали въ рѣшеніи дѣлъ.

МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ ВЪ ВАРШАВѢ. — Въ Моск. мед. газ. одинъ изъ редакторовъ оной, *С. Смирновъ*, напечаталъ слѣдующую статью: «Война 1830 унесла съ собою университеты Варшавскій и Виленскій, пріобрѣтшіе известность дѣятельностію своихъ ученыхъ профессоровъ, въ-особенности *И. Франка*. Польскій край оставался 27 лѣтъ безъ высшихъ учебныхъ заведеній и глубоко чувствовалъ лишеніе ихъ, особливо былъ опутителемъ недостатка медицинскихъ факультетовъ, недостатокъ врачей, близкихъ къ своей странѣ по крови и по образованію. Это лишеніе отрази-

лось въ высокой и любящей душѣ Монарха и въ ней нашло для себя средство. Указомъ 1857 г. была восстановлена медико-хирургическая академія; полуразрушившіеся остатки вѣкогда ученаго коллегіума снова вызваны къ жизни. Устройство вновь-формирующей академіи было возложено на человека, давно уже сдѣлавшагося извѣстнымъ у насъ въ Россіи и своимъ медицинскимъ образованіемъ, и счастливымъ приложеніемъ своихъ обширныхъ способностей къ практической дѣятельности. Съ января 1858 назначенъ президентомъ академіи профессоръ Кіевскаго университета *Ө. С. Цицурина*. Прозваніе на этотъ разъ было столь-же велико, какъ и счастливо. Не просто быть президентомъ предстояло почтенному профессору, но строителемъ до малѣйшихъ подробностей того зданія, котораго ждала цѣлая страна и которое указывали святое чувство и благотворная воля Монарха. Не легко было добросовѣстно принять на себя это прозваніе и еще труднѣе выполнить его безупречно, безъ самонадѣянности и страха. Намъ извѣстна борьба, совершавшаяся въ душѣ почтеннаго профессора, искушеннѣею годами опыта и ученія. Подкрѣпленный запасомъ снѣдливѣй по административной части подобныхъ учрежденій за границею и лично ознакомившись со многими иностранными преподавателями, на которыхъ могла разсчитывать возникающая академія, онъ приступилъ къ исполненію своего высокаго прозванія. Теперь не прошло еще двухъ лѣтъ, но академія уже на пути къ полному развитію своей дѣятельности. Мы читаемъ уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ описаніе ея внѣшняго благоустройства и водвореніе внутреннихъ порядковъ, слышимъ похвалы ея устройству и строителю отъ многихъ иностранныхъ медицинскихъ органовъ и слышимъ сказать наше слово искренняго, живаго сочувствія. Легко можно себя вообразить, что дѣятельность столь обширная и разнородная, прикасавшаяся къ столь многимъ личнымъ интересамъ, не могла не встрѣтить людей, неудовольствованныхъ ею. Мелкій эгоизмъ и неблагородныя страсти столкнулись съ дѣятельностію проф. Цицурина и не разъ уже выразились нареканіями и даже клеветою на него; но подобныя страсти несутъ въ самихъ себѣ свое обличеніе. Вѣнская газета «*Medicinische Wochenschrift*», вообще не отличающаяся особеннымъ благорасположеніемъ въ Россіи (припомнимъ читателямъ нашимъ ея прошлогоднюю статью: «Нѣмецкіе врачи въ Россіи»), явилась органомъ подобныхъ возраженій, напечатала въ одномъ изъ номеровъ своихъ

(1858, № 40) письмо одного изъ безымянныхъ своихъ корреспондентовъ съ Польской границы. Не стоитъ входить въ подробности обвиненій, но надобно сказать, что недовольный корреспондентъ тотчасъ-же нашелъ для себя сильныхъ и открытыхъ противниковъ въ другихъ органахъ гласности. Д-ръ *Прейс* немедленно опровергъ его замѣчаніе въ другой Вѣнской газетѣ: «Oesterreichische Zeitschr. f. pract. Heilk.», № 43, 1858. Лестные отзывы другихъ уважаемыхъ журналовъ, напр. «Arch. gener.» 1859. II и др., и въ-особенности «Wochenschrift», отзывъ Краковскаго проф. *Дитля*: «Einige Worte über den dermaligen Zustand der K. K. medicinischen Akademie in Warschau», пролили достаточно свѣта на истинное положеніе дѣла и обрисовали и президента, и возрождающуюся академію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, приглашены преподавателями въ Варшавскую академію д-ра: Нейгебауеръ, Вислоцкій (для патологической анатоміи), Гринфельдъ (изъ Парижа, для анатоміи), Гейеръ (изъ Бреславля, для физиологіи), Гейфельдеръ (изъ Мюнхена) и Тейхманъ (изъ Геттингена). Въ этомъ-то приглашеніи и въ этомъ-то выборѣ повидимому заключалось для многихъ зерно недовольства и горькихъ жалобъ. Русскій *юнорарь*, какъ извѣстно, до-сихъ-поръ сохраняетъ свою обаятельную прелесть за границею и о немъ-то повелась рѣчь прежде всего. Възвѣшены трудности эмиграціи, суровость нашего климата и нашихъ нравовъ, близость отъ Азии, дороговизна жизни и т. п., и, не смотря на то, Богъ не безъ милости, — нашлось охотниковъ нѣсколько больше, чѣмъ намъ было нужно. Это *больше*, конечно, и стало въ ряды недовольныхъ порицателей нашихъ. Но, слава Богу, мы цѣлы, мы живы, мы дѣствуемъ, не упадая духомъ, и возрождающаяся академія наша вступаетъ съ честію въ свой новый періодъ случайно-прерваннаго существованія. Мы братски принѣтствуемъ развитіе юнаго ученаго организма и не можемъ пожелать ему ничего лучшаго, какъ того, чтобы онъ выполнилъ свое естественное назначеніе, чтобы новая академія была — *академією страны своей*, общаго нашего отечества. Не пересаженнымъ экзотическимъ растеніемъ хотимъ мы ее видѣть; не рукою только опытнаго садовника привитой чужеземный плодъ желали-бы мы видѣть зрѣющимъ на ней; нѣтъ, вся страна жаждала ее и въ ней ожидаетъ найти отвѣтъ своему чаянію, удовлетвореніе своихъ ученыхъ потребностей, — свою *Польскую медицину*. Мы не сомнѣваемся, что искусное

прививаніе привьетъ къ ней науку, что сѣмена ся воспримутся и оплодотворятся въ приложеніи; но желаемъ, чтобы это оплодотвореніе шло дальше, совершенствуясь въ самомъ себѣ самостоятельно и давая отъ себя сѣмена, могущія оплодотворять другіе зародыши. Край нуждается не въ однихъ медикахъ-практикантахъ: недостатокъ ихъ можно-бы пополнить извнѣ; но ему нужна (и онъ имѣетъ всѣ права на то)—*своя медицина*. Мы слышали о томъ благородномъ рвеніи, съ которымъ уже собралось вокругъ профессорскихъ кафедръ около 400 студентовъ; искренно желаемъ, чтобы это рвеніе симпатически отозвалось высоко-нравственнымъ союзомъ преподавателей съ учащимися. Желаемъ имъ этого кровнаго родства, во имя науки, которое, къ сожалѣнію, не всегда видимъ въ исторіи отечественнаго нашего преподаванія. На кафедрѣ могутъ быть свѣтила науки; но безъ симпатій къ слушателямъ, безъ живой, органической связи съ ними, эти свѣтила могутъ оставаться совершенно безплодными. Въ нашемъ Московскомъ университетѣ бывали періоды, въ которыхъ сидѣли на кафедрахъ люди высоко-заслуженные въ наукѣ, Европейскіе ученые; но для университета, но для слушателей они оставались бесполезны единственно по недостатку живой связи съ ними. Слѣзидить въ университетъ, прочитать лекцію для нихъ бывало легкимъ дѣломъ чисто-оффиціальнаго исполненія своихъ обязанностей, переводившихся просто: просидѣть отъ звонка до звонка. И они сидѣли добросовѣстно, не убавляя и не прибавляя ни минуты, и были сами высоки въ наукѣ, а слушатели... слушатели уходили отъ нихъ, не вынося ни знанія, ни даже уваженія къ наукѣ, сухо и недоступно-рисовавшейся предъ ними въ лицѣ Европейскихъ ученыхъ. При такомъ преподаваніи наука усваивается трудно и еще труднѣе ожидать послѣдовательной, самостоятельной дѣятельности на ея поприщѣ. Къ-счастью, президентъ Варшавской академіи самъ былъ профессоромъ и профессоромъ, симпатизировавшимъ съ своими слушателями, слѣдовательно знаетъ, что успѣхи преподаванія не покупаются высокимъ гонораромъ, и гдѣ для нихъ нѣтъ основъ въ душѣ преподавателя, тамъ напрасны будутъ всѣ гонорары. Этыхъ-то основъ желаемъ мы юной Варшавской академіи — на новоселье».

ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — 3 октября происходило засѣданіе Императорскаго археологическаго Об-

щества по отдѣленію Русской и Славянской археологіи, подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ: М. И. Броссе, кн. П. П. Вяземскаго, Г. Н. Геннади, П. П. Мельникова, Д. В. Полянова, П. П. Саввантова и членовъ-корреспондентовъ: П. С. Виларскаго, Г. С. Дестуниса, В. И. Ламанскаго, М. Я. Морошкина и П. П. Пекарскаго. Предсѣдательствующій отдѣленіемъ сообщилъ, что товарищъ покойнаго члена-основателя археологическаго общества, П. С. Савельева, потеря котораго такъ долго останется невознаградимою для Общества, В. В. Григорьевъ, изъявилъ согласіе написать воспоминанія о немъ, но не какъ о чиновникѣ или ученомъ, а какъ о человѣкѣ, и приготовилъ для своей статьи около трехъ листовъ печатныхъ. Затѣмъ И. И. Срезневскій представилъ собранію издателя Сербскихъ пѣсень — П. И. Смоляра, изслѣдователя и путешественника по Славянскимъ землямъ—А. В. Рачинскаго, собирателя древностей и народныхъ пѣсень въ Македоніи, и издателя «Пермскаго сборника» — Д. Д. Смышляева. Первый изъ нихъ предложилъ собранію отъ имени Сербской Матицы обмѣнъ книгъ, печатанныхъ ею, на изданія археологическаго Общества. Отдѣленіе Русской и Славянской археологіи не только изъявило на то полное согласіе, но, по предложенію члена, Г. Н. Геннади, опредѣлило доставить въ даръ Сербской Матицѣ все ученыя сочиненія, изданія и брошюры, написанныя кѣмъ-либо изъ членовъ отдѣленія. А. В. Рачинскій сообщилъ на разсмотрѣніе собранія нѣсколько любопытныхъ памятниковъ, добытыхъ имъ въ Македонской Болгаріи, и принесъ въ даръ Обществу рукописный отрывокъ четвероевангелія, относящагося, по отзыву П. П. Срезневскаго, къ XIII—XIV вѣку. Д. Д. Смышляевъ довелъ до свѣдѣнія отдѣленія о намѣреніи своемъ приступить къ разрытію кургановъ Пермской губерніи съ тѣмъ, чтобы открываемыя имъ древности передавать въ распоряженіе археологическаго Общества; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Смышляевъ просилъ опредѣлить значеніе изображеній на представленной имъ серебряной чарѣ, найденной въ пещерѣ у г. Кунгура. П. П. Броссе взялъ на себя трудъ сравнить эту древность съ подобными памятниками, хранящимися въ Императорскомъ эрмитажѣ, и о выводахъ своихъ сообщить потомъ Обществу. Предсѣдательствующій сообщилъ на разсмотрѣніе собранія нѣкоторые изъ присланныхъ ему снимковъ съ древнихъ памятниковъ. Изъ нихъ вниманіе собранія особенно обратилъ полный снимокъ съ мозаической панно Золото-

верхо-Михаиловскаго собора, сообщенный высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ Киевскимъ. Это драгоценное свидѣтельство сочувствія архипастыря къ успѣхамъ науки отечественныхъ древностей тѣмъ болѣе важно, что вѣкъ Золотоверхо-Михаиловская, начала XII вѣка, доселѣ оставалась совершенно-неизвѣстною въ ея подлинномъ видѣ. Собраніе положило издать эту вѣкъ въ фотографически-уменьшенномъ видѣ. Очень любопытными найдены фотографическіе снимки съ рукописей, доставленныя архимандритомъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, Амонлохіемъ, и между ними особенно снимки съ Антихова псалтыря XI вѣка. Предѣдательствующій представилъ, кромѣ того, собранію фотографическіе оттиски восьми страницъ Зографскаго Евангелія, предположенные къ изданію при описаніи этого важнаго памятника глаголической письменности, уже приготовленномъ. Изъ статей, извѣстій и древностей, о которыхъ доложено было собранію секретаремъ отдѣленія, *И. И. Искарскимъ*, заслуживаютъ вниманія: статья *Г. С. Дестуниса* съ замѣчаніями на помѣщенное Дидрономъ въ «Annales archéologiques» описаніе одного древняго Византійскаго складня, и извѣстіе члена-корреспондента *Г. Д. Геденова* (изъ Тульской губерніи) объ оловянномъ ковчегѣ для св. даровъ, на которомъ сохранилась надпись: «сооруженъ к. Шуйскимъ 1594 г.». Въ заключеніе, членъ-корреспондентъ *В. И. Ламанскій* предоставлялъ въ распоряженіе Общества разные матеріалы, относящіеся преимущественно къ жизни нашихъ предковъ въ XVIII столѣтіи и извлеченные имъ изъ оффиціальныя дѣла, доступныхъ весьма-многимъ. Между матеріалами г. Ламанскаго особенно-важна переписка о мозаическихъ работахъ и проектахъ по этому предмету нашего славнаго Ломоносова.

ОСВЯЩЕНІЕ ДОМА ТВЕРСКОЙ ГИМНАЗІИ. — Въ Моск. (унив.) вѣд. напечатано: «15 сентября совершено въ Твери освященіе огромнаго новаго дома гимназій и Тверскаго дворянскаго пансіона, съ находящеюся въ немъ церковію во имя преподобнаго Макарія, игумена Калязинскаго. Домъ построенъ пждивеніемъ Тверскаго дворянства. 16 лѣтъ строилось это зданіе, въ которомъ такъ нуждалась Тверская гимназія по тѣснотѣ и малости прежняго гимназическаго дома, съ трудомъ и большими неудобствами вмѣщающаго постоянно-возрастающее число учащихся. Хотя зданіе находится и не

въ центрѣ города, но разстоянія переходовъ въ Твери такъ не велики, что не представляютъ большаго затрудненія. Относительно возведенія его, продолжавшагося 16 лѣтъ, общезвѣстно то, что первоначальнымъ архитекторомъ его былъ г. Рейденрейхъ, которому не посчастливилось; потомъ работы были продолжаемы подъ распоряженіемъ губернскаго архитектора г. Львова. Дальнѣйшія работы производились подъ надзоромъ архитектора г. Федорова и окончены имъ, — чему способствовало неотлагаемое доставленіе средствъ Тверскимъ дворянствомъ, при дѣятельномъ участіи представителей его—губернскаго предводителя А. М. Унковскаго и Тверскаго уѣзднаго предводителя А. М. Балкашина. Чтобы имѣть понятіе о величинѣ зданія, замѣчательнаго по своей помѣстительности, необходимо сказать о частяхъ его: оно состоитъ изъ главнаго корпуса въ 3 этажа, не включая подвального этажа, и двухъ боковыхъ двухъ-этажныхъ флигелей, каждый въ 10 сажень длины и ширины и въ 7 саж. высоты; флигеля построены по сторонамъ огромнаго двора, огражденнаго красивою желѣзною рѣшеткою, и назначены для квартиры директора, канцеляріи, преподавателей и служащихъ; для этой-же цѣли сзади главнаго корпуса выстроены два небольшіе одно-этажные флигеля, по обѣимъ сторонамъ огромнаго сада, окруженнаго высокою каменною стѣной и представляющаго отличное мѣсто отдыху и играмъ дѣтей. Въ подвальныхъ этажахъ главнаго корпуса и двухъ большихъ флигелей устроены Амосовскія печи; всѣ этажи корпуса и флигелей снабжаются водою чрезъ водопроводныя трубы съ помощью паровой машины. Главный корпусъ имѣетъ 39 сажень длины и по 11 сажень въ ширину и высоту; въ подвальномъ этажѣ его, кромѣ Амосовскихъ печей, устроены кухня, баня, паровая водопроводная машина, кладовыя и служительскія комнаты; въ 1-мъ этажѣ—столовая въ 12 сажень длины и 4 саж. ширины, съ огромнымъ буфетомъ, квартира инспектора, больница, сборная и пріемная залы; во 2-мъ этажѣ—классныя комнаты, актовая зала, зала для физическаго кабинета и библіотеки; въ 3-мъ этажѣ находятся церковь, двѣ залы для дортуаровъ, двѣ учебныя залы и двѣ рекреационныя, имѣющія по 11 саж. длины и $\frac{1}{2}$ саж. ширины; въ одной изъ залъ устроена гимнастика. Высота комнатъ въ 1-мъ этажѣ 7 аршинъ, высота оконъ 3 арш.; во 2-мъ этажѣ высота комнатъ 8 арш., оконъ 4 арш., въ 3-мъ этажѣ комнаты имѣютъ высоты 7 аршинъ, окна $3\frac{3}{4}$ аршина; всѣхъ оконъ въ главномъ корпусѣ 360.

Въ-отношеніи изящества отдѣлки зданія, кажется, ничего нельзя желать лучшаго: свѣту и простору много, полы въ главномъ корпусѣ вездѣ паркетные, въ корридорахъ—мозаичные, красивые и прочные, лѣстницы чугунныя, сквозныя, легко и красиво-отлитыя на Тверскомъ чугунномъ литейномъ заводѣ г. Астранда и коми. На сухость и теплоту зданія вполне можно надѣяться; паровая машина, вѣроятно, устроена надежно. Соразмѣрность частей и превосходная отдѣлка ярко бросаются въ глаза каждому; особенно хороша пансіонская церковь по простотѣ и изяществу иконостаса замѣчательной кисти художника А. О. Корницаго; какъ Тверской дворянинъ, онъ принесъ высокій даръ искусства въ храмъ зданія, выстроеннаго Тверскимъ дворянствомъ для прусианія науки и искусства, во благо настоящаго и будущихъ поколѣній. Освященіе было совершено соборнѣ отцемъ архимандритомъ Желтиковскаго монастыря *Платономъ*, въ присутствіи начальника губерніи графа *Ш. Т. Баранова*, губернскаго предводителя дворянства *А. М. Уиковскаго*, начальства гимназій, учащихся и многихъ изъ почетныхъ лицъ города, представителей всѣхъ сословій, приглашенныхъ Тверскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства присутствовать при совершеніи священнодѣйствія, во время котораго законоучитель гимназій, *Н. С. Сокольскій*, произнесъ приличное торжеству поучительное слово. По окончаніи священнодѣйствія, посѣтителы и всѣ учащіеся были приглашены къ закускѣ, приготовленной въ одной изъ залъ и пансіонской столовой; въ послѣдней помѣстились всѣ ученики гимназій, болѣе 250 человекъ, и помѣщеніе оказалось очень достаточнымъ: между столами можно было свободно ходить. Во время завтрака изъ залы, занятой посѣтителями, раздавалось «ура!» за здоровье Государя Императора, дружно повторенное много разъ учащимися. Тверское дворянство въ лицѣ представителей своихъ искренно было привѣтствуемо всѣми присутствовавшими за счастливое окончаніе полезнаго дѣла.—Въ 1804 г. ученіе въ Тверской гимназій началось, по преданію, съ 4-мя учениками, теперь число ихъ приближается къ тремъстамъ; въ 55-лѣтній промежутокъ времени изъ классовъ ея вышло немало юношей, подготовленныхъ къ высшему образованію и полезной дѣятельности на поприщѣ служебномъ, какъ показываютъ фактическія данныя. Почетъ-же и тебѣ, маленькій старыи домъ, какъ ветхому заслуженному знамени! Дай Богъ твоему новому большому собрату жить долго и видѣть въ стѣ-

пахъ своихъ какъ можно больше юношей, жаждущихъ знанія и добра, для блага и славы отечества!»!

ВОСКРЕСНІЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ. — Въ Кіевск. телегр. напечатано: «Въ 25 № Кіевск. тел. помѣщено извѣстіе о слухахъ, что будутъ открыты въ разныхъ частяхъ нашего города воскресныя школы для ремесленнаго класса и вообще для неграмотныхъ людей, не имѣющихъ возможности заняться чтеніемъ и письмомъ въ рабочіе дни. Тамъ-же высказано душевное желаніе, чтобы слухи эти подтвердились самымъ дѣломъ. Съ радостію извѣщаемъ, что слухи эти, какъ это положительно намъ извѣстно, приводятся въ исполненіе. 17 студентовъ университета св. Владимира и одинъ студентъ Кіевской академіи уже получили отъ начальства разрѣшеніе открыть воскресную школу въ дворянскомъ училище на Подолѣ. Въ школу будутъ принимаемы все изъявляющіе желаніе учиться, но не имѣющіе къ тому средствъ и возможности заняться чтеніемъ и письмомъ въ рабочіе дни. Не только обученіе, но и средства къ нему въ этой школѣ даровыя. Наше общество уже находится на той ступени развитія, что говорить о полезности и необходимости подобнаго рода заведеній было-бы оскорбленіемъ для него, анахронизмомъ. Теперь все сознаютъ, что человѣку необходимо воздѣть человѣческое, и что на этомъ только основаніи можетъ быть прочно создано общественное благо. Исторія доказала, что другіе фундаменты для этого блага зыбки и преходящи. Надѣмся, что воскресная школа встрѣтитъ сочувствіе общества; надѣмся также, что представители промышленнаго класса не замедлятъ присовѣтовать своимъ неграмотнымъ труженикамъ воспользоваться даровою школою. Впрочемъ, по поводу этого, имъ (т.-е. представителямъ) скоро будутъ разосланы печатныя приглашенія, гдѣ будетъ сказано и о времени открытія школы. Время отъ времени будутъ публикуемы отчеты о состояніи воскресной школы: все касающееся блага общества не должно быть тайною для него. Мы имѣемъ положительныя извѣстія, что подобная же школа будетъ открыта на Новомъ Строеніи другимъ обществомъ студентовъ. Это полезная и много-говорящая конкуренція! Нельзя не пожелать ей полнаго успѣха».

О ПОЖЕРТВОВАНІИ ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ДОНЕЦЪ ЗАХАРЬЕВСКАГО. — Почетный членъ Императорскаго

Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Донецъ-Захаржевскій*, движимый побужденіемъ, чтобы носимое имъ званіе почетнаго члена сказаннаго университета было соединено съ посылною пользою для ввѣреннаго этому высшему учебному заведенію юношества, изъявилъ, въ 1853 г., желаніе, чтобы въ университетѣ всегда находилось на его издѣвленіи два воспитанника изъ бѣднѣйшихъ дворянскихъ семействъ, одинъ Изюмскаго, а другой Зміевскаго уѣздовъ Харьковской губерніи, на содержаніе которыхъ тогда-же ассигновалъ капитальную сумму 8,571 руб. 43 к. с. Предложеніе это восходило установленнымъ порядкомъ на Высочайшее усмотрѣніе и по журналамъ комитета гг. министровъ. 15 и 29 декабря 1853 г., ходатайство университета объ учрежденіи при немъ двухъ стипендіатовъ фамилиі *Донецъ-Захаржевскаго* удостоено Высочайшаго утвержденія. Между тѣмъ, по случаю возвышенія суммы, опредѣленной на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ и стипендіатовъ отъ прежней нормы, т.-е. отъ 143 р., до настоящей, т.-е. до 175 р., означенный капиталъ г. *Донецъ-Захаржевскаго*, при общемъ уменьшеніи процентовъ, оказывался для содержанія двухъ стипендіатовъ недостаточнымъ. Посему г. *Донецъ-Захаржевскій*, по первому ему о томъ сообщенію, отнесся въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія объ отчисленіи изъ обращающихся въ ономъ, принадлежащихъ ему г. *Донецъ-Захаржевскому* капиталовъ необходимой суммы, по требованію университета, въ количествѣ 3,811 р. 13 к. О столь-великодушномъ новомъ пожертвованіи почетнаго члена своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. А. *Донецъ-Захаржевскаго*, на пользу воспитывающагося въ университетѣ юношества, совѣтъ Харьковскаго университета составляетъ для себя пріятною обязанностію и съ чувствомъ живѣйшей признательности довести до всеобщаго свѣдѣнія.

ВЪ ВОСПОМИНАНІИ ЛЕЙБЪ-МЕДИКА Н. Ѡ. АРЕНДА. — Докторъ *Гейне* почтилъ память этого замѣчательнаго человѣка слѣдующими строками: «14 октября текущаго года смерть похитила, изъ среды нашего медицинскаго сословія, человѣка, котораго многоуважаемое имя имѣло завидный откликъ не только во всѣхъ кругахъ нашего великаго государства, но и во всѣхъ заграничныхъ медицинскихъ обществахъ. *Н. Ѡ. Арентъ* скончался послѣ продолжительной болѣзни, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, но тѣмъ не менѣе

сохранивъ неутомимую дѣятельность и восторженную любовь къ наукѣ почти до конца своей правдой жизни. Сколько тысяч и тысяч нашихъ согражданъ. при этой печальной вѣсти, посвящаютъ искреннюю слезу памяти почившаго,—человѣку, посѣщавшему съ одинаковымъ рвеніемъ, съ одинаковой любовью къ ближнему и неварушимымъ терпѣніемъ, блестящій дворецъ Государя, и самую печальную и бѣдную хижину, не дѣлавшему различія между страдальцемъ, украшеннымъ величественною діадемою, и покрытымъ лохмотьями нищенскаго одѣянія, принимавшему одинаковое участіе истиннаго друга, некорыстолюбиваго совѣтника, въ первомъ, какъ и въ послѣднемъ случаѣ! Мы страшимся оскорбить тѣнь, въ скромности своей безграничнаго, въ потребовательности своей достойнаго удивленія, и въ безкорыстїи своемъ никѣмъ не превзойденнаго корифея нашего сословія, еслибы захотѣли единымъ очеркомъ нарисовать весь его образъ, какъ онъ въ продолженіе болѣе полувѣка служилъ съ дѣятельностью и пользою своему отечеству и призванію. Два поколѣнія тому свидѣтели, вся наша столица высказываетъ громко свое сочувствіе усопшему, и потеря его въ-особенности должна быть чувствительна одной изъ отраслей нашей науки, которая теперь почти осиротѣла. Гдѣ найдется между нами второй, который, подобно Аренту, соединилъ въ себѣ способности Грефе, Ларрея, Купера? имя котораго свѣтитъ такъ ясно въ исторїи оперативной хирургїи? Говорить-ли объ его отличной діагностикѣ, его, на величайшемъ опытѣ основанной терапїи, его безпредѣльномъ счастьи какъ оператора? Кому неизвѣстны его удивительныя операціи, его экзартикуляціи цѣльныхъ оконечностей, его перевязи большихъ артерій, какъ напр., лигатура *Hiacae externae, carotidis subclaviae*,—операціи, которыя чтутся триумфомъ искусства во всѣхъ учебныхъ книгахъ всѣхъ націй? Говорить-ли намъ объ его осьми-стахъ ампутаціи, результаты которыхъ приводили въ удивленіе самого Лис-Франка? Цѣлый фолиантъ пришлось-бы намъ наполнить, еслибы захотѣли мы описывать, что *Арендтъ* совершилъ, бывши главнымъ военнымъ медикомъ во-время походовъ 1806 и 1807 годовъ въ Пруссїи, 1808 и 1809 въ Швеціи, 1812 въ Россїи, 1813 въ Германїи и 1814 во Франціи. Объ его дѣятельности, какъ старшаго врача артиллерійскаго госпиталя съ 1821 по 1826 годъ, повѣствуютъ его современники съ восхищеніемъ, и настоящее не забыло еще, чѣмъ былъ Арентъ въ Болѣ почившему Государю Николаю Павловичу,

какъ лейбъ-медикъ, проводникъ въ вояжахъ и вѣриѣнной служитель государства. Высокія заслуги подобнаго врача не остались безъ награды. Высокій чинъ, главнѣйшія мѣста врачебныя, множество орденскихъ звѣздъ отличали человѣка, который всегда искалъ и находилъ лучшее вознагражденіе въ исполненіи своего долга—въ уваженіи своихъ собратій, въ любви страждущаго человечества. Имя Арендта будетъ жить незатмѣваемымъ блескомъ въ лѣтописяхъ хирургіи; будущій хирургъ найдетъ ободреніе и подпору въ огромныхъ результатахъ самыхъ отчаянныхъ операцій Арендта: имя его, какъ человѣколюбиваго врача и благодѣтеля бѣдныхъ, сохранится еще долго въ благодарной памяти и перейдетъ изъ рода въ родъ. Мы глубоко сочувствуемъ потерѣ собрата и истинно-добраго, честнаго человѣка! Земля не отяготитъ его праха!»

(Съверн. Ци

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ УЧАСТІЮ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ ВЪ ПАМЯТЬ А. ГУМБОЛЬДАТА. — Императорское Русское географическое Общество получило нижеслѣдующее приглашеніе, которое и сообщаетъ на страницахъ своего журнала во всеобщее свѣдѣніе, съ полнымъ сочувствіемъ къ этой прекрасной мысли, къ этому ученому предпріятію, имѣющему достойно почтить память одного изъ величайшихъ людей нашего времени, оказавшаго незабвенныя услуги и Русскому землевѣдѣнію.

«Если только вѣками рождаются люди, которые, подобно Аристотелю или Лейбницу, изслѣдывая и совокупляя, представляютъ собою многостороннюю науку своего времени, то Александръ фонъ-Гумбольдтъ, смѣлый и старательный, глубокомысленный и всеобъемлющій, богатый идеями и исполненный ясности, принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ, могучихъ умовъ человечества, какъ гордость и радость современниковъ на обоихъ земныхъ полушаріяхъ. Въ наукахъ не умпраетъ то, что возбуждено имъ, но собственною силою подвигается впередъ. Но въ жизни мѣсто его опустѣло и та вспомогательная, всегда готовая любовь, та неутомимая, возбуждающая ревность, какія встрѣчали въ немъ развивающіяся ученныя силы каждой страны, угасли. Никто не въ состояніи оказать такой помощи и съ такимъ успѣхомъ, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ; тѣмъ не менѣе естественно желаніе сохранить, и по смерти его, эту благородную сторону его великой дѣятельности, учрежденіемъ Общества.

«Велѣдствіе сего родилась мысль основать, подъ названіемъ *Общества въ память Гумбольдта*, учрежденіе, вызванное благодарностію съ назначеніемъ — помогать всѣмъ выступающимъ дарованіямъ, гдѣ-бы они ни находились, *во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ развивалась ученая дѣятельность Александра фонъ-Гумбольдта, именно по части естествознанія и большихъ путешествій.* При этомъ предлагается ввѣрить все это дѣло тому ученому собранію, къ которому онъ принадлежалъ дѣятельно и неизмѣнно почти 60 лѣтъ, до самаго конца своей жизни, и въ которомъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти раздавалось его живительное слово — королевской Прусской академіи наукъ въ Берлинѣ. На предложенный ей вопросъ она отвѣчала готовностію составить уставъ Общества сообразно съ количествомъ собраннаго капитала, утвердить его съ содѣйствіемъ комитета и заботиться о достоинствѣ вспоможеній уже испытанныхъ и подающихъ надежды талантовъ.

«Стремясь къ подобной цѣли, мы сознаемъ всѣ трудности, удваиваемыя современными обстоятельствами. Но мы безъ опасенія, въ бурное военное время, продолжаемъ вѣчную мирную задачу науки, связующей народы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы почтить признательностію память Александра фонъ-Гумбольдта, и потому вовсе не представляется невозможною мысль — дѣятельно соединить государей, его уважавшихъ, членовъ сословія, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію, образованныхъ людей, ему удивлявшихся, ученыхъ, которыхъ привлекалъ къ себѣ его центральный духъ, міръ торговли и промышленности, которымъ онъ приносилъ пользу своими изслѣдованіями и связями, передовыхъ людей всѣхъ образованныхъ народовъ, среди которыхъ онъ творилъ, и въ тѣхъ странахъ обеихъ полушарій, которыя онъ открылъ научнымъ образомъ и которымъ указалъ будущность, — всѣхъ ихъ соединить для основанія живаго памятника его имени, чтобы дѣйствовала въ родѣ въ родѣ на пользу науки.

«Въ такомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ приглашать къ подпискѣ на учрежденіе Гумбольтова Общества. Мы просимъ отсылать предназначаемыя на сіе суммы въ банкирскій домъ *Мендельсона* и К^о. въ Берлинѣ. Нижеподписавшіеся также готовы принимать пожертвованія и передавать ихъ этому банкирскому дому. Собранный капиталъ будетъ помѣщенъ самымъ выгоднымъ образомъ и

проценты будутъ употребляемы для вышеизложенныхъ цѣлей. По истеченіи полугода, мы отдадимъ публичный отчетъ.

«Такимъ образомъ съ полнымъ довѣріемъ предлагаемъ мы участіе въ предпріятіи, имѣющемъ до отдаленныхъ временъ дѣйствовать въ духѣ Александра фонъ-Гумбольдта и свидѣтельствовать объ его имени, предлагаемъ дѣятельной заботливости всѣхъ тѣхъ, которые съ благодарностью признають въ истинѣ величіе усвошаго».

Берлинъ 28 іюня 1859 г.

Комитетъ Гумбольдтова Общества естествознанія и путешествій: *Абенъ, ф. Бетманъ-Гольверъ, Бекъ, ф. Бузенъ, ф. Берхъ, Дове, Дю-Буа-Ремонъ, Эренбергъ, Энке, Флотавель, Граунтъ, Краусникъ, Ленсіусъ, Г. Манусъ, Мендельсонъ, князь В. Раазивилъ, Рейхенгеймъ, К. Раттеръ, Штюлеръ, Тренделенбургъ, Фирховъ, Ваинеръ, ф. Виллизенъ.*

Совѣтъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, вполне сочувствуя этому приглашенію, положилъ, открыть въ Обществѣ для всѣхъ членовъ подвигу добровольнымъ пожертвованіямъ и предложить всѣмъ частнымъ лицамъ, желающимъ принять участіе въ составленіи капитала предполагаемаго Гумбольдтова учрежденія, присылать свои денежные приношенія въ канцелярію Общества, которое уже приметъ на себя заботы о доставленіи оныхъ въ Берлинъ.

ИЗВѢСТІЯ О ФРАНКЛИНѢ. — Винтовое судно Fox, ходившее въ полярныя страны по порученію леди Франклинъ, на поиски экспедиціи сэра Джона Франклина, воротилось къ острову Вайту въ среду 9/24 сентября. — Капитанъ McClintock отправился прямо въ Лондонъ, взявъ съ собою два сундука съ вещами, принадлежавшими людямъ экспедиціи Франклина. 10/22 сентября было напечатано въ Англійскихъ газетахъ слѣдующее:

Яхта Fox.

Сэръ, прошу васъ извѣстить лордовъ комиссаровъ адмиралтейства о благополучномъ возвращеніи экспедиціи, ходившей подъ моею командою, по порученію леди Франклинъ, для открытія слѣдовъ экспедиціи сэра Франклина. Лордамъ, вѣроятно, пріятно будетъ слышать, что поиски наши были вполне успешны. У мыса Викторп, на сѣверо-западномъ берегу острова Короля Вильгельма, найденъ былъ рапортъ, подписанный капитанами Крозье (Crozier) и Фицджеромъ (Fitzjames), 13/23 апрѣля 1848 года. Въ немъ ска-

зано, что корабли *Egebus* и *Terror* были покинуты 10/12 апреля 1848, во льдахъ, отсюда на NNW. въ пяти миляхъ и что люди, оставшіеся въ живыхъ, числомъ до 105 человекъ, подъ командою капитана Крозье, направились къ рѣкѣ Греть-Финшъ (*Great-Finsh*) также, что Франклинъ умеръ 30 мая (11 июня) 1847 года. Много было найдено чрезвычайно интересныхъ вещей, принадлежавшихъ нашимъ погибшимъ соотечественникамъ на западномъ берегу острова Короля Вильгельма, другія были получены отъ Эскимосовъ, которые сказали намъ также, что одно изъ покинутыхъ судовъ было раздавлено и пущено на дно льдами, а другое выкинуто на берегъ, гдѣ и теперь лежитъ, доставивъ тогда жителямъ источникъ богатства. Фокъ не могъ перейти за проливъ Белло, а потому зимовалъ въ Брентфордскомъ заливѣ; поиски въ эту зиму дѣлались у устья рѣки Греть-Финшъ и простирались на 800 миль вдоль берега; этими открытіями мы соединили поиски, сдѣланные прежними экспедиціями къ сѣверу отъ насъ, съ тѣми, которые произведены сэромъ Джеймъ Россомъ (*James Ross*), гг. Дизъ (*Dease*), Симпсонъ (*Simpson*) и Рэ (*Roe*) къ югу отъ нашего положенія; поиски наши дѣлались на саяхъ подъ начальствомъ лейтенанта Робсона (*Hobson*), капитана Алленъ Юнга (*Allen Young*) и моихъ. Такъ-какъ подробный рапортъ о нашихъ дѣйствіяхъ и поискахъ будетъ, конечно, интересенъ лордамъ, то я посылаю его; при первой-же возможности, явившись самъ въ адмиралтейство, я вручу лордамъ рапортъ, найденный у мыса Виктори. Имѣю честь быть...

G. L. M. Clintock.

(*Морск. сборн.*).

ПРИГЛАШЕНІЕ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ ДАРЪ БИБЛИОТЕКѢ АФИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Библиотека Афинскаго университета, образовавшаяся въ недавнее время, содержитъ уже замѣчательное собраніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ ей западными учеными обществами и университетами, которые съ благороднымъ соревнованіемъ свѣщали подлѣгаться съ Греціей сокровищами своихъ книгохранилицъ и правеста въ даръ столицѣ Греческаго классическаго міра лучшія произведенія Европейской науки. Только въ Русскихъ книгахъ оказывается въ Афинской библиотекѣ недостатокъ, тѣмъ болѣе поразительный, что Россія преимущественно предъ всѣми другими народами обязана Греціи тѣмъ, что отъ ней воспріяла божественный свѣтъ

православно-христианскаго ученія. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ недавнюю бытность свою въ Аѳинахъ, обративъ вниманіе на недостатокъ Русскихъ книгъ въ Аѳинской библиотекѣ, сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи ея книгами и картами отъ морскаго вѣдомства и предложилъ духовному вѣдомству легчайшій и удобнѣйшій способъ къ пересылкѣ книгъ въ Аѳины чрезъ морское министерство. Святѣйшій синодъ, постоянно заботясь о скрѣпленіи узъ духовнаго братства между обоими единовѣрными народами: Русскимъ и Греческимъ, посидѣвши съ любовію воспользоваться этимъ предложеніемъ и отправивъ уже въ Аѳины по экземпляру всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ, хранящихся въ его запасахъ. Сей способъ духовнаго и умственнаго общенія съ Греціей, конечно, встрѣтитъ живое сочувствіе въ нашемъ православномъ отечествѣ, и, безъ сомнѣнія, всѣ просвѣщенные дѣятели духовной литературы не откажутъ обогатить своими произведеніями Аѳинскую библиотечку; съ сею цѣлію жертвуемая книга могутъ быть доставляемы въ учрежденное при святѣйшемъ синодѣ хозяйственное управленіе, которое, при содѣйствіи морскаго министерства, будетъ отправлять ихъ по назначенію на военныхъ судахъ нашихъ, ежегодно посылаемыхъ въ Средиземное море и Архипелагъ.

АНДРЕЙ КОНДРАТЬЕВИЧЪ БАБИЦЪ. — 4 іюня скончался, на 62 году отъ рожденія, замѣчательный Русскій юристъ, Андрей Кондратьевичъ *Бабичевъ*. До послѣдняго вздоха своего съ необыкновенною энергіею трудился онъ на пользу общественную, какъ истинный Русскій. Покойный Андрей Кондратьевичъ (родившійся 19 августа 1797 года) происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, и съ дѣтства обнаружилъ страсть къ труду и занятіямъ. Помѣщенный въ Харьковскій университетъ, онъ въ 1818 году окончилъ курсъ наукъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Званіе же дѣйствительнаго студента въ то время въ Харьковскомъ университетѣ доставалось очень трудно, потому что всѣ науки преподавались на Латинскомъ языкѣ, и, сверхъ-того, требовалась диссертация на томъ-же языкѣ. Покойный не только изучилъ Латинскій языкъ, но, какъ человекъ способный отъ природы, кромѣ Русскаго, Малороссійскаго, Польскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго языковъ, зналъ еще въ совершенствѣ

Греческій языкъ и отчасти Еврейскій. По окончаніи курса наукъ, поступилъ онъ на службу въ Слободско-Украинское губернское правленіе, съ откомандированіемъ къ дѣламъ канцеляріи тамошняго гражданскаго губернатора, 27 декабря 1818 года. Не считая гражданскаго служебнаго поприща сферою дѣятельности, для него предназначенною, онъ 2 сентября 1820 года оставилъ службу и держалъ въ Харьковскомъ-же университетѣ экзаменъ на степень кандидата, которую и получилъ 27 декабря 1820 года. 12 марта 1821 года, по избранію Ришельевского лица, утвержденъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія надзирателемъ за воспитанниками сего заведенія и адъюнктомъ философскихъ наукъ. Въ 1828 году опредѣленъ учителемъ Русской словесности и историческихъ наукъ въ землемѣрное училище, при департаментѣ удѣловъ состоящее, откуда въ 1830 году опредѣленъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ, а потомъ (въ 1833 г.) назначенъ директоромъ Таганрогской гимназіи, гдѣ и оставался до 20 апрѣля 1837 года. При отравленіи всѣхъ этихъ обязанностей, А. К. Бабичевъ трудился съ примѣрною добросовѣстностію, стремясь единственно къ распространенію просвѣщенія по частямъ, ему ввѣреннымъ, не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Какъ лицо, исполнившее самостоятельное по своему образованію и свѣдѣніямъ, по черпнутымъ не только изъ науки, но и изъ опыта труженнической жизни, онъ сдѣлался извѣстенъ мѣстнымъ начальствамъ, уважавшимъ его неутомимую, полезную дѣятельность. Въ главѣ такихъ лицъ стоялъ кн. М. С. Воронцовъ, о которомъ покойный безъ особеннаго восторга говорить не могъ. Въ 1837 году, будучи уволенъ отъ должности директора Таганрогской гимназіи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, онъ въ 1846 году опредѣлился старшимъ учителемъ Латинскаго языка въ Псковскую губернскую гимназію, а въ 1847 году, оставя службу по министерству народнаго просвѣщенія, перешелъ въ С. Петербургское губернское правленіе старшимъ секретаремъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ своего служенія онъ съ 1849 по 1852 неоднократно исправлялъ должность совѣтника, а въ 1854 году назначенъ старшимъ совѣтникомъ и вѣсколько разъ исправлялъ должность вице-губернатора. Пережививъ, въ 1847 году, на 50 году жизни, родъ своей дѣятельности, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ, на служебныя занятія, къ которымъ онъ въ себѣ еще въ 1820 году не находилъ призванія, А. К. Бабичевъ, хотя чрезвычайно-усердно

и ревностно исполнять ихъ, но душа его искала другой дѣятельности. Часы досуга съ 1847 по 1850 годъ онъ посвящалъ изученію иностранныхъ законодательствъ, и по этой части пріобрѣлъ вскорѣ обширныя познанія. Не было ни одного иностраннаго кодекса, юридическаго сочиненія, болѣе или менѣе замѣчательнаго, которое ускользнуло-бы отъ его пытливаго вниманія. Наконецъ, въ 1851 году у него блеснула счастливая мысль: основываясь на 62 статьѣ I тома *Основныхъ законовъ* (изданія 1842 года), изучить наше законодательство, и съ этой поры онъ становится личностію, предъ которою слѣдуетъ благоговѣть всякому истинно-Русскому. Мысль изученія нашего законодательства, съ полнымъ сознаніемъ чувства долга гражданина — знать все законы своего отечества, привела его къ Египетскому труду, надъ которымъ слѣдовало-бы работать цѣлымъ комиссіямъ, а не одному человѣку. Съ 1851 по самый день кончины, т.-е. до 4 іюня 1859 года, онъ не покидалъ этого труда. Начавъ со «Свода законовъ», изданія 1832 года, онъ прочиталъ его отъ доски до доски, сравнилъ его со вторымъ и третьимъ изданіями 1842 и 1857 годовъ, не исключая продолженій сихъ Сводовъ, издаваемыхъ своевременно; не ограничиваясь этимъ, изучилъ все источники, которыми руководствовалась при составленіи Свода 1832 года комиссія, Высочайше учрежденная подъ предѣтельствомъ графа Сперанскаго, а именно труды Ловцова, Хавскаго, Трощинскаго и другихъ, которые только находилъ случай доставать для просмотра. Прочиталъ все «Полное собраніе законовъ», пересмотрѣлъ весь «Сводъ военныхъ постановленій», постановленія, касающіяся Остзейскихъ губерній, все постановленія, существующія и не вошедшія въ Сводъ законовъ, а также мѣстныя узаконенія для управленія присоединенными къ Россіи народами. Результатомъ такового разумнаго и вполнѣ-юридическаго изученія нашего законодательства были замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ съ 1851 года, и подробный отчетъ конхъ, по его словамъ, состоялъ изъ 800 листовъ, — кромѣ отѣтокъ, сдѣланныхъ на поляхъ книгъ, которыхъ онъ насчиталъ до 4 милліоновъ. Работая столь долгое время и столь добросовѣстно, онъ, не смѣя считать такой трудъ своею личною собственностію, заявилъ объ немъ какъ ближайшему начальству, такъ и гг. министру внутреннихъ дѣлъ и статсъ-секретарю барону М. А. Корфу, прося дозволенія, по приведеніи труда своего къ окончанію, представить на дальнѣйшее разсмотрѣніе.

Краткія выписки столь добросовѣстнаго труда онъ читалъ неоднократно бѣльшей части своихъ знакомыхъ, и нельзя было не сочувствовать правдѣ, съ которою онъ излагалъ свои мысли на-счетъ обширности и неоконченности нашего законодательства, — которому, по его словамъ, недостаетъ главнаго редакціоннаго изложенія. Въ настоящемъ году онъ собирался дать надлежащій ходъ своему труду, усердно исправлялъ сдѣланныя имъ краткія выписки, — но смерть застала его врасплохъ и пресѣкла дни его, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его и читавшихъ въ немъ чувства истиннаго патріота и необыкновеннаго труженика. Тяжела утрата такого человѣка; но еще тяжелѣе думать, что со смертію его долженъ погибнуть столь честный, безкорыстный трудъ на пользу общую! Будетъ-ли обращено на него должное вниманіе? Главнаго двигателя нѣтъ въ-живыхъ; но за то живутъ люди, которые, сочувствуя его труду, вникали въ его работу, и если только ихъ спросятъ, то, конечно, они не откажутся указать на приблизительныя средства къ окончанію ся. Во всякомъ случаѣ память о трудѣ Андрея Кондратьевича Бабичева не должна погибнуть для современниковъ, но перейти и въ отдаленное потомство.

И. Горюхинъ.

ЖИЛИЩЕ И МОГИЛА АЛЕКСАНДРА ФОНЪ-ГУМБОЛЬДА. — Пріѣхавъ въ Берлинъ $18\frac{1}{30}$ іюня, я счелъ первою обязанностию посѣтить тотъ домъ, въ которомъ столько лѣтъ неутомимой жизни провелъ А. фонъ-Гумбольдтъ, величайшій естествоиспытатель настоящаго столѣтія. Я находился наконецъ у давно-желанной цѣли. Прискорбно мнѣ было подумать, что нѣтъ уже его; но меня нѣсколько утѣшала мысль — увидѣть по-крайней-мѣрѣ тѣ мѣста, гдѣ обиталъ знаменитый ученый до послѣдняго дня своей жизни. Я отправился нѣблизкомъ къ этому знаменитому дому. Ораніенбаумская улица (Oranienburger-Strasse) съ своимъ 67-мъ №^м долго будетъ жить не только въ памяти знавшихъ Гумбольдта, но и всѣхъ Берлинскихъ жителей. И вотъ я дошелъ до этого скромнаго дома. Возлѣ него возвышаются огромныя зданія въ 3, 4 этажа съ разными архитектурными украшеніями. Но домъ, въ которомъ жилъ Гумбольдтъ, столько лѣтъ, небольшое двухъ-этажное, каменное зданіе, съ незатѣливкою наружностью и какого-то желто-розоваго цвѣта. Моимъ глазамъ какъ-то не вѣрилось, что стою предъ жилищемъ знаменитаго мужа, и только дощечка надъ входомъ, съ надписью

«Seifert», разсѣяла послѣднюю тѣнь сомнѣнія. Извѣстно, что Зейфертъ въ продолженіе 33-хъ лѣтъ неотлучно находился при немъ въ качествѣ камердинера. Гумбольдтъ предоставилъ ему въ распоряженіе все свои домашнія дѣла и смотрѣлъ на него скорѣе какъ на преданнаго друга, нежели какъ на слугу. Личность Зейферта невольно припоминается при мысли о Гумбольдтѣ. Не безъ нѣкотораго волненія позволюсь я въ этотъ колокольчикъ. Къ счастью, Зейфертъ былъ дома. Узнавъ мое имя и цѣль моего посѣщенія, онъ принялъ меня очень радушно и тотчасъ-же повелъ въ комнаты, принадлежавшія Нестору наукъ. Особенное чувство овладѣло мною, когда я пошелъ туда, — чувство сожалѣнія объ утратѣ такого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ тихая отрада находится въ покояхъ величайшаго ученаго... Все въ нихъ было еще въ томъ положеніи, какъ при жизни Гумбольдта. Четыре комнаты втораго этажа были доступны любопытнымъ посѣтителямъ, а пятая, въ которой онъ умеръ, была еще запечатана и въ ней сохранялись его рукописныя сочиненія, въ томъ числѣ неизданное большое географическое сочиненіе. Каждая изъ этихъ комнатъ представляетъ посѣтителю огромное научное богатство. Необходимо много часовъ, чтобы составить себѣ о немъ хотя нѣкоторое понятіе. Уже въ первой комнатѣ встрѣчается посѣтителя множество набитыхъ птицъ изъ отдаленныхъ странъ и разные другіе замѣчательные предметы. Между ними выдаются болѣе всего огромный орелъ съ распростертыми крыльями, разнообразныя грифы, фламинги и оранжевой удодъ изъ Новой-Гвинеи. Тутъ-же огромное яйцо, отъ допотопной птицы *Erigonis*, величиною съ тыкву, рѣдкіе по размѣрамъ и красивому строенію лосиные рога, а позади ихъ, на окнѣ, Американскій идолъ, доставившійся Гумбольдту по завѣщанію отъ графа Росса. Этому идолу однажды принесли въ жертву четырехъ откормленныхъ людей, которыхъ потомъ и съѣли жрецы. Около стѣны находится открытая этажерка съ огромными фолиантами, въ 3 фута вышиною. Они принесены Гумбольдту въ даръ королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ и стоятъ 25 т. фр. Изъ этой комнаты входя въ общинную бібліотеку. Вдоль окошекъ, какъ и посреди комнаты, стоятъ длинныя столы. На нихъ помѣщались книги, альбомы, ландкарты, брошюры, разные бюеты: кн. Меттерниха, короля Прусскаго Вильгельма IV — друга Гумбольдта, Варнгагена, Рауха, Араго и др. Здѣсь лежали и тѣ астрономическія снарицы, которыми онъ измѣрялъ земной шаръ.

Въ 3-й комнатѣ Гумбольдтъ обыкновенно принималъ своихъ гостей. Она служила ему и кабинетомъ. Въ немъ онъ писалъ свои бессмертныя творенія, сидя на дубовой табуреткѣ, стоящей еще теперь на томъ-же мѣстѣ, у окна. Тутъ и зеленый кожаный диванъ, на которомъ онъ такъ часто бесѣдовалъ съ посѣщавшими его изъ всѣхъ странъ свѣта. Посреди комнаты стоитъ небольшой столикъ съ разными портфелями, книгами, письменнымъ приборомъ и т. д. Множество картинъ развѣшено по стѣнамъ. Меня болѣе всѣхъ привлекъ превосходный портретъ самого Гумбольдта, въ натуральную величину, писанный годъ тому назадъ пивъетнымъ профес. Шрадеромъ. Зейфертъ мнѣ замѣтилъ, что, смотря на него въ известномъ разстоянн, я могу себѣ вообразить живаго Гумбольдта — такъ вѣрно и живо онъ написанъ. И я вполнѣ могъ убѣдиться въ истинѣ его словъ. Считаю не безполезнымъ передать объ этой картинѣ слова самого Гумбольдта, тѣмъ болѣе, что они были сказаны за нѣсколько дней до его кончины, когда болѣзнь уже не позволила ему покидать постель. Онъ попросилъ Зейферта показать ему этотъ портретъ. Поглядѣвъ на него пристально минутъ пять, онъ сказалъ: «Nehmen Sie es weg; es erinbert mich zu sehr an meinen Tod.» (*) — «Это были послѣднія знаменательныя слова, которыя мнѣ сказалъ его превосходительство», прибавилъ Зейфертъ. Вообще про Гумбольдта онъ говоритъ всегда съ искреннимъ чувствомъ и большимъ уваженіемъ, и называя его обыкновенно не иначе, какъ Excellenz. Въ четвертой комнатѣ особенно интересныхъ предметовъ не заключалось, исключая колоссальнаго мраморнаго бюста А. фонъ-Гумбольдта, работы Давида д'Анжѣ. Разматривая столько замѣчательнаго и разговаривая съ Зейфертомъ, я не замѣтилъ какъ прошло часа три. Зейфертъ показывалъ мнѣ и находившіяся тамъ книги на Русскомъ языкѣ, и часто просилъ меня перевести ему заглавіе той или другой изъ нихъ. Конечно, не только Русскіе ученые, но ученые и писатели всего образованнаго міра считали за счастье переслать свои сочиненія великому Гумбольдту. Библіотека его представляетъ огромнѣйшее собраніе многихъ рѣдкихъ и драгоценныхъ твореній по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Но преимущественно она богата сочиненіями по естественной исторіи. Многія изъ нихъ сохраняютъ на своихъ страницахъ безпрерывный рядъ замѣтокъ.

(*) Возьмите его прочь — онъ слишкомъ живо мнѣ напоминаетъ мою смерть.

писанныхъ собственною рукою Гумбольдта. Вся эта библіотека и большая часть картинъ, бюстъ и др. вещи достались по завѣщанію Зейферту. Онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ продать всю драгоценную библіотеку и прочіе предметы за 50 т. талеровъ. Кто понимаетъ значеніе библіотеки А. фонъ-Гумбольдта, тотъ, конечно, сочтетъ эту цѣну за весьма-умѣренную. Къ-сожалѣнію, она не сдѣлалась общественнымъ достояніемъ Берлина и не могла такимъ образомъ остаться здѣсь живымъ памятникомъ великаго челоуѣка. До-этихъ-поръ еще, сколько мнѣ извѣстно, она не куплена, но вѣроятно вскорѣ будетъ приобретена Соединенными Штатами, гдѣ всегда питали къ Гумбольдту большое сочувствіе. По приглашенію Зейферта, я поѣхалъ съ нимъ на другой день въ Тегель, родовое имѣніе умершаго Гумбольдтова брата, министра Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Находящійся тутъ замокъ, оригинальной архитектуры, видѣется уже издали. Большая липовая аллея ведетъ до самаго парка, въ которомъ семейное кладбище, съ могилами Вильгельма фонъ-Гумбольдта, его семейства, а теперь и Александра фонъ-Гумбольдта. Между кустовъ и деревьевъ тѣнистаго парка ведетъ изъ этой аллеи дорожка прямо къ могиламъ. На небольшой четырехугольной, продолговатой полянкѣ, огражденной желѣзною рѣшеткой, находится это знаменитое кладбище. На одномъ его концѣ высоко подымается гранитная колонна съ бѣлоснѣжною статуей «Надежда» (Spes), казанія извѣстнаго Торвальдсена. На этой полянкѣ видѣются нѣсколько могилъ. Но направо отъ колонны двѣ могилы, одна подлѣ другой, поросшія ползучимъ густымъ плющемъ. Одна изъ нихъ, ближайшая въ колоннѣ, могила Вильгельма фонъ-Гумбольдта, другая, недавно-усопшаго, Александра фонъ-Гумбольдта. Кругомъ рѣшетки гряды съ прелестнѣйшими цвѣтами; по угламъ — вѣчно-зеленые кипарисы. Кругомъ кладбища растутъ густыя ели и темною зеленью своихъ вѣтвей довршаютъ достойнымъ образомъ впечатлѣніе всего мѣста. Посреди тѣнистаго парка и благоуханія цвѣтовъ, вдали отъ городского шума и вѣчныхъ заботъ, покоится великій естествоиспытатель. Лучшей могилы нельзя было найти для него. Къ этой могилѣ, какъ богомольцы къ святынь, странствуютъ каждый день многіе и многіе изъ почитателей безсмертнаго Гумбольдта и съ обновленною и укрѣпленною силою возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ...

Ал. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ. (Моск. Вид.)

ПОСѢЩЕНІЕ ШАМИЛЕМЪ КАЛУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ. — Корреспондентъ С. Петерб. вѣд. сообщаетъ между прочимъ изъ Калуги слѣдующее: «Шамиль посѣтилъ губернскую гимназію; въ физическомъ кабинетѣ было произведено нѣсколько опытовъ съ электрическою машиною и воздушнымъ насосомъ. Опытъ надъ птичкою, которую посадили подъ колоколь и потомъ вытянули изъ него воздухъ, возбудилъ въ гораѣ живѣйшее любопытство. Еще съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ онъ магнитъ и электро-магнитъ, и самъ испытывалъ ихъ свойства. Сферическое вогнутое зеркало поразило его; увидѣвъ въ немъ свое лицо въ увеличенномъ размѣрѣ, онъ не могъ удержаться отъ хохота. Изъ кабинета повели его въ классы, гдѣ происходило ученіе. При входѣ въ первый классъ, наполненный мальчиками, физиономія имама приняла то добродушное выраженіе, съ которымъ онъ всегда встрѣчаетъ дѣтей. Въ классѣ происходилъ тогда урокъ Русскаго языка; узнавъ о томъ, Шамиль выразилъ удивленіе, что Русскіе учатся своему родному языку; но когда ему объяснили, что знать языкъ по рутинѣ и по правиламъ — двѣ вещи разныя, онъ понялъ и вполнѣ согласился. Имамъ очень любитъ разсматривать духовныя картины, въ особенности же изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Углубляясь въ созерцаніе этихъ картинъ, о которыхъ онъ отзывается съ благоговѣніемъ, Шамиль погружается въ задумчивость и лицо его принимаетъ необыкновенно-кроткое, привлекательное выраженіе. То-же случается и при встрѣчѣ его съ дѣтьми. При одномъ взглядѣ на ребенка, серьезная физиономія имама мгновенно принимаетъ самое пріятное выраженіе, и онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не выразить чѣмъ-либо своей ласки.»

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1860 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства: 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и искусства. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогикки, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаній; путешествія ученые или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда-же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну *часть*, а четыре *части* — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна экз. Журнала: въ С. Петербургѣ — 12 рублей сер., а съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ — въ редакціи Журнала и у всѣхъ книгопродавцевъ; отъ жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства по минист. нар. проsv. за сентябрь 1859 года:	
Высочайшія повелѣнія	9
Министерскія распоряженія	15

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Идея. (Окончаніе). П. Д. ЮРКЕВИЧА	87
Педагогическія наблюденія надъ практическою методою преподаванія Русскаго языка и критическій взглядъ на нее. А. Е. ДСВЕРГОВСКАГО. . .	126

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Обзоръ большахъ библіотекъ Европы въ началѣ 1859 года. В. К. СОБОЛЬ- ЩИКОВА. (Окончаніе).	53
--	----

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

Начала политической экономіи. Соч. Ивана Горлова. (рец. Д. М.).	73
Воспоминанія поклонника святаго Гроба. (рец. И. И. БЕРЕЗИНА).	113

б) Обзорѣніе газетъ и журналовъ:

Обзорѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за вторую треть 1859 года:	
I. Богословіе. II. Философія. III. Педагогика. IV. Правовѣдѣніе. V. По- литическія науки. VI. Географія, этнографія и путешествія.	125

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

I. <i>Новости естественныхъ наукъ</i> : Сохраненіе вида въ низшихъ отдѣлахъ животнаго царства. В. Н. СТРАХОВА. — Органы, отдѣляющіе смолу. Д. С. МИХАЙЛОВА	51
II. <i>Разныя извѣстія</i> : Новый уставъ Императорской академіи худо- жествъ. — Данныя изъ отчета по министерству юстиціи. — Медико- хирургическая академія въ Варшавѣ. — Засѣданіе Императорскаго археологическаго Общества. — Освященіе дома Тверской гимназіи. — Воскресныя школы въ Кіевѣ. — О пожертвованіи почетнаго члена Императорскаго Харьковскаго университета Донецъ-Захаржев- скаго. — Въ воспоминаніе лейбъ-медика П. О. Арендта. — Приглашеніе къ участию въ обществѣ естествоиспытателей и путешествій въ па- мять А. фонъ-Гумбольдта. — Извѣстіе о Франклинѣ. — Приглашеніе Рус- скихъ духовныхъ писателей къ пожертвованію своихъ произведеній въ даръ библіотекъ Авинскаго университета. — Андрей Кондратьевичъ Бабичевъ. — Жилище и могила А. фонъ-Гумбольдта. — Посѣщеніе Шамилемъ Калужской гимназіи.	80